В. М. Плоских

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

ФРУНЗЕ 1977

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. М. Плоских

киргизы и кокандское ханство

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1977

В книге исследуются вопросы взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII—70-х годах XIX в. На базе архивных, литературных, этнографических и археологических материалов анализируются политические факторы и экономические связи, социальная структура и формы эксплуатации трудящихся, характер и движущие силы восстаний. Автор приходит к выводу об исторической общности судеб киргизского и узбекского народов даже в условиях ханского деспотического гнета, объединившихся в массовом народно-освободительном движении, которое привело к ослаблению и, в конечном итоге, падению Кокандского ханства и соединению с русским народом.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО Академии наук
Киргизской ССР

Ответственный редактор
д-р историч. наук *Н. А. Халфин*

Рецензенты:
д-р историч. наук *Х. З. Зияев*,
канд. историч. наук *В. А. Ромодин*,
д-р историч. наук *М. Я. Сушанло*

1—6—4

© Издательство «Илим» 1977 г.

ВВЕДЕНИЕ

Несколько более ста лет назад восстание, поднятое в горах сохскими киргизами, превратилось в мощное народно-освободительное движение, охватившее все Кокандское ханство. Династия минг пала. Ханство, отразившееся в памяти народа как время жесточайшего деспотизма и безудержного гнета, перестало существовать и было присоединено к России. Население южной Киргизии воссоединилось со своими северными собратьями, два десятилетия до этого добровольно принявшими российское подданство.

История Кокандского ханства и связанной с ним с середины XVIII до 70-х годов XIX вв. Киргизии является до сих пор еще сравнительно слабо разработанной темой среднеазиатской историографии. Несмотря на явные достижения киргизской советской исторической науки в последние годы[1], многие проблемы истории Киргизии нуждаются еще в серьезной разработке, уточнении и критическом переосмысливании отдельных положений. Прозвучавший с трибуны XVI съезда Компартии Киргизии (январь 1976 г.) призыв усилить внимание развитию общественных наук в республике, которые пока не отвечают требованиям современности[2], в должной мере относится и к представителям исторической науки Киргизстана.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.), решения XXIV и XXV съездов КПСС нацелили внимание ученых на дальнейшее расширение и углубление исследований в области истории, изучения всего многообразия исторического процесса, важнейших проблем отечественной и всемирной истории, призвали к бескомпромиссной идеологической борьбе с буржуазными фальсификаторами, маоистскими извращениями исторического прошлого.

Путь познания исторического прошлого Киргизии, равно как и других государств и народов Средней Азии, был нелегким. Он связан с кропотливым собиранием материалов, шел через дискуссии и преодоление ошибок, вызванных отсутствием собственно киргизских исторических источников и малой

[1] См.: *К. К. Каракеев.* Киргизия, стр. 414—422; *Г. Ф. Дахшлейгер.* Проблемы развития, стр. 3—15.
Везде библиографические ссылки для краткости даны усеченно. В полном виде они представлены в конце книги. См. список использованных литературы и источников.
[2] *Т. У. Усубалиев.* Отчетный доклад, стр. 41.

общей источниковедческой базой. Но советские ученые, опираясь на научные основы марксистско-ленинской методологии, исторического материализма, критически переосмысливая сохранившиеся материалы, уже с 20-х годов XX века приступили к созданию подлинно научного полотна исторического прошлого Киргизстана.

В постановлениях и решениях партии, посвященных или затрагивающих направления исторических исследований, в последние годы строгой объективной критике были подвергнуты отдельные работы, в которых допускалось отклонение от марксистско-ленинских положений. На собрании республиканского партийного актива во Фрунзе (1972 г.), а также на страницах республиканской печати критиковались имевшие место ошибочные утверждения, свидетельствующие о неклассовом подходе к оценке исторических событий, о попытках идеализации прошлого. Ученые-обществоведы, и в частности историки, были призваны, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, научно, объективно освещать историю нашего многонационального государства, бороться со всевозможными извращениями и попытками неклассового подхода в оценке исторического пути, пройденного советскими народами[3].

Всесоюзное совещание историков, посвященное актуальным проблемам общественных наук на современном этапе (Москва, март 1973 г.), подчеркнуло настоятельную необходимость дальнейшего повышения идейно-теоретического уровня научных трудов, строгого соблюдения классового, партийного подхода к оценке исторических явлений. Совещание проявило тревогу по поводу недостатков и ошибок в ряде работ, в том числе и таких, где нашли проявление националистические тенденции, преувеличенная оценка и общая идеализация отдельных личностей прошлого. На совещании и в печати были подвергнуты критике имевшие место в отдельных публикациях ошибки методологического характера, отступление от принципа партийности, отход от марксистско-ленинской концепции исторического процесса[4].

Партийными организациями, научной общественностью были приняты меры по исправлению ошибок, устранению недостатков. Сделаны соответствующие выводы и проведена большая работа по повышению идейно-теоретического уровня публикаций, по усилению интернационального воспитания, что способствовало укреплению дружбы и братского сотрудничества советских народов.

3 См.: *Т. У. Усубалиев.* Интернациональное воспитание, стр. 59—60.
4 «Правда», 1973, 29 марта.

Подводя итоги идейно-воспитательной работы партии, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду особо подчеркнул: «Сегодня мы можем с удовлетворением отметить, что из этого сделаны правильные выводы. Партийные организации повели работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся более инициативно и широко. Изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину. Все это нашло глубокое понимание и поддержку трудящихся, положительно повлияло на дальнейшее укрепление дружбы и братства народов нашей страны»[5] (разрядка наша. — *В. П.*).

Знание истории содействует более глубокому пониманию тенденции современности. Обращение к прошлому позволяет глубже осознать и почувствовать все величие преобразующей советской действительности, свидетелями и современниками которой мы являемся.

Актуальность темы предлагаемого исследования представляется в раскрытии истоков глубоких корней дружбы и классовой солидарности народов нашей страны. Тема вытекает из рекомендаций Всесоюзного совещания историков 1962 г., призвавшего «усилить внимание к изучению исторических связей народов Советского Союза, ныне спаянных узами нерушимой дружбы и братства»[6]. Ее актуальность определяется и требованиями к исторической науке, выдвинутыми XXV съездом КПСС и XVI съездом Компартии Киргизии. Таким образом формируется и одна из основных задач исследования: через историю взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства выявление вопроса об истоках дружбы и классовой солидарности трудящихся киргизов и узбеков, приведших к совместному выступлению против ханского деспотического гнета и низвержению ханской правящей династии. Политика ханов, феодалов, манапов-родоправителей была направлена на разъединение народов и усиление эксплуатации. Но хозяйственные контакты и взаимообмен производимыми продуктами, стихийный, неорганизованный протест и открытые восстания, совместное выступление трудящихся в борьбе против ханско-феодального гнета способствовали установлению взаимопонимания и сотрудничества различных народов и этнических групп, объединению угнетенных в общей борьбе против всех

5 *Л. И. Брежнев.* Отчет Центрального Комитета, стр. 92—93.
6 Рекомендации Всесоюзного совещания, стр. 70.

видов эксплуатации: исходила ли она от ханов и их чиновников, или от «своих» феодалов — бай-манапов.

Автор настоящей работы ставит цель: путем привлечения широкого круга источников более глубоко и всесторонне, чем это было сделано до сих пор, исследовать вопросы, связанные с киргизско-кокандскими взаимоотношениями с середины XVIII и до конца 70-х годов XIX в., особенности политики кокандских ханов на временно завоеванных киргизских землях в тесной связи с внутренним положением Киргизии. Киргизско-кокандские отношения рассматриваются в аспектах взаимосближения народных масс в процессе трудового сотрудничества, политического и налогового гнета ханов и киргизских феодалов, народно-освободительной борьбы трудящихся.

Более столетия находясь в тесных хозяйственных и политических взаимоотношениях — то в качестве равноправных соседей, то в зависимости от Кокандского ханства, — киргизский народ испытывал на себе благотворное влияние узбекских тружеников — мастеров ирригационной системы земледелия, гончарного и ремесленного производства. Обмен и торговые контакты между земледельцами-узбеками и скотоводами-киргизами способствовали в определенной степени выравниванию хозяйственного баланса обоих народов. Попав в политическую зависимость от Кокандского ханства, киргизский народ оказался под деспотическим гнетом ханской администрации, т. е. попал под двойной гнет—«своих» и кокандских феодалов. Но такое положение вело к классовой солидарности трудящихся на интернациональной основе, к организации совместного отпора узбекских и киргизских трудящихся всем формам эксплуатации, к совместным выступлениям и восстаниям против ханского насилия.

Основное внимание в работе уделяется вопросам, ранее слабо освещенным в киргизской историографии, а именно: борьбе киргизов против агрессивной завоевательной политики ханов; территориально-административному устройству Киргизии в системе ханства; строительству и значению кокандских крепостей; роли киргизских феодалов в политической жизни ханства; влиянию кокандских аграрных отношений на формы землевладения и землепользования у киргизов; влиянию хозяйственной деятельности узбекского и таджикского населения на развитие земледелия у киргизов, социальной структуры киргизского общества; вопросам форм эксплуатации, народно-освободительной и классовой борьбы киргизского народа против угнетателей. В основе исследования лежит стремление всесторонне раскрыть исторические корни общности и дружеских взаимоотношений между узбекским, таджикским

и киргизским народами, которые, вопреки деспотической политике ханов, способствовали объединению, а не разобщенности народов.

В связи с историей возвышения Кокандского ханства и взаимоотношений его с киргизами в работе пришлось уделить некоторое внимание попытке вмешательства в киргизско-кокандские дела цинского Китая, а также остановиться на участии Коканда в событиях Восточного Туркестана, в освободительной борьбе местного уйгурского населения против засилия маньчжурских завоевателей. Эти вопросы научно актуальны еще и в том плане, что в результате названных событий второй половины XVIII — первой трети XIX в. твердо определилась разграничительная линия между Кокандским ханством (и Киргизией как его составной частью), с одной стороны, и Восточным Туркестаном (как новой имперской провинцией Китая — Синьцзяном) — с другой.

Исследование киргизско-кокандских взаимоотношений представляет интерес на фоне и при сравнении с последующим, более ускоренным развитием Киргизстана уже в составе России.

Советской историографией опровергнуты фальсификации зарубежных «советологов» и убедительно раскрыт прогрессивный характер вхождения народов Средней Азии в состав России. В то же время с классовых позиций в соответствии с ленинским положением о «двух Россиях» вскрыта колонизаторская сущность политики царизма. С таких позиций выделяется прогрессивный фактор присоединения Средней Азии и Казахстана к России, показывающий исторические истоки дружбы народов и социальные причины сближения местных народов региона с русским народом[7].

Поставленные вопросы исследуются с использованием достижений советской историографии, на базе привлечения новых источников, при критическом осмысливании материалов.

Методологической основой исследования служат труды классиков марксизма-ленинизма, имеющие ключевое значение для понимания общеисторического процесса развития и специфических черт общественно-экономических отношений в странах Востока.

При этом можно выделить три главных направления в трудах классиков марксизма-ленинизма, которые важны в качестве методологических в предлагаемом исследовании: во-первых, востоковедческие мотивы; во-вторых, разработка уче-

7 *Г. Ф. Дахшлейгер.* Проблемы развития, стр. 10—11.

ния о докапиталистических формациях; в-третьих, оценка роли России в истории стран Востока.

1. Впервые к разработке проблем истории Востока К. Маркс серьезно приступил в 1857 г., хотя востоковедческие интересы его наметились еще ранее[8]. В постановке вопросов и ответах на них К. Маркс в основном опирался на конкретный материал по истории Индии XIX в., рассматривая ее как своеобразный эталон с характерными для всего Востока признаками политического и социально-экономического развития. Могольская империя, основанная в XVI в. выходцем из Ферганы Бабуром, вплоть до английской колонизации сохраняла черты, присущие большинству мусульманских держав Азии. По аналогичному образцу был устроен Бухарский эмират и создано Кокандское ханство Средней Азии. Понятно, что при таком положении методологические замечания К. Маркса, относившиеся к Индии, в полной мере могут быть учтены при исследовании истории соседних азиатских государств, в том числе и Кокандского ханства, государств определенных классиками марксизма-ленинизма как *восточные деспотии.*

Говоря о формах государственной власти в странах, где общины представляли основу общественной жизни, Ф. Энгельс в рукописи «Франкский период», в частности, подчеркивал, что там, где «еще не образовалась частная собственность на землю, — там государственная власть появляется в форме деспотизма»[9]. «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России», — уточнял Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»[10]. Кокандское ханство находилось между этими двумя странами и на него в полной мере распространялось высказанное положение Ф. Энгельса, подтверждаемое всем комплексом ниже приводимых материалов. Характеризуя азиатский деспотизм, В. И. Ленин писал: «Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»[11].

Социально-экономическая структура Киргизстана с древности вплоть до XIX в. представляла собой замкнутую систему кочевых и земледельческих общин, объединенных преимущественно по родо-племенному признаку. В связи с этим достаточно привести слова К. Маркса в отношении Индии, чтобы обосновать закономерность параллелей: «Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX века»[12].

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на страны Востока с течением времени, по мере развития историографии и появления новых фактов, эволюционизировали, развивались[13], но не претерпели существенных изменений. Дальнейшее накопление фактических материалов и достижения советской исторической науки только подтвердили правильность основных марксистско-ленинских методологических положений, которые не могли и не могут поколебать многочисленные фальсификации буржуазных авторов.

2. Теоретическая разработка проблем докапиталистических способов производства впервые была серьезно начата К. Марксом в экономических рукописях 1857—1858 годов. В черновых набросках одной из глав к «Критике политической экономии», известной под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству», К. Маркс впервые с позиций исторического материализма ставит вопросы сущности докапиталистических формаций. И хотя во многом эти вопросы решаются также на материалах истории Востока, они имеют общеисторическое значение, получили дальнейшее развитие в «Капитале» К. Маркса и нашли свое законченное оформление в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Определяющей чертой способа производства в докапиталистических азиатских странах К. Маркс считал наличие общины. Характеристику индийской общины, которая составляла фундамент восточной деспотии, основные ее черты К. Маркс приводит первоначально в статье «Британское владычество в Индии» и позже развивает в «Капитале». Патриархальная связь земледелия и ремесла, необходимость общественных работ, главным образом по созданию и поддержанию ороситель-

[8] По этому вопросу создано уже довольно значительное число работ, особенно пополнившихся в ходе дискуссии 60-х годов «Об азиатском способе производства». Наиболее полный обзор востоковедческих сюжетов в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса и библиография вопроса даны в работах Н. Б. Тер-Акопяна (1965), М. А. Виткина (1972) и В. Н. Никифорова (1975 г.).

[9] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 497.

[10] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 186.

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 266—267.

[12] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 133.

[13] См.: *В. Н. Никифоров.* Восток, стр. 113—149.

ных систем, указывал К. Маркс, «вызвали к жизни с самых давних времен своеобразную социальную систему, так называемую *систему сельских общин,* которая придавала каждому из этих маленьких союзов независимый характер и обрекала его на обособленное существование»[14]. Об этом же самом писал и Ф. Энгельс, подчеркивая, что «сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии»[15].

Высказывания классиков марксизма-ленинизма о земельной общине у оседлых восточных народов способствуют и правильному пониманию роли пастбищно-кочевой общины кочевников и взаимоотношению между земледельческим и скотоводческим населением, ибо «у всех восточных племен, — писал К. Маркс, — можно проследить... *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[16].

Основной отличительной и характерной особенностью докапиталистических производственных отношений в Азии, по Марксу и Энгельсу, являлось отсутствие здесь частной земельной собственности: «...в основе всех явлений на Востоке, — отвечает К. Маркс на вопрос Ф. Энгельса в одном из писем, — ...лежит *отсутствие частной собственности на землю*»[17]. Это же положение повторил и В. И. Ленин в конспекте переписки К. Маркса и Ф. Энгельса[18].

В то же время, говоря о восточной «системе сельских общин», в которой коллективная собственность разрослась до государственных масштабов и в результате приобрела иерархическую структуру, К. Маркс подчеркивал, что «ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что, как в большинстве *азиатских* форм, *объединяющее единое начало,* стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник,* в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы»[19]. Но владелец, как и пользователь, уже обладает какой-то частью, вариацией собственности, условной, или ограниченной, но с элементами частной собственности.

Таким образом, высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об отсутствии частной собственности на землю в государствах Востока нельзя упрощать и абсолютизировать. Последние исследования, особенно советских историков, социально-экономической жизни стран Востока в древние и средневековые времена доказали правильность общей концепции К. Маркса и Ф. Энгельса об отношениях собственности в странах Азии. Здесь было безусловным верховное право государства на все земли, отчуждение земельных участков было определенным образом обусловлено различными ограничительными мерами, в результате отчуждения продавалось и передавалось в другие руки не столько право собственности, сколько право владения. Отчуждая землю, владелец фактически оставлял вместо себя другое лицо, принимавшее все обязательства предшественника, связанные с выполнением налоговых и других функций.

Мы остановились на разборе марксистских положений о частной и государственной формах земельной собственности в странах Азии потому, что этот вопрос до сих пор еще дискутируется в литературе, не решен он и в киргизской историографии в отношении периода XVIII—XIX вв.

Кокандское ханство, в основе аграрных отношений которого был заложен общемусульманский принцип государственной собственности на землю, распространяло это положение и на все завоеванные территории. В какой степени оно было воспринято киргизами и действительно ли исключало частную земельную собственность и все вытекающие отсюда последствия, попытаемся рассмотреть ниже.

Вопрос о формах собственности на землю является определяющим также при характеристике общественного строя, способа производства. На первых этапах своих исследований К. Маркс был склонен ответить отрицательно на вопрос о феодализме в странах Азии, в частности, в Индии до европейской колонизации. В связи с этим им употреблялся и термин «азиатский способ производства», вызвавший две большие дискуссии в марксистской литературе — в 30-х и 60-х годах[20].

14 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 134.
15 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 424.
16 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 214.
17 Там же, стр. 215.
18 *В. И. Ленин.* Конспект, стр. 278.
19 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. 1, стр. 463.

20 Дискуссии имеют обширную библиографию: Об азиатском способе производства. «Заккнига», 1930; Дискуссия об азиатском способе производства. М.—Л., 1931; *Г. Дубровский.* К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; *Е. Варга.* Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1965; *Н. Б. Тер-Акопян.* Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 2—3; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; *Ю. В. Качановский.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; *В. Н. Никифоров.* Восток и Всемирная история. М., 1975; и др.

Дискуссии, отрицательно ответившие на вопрос об «азиатском способе производства» как особой общественно-экономической формации, имели ту огромную положительную сторону, что обратили внимание исследователей на конкретную историю отдельных стран Азии, на необходимость выявления общезакономерного исторического процесса и специфических особенностей развития этих стран. Вопросы, поднятые в дискуссии, позволяют во многом точнее подойти к определению характера общественных отношений в среднеазиатских ханствах XVIII—XIX вв., а также к рассмотрению ряда сюжетов из истории киргизско-кокандских взаимоотношений.

В 70—80-х годах, после выхода в свет первого тома «Капитала», К. Маркс уже не употребляет термин «азиатский способ производства». Конспектируя книгу М. М. Ковалевского «Общинное землевладение...», он подходит к факту признания частной земельной собственности, наряду с коллективной, общинной, в странах Востока и видит, например, в средневековой Индии незавершенный процесс феодализации[21]. Так, в своем конспекте К. Маркс подчеркивал, что к концу империи Моголов те явления, которые М. М. Ковалевский относит к феодальным, имели место лишь в отдельных округах[22]. Это свидетельствует о подлинно научном, творческом подходе К. Маркса к изучению истории, критическом восприятии им всего нового материала. На основании проведенных тщательных исследований В. Н. Никифоров приходит к выводу: представление об особом развитии Востока, утвердившееся в науке XVII—XVIII вв., было преодолено К. Марксом и Ф. Энгельсом, к выводам которых присоединяется В. И. Ленин[23].

В последние годы и ученые зарубежных капиталистических стран все чаще обращаются к марксизму как к методологическому ключу для решения социально-экономических проблем исторического процесса, исходя из формационного развития общества. Так, в частности, канадский ученый Х. Р. Г. Райт на V Международном конгрессе экономической истории (Ленинград, 1970 г.), сам не будучи марксистом, исходя из марксистской методологии, пришел к заключению о наличии в докапиталистических странах Азии различных форм земельной собственности, которые «могут существовать, трансформироваться, разрушаться и возникать вновь». Райт на примере Индии выделил частную и государственную собственность, осуществляемую «в большом масштабе», а также общинную собственность, основывающуюся как на собственном труде производителя, так и на эксплуатации[24].

21 См.: *В. Н. Никифоров.* Восток, стр. 138.
22 «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 13.
23 *В. Н. Никифоров.* Восток, стр. 277.

Конкретные исследования советских историков на многочисленных фактических материалах истории Индии, Китая, Средней Азии полностью опровергли представление о Востоке как специфическом регионе. Убедительную доказательность получила марксистско-ленинская концепция исторического развития и общественно-экономических формаций в странах Азии. В эту же схему полностью вписывается история Средней Азии и как составных ее частей история Кокандского ханства и Киргизии.

В рассматриваемый период в Кокандском ханстве феодализм выступал в форме деспотического правления. Централизация Кокандского ханства, временное завоевание им Киргизии позволили ему еще в больших масштабах, нежели ранее, говоря словами К. Маркса, «посредством насилия охранять условия существования и господства правящего класса против класса угнетенного»[25]. Но феодальные отношения в сильной степени переплетались с патриархальными напластованиями, что в итоге позволяет классифицировать общественно-экономические отношения в Киргизии как патриархально-феодальные[26]. Специфическая цель труда при этом, как и в целом в докапиталистических обществах, по характеристике К. Маркса, определялась в производстве потребительской стоимости[27].

В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом неоднократно указывал на былую отсталость Азии в социально-экономическом развитии. Конспектируя переписку К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин резюмировал их размышления о застойности Востока: «Азиатские деревни замкнутые, самодовлеющие (натуральное хозяйство), база азиатских порядков + public works[28] центрального правительства»[29].

24 *Х. Р. Г. Райт.* Докапиталистические формы собственности, стр. 2—3.
25 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 152.
26 «Это по своей сущности те же феодальные отношения, развивающиеся под воздействием общей закономерности феодального способа производства, но еще не успевшие полностью освободиться от патриархально-родовой оболочки, переплетавшиеся с пережитками дофеодальных отношений, главным образом проявляющихся в системе общественной организации и формах эксплуатации трудящихся местной знатью». — История Киргизской ССР, т. 1, гл. VII, § 3 (авторы: В. Плоских и К. Усенбаев), стр. 275.
27 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. 1, стр. 486.
28 Общественные работы. — Прим. ред. конспекта.
29 *В. И. Ленин.* Конспект, стр. 282.

При разработке программы партии по аграрному вопросу В. И. Ленин прямо отмечал наличие и в России отдельных черт «азиатских» отношений, тормозивших капиталистическое развитие. «Без „чистки" средневековых поземельных отношений и распорядков, частью феодальных, частью азиатских, — писал В. И. Ленин, — не может произойти буржуазный переворот в земледелии»[30]. X съезд партии, которым руководил В. И. Ленин, обратил особое внимание на сохранение у ряда народностей России, в том числе Туркестана и Киргизии, скотоводческого хозяйства и патриархально-родового быта[31]. Что же понимал В. И. Ленин под термином «патриархальный»? На это есть прямой ответ: «...патриархальное хозяйство, — уточнял он в одной из работ, — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»[32].

Туркестан в целом (как, в частности и Киргизия) находился на докапиталистической стадии развития вплоть до социалистических преобразований, что было отмечено В. И. Лениным в речи на Втором конгрессе Коминтерна[33] и повторено в дальнейшем[34]. Царизм не сумел, да и не желал существенным образом изменить общественно-экономический строй среднеазиатских народов — узбеков, киргизов, таджиков, казахов и др. Тем не менее, сам акт соединения исторических судеб народов Средней Азии с русским народом имел огромное прогрессивное значение, непреходящие прогрессивные последствия.

3. Труды классиков марксизма дают ключ и для правильного определения места и роли России в истории Средней Азии. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали прогрессивное значение России для будущего стран Востока. Они прекрасно знали историю России, изучали труды и официальные материалы по внутри- и внешнеполитическому положению страны, поддерживали письменные и личные контакты с революционными деятелями России. Для этих целей К. Маркс и Ф. Энгельс специально изучили русский язык. Ф. Энгельс в свое время писал о К. Марксе: «...я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутреннее и внешнее положение»[35]. Бичуя царизм и российское самодержавное крепостничество, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на необратимый процесс развития капитализма в России, ломку там

30 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 254.
31 КПСС в резолюциях, изд. 8-е, т. 2, стр. 252.
32 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158—159;
33 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244—245.
34 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 221—222.
35 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 446.

феодально-крепостнических отношений, нарастание революционной борьбы. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу в 1851 г. отмечал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»[36]. Четверть века спустя, в сентябре 1877 г. (Кокандское ханство только что присоединено к России), К. Маркс в письме к Ф. А. Зорге подчеркивает, что Россия «давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели». «Революция, — заключает он, — начнется на этот раз на Востоке...»[37].

Российская империя была более развитой по сравнению со среднеазиатскими ханствами и сопредельными с ними странами Востока. Здесь развертывалась мощная волна народно-освободительной и революционной борьбы, в которую были вовлечены также узбекские и киргизские трудящиеся. И это явилось поворотным пунктом в истории местных народов, наложившим свой отпечаток на весь последующий ход истории ранее забитых народов к социальному прогрессу, экономическому и культурному расцвету.

Таким образом, указания классиков марксизма-ленинизма служат той методологической базой, на которой могут быть развернуты конкретные исследования по истории отдельных государств и народов Средней Азии, в том числе по истории киргизско-кокандских взаимоотношений в прошлом столетии.

Изложенные соображения позволяют нам непосредственно перейти к теме исследования. При этом автор считает своим приятным долгом выразить признательность сотрудникам сектора истории нового времени и членам ученого Совета Института истории АН Киргизской ССР, отдела общих проблем Института истории СССР АН СССР, а также Б. П. Гуревичу, Т. А. Жданко, Б. М. Зима, Х. З. Зияеву, Б. Х. Кармышевой, В. А. Ромодину, М. Я. Сушанло, Н. А. Халфину, К. К. Юдахину, всем читавшим рукопись и консультировавшим по отдельным вопросам, своей критикой, замечаниями и дополнениями способствовавшим подготовке настоящей книги.

36 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 241.
37 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 229, 230.

1 ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Историография

Несмотря на сравнительно слабую разработанность, тема взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства затрагивалась во многих работах и публикация отдельных вопросов ее ведет свое начало с середины XVIII в. Своеобразную роль «лоцмана» здесь выполняют библиографические издания, значение которых нередко недооценивается. Замечательным справочником опубликованной литературы с 1750 по 1936 г. служат аннотированные библиографии по истории Киргизии З. Л. Амитина-Шапиро[1]. Составителем наиболее полно зафиксированы даже незначительные печатные заметки редких периодических изданий, в которых хотя бы вскользь затронуты вопросы истории киргизов, в том числе в связи с Кокандским ханством.

Дополнительную библиографическую информацию дают указатели по истории Казахстана[2], указатель литературы по истории Средней Азии известного библиографа, одного из основателей и собирателей знаменитого «Туркестанского сборника» В. И Межова[3], историографические и биобиблиографические очерки Б. В. Лунина[4].

Б. В. Луниным скрупулезно собраны многочисленные сведения о научном наследии дореволюционных востоковедов и туркестанских краеведов, в том числе и тех, кто внес определенный вклад в изучение Кокандского ханства. В частности, библиографические заметки и характеристика работ В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Веселовского, А. А. Диваева, А. Л. Куна, В. П. Наливкина и других позволяют исследователям не только увереннее ориентироваться в литературном наследии дореволюционных авторов, по достоинству оценить их вклад в востоковедение, но и шире использовать рукописные и документальные материалы, относящиеся к отдельным периодам истории Кокандского ханства и Киргизии.

1 *З. Л. Амитин-Шапиро.* Аннотированный указатель, 1958; *его же.* Библиография Киргизии, т. 1, 1963; т. 2, 1965.
2 Библиография по истории Казахстана, вып. 1, 1964.
3 В Отделе редких книг ГПБ им. А. Навои в Ташкенте.
4 *Б. В. Лунин.* Средняя Азия, 1965; *его же.* Историография, 1974, и др.

Известия в печати о связях киргизов с Кокандским владением появляются впервые в середине XVIII в. Начало им было положено исследованиями оренбургского краеведа, впоследствии члена-корреспондента Российской Академии наук Петра Ивановича Рычкова. Сначала в рукописи (1750 г.)[5], а затем повторив в книге «Топография Оренбургская», П. И. Рычков сообщает читателям о «сильном» и «кочевом» народе — алатай-киргизах, которые обитали «около городов Ходжента, Найматана и Марталана[6], в горах каменистых и неприступных»[7].

Первым российским путешественником, «странником поневоле», побывавшим в пределах Кокандского ханства и прошедшим по киргизской территории от Оша до Кашгара, был унтер-офицер Филипп Ефремов. Описывая свой маршрут «девятилетнего странствования», он сообщает о земледелии у киргизов, их меновой торговле с Кокандом, упоминает о их торгово-политических связях с Восточным Туркестаном, приводит расстояния от Оша до Маргелана (3 дня пути) и до Кашгара (13 дней). Ф. Ефремов еще говорит о независимости киргизов от Кокандского ханства, но подчеркивает, что г. Ош был ему уже «подвластен»[8].

Наиболее полный свод сведений XVIII в. о киргизах содержался в незаконченном сочинении сибирского инженера И. Г. Андреева «Описание Средней Орды...». Сам автор в Киргизии не был, но информацию черпал у казахских знатоков. Не исключено, что в 1784—1786 гг. он в Петропавловске и Омске встречался и с первыми киргизскими послами, направлявшимися в Санкт-Петербург[9]. Во всяком случае, многие замечания И. Г. Андреева свидетельствуют о хорошей осведомленности о положении северных киргизов. По его словам, киргизы граничили с казахскими «ордами», Кокандским владением и Китайским Туркестаном и в «рассуждении своей вольности» никому спуску не давали. Так, кокандский правитель Нарбута-бек, даже «усилившись весьма своими подданными», не считал их подвластными и «у себя в протекции» не имел. В целом это соответствовало действительности, хотя отдельные племена киргизов уже признавали власть Коканда,

5 *П. И. Рычков.* Краткие известия о татарах. Архив АН СССР, р. II, оп. 1, д. 126. Рукопись до сих пор полностью не опубликована.
6 Города Ферганской долины — Ходжент, Наманган и Маргелан.
7 *П. И. Рычков.* Краткие известия, л. 9; *его же.* Топография Оренбургская. ч. 1, стр. 133—134.
8 *Ф. Ефремов.* Странствование (изд. 3-е, 1811 г.), стр. 73, 103.
9 См.: *В. Плоских.* Первые киргизско-русские посольские связи, стр. 32—41; *его же.* У истоков, стр. 40—64.

что было известно Андрееву. В одном месте он пишет о перекочевке в 1785 г. киргизского племени сару с «родоначальником» Саит Батыром из пределов Восточного Туркестана, занятого цинами, «под протекцию куконского бека». «Хотя же китайцы, — писал Андреев, — сию волость и требовали назад», но фактически ничего «учинить не в силах»[10].

К концу XVIII в. относится и первый картографический чертеж «Кокандского владения» и территории «обитания каменных киргизцев». Он связан с ташкентской миссией Д. Телятникова (1796 г.) и составлен А. С. Безносиковым[11].

Из приведенного нами обзора следует, что исторические известия XVIII в.[12] о киргизах и Кокандском ханстве несут лишь информационную нагрузку, могут использоваться в качестве ценных источников. Но авторы этих сведений еще не могли подняться до их критического осмысливания, или построения в определенную систему. Поэтому к литературному наследию XVIII в., да за редким исключением и следующего, XIX столетия, нужен не столько историографический, сколько источниковедческий подход.

Дореволюционная историческая литература о киргизах и Кокандском ханстве связана в первую очередь с именами отечественных ученых и путешественников[13]. «Лекарь» Ф. К. Зибберштейн, посетивший в 1825 г. Иссык-Куль, сообщает о неудавшейся попытке кокандских послов склонить кочевавших там киргизов к подданству и дает их общую характеристику. И хотя записки впервые были опубликованы спустя сто с лишним лет М. П. Вяткиным[14], они задолго до этого в копийных списках были известны многим отдельным путешественникам и в должной мере сыграли свою информационную роль.

В 1836 г. в «Военном журнале» появляются «Записки» о Кокандском ханстве хорунжего Потанина, сопровождавшего из С.-Петербурга возвращавшихся кокандских послов[15]. Он

10 *И. Г. Андреев.* Описание Средней Орды, стр. 26—50.
11 *Ю. А. Соколов.* Начало военных действий, стр. 34, прим. 9; стр. 56; *Р. Л. Югай.* Путешествие, стр. 66—77.
12 Подробнее — *В. Плоских.* Сведения о киргизах, стр. 74—81.
13 См.: Русские путешественники и исследователи о киргизах (авторский коллектив: В. Я. Галицкий, А. Ш. Абышкаев, В. М. Плоских, Д. О. Айтмамбетов; под ред. Б. В. Лунина).
14 *(Ф. К. Зибберштейн).* Путевые записки, стр. 242—258, 249. В приложении давался дорожник караванных маршрутов, который не вошел в публикацию М. П. Вяткина. — ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 415.
15 В 1857 г. под влиянием обративших на себя внимание статей В. В. Вельяминова-Зернова «Записки» были опубликованы вторично П. Савельевым в «Вестнике РГО», кн. VI.

имел задание «описывать, по мере возможности, положение и свойство тех мест, через которые... надлежало проходить»[16], и добросовестно справился с обязанностями. В своем путевом дневнике Потанин отметил в качестве непокорного «владения» кочевья киргизов к востоку от Ташкента, где они никого «не допускают пользоваться богатствами земли своей, даже за плату»[17]. В 1841 г. при штабе Отдельного Сибирского корпуса «из разных материалов вновь проверенных и исправленных» составляются две примечательные записки о Кокандском ханстве, в которых получили отражение и отдельные сведения о киргизах[18].

В самом начале 50-х годов в «Записках РГО» появляется анонимная статья, которую вправе назвать первой энциклопедической справкой о киргизах[19]. В ней, в частности, сообщается не только о зависимости большинства киргизов от Кокандского ханства, но и о мощном антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 г.; приводятся сведения о происхождении и расселении киргизов, о хозяйстве, социальных и общественных отношениях. М. И. Венюков приписывал авторство статьи Воронину и Нифантьеву[20], что было воспринято и большинством последующих исследователей[21]. Однако обнаруженные нами архивные записки переводчика И. Бардашева[22], служившего в 50-х годах «при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой Орды», неоднократно путешествовавшего по Семиречью (самостоятельно, а также с П. П. Семеновым и Ч. Валихановым), сличение архивных материалов

16 *(Потанин).* Записки о Кокандском ханстве, стр. 256.
17 Там же, стр. 274.
18 «Взгляд на северную часть Кокандского ханства с присовокуплением сведений о сношении России с его владетелем и правителем Ташкени» и «Образование Кокандского ханства». — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254. Последняя записка опубликована позже, в 1949 г., в «Записках РГО», ч. XVIII, кн. III, стр. 176—216.
19 Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 140—153.
20 *М. И. Венюков.* Заилийский край, стр. 203; *его же.* Путешествия, стр. 153.
21 *З. Л. Амитин-Шапиро.* Аннотированный указатель, стр. 23.
22 Сведения о Дикокаменных Киргизах, собранные толмачом Бардашевым. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 1—25; Здесь же «Описание караванных путей, идущих с Заилийской долины в города Турпан и Кашгар», л. 26—33. Идентичная, в несколько сокращенном варианте рукопись (правда, без указания автора) под тем же названием — «Сведения о Дикокаменных Киргизах» — отложилась в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (2), л. 1—8. В ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 29, л. 19—35 (то же, ЦГА Каз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 14—37) обнаружено «Расспросное описание путей» Пишпек—Ташкент—Коканд—Наманган, составленное И. Бардашевым в 1859 г.

с другими публикациями Бардашева[23] дают основание утверждать, что составителем статьи «Сведения о дикокаменных киргизах» 1851 г. был И. Бардашев.

В середине 50-х годов появляется ряд работ о внутреннем положении и торговле Кокандского ханства, написанных В. В. Вельяминовым-Зерновым по материалам, собранным им «от очевидцев, добросовестных русских и азиатских купцов»[24]. «Ручаемся мы только за справедливость фактов, — подчеркивал автор, — они взяты из показаний таких лиц, которые вполне заслуживают доверия»[25].

В дальнейшем идет более успешное накопление материалов о Киргизии и Кокандском ханстве, появляются заметки, обзоры и описания путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, А. П. Федченко, Н. А. Северцова, А. Л. Куна и др.[26] Выявляются и собираются туркестанские исторические хроники.

Наконец, появляется первая специальная работа по истории Кокандского ханства, написанная ташкентским преподавателем «местных наречий» Владимиром Петровичем Наливкиным. Автор показывает политическую историю ханства, следуя за местными историческими повествованиями, привлекая отдельные ханские документы и народные предания. В книге нашло широкое отражение участие киргизов в политических событиях внутри ханства, многочисленных антикокандских

23 Правда, и здесь неверно обозначены его инициалы как Г. Бардашев (правильно — И. Бардашев. Г — сокращенно «господин»). См.: *И. Бардашев.* Сведения о дикокаменных киргизах. — ТВ, 1870, № 15. Статья перепечатана в 1873 г. в ежегоднике. — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II под заглавием «Заметки о дикокаменных киргизах» (стр. 384—390).

24 *В. В. Вельяминов- Зернов.* Исторические известия о Кокандском ханстве; *его же.* Сведения о Кокандском ханстве; *его же.* Торговое значение Кокандского ханства (рукоп.).
Б. В. Лунин ошибочно приписывает В. В. Вельяминову-Зернову и авторство вышеупомянутой анонимной статьи «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», опубликованной в III томе «Записок РГО» в 1849 г. (*Б. В. Лунин.* Историография, стр. 124). Однако В. В. Вельяминов-Зернов, только окончивший в 1850 г. лицей, в этом же году поступивший в Азиатский департамент и лишь на следующий год откомандированный в Оренбург, едва ли мог быть автором «Обозрения», составленного в 1841 году в Отдельном Сибирском корпусе, отложившегося в Военно-историческом архиве и опубликованном в 1849 г. (См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254).

25 *Б. В. Лунин.* Историография, стр. 123; *В. В. Вельяминов-Зернов.* Торговое значение (рукоп.), стр. 4.

26 Наиболее полный их обзор и значение для киргизской историографии даны в кн. «Русские путешественники и исследователи о киргизах». См. также: *В. Плоских.* Вклад русских исследователей.

восстаниях, а также роль киргизских феодалов в дворцовых переворотах и военных походах. Но, с другой стороны, В. П. Наливкин почти не уделяет внимания социально-экономическим вопросам, нередко путает киргизов, кыпчаков и узбеков. Киргизские феодалы такие, как Алымбек, Абдулла-бек, киргиз-кыпчакские — Алымкул и др.; отдельные киргизские роды в большинстве названы им собирательно — кыпчаками, киргизский род багыш — узбекским и т. д. Некритически следуя за нарративными источниками, часто не называя их, В. П. Наливкин отступал от требований, предъявляемых к научным исследованиям даже своего времени, что тогда же отметил в рецензии известный востоковед Н. И. Веселовский. В. П. Наливкин сам понимал справедливость подобного рода замечаний и в предисловии к книге оговаривал: «Сведения эти получились мною лишь попутно, при изучении быта и других особенностей вновь завоеванной нами страны, так как до сих пор история отнюдь не составляла моей специальности. Пусть благосклонный читатель примет все это во внимание и простит мне те недостатки, которые он, конечно, встретит в моем сочинении»[27]. Работа была в целом положительно встречена общественностью, переведена на французский язык, о ней тепло отозвался другой востоковед—проф. В. Р. Розен. Книга до сих пор является настольным пособием для всех, занимающихся историей Кокандского ханства, хотя «во многих отношениях устарела» (В. А. Ромодин). Не удовлетворяя современным требованиям исторических исследований, труд В. П. Наливкина продолжает сохранять значение как ценный свод сведений из среднеазиатских рукописных источников (часть из которых оказалась безвозвратно потерянной) по истории Кокандского ханства и роли в нем киргизов.

После «Краткой истории» В. П. Наливкина не появлялось ни одной сводной монографии по истории Кокандского ханства. Лишь отдельные вопросы в той или иной степени рассматривались в выходивших время от времени работах. Но история Киргизии (с древности до конца XIX в.) стала объектом изучения другого туркестанского деятеля — Николая Александровича Аристова. В его обширной двухтомной рукописи[28], задуманной как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера, несколько глав посвящено положению Киргизии в период господства Кокандского ханства. Автор со всей возможной полнотой охватил опубликованную предшественниками литературу, использовал многочисленные собст-

27 *В. П. Наливкин.* Краткая история, стр. IV.

28 *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань. 1893. Рукопись архива ГО СССР.

венные наблюдения, привлек записанные им со слов киргизских знатоков старины этнографические материалы[29], биографические очерки и воспоминания.

К сожалению, и Н. А. Аристову, так же как и В. П. Наливкину, был свойствен скорее собирательный, а не исследовательский характер использования источников. Именно за это рукопись подверг серьезной критике Н. И. Веселовский, что послужило препятствием к ее публикации. Но в то же время Н. А. Аристов выдвинул свою гипотезу этногенеза киргизов (от древних усуней), наметил периодизацию истории Киргизии, принятую в основе и В. В. Бартольдом, предложил свою концепцию активного участия киргизов в политической жизни Кокандского ханства и Восточного Туркестана. В целом он не сумел подняться до критического анализа многочисленного круга источников, что существенно снижает историографическую ценность его рукописи. Однако в качестве первоклассных материалов по истории Киргизии его работа не потеряла своего научного значения до наших дней и широко использовалась В. В. Бартольдом, Б. Д. Джамгерчиновым, К. И. Петровым, А. Х. Хасановым и другими историками Киргизии.

Наряду с работами передовых русских ученых и путешественников, представлявших научные интересы общества, появляется серия работ, отразивших реакционные колонизаторские цели. Это довольно крупные книги М. А. Терентьева, Л. Ф. Костенко, К. П. Кауфмана, А. К. Гейнса, Н. И. Гродекова, В. И. Масальского и др. Обращением к истории авторы преследовали цели, связанные с фискальной политикой царизма. Эта политика требовала знания местной истории, укладов и обычаев.

Бегло взглянув на дореволюционную литературу, в которой нашла отражение история Кокандского ханства и Киргизии, можно заключить сколь невелико это наследие. Оно, скорее, представляет интерес в источниковедческом ключе и только в качестве исторических источников используется в советской историографии. В целом дореволюционная историческая литература несла на себе печать социального заказа господствующих классов России, оправдывая колониальные устремления царизма. В литературе прямо или завуалированно под влиянием господствовавшей европеистской концепции явно недооценивалась история «инородцев». Положение о родовом строе у киргизов и других народов Туркестана принималось как бесспорное. И только усилиями отдельных представителей передовой интеллигенции, путешественников и ученых, искренне интересовавшихся прошлым местных народов, удавалось докопаться до истины и выявить достоверные сведения по истории киргизского народа и его взаимоотношениях с соседями. Основные достижения в этом плане были сделаны русскими учеными. Публикации зарубежных путешественников (нередко по материалам работ русских авторов), часто связанные с происками английского империализма в Средней Азии и Восточном Туркестане, обычно ограничивались зарисовками общего характера и мало что вносят дополнительного в исследование киргизско-кокандских взаимоотношений.

Один из первых обзоров иностранной литературы о Киргизии сделал О. Л. Вайнштейн[30], оценивший ее в качестве второстепенного источника, имевшего лишь «некоторое значение». Из работ названных им авторов заслуживает внимания двухтомник американского путешественника Юджина Скайлера, оставившего краткий очерк истории Коканда и почти дневниковые записи поездки по Киргизии в 1873 г.[31] О. Л. Вайнштейн отмечает книгу англичанина Чарльза Боулджера, посвященную жизнеописанию восточнотуркестанского бадаулета Якуббека и восторгавшегося кыпчакским феодалом Абдурахманом Афтобачи, рассматривает сведения английского агента Роберта Шоу, в частности, его характеристику кашгарских и кокандских киргизов и т. п. Одна из работ Р. Шоу — «Очерки Верхней Татарии...» — была издана в русском переводе в 1872 г.—через год после их появления в Англии. В 60—70-х годах были опубликованы в переводе книги венгерского путешественника А. Вамбери, английских путешественников Белью, Гордона и некоторых других. Однако целый ряд работ, в которых нашли фрагментарное отражение отдельные моменты истории Кокандского ханства или прошлого Киргизии, не был переведен, хотя и являлся доступным для небольшого круга образованных читателей. Из подобной литературы можно отметить неназванные О. Д. Вайнштейном книги проводников британской экспансии на Востоке — Генри Раулинсона, Д. Ч. Боулджера, Ф. Скрайна и Э. Росса, американца В. Е. Куртиза[32].

29 Они были позже опубликованы отдельной статьей. *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава, стр. 391—486.

30 *О. Л. Вайнштейн.* Иностранные путешественники, стр. 39—72.

31 *E. Schuler.* Turkistan, v. 1, p. 337—358; v. 2, p. 128—141.

32 *H. Rawlinson.* England and Russia in the East; *D. C. Boulger.* England and Russia in Central Asia; *F. H. Skrine* and *E. D. Ross.* The Heart of Asia; *W. E. Curtis.* Turkestan: «The Heart of Asia».

С продвижением России в Среднюю Азию и отмежеванием от Кокандского ханства части Киргизии, а также в связи с взятием ряда городов в 60-х годах, среди правящих кругов Англии оживилось беспокойство за свои индийские колонии. Задачу раскрыть для широких английских кругов и читателей характер политических отношений России со Среднеазиатскими ханствами, а также обрисовать положение Восточного Туркестана, должна была публикация Джона и Роберта Митчел, составленная по материалам Ч. Валиханова, М. Венюкова и других русских путешественников [33]. Работа носит компилятивный характер, но заслуживает внимания, так как является, пожалуй, первой зарубежной публикацией, в которой наряду с Кокандским ханством и Восточным Туркестаном заметное место отведено внутреннему и внешнеполитическому положению киргизов начала 60-х годов XIX в. Этой характеристике, пишут авторы, они «обязаны мистеру Бардашеву, талантливому переводчику, прикомандированному к начальнику Алатавского района». В книге проводится мысль, что влияние киргизских племен в Кокандском ханстве чрезвычайно велико, поскольку даже первый ханский министр Алымбек был из киргизов племени адыгине[34].

Дополнительную информацию по частным вопросам можно почерпнуть из публикаций Германа Вамбери и Владимира Радлова[35]. В. В. Радлов в 60-х годах посещал Киргизию и записал фрагменты знаменитого киргизского народного эпоса «Манас», отметив, что в нем нашли отражение отзвуки длительной борьбы киргизов за этническое и политическое самосохранение против калмыков, китайцев и кокандцев[36].

Надо сказать, что киргизский народ, не имевший до революции национальной письменности, понимание своей истории пытался выразить в эпических произведениях. Главное место среди них по праву занимает героический эпос «Манас»[37].

33 The Russians in Central Asia.
34 Там же, p. 277.
35 *H. Vambery.* Das Türkenvolk; *W. Radloff.* Aus Sibirien.
36 *W. Radloff.* Aus Sibirien, s. 526—533.
37 Несколько вариантов этого монументального сказания записано уже в годы Советской власти и хранятся в рукописных фондах ООН АН Киргиз. ССР. Сводный вариант трех частей (в 4-х книгах) эпоса «Манас»—«Семетей»—«Сейтек» опубликован в 1958—1960 годах на киргизском языке. Русский перевод издавался в 1946 и 1960 гг. В настоящее время «Манас» подготовлен к печати в серии «Эпос народов мира» на киргизском и русском языках. В середине 30-х годов замечательный подстрочный перевод с обширными примечаниями одной части эпоса «Манас» («Великий поход») сделал видный советский лингвист Евгений Дмитриевич Поливанов (хранится в рукописных фондах АН Киргиз. ССР).

Киргизские акыны XIX в. выражали в песнях и санатах[38] свое отношение к происходящему и прошедшему, свои думы и чаяния о будущем. В поэтических произведениях акынов-демократов — Токтогула Сатылганова, Тоголока Молдо, Барпы Алыкулова мы находим мотивы обличения ханского гнета, бичевания кокандских сановников и их прислужников — киргизских феодалов. Тоголок Молдо оставил ряд рукописей исторического характера[39], в которых подверг осуждению былую родо-племенную вражду и поднялся до понимания социальной эксплуататорской сущности бай-манапства. Историю киргизов он представлял непрерывной серией битв с нашествиями завоевателей, как тяжелую участь обездоленного народа.

Обусловленная былой социально-экономической отсталостью края историческая ограниченность мировоззрения акынов наложила отпечаток на их творчество, которое в целом, однако, призывало к борьбе с несправедливостью, за лучшее будущее, к дружбе с русским народом.

В то же время в произведениях другого круга киргизских акынов, таких как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч, преобладала реакционная направленность, хотя они и выступали против произвола и притеснений Кокандского ханства, но стояли не за дальнейший общественный прогресс, а взывали к старине, идеализировали патриархальщину[40].

Если киргизскому народу, его прогрессивным акынам-демократам в основе были присущи стихийно-реалистические взгляды на вещи и верная оценка исторической перспективы, то проповедь заманистов[41] Калыгула, Арстанбека, Молдо Кылыча и других[42] преследовала антинародную цель и с исторической точки зрения являлась порочной[43].

38 Санат *(кирг.)* — поучение, песня из рифмованных афоризмов. — *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 632.
39 *Тоголок Молдо.* Деление родов. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1016; *его же.* Манапы. — Там же, инв. № 1268.
40 См.: *В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник.* Очерк истории, стр. 30—31; *А. А. Алтмышбаев.* Ленин и пропаганда марксизма, стр. 36—41.
41 Заманисты — акыны, выступавшие в жанре и по теме заман — коротких бессюжетных стихотворений, выражавших отношение акына к современности. — *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 287.
42 Создатели произведений «Тар заман» («Трудное время»), «Акыр заман» («Конец мира»), «Зар заман» («Эпоха скорби»). Поэма Молдо Кылыча «Кыса-и-Зильзала» («Сказ о землетрясении») была опубликована в Уфе в 1911 году.
43 *В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник.* Очерк истории, стр. 30—31. Замечание авторов (стр. 62, прим. 3) о том, что научная критика фальсификаторской исторической концепции реакционных акы-

Местных печатных публикаций по истории Кокандского ханства до его присоединения к России не было. В рукописных сочинениях кокандских и бухарских авторов, как правило, отражалась идеология придворных феодальных кругов. Так, грабительские устремления ханов к завоеваниям соседних территорий философски оправдывались «законом миродержавия и царственного поведения»[44]. Основное внимание в них уделялось деяниям ханов, политические события освещались в рамках династийной истории, им была присуща резко выраженная тенденциозность в толковании фактов и пренебрежение собственно историей народа. Отдельные такие работы в оригинале или в переводных извлечениях были изданы Н. Пантусовым, В. В. Бартольдом в 80—90-х годах.

Заслуживает внимания публикация в 1885 г. Н. Пантусовым в оригинале работы Муллы Нияз-Мухаммеда «Тарихи Шахрохи» (на тадж. яз.) по истории Кокандского ханства со времени Шахруха (ок. 1112/1700 г.) и до 1288/1871 года — времени завершения рукописи[45]. Автор представляет историю Кокандского ханства как цепь дворцовых переворотов и войн с соседями, проявляет симпатии к одним правителям (и идеализирует их), антипатии — к другим (в связи с чем встречаются элементы критики и осуждения действий отдельных правителей), много внимания уделяет выступлениям киргизов и кыпчаков (правда, нередко путая их) против кокандских ханов. Но и в этой работе, как и во всех подобных нарративных сочинениях кокандских авторов, практически отсутствовала стройная *система* исторических взглядов, ярко выраженная историческая концепция. Поэтому такие работы представляют интерес, скорее, как источники, совокупность хронологически изложенных фактов и событий и будут нами рассмотрены ниже.

В начале XX в. была предпринята попытка воссоздания исторического прошлого Киргизии и представителями бай-манапских слоев. Выразителем реакционной идеологии пантюркизма, бай-манапства и нарождавшихся буржуазно-националистических элементов стали работы киргизского воспитанника новометодной школы Осмоналы Сыдыкова. В основу его книг, изданных арабской графикой в Уфе, были положены

нов и анализ идеологической борьбы в дореволюционном киргизском обществе остаются темой дня, актуально и сегодня, хотя со времени опубликования историографического очерка прошло 15 лет.

44 Тухфат ат-таварих-и хани, л. 59.

45 *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед.* Тарихи Шахрухи. История владетелей Ферганы. Далее как в рукописи — «Тарихи Шахрохи».

устные родословные предания и жизнеописания крупных манапов[46]. В них нашли отражение и исторические события Киргизии, связанные с Кокандским ханством, но через призму деяний крупных киргизских феодалов — Ормон-хана, Джантая и Шабдана, сыновей Тыная и других манапов. Автор исходил из принципа родо-племенного деления киргизов, утверждения бесклассовости общества в прошлом, идеализации «тюркоязычного родства». Кроме отдельных конкретных фактов, которые могут быть использованы при критическом к ним подходе, данные книги не содержат ценного материала и не могут всерьез восприниматься в качестве исторического сочинения, как это пытались в свое время преподнести единичные представители нарождавшейся киргизской буржуазии накануне революции.

Таким образом, дореволюционная литература по истории Киргизии и взаимоотношений с Кокандским ханством, хотя и не сумела подняться до уровня стройного обоснования определенных научных концепций, убедительного обобщения системы знаний, накопила достаточно широкий круг исторических сведений, опираясь на которые советская историография делала свои первые шаги.

Советская историография восприняла все лучшее, что было достигнуто дореволюционными исследователями и на базе марксистско-ленинской методологии создала подлинную научную историю Киргизии и Узбекистана. При этом уже с 20-х годов предпринимается попытка по-новому осмыслить былое родо-племенное деление и патриархально-феодальные отношения у киргизов, их внешнеполитические связи с соседними народами и, в частности, с Кокандским ханством и Россией. Первоначальное изучение этих вопросов вытекало из необходимости коренных социально-экономических преобразований народов Средней Азии, над которыми тяготели унаследованные от прошлого экономическая отсталость, неразвитость общественно-социальных отношений, патриархально-родовые путы быта. Первые авторы экспедиционных и статистических обследований 20-х годов еще сами не всегда представляли в полном объеме сложности исторического процесса, не овладе-

46 *О. Сыдыков.* Мухтаси тарихи Киргизия. («Краткая история киргизов»). Уфа, 1913; *его же.* Тарихи киргиз Шадмания («История киргизского раздолья»), Уфа, 1914. Последняя работа более известна как «История Шабданов» (метатеза: «Шадман» — «шабдан» — ?), в которой, действительно, немало места уделено прославлению известного киргизского манапа XIX в. Шабдана Джантаева. Уточненный перевод, как «История киргизского раздолья» предложен К. К. Юдахиным в личной беседе с автором.

ли в должной мере методологическими основами марксизма-ленинизма; экскурсы в дореволюционное прошлое, особенно такое отдаленное, как кокандский период, проводили на сравнительно бедном фактическом материале. Из этого вытекали и первые противоречивые оценки политического и общественно-экономического развития в прошлом, а отсюда много ошибок и неточностей.

Приступая в 1925 г. к исследованию социальных процессов в Киргизии, П. Кушнер был не так уж неправ, когда заметил, что «истории киргизского народа пока еще не существует»[47]. Имевшиеся отрывочные сведения еще не представляли историческую науку. Первый печатный сводный очерк по истории Киргизии принадлежит перу акад. В. В. Бартольда. «Главной побудительной причиной к такому изданию, — сказано в предисловии к первому изданию 1927 г., — послужил возросший после самоопределения киргизского народа интерес к самопознанию, к познанию, в частности, своей истории»[48]. Заключительная VII глава очерка посвящена тянь-шаньским киргизам XVIII—XIX вв., но затрагивает лишь вопросы политической истории. К сожалению, В. В. Бартольд совершенно не останавливается на вопросах общественно-экономического развития киргизского народа.

Среди других исследователей по оценке общественного строя Киргизии в XIX в. высказывались нередко противоречивые суждения. В начале 20-х годов, некритически следуя за материалами дореволюционных авторов, многие исследователи и практические работники были склонны говорить о родовом строе киргизов в недалеком прошлом (Т. Рыскулов, Ю. И. Пославский и др.). Но постепенно, с накоплением новых материалов, их критическим осмысливанием, овладением марксистско-ленинской методологией эволюционизирует и взгляд на общественно-экономический строй киргизов XIX века.

В исторических экскурсах П. П. Кушнер уже исходит из предпосылок, что Киргизия до революции находилась на «грани, рубеже двух социологических эпох» — родового и феодального строя, основу которого составлял институт манапства[49]. П. Погорельский и В. Батраков назвали такой подход «своеобразным историческим упрощенчеством»[50]. Они высказались, что «эпоха манапства», во всей форме проявлявшаяся в кокандский период, была «дальнейшим развитием характерных черт так называемого феодализма»[51].

47 *П. Кушнер (Кнышев).* Горная Киргизия, стр. 81.
48 *В. В. Бартольд.* Киргизы. Соч., т. II, ч. 1, стр. 473.
49 *П. Кушнер (Кнышев).* Горная Киргизия, стр. 4.
50 *П. Погорельский* и *В. Батраков.* Экономика, стр. 136.

В ходе длительной дискуссии об «азиатском способе производства» переросшей в общеметодологическую дискуссию о социально-экономических формациях (30-е годы), утвердилось мнение об общественном строе стран средневекового Востока, как о феодализме. Правда, иногда в запале дискуссии высказывались и крайне бездоказательные положения, по сути ставившие знак равенства между феодализмом Западной Европы и стран Азии со всеми их идентичными компонентами. Так, С. П. Толстовым без достаточного аргументирования предпринимается попытка определить феодальные формы земельной собственности в кочевых обществах, обосновать тезис о наличии у киргизов в кокандский период крупных помещичьих хозяйств, основанных на барщинном труде[52].

В конце 30-х годов к теме Кокандского ханства и истории его взаимоотношений с соседними народами, преимущественно в политическом аспекте, обращается П. П. Иванов, посвятивший ей специальную статью и отдельную главу монографии[53]. Содержательная, написанная в основном по нарративным источникам статья, в задачу которой, по словам автора, «входит характеристика лишь первых шагов кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Киргизии[54], к сожалению, почти ничего не вносит нового в разработку истории кокандско-киргизских взаимоотношений, так как ограничивалась лишь кратким освещением процесса завоевания кокандцами Ташкента и его роли в распространении ханского влияния на казахов.

В другой своей работе, подготовленной в 1938—1941 гг. (опубликована лишь в 1958 г.), П. П. Иванов отмечал недостаточность разработки истории народов Средней Азии «с точки зрения тех требований, которые предъявляются к истории каждого народа марксистской историографией». В названной книге впервые в правильном аспекте ставились вопросы взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, хотя ввиду недостаточности материалов, краткости изложения, они не нашли должного решения. Архив кокандских ханов был еще не выявлен, другими архивными документами автор не располагал и ограничился по преимуществу нарративными

51 *Там же,* стр. 142.
52 *С. П. Толстов.* Генезис феодализма, стр. 190.
53 *П. П. Иванов.* Казахи и Кокандское ханство, стр. 92—128; *его же.* Очерки по истории Средней Азии, гл. VII.
54 *П. П. Иванов.* Казахи и Кокандское ханство, стр. 95.

таджикско-тюркскими источниками. В связи с этим в книге нечетко сформулировано положение о развитии феодализма, формах земельной собственности и феодальной эксплуатации, зависимости дехканства. Но одновременно справедливо подчеркивается активное участие киргизов в политической жизни ханства, их важная роль в антикокандских восстаниях.

В 40-х годах выходит в свет ряд работ по отдельным конкретным вопросам политической истории и социально-экономических отношений киргизов в прошлом (С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, А. Н. Бернштам, С. И. Ильясов), которые, однако, не решали проблемы в целом — шел процесс количественного накопления исторического багажа и его осмысления с позиций марксистско-ленинской методологии. Правда, отдельными учеными все еще допускается недооценка степени феодализации киргизского общества. Претерпевают эволюцию и взгляды на общественный строй дореволюционной Киргизии такого опытного исследователя, начавшего работать по киргизской этнографии еще в середине 20-х годов, как С. М. Абрамзон. По его мнению, нашедшему отражение в монографии 1946 г. о культуре киргизского народа, до присоединения к России киргизы находились на стадии первобытно-общинных отношений, «феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собою определенной системы». Он считал, что «зависимость ряда киргизских племен от Кокандского ханства сыграла некоторую роль в ускорении процесса феодализации киргизского общества»[55]. Позже, развивая этот тезис, автор выдвигает и убедительно обосновывает наличие у кочевников Средней Азии патриархально-родового уклада, «находящегося в стадии угасания», и «прочно господствующего феодального уклада»[56]. Существование и переплетение этих двух укладов и создавало своеобразную систему патриархально-феодальных отношений, которые, по мнению С. М. Абрамзона, выраженному в 1951 г., включали в себя «не только господствовавшие раннефеодальные или феодальные отношения, вынужденные облечься в старую, законсервированную патриархальную форму, но и собственно патриархально-родовые отношения, занимавшие хотя и подчиненное, но свое определенное место в системе патриархально-феодальных отношений»[57].

Окончательная формулировка и определение общественного строя киргизов в прошлом (к которым мы полностью присоединяемся), сделаны С. М. Абрамзоном уже в конце 60-х годов — в докторской диссертации и монографии. «... У киргизов, как и других народов Средней Азии и Казахстана, — утверждает автор, — господствовали феодальный строй и патриархально-феодальные отношения»[58]. Накануне добровольного вхождения в состав России их «феодальные отношения переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых, общинных отношений»[59], в чем и заключалась одна из главных особенностей общественного строя киргизов.

Таким образом, в советской историографии окончательно утвердилось положение о господстве в Киргизии кокандского периода феодальной формации в своеобразном проявлении патриархально-феодальных общественных отношений. Немалая роль в этом принадлежала ташкентской объединенной научной сессии 1954 г. Ее участники преодолели теорию особого пути развития кочевых народов и пришли к заключению, что при всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов сущность этих отношений являлась феодальной, как и у оседло-земледельческих народов, в ее основе лежала феодальная собственность на землю, которая реализовывалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты[60]. Однако дискуссионным остался вопрос об основном средстве производства у скотоводов-кочевников. Большинство ученых (Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, А. Б. Турсунбаев и др.) обосновывали тезис, что в основе феодализма как скотоводческого, так и земледельческого хозяйства лежала собственность на землю и главным средством производства являлась земля. Меньшинство (В. Ф. Шахматов, С. Е. Толыбеков) отстаивало точку зрения, что основным средством производства у кочевников служил скот. Киргизский историк С. И. Ильясов высказался за то, что главным средством производства «были скот и пастбище одновременно». В историографии этот вопрос продолжает дискутироваться до сих пор. Но утверждение единого мнения о феодализме народов Средней Азии и взаимовлиянии кочевого скотоводства и оседло-земледельческого хозяйства явились той плодотворной основой, на которой получили дальнейшее развитие исследования в области истории, в частности Киргизии и Узбекистана[61].

55 *С. М. Абрамзон.* Очерк культуры, стр. 42.
56 *С. М. Абрамзон.* Формы родо-племенной организации, стр. 147.
57 Там же.

58 *С. М. Абрамзон.* Киргизы. Автореф. докт. дисс., стр. 20.
59 *С. М. Абрамзон.* Киргизы, стр. 155—156.
60 Материалы объединенной научной сессии, стр. 581.
61 См.: *В. Плоских.* Советская историография, стр. 71—77.

Со второй половины 50-х и особенно с 60-х годов всю литературу, относящуюся к истории взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, можно выделить в три круга: а) исследования, посвященные истории Киргизии; б) работы по отдельным вопросам истории Кокандского ханства; в) публикации по истории взаимоотношений народов Средней Азии и Восточного Туркестана и организации отпора агрессивной политике Цинской империи в XVIII—XIX вв.

Научные труды Б. Д. Джамгерчинова, А. Л. Троицкой, Р. Н. Набиева, В. А. Ромодина, С. И. Ильясова, Н. А. Халфина, Х. З. Зияева, А. Х. Хасанова, К. У. Усенбаева, Б. П. Гуревича и других позволили подойти вплотную к исследованию киргизско-кокандских взаимоотношений, с возможной полнотой и по-новому осветить многие вопросы, которые предшественниками были только намечены.

В монографиях и серии статей Б. Д. Джамгерчинова[62] находит отражение и положение Киргизии под властью Кокандского ханства. Но автор своей основной задачей ставил рассмотрение политической истории и взаимоотношений киргизов с Россией, исследование процесса и прогрессивных последствий добровольного вхождения Киргизии в состав России. В силу этого другие вопросы, естественно, отошли на задний план, были только намечены и не получили всестороннего освещения. Две книги А. Х. Хасанова, подготовленные в качестве учебных пособий для студентов исторических факультетов и преподавателей школ[63], в первую очередь преследуют цель популяризировать научные знания. Но в них довольно полно освещены последний этап взаимоотношений южных киргизов с Кокандским ханством, ход восстания 1873—1876 гг. и влияние его на судьбу киргизов и Кокандского ханства.

Изучению хозяйства киргизов, формам собственности на землю и скот, социальным отношениям киргизов в период Кокандского ханства, восстанию 1873—1876 гг. посвящены работы К. У. Усенбаева[64]. Автор наметил основные этапы борьбы киргизского народа против ханской агрессии, раскрыл положение народных масс и охарактеризовал общественный строй Киргизии в период господства Кокандского ханства. Однако из-за отсутствия материалов К. У. Усенбаеву в свое время не удалось с достаточной полнотой исследовать такие важные темы, как характер и формы землепользования у киргизов, классы и классовая борьба в Киргизии в кокандский период. Автор сам признает, что отдельные вопросы, связанные с общественно-экономическими отношениями киргизов в период господства Кокандского ханства, «освещены недостаточно», «решены предварительно и нуждаются в дальнейшем глубоком изучении, а также уточнении»[65].

Социально-экономическое положение в киргизском аиле первой половины XIX в. затрагивается и в книге М. Айтбаева, во многом путанной и противоречивой. Автор широко использует полевые этнографические материалы, привлекает частично и архивные данные. Но, механически следуя схеме развитого «европейского» феодализма, он без достаточного обоснования приходит к утверждению «крепостной зависимости киргизских крестьян от баев и манапов»[66]. Критикуя сторонников положения, по которому основу производственных отношений у кочевников составляла собственность на скот, автор тут же утверждает, что «земля не могла у них выступать в качестве основного способа производства». И далее новое противоречие — «основу способа производства у киргизов составляла земля»[67]. Не вносит ясности и рассмотрение М. Айтбаевым вопроса о характере и структуре киргизской общины. А утверждения, что «земельно-родовые *общины* во главе с манапом, бием или баем зачастую *отбирали у дехкан* хорошие угодья и закрепляли их за собой, становясь здесь *монопольными* владельцами»[68], и многие подобные приведенным, только усугубляют путаницу.

Действительно, как могли общины, в которых были объединены дехкане, отбирать лучшие земли у самих же дехкан и при этом становиться монопольными владельцами? Другое дело, когда феодальная верхушка общины в лице манапов и

62 *Б. Д. Джамгерчинов.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России; *его же.* Очерк политической истории Киргизии; *его же.* Из истории военных отношений Киргизии; *его же.* Из истории киргизов первой половины IX в.; *его же.* К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов; и др.

63 *А. Хасанов.* Взаимоотношения киргизов; *его же.* Из истории Киргизии. Когда работа была уже в наборе, из печати вышла новая книга А. Х. Хасанова. — «Народные движения...», в которой автор суммировал и обобщил свои предшествующие исследования по вопросу восстаний в Киргизии, в том числе двух этапов последнего народного движения 1873—1876 гг.

64 *К. Усенбаев.* Присоединение Южной Киргизии; *его же.* Общественно-экономические отношения киргизов; *его же.* О характере национальных движений в Южной Киргизии; *его же.* К вопросу о присоединении Южной Киргизии; и др.

65 *К. У. Усенбаев.* Общественно-экономические отношения, стр. 4.

66 *М. Айтбаев.* Социально-экономические отношения, стр. 86.

67 Там же, стр. 13, 23, 93.

68 Там же, стр. 15.

биев захватывала у рядовых общинников-дехкан лучшие угодья и узурпировала коллективное право общины на владение землями, превращая его в монопольное право распоряжения.

Вопрос о влиянии кокандских форм собственности на землю в Киргизии в период зависимости от ханства затрагивает в своей монографии (в целом посвященной более позднему периоду) С. И. Ильясов. Не исключая у киргизских феодалов—манапов—права собственности на землю в период их независимости, С. И. Ильясов считает, что они были лишены этого права в годы зависимости от Кокандского ханства. Лишь ханские наделы, по мнению автора, давали право собственности[69]. Мильк он классифицирует как «частную земельную собственность», которая была у киргизов[70], хотя вообще ставит под сомнение вопрос о частной земельной собственности в докапиталистическом обществе[71]. Эти разночтения автором были устранены в докторской диссертации. Здесь он уже определенно отмечает появление под влиянием Кокандского ханства частной собственности на землю в южных районах Киргизии «в результате ее орошения, купли у ханов и частных собственников». И приходит к совершенно верному выводу, что в период Кокандского ханства, «у киргизов, особенно южных, в основном сложились такие же земельные отношения, как у оседлых узбеков и таджиков»[72]. Правда, это положение не подкреплено достаточным количеством документов и основывалось лишь на сравнительно противоречивых материалах ранее опубликованного монографического исследования.

Надо сказать, что и в наших предшествующих работах[73] отрицалась частная земельная собственность в киргизском обществе в период временной зависимости от Кокандского ханства, а ее прерогативы (отчуждение, передача по наследству и пр.) приписывались мильку лишь как *владению*. Уточняя и развивая это положение, в данной работе мы пришли к выводу о наличии в Кокандском ханстве (и, соответственно, в Киргизии этого периода) *милька* как *феодальной частной собственности,* ибо даже пользование уже несет в себе элементы собственности, владение обладает всеми основными компонентами феодальной, условной или ограниченной собственности при праве государства как верховного земельного собственника.

69 *С. И. Ильясов.* Земельные отношения, стр. 33.
70 Там же, стр. 82—83.
71 Там же, стр. 59.
72 *С. И. Ильясов.* Земельные отношения. Автореф. докт. дисс., стр. 12.
73 *В. Плоских.* Очерки земельных отношений; *его же.* Очерки патриархально-феодальных отношений.

Помимо названных работ, отдельные аспекты истории Киргизии второй половины XVIII в. — 70-х годов XIX в. в той или иной степени затрагивались и в публикациях К. И. Петрова, К. Д. Джунушева, А. Ш. Абышкаева, В. Я. Галицкого, А. Д. Джаманкараева и др. исследователей. Получили они отражение и на страницах художественной литературы. К истории борьбы киргизского народа против джунгарских феодалов сквозь призму художественных образов обратился известный советский писатель академик Чингиз Айтматов. Интересный остросюжетный роман об участии киргизов в политических событиях ханства 40—70-х годов создал киргизский писатель С. Касымалиев («Сломанный меч»).

Но имеются и другие примеры — ошибочной трактовки некоторых событий, попытки идеализации отдельных исторических личностей. Так, неточно освещаются события последнего этапа присоединения к России алайских киргизов, в идеализированном виде предстает перед читателем образ «алайской царицы» Курбанджан-датхи (Курманжан) на страницах одной из статей художественного альманаха «Гулистан», перепечатанной целиком в газете «Кыргызстан маданияты»[74]. Умная и, безусловно, дальновидная феодальная родоправительница Алая в обход историческим фактам, на основе фольклорных материалов рисуется как защитник народных интересов, вдохновитель антикокандского восстания и борьбы с царскими отрядами генерала Скобелева. Статья имеет много фактических ошибок (в частности, не было бегства Карбанджан в Кашгар и Афганистан, не возглавляла и не вдохновляла она повстанцев) и дает общую неверную оценку взаимоотношениям киргизов с Кокандским ханством и Россией в 70-х годах XIX века.

В целом в киргизской историографии получили верное отражение многие вопросы истории Киргизии в период господства Кокандского ханства, в том числе, социально-экономических отношений, налогового гнета, восстания 1873—1876 гг. и последовавшего за этим присоединения Кокандского ханства к России и воссоединения всех частей Киргизии в составе одного российского государства. Но всем им присуща одна характерная особенность: недостаточное внимание внешнеполитическим связям киргизов, раскрытию дружественных хозяйственных взаимоотношений земледельческого узбекско-таджикского и скотоводческого киргизско-казахского населения в рамках Кокандского ханства, временами искусственное

74 *Х. Садыков, Х. Бабабеков.* Курманжан — калк таламдашы.

разделение истории отдельных частей Киргизии, Узбекистана и Казахстана, некогда регионально объединенных в границах одного Кокандского ханства, и вытекающее из этого слабое внимание сюжетам исторической общности судеб народов Средней Азии и Казахстана, всему тому, что их объединяло, а не разделяло в историческом процессе.

Второй круг литературы, связанный непосредственно с исследованием истории Кокандского ханства, значительно уже. Следует подчеркнуть, несмотря на то, что в последние 20 лет появился целый ряд работ, посвященных отдельным аспектам истории Кокандского ханства в свете нарративных источников (Р. Н. Набиев, В. А. Ромодин), по документам архива кокандских ханов (А. Л. Троицкая) или по материалам русских архивов (Н. А. Халфин, Ю. А. Соколов)[75] всестороннее изучение истории Кокандского ханства еще впереди.

Авторы содержательных, как правило, публикаций ограничены обычно конкретно-узкими рамками кокандской истории — отдельных восстаний, состояния военного дела, категорий землевладения и форм землепользования, присоединения к России и т. п., преимущественно вопросами, связанными с последним этапом Кокандского ханства. Вне поля зрения историков остается проблема в целом, а в связи с этим нуждается в оценке и общая внешнеполитическая роль ханства, продолжает оставаться нераскрытым характер кокандской колонизации завоеванных соседних территорий, требует особого исследования социально-экономическая структура ханства как феодального государства, особенности внутриклассовой борьбы и специфика народно-освободительных движений.

Чрезмерное увлечение авторов частными вопросами исследований иногда приводит к потере ориентации в общей истории Кокандского ханства и допущению ряда серьезных неточностей. В качестве примера возьмем последнюю работу Ю. А. Соколова, посвященную исследованию военных действий России против Кокандского ханства. Тема раскрыта аргументированно и всесторонне. Но в исторических экскурсах по другим вопросам допускаются грубые ошибки. Так, распространение власти кокандских правителей на всю Фергану автор связывает лишь с именем Алим-хана, когда он выступил в начале XIX в. «против других ферганских феодальных княжеств». К этому же времени автор ошибочно относит и завоевание кокандцами Оша с предгорьями, населенными киргизами[76]. Как будет показано ниже, и консолидация Кокандского владения в самостоятельное государство, и завоевание им Оша с окрестностями произошли на несколько десятилетий ранее.

Считаем, что другой серьезной ошибкой Ю. А. Соколова является отнесение Кокандского ханства к категории «этнически однородного» (автор, правда, уточняет — «за малым исключением»), образование которого шло «по пути формирования национального государства»[77]. Кокандское ханство не было единым национальным государством. По крайней мере, как и Бухарское, оно включало как узбекское, так и таджикское население. С другой стороны, в Кокандском ханстве многочисленным и очень влиятельным контингентом было киргизское кочевое население, а одно время — часть казахов Старшего жуза.

Появление в последнее время многотомных историй Киргизской, Узбекской, Таджикской и Казахской ССР дает общее представление о положении Кокандского ханства в Средней Азии, картину труда и борьбы народных масс против деспотического гнета. Решение о создании сводного фундаментального труда по истории народов Средней Азии и Казахстана, принятое в 1975 г., свидетельствует о настоятельной необходимости показа общего исторического процесса народов региона, в их тесной взаимозависимости и взаимоконтактности. Но это не исключает, а, наоборот, побуждает к более углубленному исследованию отдельных проблем и вопросов, слабая изученность которых и проявляется при подготовке подобного рода обобщающих изданий.

Третий круг литературы связан с комплексом кокандско-киргизско-кашгарских отношений и отпором местными народами цинской агрессии во второй половине XVIII—первой четверти XIX вв. После известных трудов Н. Я. Бичурина появились работы советских ученых — Л. И. Думана, А. Н. Бернштама, М. И. Сладковского, С. Л. Тихвинского и др. Для разрешения вопросов взаимоотношений киргизов (сначала как

75 *Р. Н. Набиев.* Ташкентское восстание 1847 г.; *его же.* Уникальный источник по истории Кокандского ханства; *В. А. Ромодин.* Некоторые источники по истории Ферганы; *его же.* Новый источник по истории Кокандского ханства; *В. А. Ромодин* и *А. А. Кондратьев.* Опыт сопоставления сведений; *А. Л. Троицкая.* Архив кокандских ханов; *ее же.* «Заповедники» — курук; *ее же.* Сагира в Кокандском ханстве; *ее же.* Несколько документов по военному делу; *ее же.* Материалы по истории Кокандского ханства; *Х. Зияев.* Урта Осиё ва Сибирь; *Н. А. Халфин.* Политика России в Средней Азии; *его же.* Присоединение Средней Азии; *его же.* Россия и ханства Средней Азии; *Ю. А. Соколов.* Ташкент, ташкентцы и Россия; *его же.* Начало военных действий; и др.

76 *Ю. А. Соколов.* Начало военных действий, стр. 35.
77 Там же, стр. 36.

независимого народа, затем в составе Кокандского ханства) с Восточным Туркестаном использованы исследования советских востоковедов — Б. П. Гуревича, В. С. Кузнецова, К. Ш. Хафизовой, Г. П. Супруненко и других, написанные по китайским первоисточникам.

Имевший место в более ранней литературе некритический подход к китайским источникам, особенно в оценке положения киргизов во второй половине XVIII—середине XIX вв., привел к ряду исторических искажений, нашедших отражение даже на страницах таких обобщающих работ, как «Всемирная история» (т. V), «История Киргизии» (1-е и 2-е изд.). Они были исправлены в третьем издании «Истории Киргизской ССР» (1968 г.). Однако до последнего времени вопросам киргизско-китайских взаимоотношений и участию Кокандского ханства в политических событиях Восточного Туркестана специального внимания не уделялось.

Из фактического материала следует, что Кокандское ханство и Киргизия никогда не были в составе Цинской империи, никогда не имели на своей территории ни одного пункта китайской администрации, не терпели внутреннего вмешательства в свои дела и давали должный отпор внешней агрессии со стороны маньчжуро-цинских феодалов. В то же время Кокандское ханство активно участвовало в торговых делах Восточного Туркестана, киргизы являлись непосредственными свидетелями и участниками всех антицинских восстаний местного населения. Между народами Средней Азии и Восточного Туркестана были не только исторически сложившиеся экономические и культурные связи, но и исторически возникшая этническая близость. С публикацией работы Т. У. Усубалиева, на материалах истории киргизов, показывающей решение национального вопроса в СССР, оживляется интерес к истории киргизско-китайских отношений. В статье высказывается положение, которое находит документальное обоснование на страницах предлагаемой книги. Оно заключается в том, что «хотя маньчжуро-китайская империя Цин и претендовала на господство над частью киргизов, киргизы никогда не входили в состав этой империи. Более того, они всегда вели упорную и небезуспешную борьбу против джунгарских и китайских завоевателей... В то же время киргизы всегда играли видную роль в политических событиях Восточного Туркестана. И после его завоевания цинскими агрессорами они выступили совместно с казахами в поддержку насильственно покоренных народов Туркестана»[78].

78 *Т. У. Усубалиев.* Национальная политика, стр. 35.

Современная зарубежная историография, в какой-то мере затрагивающая вопросы истории Средней Азии XVIII—XIX столетий, довольно бедна и за редким исключением не оригинальна. Она включает работы ученых-историков, которые пытаются по возможности осмыслить прошлое, но не располагают новыми материалами, слабо знают советскую литературу и исходят преимущественно из фактов, введенных в научный оборот еще в прошлом веке зарубежными путешественниками, или препарированных материалов отдельных советских изданий. Типичной иллюстрацией служит книга Мэри Холдсворт, выпущенная Оксфордским издательством в 1959 г.[79] В ней рассматривается краткая история Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств в плане внутреннего развития (административное устройство, экономика и т. п.) и внешнеполитических отношений (как определила автор во введении: в отношении их друг к другу и к кочевым и полукочевым «ордам», в отношении к соседним странам — Афганистану и Китайскому Кашгару, в отношении к России)[80].

Не располагая новыми материалами, такие работы носят всего-навсего компилятивный характер. К тому же основываются на ошибочных общеметодологических концепциях и нередко преследуют фальсификаторские цели, идеализируя вольность кочевников, в розовом свете рисуя ханства и представляя национальную политику СССР как продолжение «традиций, начатых империалистическими предшественниками» (выражение сотрудника Калифорнийского университета Р. А. Пирса)[81].

В зарубежной литературе особое место занимают труды известного английского историка Арнольда Тойнби, выдвинувшего свою культурно-историческую концепцию всемирного развития истории[82], концепцию, включающую и восточную проблематику. Проф. А. Тойнби не выделяет историю Среднеазиатского региона, тем более Кокандского ханства и киргизов (он вообще отвергает хронологический и региональный принципы), мало того, его источниковедческая база даже по истории России ограничивается либо западной и эмигрант-

79 *M. Holdsworth.* Turkestan in the Nineteenth Century.

80 Там же, p. 2.

81 См.: *R. A. Pierce.* Russian Central Asia, p. 306. Не говоря уже о других открыто антисоветских изданиях, которые являются антинаучными и носят чисто пропагандистский характер. К ним относятся работы Д. Армстронга, М. Фейнсода, Р. Пайпса, Д. Уиллера, У. Коларза и др., статьи на страницах английского журнала «Central Asian Review», просуществовавшего 17 лет и бесславно закрытого в 1970 г.

82 *A. Toynbee.* A Study of History, v. 1—12.

ской, либо устаревшей литературой. По собственному признанию А. Тойнби, им не использованы и труды классиков марксизма. Все это отрицательно сказалось на его схеме «застывшей» цивилизации номадизма. В целом автор немало внимания уделяет проблеме кочевничества и наиболее последовательно из зарубежных ученых попытался обосновать положение о якобы извечной вражде, непримиримом антагонизме между «застойной экономикой кочевых орд» и развивающимися земледельческими «цивилизациями»[83]. Тойнби представляет общество скотоводов-кочевников как бесклассовый монолитный организм, лишь механически воспроизводящий сам себя в течение веков и тысячелетий в неизменном виде, постоянно испытывающий антипатию к оседлым жителям. Рисуя кочевое общество как застойный организм, вторжение которого в оседло-земледельческие оазисы, в развитые ойкумены, являлось якобы проявлением лишь мощных физических и социальных сил, подобных извержению вулкана, А. Тойнби отказывает кочевым народам в праве на историю.

Признавая большой вклад английского ученого в историческую науку, советская историография тем не менее доказательно опровергает порочную кочевническую концепцию А. Тойнби[84]. История взаимоотношений киргизского кочевого скотоводческого населения Тянь-Шаня и узбекско-таджикских оседло-земледельческих жителей Ферганского оазиса лишний раз показывает неправомерность утверждений А. Тойнби, доказывает, что в основе исторического развития этих многовековых соседей лежали хозяйственные и культурные процессы, что, несмотря на различие в способе ведения хозяйства, в быте, сущность их отношений составляли дружественные контакты. Стимулами к объединению служили этническая близость, производственные связи, классовая солидарность, совместная борьба против феодального гнета.

Подытоживая историографический обзор, можно заключить, что отдельные вопросы истории киргизско-кокандских взаимоотношений в той или иной мере уже находили отражение в работах предшествующих исследователей. Но в целом проблема истории взаимоотношений среднеазиатских наро-

83 *A. Toynbee.* A Study of History, v. 3; *его же.* Between Oxus and Jumna— книга, написанная по материалам путешествия историка в 196 0г. по следам бывшей Кушанской империи, основанной кочевниками и на рубеже нашей эры простиравшейся от Средней Азии до Индии.

84 См.: *И. Я. Златкин.* Концепция истории кочевых народов; *его же.* А. Тойнби об историческом прошлом; *Г. Ф. Дахшлейгер.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии; *Г. Б. Рашковский.* Востоковедная проблематика.

дов, в частности киргизов, с Кокандским ханством и Восточным Туркестаном разработана в недостаточной степени.

Допускалась ошибочная трактовка и продолжает оставаться дискуссионным целый ряд вопросов, имеются неясные моменты в оценке общественно-экономического устройства среднеазиатских ханств и Киргизии XVIII—XIX вв., слабо изучен характер классовой борьбы и народно-освободительных движений. Много и других актуальных вопросов еще ждет своего решения. Поэтому нам кажется преждевременно оптимистичным вывод Г. Ф. Дахшлейгера на пленуме научно-проблемного совета «История исторической науки в СССР» в июне 1975 г., что «все большее место в исследованиях историков как республик, так и Центра заняли вопросы международного положения Кокандского, Хивинского, Бухарского, Казахского ханств, истории английской агрессии в Средней Азии и в пограничных с территорией Казахстана районах Восточного Туркестана»[85]. Это, скорее, темы предстоящих исследований, только намеченные, но еще не разработанные в должной мере советской историографией. Очевидна настоятельная необходимость дальнейшей работы по изучению внешнеполитических связей и особенно внутриэкономического положения и государственного устройства Кокандского ханства, патриархально-феодальных отношений в Киргизии XVIII—XIX вв., народно-освободительной и классовой борьбы киргизских и узбекских тружеников. Возможности для углубленного исследования существенно расширились с введением в научный оборот новых исторических источников, документов русских архивов и составленного А. Л. Троицкой обстоятельного каталога архива кокандских ханов.

В настоящей работе отдельные положения по вопросам киргизско-кокандских отношений, уже нашедшие отражение в трудах предшествующих исследователей, обобщены и развиты, даны выводы по новым историческим сюжетам. Все они подкреплены либо критически осмысленными известными источниками, либо впервые вводимыми в научный оборот первоисточниками.

Источники

Дореволюционной и советской литературой поднят немалый пласт фактического материала по истории киргизско-кокандских взаимоотношений. Нами дополнительно выявлены

85 *Г. Ф. Дахшлейгер.* Проблемы развития, стр. 11.

оригинальные архивные документы, использованы нарративные источники, этнографические материалы, проведены специальные археологические раскопки. То есть для выполнения темы применен комплексный метод привлечения источников.

Все использованные источники для удобства обзора можно подразделить на четыре комплекса: а) архивные документы, б) нарративные источники, в) этнографические и фольклорные, г) археологические. Деление в некоторой степени условное, так как часть нарративных источников, этнографических и фольклорных материалов нами также взята в архивах.

Самую многочисленную категорию источников составляют архивные документы. Серьезную трудность при их выявлении представляло то, что, во-первых, они распылены по различным архивохранилищам страны; во-вторых, рассредоточены крупицами по архивным фондам, самым, казалось бы, непричастным к теме.

Нами обследованы и использованы материалы центральных государственных архивов Узбекской, Казахской и Киргизской ССР; Центрального государственного архива древних актов; архива Географического общества СССР; Академии наук СССР и Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР; Центрального государственного военно-исторического архива; Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива СССР; центральных государственных архивов Омской, Оренбургской и Ошской областей. Интересные материалы выявлены в рукописных фондах и отделах государственных публичных библиотек им. В. И. Ленина (в Москве), им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде), им. А. Навои (в Ташкенте); Центральной научной библиотеки АН Киргизской ССР (г. Фрунзе) и научной библиотеки Омского областного музея, в музее г. Петропавловска, в Институте востоковедения АН Узбекской ССР и в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР.

С 70-х годов часть материалов XVIII — начала XX веков стала сосредоточиваться в фондах Института истории АН Киргизской ССР, особенно интенсивно с развертыванием археографических работ в республике, вызванных принятием Закона об охране и использовании памятников истории и культуры.

I. Все относящиеся к теме архивные материалы в зависимости от характера делятся на несколько групп.

1. Исторические акты — указы и другие документы государственного управления, землевладения, налоговой политики, делопроизводства и т. п. Основным государственным язы-

ком ханской канцелярии и администрации являлся таджикский язык, и лишь некоторые распоряжения, хозяйственные, налоговые и поименные списки, относящиеся к скотоводческому узбекскому и киргизскому населению, писались на старо-узбекском языке. Так, почти из пятитысячной коллекции документов архива кокандских ханов, разобранного А. Л. Троицкой, только единицы написаны на узбекском языке: свиток о расходах по Араванскому бекству и поименный список биев киргизских родов адыгине и мункуш. Даже «челобитные и прочие *ариза* от киргиз и кочевых узбеков» писались на таджикском языке[86]. Только из этого одного можно сделать вывод — чтобы преуспеть на государственном поприще узбекские и киргизские феодалы должны были знать не только разговорный, но и канцелярский таджикский язык. Двуязычие населения Ферганской долины — характерная черта местных жителей нескольких поколений.

Документы архива кокандских ханов были еще в 1876 г. подобраны и переданы А. Л. Куном в С.-Петербургскую публичную библиотеку, где почти 75 лет пролежали без движения. В 1952 г. их планомерным разбором и изучением занялась А. Л. Троицкая. После реставрации и описания архив в 1962 г. был передан на постоянное хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР, где мы с ним впервые и ознакомились.

С 1955 г. А. Л. Троицкая опубликовала сначала предварительный обзор и ряд содержательных статей по материалам архива, а затем его полный каталог и часть документов в факсимиле и переводах[87]. По ее вполне справедливой оценке, архив «является совершенно новым и, пожалуй, уникальным первоисточником по социально-экономической истории Кокандского ханства»[88].

Кокандский архив использован как по публикациям А. Л. Троицкой, так и по фотокопиям, выполненным по нашему заказу в ЦГА Узб. ССР[89]. К сожалению, документы архива, во-первых, ограничены узкими хронологическими рамками последнего десятилетия Кокандского ханства; во-вторых, по своему содержанию представляют типично хозяйственный ар-

86 *А. Л. Троицкая.* Архив, стр. 192, 208; *ее же.* Каталог, стр. 331.

87 *А. Л. Троицкая.* Архив; *ее же.* «Заповедники» — курук; *ее же.* Сагира; *ее же.* Ганчи; *ее же.* Несколько документов по военному делу; *ее же.* Каталог; *ее же.* Материалы по истории.

88 *А. Л. Троицкая.* Архив, стр. 188.

89 Фотокопии документов, связанных с историей Киргизии (в переводах В. К. Шуховцова и В. Н. Настича) хранятся в рукописных фондах Института истории АН Киргизской ССР.

хив. Довольно полно раскрывают характер земельных отношений и налоговой политики ханов, но сравнительно мало несут иной информационной нагрузки; и, в-третьих, документов, связанных с киргизами, едва ли наберется 0,5%, но и они вносят существенные новые штрихи в раскрытие киргизско-кокандских взаимоотношений. Жалованные грамоты, распоряжения ханов, беков и других официальных лиц *(васика, иноят-наме, мубарак-наме, патта)*, отчетные записи налогосборщиков *(дефтер)*, всевозможные донесения и отписки позволяют составить яркое представление о хозяйственной жизни ханских «уделов», налогообложении в Кокандском ханстве, о ханских «заповедниках» — куруках, о влиянии норм кокандского землевладения на земельные отношения у киргизов и т. д. Они проливают некоторый свет и на положение киргизов в кокандском войске, свидетельствуют о широком спросе в ханстве на киргизские кошмы и пр.

47 документов (факсимиле и в переводах), относящихся к истории Ура-Тюбе, опубликовал в 1963 г. А. Мухтаров. Среди них часть документов *(хукм-наме, иноят-наме)*, выданных правителем Коканда, в том числе уникальный ханский приказ *(фирман-и али)* о пожаловании некоему феодалу Турахан-накибу 11 киргизских семей — свидетельство определенной категории лично зависимых крестьян в ханстве[90].

Аналогична опубликованной коллекции архивная книга «Копий с документов мильковых, вакфных и проч., явленных в Ура-Тюбинскую Комиссию» 1869 г. из канцелярии туркестанского генерал-губернатора[91]. В книге 177 копий документов ханского времени на индивидуальное и коллективное владение землей и водой на правах *милька* и *вакфа*. Компактно собранные, относящиеся к одному району, касающиеся только землевладения, документы еще не были предметом специального исследования, а к нашей теме имеют лишь косвенное отношение, хотя в окрестностях Ура-Тюбе имелось и киргизское (преимущественно скотоводческое) население.

Значительно более разносторонние, как тематически, так по хронологии и географии, актовые материалы ханского времени, выявленные нами в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и Ферганского областного правления ЦГА Узб. ССР, а также канцелярии начальника Алатавского округа и киргизов (казахов) Большой Орды (Старшего жуза) ЦГА Каз. ССР. Среди них следует отметить ханские грамоты

90 Материалы по истории Ура-Тюбе, стр. 67.
91 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 26, л. 12—150.

(ярлыки)[92] по назначению на должности, наделению феодалов льготами, связанные с административными распоряжениями, распределениями пастбищ и т. п.

Особую подгруппу составляют во множестве отложившиеся в архивах документы по землевладению: ярлыки на земельные пожалования в частную собственность *(мильк)* документы на отчуждение частных владений *(васика)*, документы на определение земель в пользу мусульманских духовных учреждений и лиц *(вакф-наме)*. Дело в том, что в ходе выработки Положения по управлению Туркестанским краем и нового земельного законодательства (после присоединения Кокандского ханства к России) местное население обращалось к новым властям с просьбой определить их поземельный статус. И в доказательство своих прежних прав на землевладение предъявляло документы ханских времен, которые переводились канцелярскими чиновниками на русский язык, выяснялась их подлинность и юридическая сила, проводилось обследование фактического состояния, опрос свидетелей — и все это фиксировалось специальными журналами Общего присутствия поземельно-податного отделения Ферганского областного правления.

Немало среди документов оказалось и таких, которые характеризовали степень влияния и распространения кокандской земельной практики на киргизское население, не только земледельческое, но и скотоводческое. К примеру, на 1 июня 1887 г. (крайний срок, установленный Российским Государственным Советом, после которого документы к рассмотрению не принимались) в Ферганское областное правление только вакфных документов было предъявлено свыше 5,5 тыс. на выделение более 9 тыс. отдельных владений.

Туркестанской администрацией, державшей курс на ликвидацию вакфов, были рассмотрены лишь вакф-наме с ханской печатью и специальными «обельными» грамотами, претендующие на освобождение от налогов. Таковых оказалось 1/9 часть (около 600 документов), по которым было выделено 561 вакфное владение на 80 тыс. десятин в основном орошаемых земель, из них на территории Киргизии около 100 вакфов на 16 тыс. десятин земли. Если принять во внимание и бывшие

92 Единичные ярлыки были опубликованы в дореволюционной литературе и в советских изданиях. См.: *В. Каллаур.* Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов; *Н. Остроумов.* Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али; Перевод двух ярлыков; Алайские аульные общества; *А. Джуванмардиев (А. Жувонмардиев).* Ценный документ по истории Кокандского ханства; *его же.* XVI—XIX асрларда Фаргонада; Материалы по истории Ура-Тюбе; указанные публикации А. Л. Троицкой.

облагаемые вакфы, то их общее количество увеличивается в 9 раз[93]. И это не считая других земельных документов, купчих крепостей, ханских пожалований, общинных договоров.

В совокупности актовые документы Кокандского ханства, собранные и отложившиеся в туркестанских канцеляриях, в несколько раз превышают объем архива кокандских ханов и содержат обильный материал по административному и аграрному вмешательству Кокандского ханства в жизнь киргизских кочевников. В оригинале подавляющая масса документов составлена на языке ханской канцелярии — таджикском. Но часть документов, адресованная киргизам и кыпчакам, особенно периферийному скотоводческому населению Алая, Тянь-Шаня и Семиречья, писалась на тюркском (староузбекском) языке. Их перевод на русский язык туркестанскими чиновниками отличается достаточной фактической достоверностью, хотя с научной точки зрения является «вольным». Сопоставление канцелярского перевода с современным научным переводом, выборочно сделанным по нашей просьбе востоковедами А. Б. Халидовым, В. П. Юдиным, В. К. Шуховцовым и В. Н. Настичем, доказывает правомерность их использования как оригинального первоисточника.

2. Существенно меньшую, но поистине уникальную группу первоисточников, которая почти не использовалась предшествующими исследователями, составляют киргизские письма, прошения и жалобы[94]. В них содержатся элементы исторических сведений: о политической обстановке в Кокандском ханстве, об отношении киргизов к кокандским событиям и к России, по поводу затянувшихся с ханских времен до конца XIX в. поземельных споров, налоговых и прочих тяжб. Основная их ценность заключается в том, что это единственные свидетельства ханского времени, составленные в киргизской среде либо под диктовку киргизов татарскими и узбекскими писцами, либо грамотными киргизами, которых было чрезвычайно мало — буквально единицы.

Как известно, киргизский народ не имел до революции своей национальной письменности. Однако это вовсе не исключало появления в его среде отдельных документов и даже исторических трактатов, написанных главным образом на

93 *В. М. Плоских.* Очерки патриархально-феодальных отношений, стр. 69.

94 Частично, в источниковедческом плане, письма рассматривались нами ранее. См.: *В. Плоских.* Первые киргизско-русские посольские связи, стр. 42—83; *В. М. Плоских, С. К. Кудайбергенов.* Ранние киргизские письменные документы, стр. 75—82; *В. М. Плоских, Т. Н. Назаралиев.* Оригинальные источники по истории Киргизстана, стр. 64—72.

староузбекском языке арабской графикой[95]. При отсутствии письменных источников, изложенных на народном киргизском языке, подобные документы имеют первостепенное значение, так как отражают настроение, потребности населения, а иногда содержат и исторические экскурсы, показывая атмосферу жизни и быта киргизов (преимущественно феодальных слоев), их отношение к ханам, кокандцам, а также характеризуют экономические и политические взаимоотношения с соседями — казахскими жузами, Россией, Восточным Туркестаном.

Нами в фотокопиях собрана коллекция более чем из ста киргизских писем — в оригинале и переводах туркестанских чиновников. Часть из них уточнена и откорректирована совместно с К. К. Юдахиным, Т. Назаралиевым и С. К. Кудайбергеновым. Но это касалось лишь отдельных деталей, поскольку смысловой архивный перевод выполнен на достаточно квалифицированном уровне, а в совокупности с сопутствующими разъяснительными материалами и комментариями переводчиков и других туркестанских чиновников позволяет более полно представить содержание документа в связи с мотивами его составления и обстановкой, в которой он рождался.

Самыми ранними в хронологическом отношении выявленными нами киргизскими документами являются письма к западносибирским властям начала XIX века[96]. Но имеются указания и о киргизских письмах XVIII в. Так, в конце 1759 г. бий киргизского племени адыгине Хаджи-бий через своего посланца Сары-Кучука направил командующему цинскими войсками Чжао Хуэю письмо: от себя и от имени кокандского бека Ирданы высказывая готовность к установлению равноправных отношений с Китаем. Или другой пример: по дороге из С.-Петербурга в Чуйскую долину первый киргизский посол Абдырахман Кучаков направил из Омска в январе 1789 г. письмо «к своему старшине Этеке-батырю, в котором его уведомляет, што съездил благополучно». В архивных делах имеется только «экстрактная» регистрация письма, но самого документа разыскать пока не удалось. Более или менее систематизированно коллекция представлена с 1847 по 1876 г. Это письма «от родовичей дикокаменных киргизов», в которых они информировали западносибирского генерал-губернатора о взаимоотношениях с кокандцами и кашгарцами, просили прислать на Иссык-Куль русские воинские отряды, письма о при-

95 *К. К. Каракеев, Б. Д. Джамгерчинов, Б. Орузбаева.* Язык науки, культуры и прогресса.

96 Часть из них мы опубликовали в приложении работы «Первые киргизско-русские посольские связи».

нятии в подданство и с просьбой о поддержке антикокандских восстаний. Переписку с русскими властями вели бии и манапы-родоправители Качибек, Аджибай, Джантай, Шабдан, Байтык, Боромбай, Умбеталы, Алымбек, Курбанджан-датха и др. Это письма киргизов ханским визирям, главнокомандующим, наместникам; характеризующие отношение к деспотическому правлению и злоупотреблению кокандских чиновников, к налоговому гнету, к участию в войнах и в целом — к кокандскому подданству. Это редкая переписка между киргизскими родоправителями Алая — Чуйской долины — Восточного Туркестана (Алымбека, Алымкула, Джантая, Умбеталы, Боромбая, Якуб-бека и др.) по поводу непризнания кокандской зависимости, поддержки повстанческого движения, с информацией о внутренних перемещениях кокандских и русских отрядов[97].

Небольшую историческую информацию несут более поздние киргизские письма с жалобами и просьбами разобрать споры, уходящие своими истоками в ханские времена. Таких документов было бы больше, но они не поощрялись царскими властями и поэтому сохранились в единицах. Параграф 17 инструкции командующему Сыр-Дарьинской линии и пограничному старшему чиновнику Министерства иностранных дел, утвержденной царем в 1856 г., специально предписывал «в сношениях с киргизским начальством[98]: избегать по возможности всякой переписки, стараясь все делопроизводство вести словесно»[99].

3. Следующую группу архивных источников составляют налоговые записи *(дефтеры)* и поименные списки родоправителей, из которых можно выделить относящиеся как к киргизской территории, так и непосредственно к киргизам. Все налоговые списки отмечены в каталоге архива кокандских ханов А. Л. Троицкой, частично переведены и даны в указанных выше публикациях, а также в фотокопиях с переводами хранятся в Институте истории АН Киргизской ССР. Некоторые были собраны в 1876 г. А. Куном и Н. Пантусовым[100] и отложились в архивах канцелярии туркестанского генерал-губернатора и Ферганского областного правления. Эти налоговые ханские

97 В 1869 г. в русской печати появилось, например, сообщение, что во время поездки осенью 1868 г. штабс-капитана артиллерии Рейнталя в Кашгар киргизские манапы Иссык-Куля известили письмом Якуб-бека, будто под видом купеческого каравана направляется военный отряд, который и был встречен выстрелами. См.: *В. Н....ъ* Поездка в Кашгарию, стр. 124.

98 Имелись в виду как киргизские, так и казахские родоправители.

99 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 889, д. 11-а.

100 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 12, 18.

дефтеры легли в основу статей Н. Н. Пантусова, были частично использованы в публикациях А. Куна и в выписках сохранились в материалах А. Л. Куна архива Ленинградского отделения Института востоковедения[101].

Значение первоисточника по вопросам системы и объема ханского налогообложения могут иметь налоговые записи, проводившиеся в первые три года после присоединения Кокандского ханства к России, поскольку они составлялись по методу и образцу предшествующих списков. «Представляя при сем ведомость о количестве танапов в Ошском уезде с показанием цифры денег, взимаемой с каждого танапа, — рапортовал начальник Ошского уезда военному губернатору Ферганской области 20 декабря 1876 г., — имею честь донести..., что подать эта в таком же размере взималась с населения при бывших ханах и осталась непременною в настоящем году»[102].

К этой же группе документов относятся всевозможные журналы, обследования и обзоры по поводу земельных споров и прочих тяжб, уходящих своими истоками в кокандское время. Как правило, здесь были оригиналы документов, их переводы, записи опроса жителей, иногда снятые на план земельные участки и вынесенные по делу решения.

4. Многочисленную коллекцию материалов документального характера представляют свидетельства путешественников, записки русских посланцев и купцов в Кокандское ханство и киргизские кочевья, сводные отчеты туркестанских чиновников о событиях в Кокандском ханстве, документы, связанные с присоединением Киргизии к России. Путевые дневники Ф. Ефремова (80-е годы XVIII в.), Ф. Назарова (1813 г.), Ф. К. Зибберштейна (1825 г.), Ч. Ч. Валиханова и П. П. Семенова-Тян-Шанского (50-е годы XIX в.), Н. А. Северцова и А. П. Федченко (1870-е гг.), других путешественников, содержащие фрагментарные сведения о киргизско-кокандских взаимоотношениях, были в разное время опубликованы[103]. Но часть материалов выявлена нами и в архивных фондах. Это

101 *Н. Н. Пантусов.* О податях и повинностях; *его же.* Сборы и пошлины; *А. Кун.* Очерк Кокандского ханства; *его же.* Некоторые сведения; Архив ЛОИВ АН СССР, ф. 33—А. Л. Кун.

102 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22513, л. 42. Этой практики придерживались во всех уездах Ферганской области как по налогообложению земледельческих площадей, так и скота. См. Инструкцию относительно взимания в Ферганской области установленного зякетного сбора со скота, утвержденную в 1877 г. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 23—30.

103 Источниковедческий анализ и связанную с ним литературу см.: Русские исследователи и путешественники.

путевые записи Лещева и Данибегашвили, дорожники русских купцов и их приказчиков, отчеты приграничных политических обозревателей, донесения начальников военных отрядов, рапорты и распоряжения военных и гражданских властей Туркестана о событиях в Кокандском ханстве, отношении киргизов к Коканду, участии и роли их в повстанческом движении.

Документы, связанные с присоединением Средней Азии к России, в начале XX в. были собраны военным инженером А. Г. Серебренниковым. 70 томов этих уникальных материалов в машинописных копиях составили особый фонд в ЦГА Узбекской ССР (ф. и. 715). Но поскольку их критично восприняли официальные царские власти, только четырнадцать томов было опубликовано[104].

Наиболее ранние документы, относящиеся к киргизам, датируются в «сборнике» 1847 г. и свидетельствуют о борьбе киргизов с кыпчаками Кокандского ханства. Подавляющее большинство документов характеризует политические события в Кокандском ханстве, выступления киргизов против кокандских войск и обращение с просьбами о присоединении к России.

5. Интересную группу архивных источников составляют всевозможные проекты управления, поземельного и налогового устройства Туркестанского края, сопутствующие им записки об истории, быте местного населения, религии, традициях и обычаях, содержащие немало фактических данных, относящихся к кокандскому периоду. Составление и сбор в свое время этих материалов были вызваны чисто практическими, фискальными соображениями царских властей. Они имеют тенденциозную окраску и требуют особо критического подхода, но содержащиеся в них фактические данные в ряде случаев не потеряли своего значения, как источника, и сейчас.

В качестве характерного иллюстративного примера остановимся только на одном вопросе, включающем суть экономического могущества, — вопросе о собственности на землю в Туркестане после присоединения к России и в Кокандском ханстве в предшествующий период. В 60—70-х годах XIX в., когда начали разработку проектов Положения об управлении Туркестанского края, чисто в меркантильном плане встал вопрос о государственной и частной собственности на землю в присоединенных районах. Было создано несколько комиссий (Николаева, Гомзина, Гирса и др.), приступивших к изучению основ земельного права Кокандского ханства с тем, чтобы на его основе разработать новое аграрное законодательство в

104 *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край.

Туркестане. При этом столкнулись две прямо противоположные концепции. Их приверженцев, прибегая к современной терминологии, можно разделить: а) на сторонников проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений (и в связи с этим стремившихся обосновать исторически наличие в Кокандском ханстве частной собственности на землю) и б) сторонников феодально-колониального развития края прежде всего в интересах царизма и чиновничьего аппарата (отсюда отрицание частной собственности на землю и стремление обосновать традиционность и единственно приемлемую форму государственной собственности на землю)[105].

Исследователи в подтверждение своей точки зрения (первой или второй концепций) подобрали исторические материалы, которые и могут быть использованы в качестве источника, однако при этом необходимо учитывать, что они в определенной мере отмечены печатью субъективизма собирателей.

К подобного рода материалам относятся и записи решений волостных съездов биев, сведения местных информаторов, составителей официальных отчетов и других чиновников.

Так, при подготовке книги Н. И. Гродекова о юридическом быте казахов и киргизов А. Вышнегорский (фактический автор) использовал как собранные среди киргизов сведения (в частности, его информатором был известный на Таласе бий Курпетай Даулет), так и специально направленные ему начальником Аулие-Атинского уезда В. А. Каллауром материалы «об обычаях каракиргиз и киргиз и о их родопроисхождении». В феврале 1887 г. Каллаур передал Вышнегорскому 15 книг разных решений волостных и чрезвычайных съездов киргизов, кочевавших по р. Чу[106]. Названных книг с решениями съездов киргизских биев нам обнаружить не удалось, но факт использования их А. Вышнегорским в изданной им книге[107] позволяет относиться к публикации в определенной степени как к ценному источнику норм киргизской юридической практики.

6. И, наконец, последнюю группу источников, которую только условно можно отнести к архивным, представляют отдельные документы и рукописи, время от времени обнаруживаемые в пещерах, мазарах или частных коллекциях. Только

105 В конечном итоге в Положении об управлении Туркестанского края 1886 г. было сформулировано компромиссное решение: верховная собственность на все земли объявлялась государственной, но земля закреплялась в пользование коренного населения по местным обычаям.

106 Архив ГО СССР, ф. 30, оп. 11, д. 52, л. 40.

107 См.: *Н. И. Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы.

в течение 60—70-х годов нашего времени сделано четыре находки, две из которых, по крайней мере, определенно относятся к кокандскому периоду. В мавзолее Ходжи Ахмада Йсави в г. Туркестане обнаружен целый архив кокандских документов (более 400 тюркоязычных, около 400 персидских и 38 русских), который обрабатывается В. К. Шуховцовым и В. Н. Настичем для издания. Документы относятся в основном к прошлому самого г. Туркестана, но вносят и некоторые общие уточнения в историю административной и хозяйственной жизни Кокандского ханства.

Так, один из указов свидетельствует о своеобразных должностных пожалованиях, например, некоему Падшаху-ходже «половины благородной должности раиса» Туркестанского вилайета. Долговые расписки, арендные обязательства, документы отказа от права собственности по тем или иным причинам, акты уголовного делопроизводства, решения казиев о «действенном осуждении и побоях мучительных» виновного в угоне баранов и другие документы указывают на глубину социальных противоречий, которые были характерны как для казахских районов, так и Киргизии времени зависимости от Кокандского ханства[108].

Как проинформировали нас В. К. Шуховцов и В. Н. Настич, документов, непосредственно относящихся к киргизам, в собрании нет. Тем не менее, общие данные позволяют во многом полнее осветить не только различные стороны социально-экономической жизни г. Туркестана, в окрестностях которого кочевали как казахи, так и киргизы, но и способствуют в определенной степени раскрытию взаимоотношений ханства с соседними кочевыми народами.

В ходе археографической экспедиции 1976—77 гг. нами среди населения было собрано несколько старых документов актового и распорядительного характера. И хотя по времени они относятся к концу XIX—началу XX вв., но своим содержанием традиционно восходят явно к более ранним временам и ретроспективно использованы в соотношении с кокандскими документами. Это, к примеру, васика 1309 (1892) г. об условиях аренды милькового участка земли (док. № 3), черновик васики 1318 (1901) г. на продажу участка земли — «правомочного владения и милька» с последующей его арендой прежним владельцем (док. № 2); распоряжение парваначи от 1336 (1917) г. о беспрепятственном прогоне киргизами своих отар из Гиссара в Фергану (док. № 1) и др.[109] Несомненный интерес представляет и бухарская вакфная грамота от 1066 (1655—56) г. о землях в Шахрисябском вилайете[110] (док. № 10) — служившем с XVIII века яблоком раздора между Бухарским и Кокандским ханствами. По аналогичным канонам оформлялись позже и все кокандские вакфы.

В 1964 г. руководителем Тянь-Шаньской физико-географической станции Р. Д. Забировым у подножья отвесного склона на берегу Иссык-Куля (близ с. Карабулак Тонского района) обнаружена «пещерная библиотека»[111], состоящая преимущественно из учебных пособий для новометодных школ. Как выяснилось из беседы с Р. Д. Забировым, книги и вырванные листы (не исключено, что и отдельные документы) были некогда запрятаны в пещере на холмистом берегу. С течением времени пещеру размыло и всю «мешанину» вынесло вниз, к озеру, где книги и были подобраны сотрудниками станции. Особого научного интереса сохранившиеся книги не представляют. Но аналогичный факт обнаружения в 1971 г. целого вороха полуистлевших книжных листов и разрозненных документов в другой пещере, уже в Ляйлякском районе Ошской области[112], позволил отнестись более серьезно к таким находкам и поставить вопрос о целесообразности специальной экспедиции по сбору документов и книг в отдаленных уголках республики.

Примером того, что подобные случайные находки могут иногда таить в себе приятные неожиданности, служит передача в республиканскую библиотеку в начале 60-х годов одним стариком из Атбашинского района (в центре Тянь-Шаня) нескольких книг. Среди них была и рукопись из Атбашинского мазара, которая несколько поколений хранилась у местных жителей. Рукопись в библиотеке зарегистрировали как «Законы Кокандского ханства», поскольку хозяин связывал ее с господством на Тянь-Шане кокандцев. И только специальное обращение к рукописи заставило усомниться в ее отношении к ханскому законодательству. Фотокопия была направлена в Ленинградское отделение Института востоковедения и Институт истории АН Казахской ССР. По заключению востоковедов П. Б. Пиотровского и В. Н. Настича, рукопись содержит три копии довольно известных трактатов по логике и богословию. Это «Солнечный» трактат об основах логики Али ал-

108 *Б. Е. Кумеков, В. Н. Настич, В. К. Шуховцов.* Письменные документы.

109 Хранятся в рукописных фондах Института истории АН Киргиз. ССР.

110 Оригинал в Ошском областном музее. Фотокопия — в фондах Института истории АН Киргиз. ССР.

111 См.: *А. Алтмышбаев.* Ленин и пропаганда, стр. 30.

112 Образцы материалов переданы автору бывшим студентом-практикантом сельхозинститута В. А. Гучевым и хранятся в фондах Института истории АН Киргиз. ССР.

Катиби Дабиран (XIII в.), «Критическое изложение логики» Омара ат-Тафтазани (789/1387 г.) и «Догматы» (ислама в толковании) ан-Насафи (XII в.).

Трактаты являются арабскими копиями, переписка которых была закончена в месяце рамадане 1197 г. х. (в июле 1783 г.). У нас нет оснований считать, что копия выполнена в киргизской среде, скорее всего, сделана каким-нибудь ферганским богословом. Но обнаружение ее в одном из самых отдаленных высокогорных уголков Киргизии свидетельствует в определенной мере о степени распространения мусульманской культуры на территории Киргизии. Рукопись действительно могла служить руководством кокандских казиев в местных спорах по религиозным вопросам. Во всяком случае, без сомнения, ее появление на Тянь-Шане связано с влиянием и господством здесь в первой половине XIX в. кокандцев.

Предварительное всенародное обсуждение, а затем и принятие в октябре 1976 г. сессией Верховного Совета Закона об охране и использовании памятников истории и культуры дало новый импульс к сбору документальных памятников, к которым отнесены «акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы и звукозаписи, а также древние рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания»[113].

После опубликования проекта Закона Институт истории АН Киргиз. ССР создал в составе комплексной археолого-этнографической экспедиции специальную полевую археографическую группу, в задачу которой входили фиксация и сбор старопечатных книг, рукописей и документов на территории Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областей[114].

Республика в плане полевого археографического обследования все предшествующее время оставалась незатронутой, можно сказать, «белым пятном» среднеазиатского региона. Отсутствие до революции национальной письменной литературы и мектебов, почти поголовная безграмотность населения не способствовали, естественно, хождению в Киргизии рукописных и печатных книг. Отсюда и бытовавшее нигилистическое отношение к полевой археографии, неверие в наличие здесь ценных письменных памятников прошлых времен. Но оказалось, что

[113] «Правда», 1976, 31 октября.

[114] Состав группы: В. Плоских (руководитель), востоковед А. Халидов, научные сотрудники Д. Нурмаматов, А. Ормушев, В. Ратман и фотограф Ю. Михайлов.

владельцев рукописей и старопечатных книг не так уж мало. За полтора месяца работы мы встретились с рядом владельцев и нам назвали много лиц и местонахождений рукописных памятников. При этом почти всюду нам рассказывали, что прежде — четыре десятилетия, полвека тому назад — подобный арабографический материал был гораздо обильнее. Но в силу многих причин — изменение сознания и быта, моральное и физическое старение материалов, стихийные бедствия, обычай захоронения книг вместе с покойным владельцем и т. п. — его объем резко сократился, а местами он совсем исчез. Тем не менее нам за два полевых сезона — 1976 и 1977 гг. — удалось приобрести свыше 40 рукописей и 60 старопечатных и литографических изданий на староузбекском, таджикском и арабском языках.

По времени происхождения подавляющее большинство этих материалов относится к XIX—началу XX вв., лишь редкие рукописи восходят к XVIII в. или являются копиями более ранних оригинальных произведений.

По месту происхождения все рукописи с территории Средней Азии, некоторые переписаны на территории Киргизии местными молдо. Печатные книги привозились издалека, их география включает города: Ташкент, Казань, Бухару, Стамбул, Лакнау, Канпур.

По содержанию рукописные материалы и книги отражают те формы, в которых были распространены в Киргизии грамотность и образование, исламское учение, литература. Книги и рукописи представлены как светского содержания — несут историческую и бытовую информационную нагрузку, хоть в малом количестве, но содержат имена и даты, — так и духовного — изложение положений ислама в специфическом суфийском варианте, как он был распространен в Средней Азии и Киргизии прошлого столетия.

Это прежде всего фольклорные и исторические записи киргизского молдо, одного из первых советских учителей на Иссык-Куле Наамата Укубаева; необычайно популярное сочинение по законоведению, этике и исламскому ритуалу среднеазиатского ученого XII века Бурханаддина ал-Маргинани «Ал-Хидайа» («Верный путь») в индийском литографическом издании 1872 г.; это средневековое шеститомное сочинение по фикху и сборник судебных решений «Ал-Фатава ал-аламгирийа», содержащие тексты исторических документов; анонимный рукописный сборник с бытовыми и поучительно-нравственными сюжетами из Баткенского района; рисоля (трактаты) земледельцев, мясников, ткачей, кузнецов, сапожников и т. п.

Всестороннее исследование находок — дело предстоящего будущего, но несомненно одно: раскрытие содержания рукописей и книг позволяет выяснить круг чтения и репертуар книг, имевших хождение в Киргизии XVIII—начала XX вв., какие литературные и научные знания были доступны грамотным киргизам в прошлом, какие идеи их привлекали, какими нравственными нормами они руководствовались. Тюркоязычные материалы интересны и с лингвистической точки зрения. На некоторые из них наложил отпечаток язык тех, кто их переписывал и читал, т. е. киргизский язык.

II. Завершением обзора шестой группы архивных материалов мы подошли к рассмотрению нового круга источников, а именно — нарративных источников, рукописей, содержащих материалы по киргизско-кокандским взаимоотношениям. В основном это уже упоминавшиеся выше кокандские хроники, династийные истории, написанные на таджикском или староузбекском языке. И лишь считанные единицы рукописей, созданных в киргизской среде прошлого века, дошли до нашего времени. Их настойчивые поиски в архивохранилищах, мазарах, у местных жителей могут привести к новым ценным находкам.

В Центральном государственном архиве Казахской ССР нами выявлены и использованы в сравнительном аспекте «Эреже» — установлении киргизского обычного права, оформленные решением Токмакского чрезвычайного съезда киргизских биев (1—15 мая 1893 г.)[115]. В них заметно влияние статей «Положения об управлении Туркестанского края», но в основе лежали традиционные нормы киргизского обычного права, которые и представляют главный интерес.

В объяснительной записке по поводу свода статей чрезвычайного съезда биев начальник Пишпекского уезда А. Талызин отмечал, что он «ничего нового в себе не заключает, а составляет „иредже" *(эреже)*, уже давно установившегося» и полностью основывается на обычном праве киргизов. При этом подчеркивалось, что «обычаи киргиз-кайсаков и каракиргиз во многом разнятся и по первым обычаям нельзя во всем судить о последующих»[116].

Надо сказать, что царские власти, беспокоясь как бы постановление Токмакского чрезвычайного съезда биев не приобрело силу закона и руководства в киргизских волостях, изъяли его из обращения. Но оно сохраняет значение как источник традиционного обычного права, регулировавшего внутреннюю жизнь и внутреннее управление в киргизском обществе XIX в. и предшествующего времени.

115 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 1, д. 443 а.
116 Там же, л. 4—5.

Написанное четкой арабской графикой «Эреже» легко читается, но еще не использовано в научной литературе, хотя представляет несомненный интерес не только для историков, но и киргизских правоведов, философов, языковедов.

Попутно следует отметить, что во время проведения сенатором К. К. Паленом ревизии Туркестанского края по его инициативе в Ташкенте и Пишпеке были организованы специальные съезды биев для записи норм местного материального права, «бытующего и бытовавшего» среди киргизов и узбеков. В Пишпеке от киргизов присутствовали Шабдан Джантаев, Чолпонкул Тыналин, Ногайбай Даулетпаков, Сулейман Корчин и Узбек Башкоев[117]. Материалы в некоторой степени нашли отражение в «Отчетах» К. К. Палена, но сам первоисточник — записи с Пишпекского съезда биев — еще предстоит выявить.

В 1951 г. проф. Б. М. Юнусалиев впервые ознакомился в Ошской области с рукописью «санаты» киргизского поэта XIX в. (предположительно 1820—1896 гг.) Молдо Нияза. В 1956 г. санаты были переданы заместителем управляющего Рудоуправлением «Кызыл-Кияуголь» А. Токтомбаевым в Академию наук Киргизской ССР. В 1962 г. на Иссык-Куле обнаружена вторая рукопись — героические песни, приписываемые также Молдо Ниязу. Оба сборника хранятся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР.

Лингвистический анализ санат дан проф. Б. М. Юнусалиевым, пришедшим к заключению, что они написаны «на киргизском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта»[118]. Предварительный источниковедческий анализ санат проведен нами с Т. Назаралиевым[119], но всестороннее изучение рукописного наследия Молдо Нияза — еще предстоящее дело.

Биографических сведений о Молдо Ниязе не сохранилось, за исключением отдельных строк в его наставлениях. Судя по содержанию «Санат», Молдо Нияз объездил Фергану, Чуйскую и Таласскую долины, был на Сусамыре, в Нарыне и Ат-Баши, являлся участником, либо свидетелем важных событий в истории Кокандского ханства и Киргизии 40—70-х годов XIX в. Все персонажи, упоминаемые в произведениях Мол-

117 См.: ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 387.
118 *Б. М. Юнусалиев.* Отражение диалектных особенностей, стр. 50.
119 См.: *В. М. Плоских, Т. Назаралиев.* Оригинальные источники, стр. 64—72.

до Нияза, — исторические личности. Это преимущественно киргизские и кокандские феодалы: Худояр-хан, кратковременный всесильный регент Алымкул, кашгарский и бадаулет Якуб-бек, герои и защитники киргизского народа от произвола кокандских наместников Суванкул, Таир и др.

В «Санатах» нет единой, изложенной в систематическом плане темы. По всему сборнику разбросаны бытовые и исторические сценки. Немало места отводится повествованию о деспотизме кокандских ханов, безжалостном правлении их наместников, самоуправстве биев. Молдо Нияз критикует жестокость власть имущих, с сарказмом описывает бесчинства ханских посланцев в Киргизии. В целом в «Санатах» можно проследить четыре исторических сюжета: бичевание социальной несправедливости и насилия ханских джигитов; противоборство кокандских и царских войск, занятие русскими Чимкента и Ташкента; положение и роль Алымкула в истории Коканда и Киргизии; бегство отдельных отрядов киргизов и кыпчаков — сторонников Алымкула — от Худояр-хана к Якуб-беку и деспотизм кашгарского бадаулета.

Молдо Нияз не сумел подняться до исторического обобщения или анализа фактов. События он преподносит так, как их воспринимал,—несколько наивно и субъективно в силу ограниченности своего мировоззрения, идеализации отдельных лиц. Его исторические сведения более скудны, чем в аналогичных кокандских нарративных источниках. Но их особая ценность заключается в другом — это одно из немногих исторических полотен, нарисованных представителем киргизского народа о современном ему кокандском периоде.

«Санаты» Молдо Нияза, несмотря на то, что преподносят некоторые события с определенных классовых и религиозных позиций, при достаточно критическом восприятии могут служить серьезным историческим источником. Будучи по своей сути гуманистом, Молдо Нияз по-новому осветил отдельные стороны положения киргизов в Кокандском ханстве.

Нарративные источники, представленные кокандскими и бухарскими хрониками, важны для исторической характеристики внутреннего и внешнеполитического положения в ханстве, определения роли и участия киргизов в политической жизни Коканда. Являясь в подавляющем большинстве придворными хрониками, они почти не отражают экономической жизни общества, не содержат существенно важных сведений по социальной структуре и классовым отношениям, данных о положении трудящихся. Восстания и неповиновение народных масс в них трактуется тенденциозно. Однако при серьезном критическом подходе они могут быть использованы в исследовании и нами привлекались как по публикациям, так и рукописным собраниям и переводам.

Наиболее ценным нарративным источником по истории киргизов второй половины XVIII в. является сочинение Мухаммед Садыка Кашгари «Тазкира- и ходжиган» («Жизнеописание ходжей»)[120]. В основном посвященное междоусобной борьбе белогорских и черногорских ходжей за власть в Восточном Туркестане сочинение содержит сведения об участии в этой борьбе илийских и ферганских киргизов. Много внимания в нем уделяется киргизскому предводителю Ковад-бию, действия которого оказались решающими при захвате власти в Кашгаре белогорской партией. Учитывая, что Мухаммед-Садык написал свое произведение по заказу приверженцев черногорских ходжей и отрицательно трактует действия их противников — киргизов, источник потребовал строго критического подхода.

Одним, пожалуй, из самых полных среднеазиатских источников по истории Кокандского ханства является упоминавшееся ранее сочинение «Тарихи Шахрохи» (хотя в тексте оригинала дважды повторяется «Таварих-и Шахрухийе»). Работа написана Мулла Ниязом (Мулла Нияз-Мухаммед б. Ашур Мухаммед-и Хоканди) в 1288 (1871) г. и опубликована через 15 лет в оригинале на таджикском языке Н. Н. Пантусовым. Отдельные извлечения в свое время были переведены и опубликованы В. В. Бартольдом и В. А. Ромодиным[121]. В. А. Ромодин любезно предоставил возможность использовать по рукописи сравнительно полное изложение перевода «Тарихи Шахрохи», что позволило более широко затронуть многие интересные стороны политической истории взаимоотношений киргизов с Кокандским ханством, особенно с середины XIX в.

В 1 томе «Материалов...» В. А. Ромодин приводит переводы извлечений, касающихся истории Киргизии второй половины XVIII—первой половины XIX вв., из рукописей Мирзы Каландари Исфараги («Шах-наме» или «Тарихи Омар-хани») и Мухаммеда Хаким-хана («Мунтахаб ат-Таварих»)[122].

Один из списков упомянутой рукописи Мирзы Каландара под названием «Шах-номаи Омар-хани» («Омарханова царская книга») хранится в Душанбе (АН Тадж. ССР, инв.

120 Извлечения из источника переведены и опубликованы: *М. А. Салахетдинова.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари, стр. 101—125.

121 *В. В. Бартольд.* Туземец о русском завоевании; *его же.* Извлечение из Тарих-и Шахрухи; Материалы по истории киргизов.

122 В кн.: Материалы по истории киргизов, стр. 224—237.

№ 1083) и нуждается в тщательном изучении. При дальнейшем исследовании сочинения Мирзы Каландара и его списков теперь может и должна быть привлечена рукопись изложенной в стихах истории Омар-хана, принадлежащая перу кокандского поэта Фазли Намангани, поскольку сочинение Мирзы Каландара восходит к этой стихотворной истории[123]. Заслуживает внимания и рукопись Абдугафура «Зафар-наме-и Худояр-хани» («Книга о победах Худояр-хана»), находящаяся в Ташкенте (ИВ АН Узб. ССР, инв. № 598).

Аннотированное описание таджикских рукописей по истории Кокандского ханства из собраний Ленинградского отделения Института востоковедения дает Н. Д. Миклухо-Маклай[124]. К ним еще неоднократно придется обращаться всем исследователям, занимающимся политической историей Кокандского ханства. По фотокопии из фондов ЛОИВ АН СССР нами использована рукопись 1870—71 г. «Тухфат ат-таварих-и хани» (инв. № С-440, в переводе В. К. Шуховцова и В. Н. Настича[125]) о политических событиях в Кокандском ханстве с Алим-хана до Худояр-хана, походах на Ура-Тюбе, Джизак и Ташкент. Правда, автор почти не уделяет внимания участию киргизов в этих событиях, но для общего представления об истории Кокандского ханства рукопись несомненно интересна. Особенно ценны «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд» и «Глава о покушении на жизнь эмира Алим-хана» — свидетельства внутренних волнений в ханстве начального периода.

В некоторых письменных памятниках кокандского времени нашла отражение легендарная история основания и «святости» г. Ош. Одно из таких сочинений — «Трактат о городе Оше» хранится в рукописных фондах ЛОИВ АН СССР. Особого исторического значения подобные памятники не имеют, но интересно мифологическое осмысление некоторых моментов, в частности, что город Ош — «лучший из городов», сначала был маловоден, но после перенесения горы и освобождения русла реки стало «в городе Оше достаточно воды»[126].

Военно-политическим событиям в Кокандском ханстве и соседней Бухаре, их междоусобной борьбе посвящен ряд со-

123 См.: Материалы по истории киргизов, стр. 225 и прим. 10.
124 *Н. Д. Миклухо-Маклай.* Описание, вып. 3, стр. 321—334.
125 Хранится в рукописных фондах Института истории АН Киргиз. ССР.
126 Рукоп. ЛОИВ АН СССР, инв. № С-2038, л. 42-б—44-а. Фотокопия и перевод В. Н. Настича и В. К. Шуховцова хранятся в фондах Института истории АН Киргиз. ССР.

чинений, опубликованных полностью[127] или частично описанных советскими исследователями[128] («Тарих-и джахан-Нумаи» Муллы Аваз Мухаммеда, «Хуласат ал-ахвал» Абу Убайдуллы и др.). Все они использованы по публикациям при характеристике главным образом политических взаимоотношений феодалов и описании борьбы трудящихся против социального и национального гнета.

Социальная действительность ханства, нетерпимый феодальный гнет нашли своеобразный отзвук и в поэзии — в творчестве кокандских поэтесс XIX в. Надиры и Дильшод[129], рукописные произведения которых и стихи, передаваемые из уст в уста, пользовались особым успехом у простого люда.

Из зарубежных публикаций, относящихся к категории источников, в полной мере использованных нами, следует назвать подборку писем о путешествии Муллы Абдул Маджида — посланца индийского губернатора к кокандскому хану в 1860—1861 годах, а также отчет Т. Монтгомери о путешествии «мирзы» в Коканд с описанием сцен киргизской жизни на Алае[130]. Представляет интерес, как источник, и нумизматическая работа американца Чарльза Торре о коллекции кокандских монет, в свое время вывезенной путешественником Юджином Скайлером[131]. Но самым полным нумизматическим источником является изданный в Ташкенте в 1976 г. С. Х. Ишанхановым каталог кокандских монет XVIII—XIX веков[132]. Нумизматические коллекции позволяют уточнить некоторые детали кокандской хронологии и колебание денежного номинала в Коканде во времена различных правителей.

Большой материал и о киргизах, и о ханстве содержится в китайских источниках. В литературе уже многократно писалось о тенденциозности цинских хроник, поскольку в основе

127 *Мирза-Шемс Бухари.* О некоторых событиях; *Саттархан Абдул-Гафаров.* Краткий отчет внутреннего состояния; *Мирза Абдалазим Сами.* Тарих-и Салатин-и Мангитийа.
128 *Р. Набиев.* Уникальный источник; *А. Урунбаев.* Неизвестная рукопись; *А. Мухтаров.* О некоторых неизвестных источниках; *А. Е. Маджи.* Новый источник по истории Коканда.
129 См.: *М. Кадырова.* Надира. Очерк жизни и творчества: *А. Мухтаров.* Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа; *А. Каюмов.* Кукон адабий мухити.
130 Report of Jorney to Kokan; *T. G. Montgomery.* Report of «The Mirzas».
131 *Ch. T. Torrey.* Gold coins of Khokand.
132 Первые публикации по кокандской нумизматике относятся к середине XIX в. См.: *П. С. Савельев.* Список известных доселе монет; *В. В. Григорьев.* Современные монеты; *его же.* Еще о кокандских монетах. Последняя нумизматическая публикация — «Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв.».

официальной историографии лежал с глубокой древности «китаецентристский» принцип. По этому принципу только за китайцами признавалось право на историю, на могущество, на цивилизацию. Все остальные народы рассматривались как «варвары», как данники «могучей» Поднебесной империи. Но все это — внешняя оболочка, призванная удовлетворить честолюбивые замыслы приходящей в упадок цинской династии, внешняя форма, направленная на поддержание блефа могущества. Критический подход к китайским источникам позволяет освободить действительно ценные сведения от наносной шелухи, в которую их облекали цинские чиновники. Первая публикация в России китайских сведений о Восточном Туркестане, среди которых были материалы о киргизах Тянь-Шаня, относится к первой трети XIX в. и связана с именем знаменитого русского синолога Н. Я. Бичурина. Специальная выборка китайских известий о киргизах XVIII в. сделана А. Н. Бернштамом, а первый опыт сопоставления сведений из китайских, среднеазиатских нарративных и русских источников о киргизах проведен В. А. Ромодиным и А. А. Кондратьевым[133]. В настоящее время в фондах Отделения общественных наук и Института истории АН Киргизской ССР хранится рукопись проф. Н. Кюнера «Библиография китайской литературы по истории киргизов и Киргизстана» (1947 г.). Здесь же собраны переводы извлечений из основных китайских источников XVIII—середины XIX вв. со сведениями о киргизах. Основная работа по переводу материалов была проведена в 50-х годах ленинградскими востоковедами А. А. Кондратьевым, С. И. Кычановым и Л. Г. Ефимовой. Позже, в 60—70-х годах, над переводами новых извлечений работали Г. П. Супруненко и Н. Мадеюев, труды которых отложились в фондах под общим названием «Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.».

Как публикации, так и рукописи содержат в основном извлечения из следующих китайских источников: «Сиюй вэнь цзянь лу» — «Описание виденного и слышанного о Западном крае» (Чунь Юань, 1777); «Хуанчао фаньбу яолюе» — «Краткий обзор иноземных племен при маньчжурской династии» (Ци Юнь-ши, 1846); «Сичуй яолюэ» — «Сводка основных данных о Западном крае» (Ци Юнь-ши, 1808); «Циньдин Синцзян шилюе» — «Высочайше утвержденное краткое обозрение

133 *Н. Я. Бичурин.* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана; *А. Н. Бернштам.* Источники по истории киргизов; *В. А. Ромодин* и *А. А. Кондратьев.* Опыт сопоставления сведений.

Синьцзяна» (Сун Юнь, 1821); «Пин дин чжуньгээр фанлюэ»— «Описание умиротворения Джунгарии» и др.

Источники содержат отрывочные сведения о хозяйстве и занятиях киргизов, их взаимоотношениях с узбекским населением, раскрывают агрессивную политику маньчжурской империи Цин в отношении народов Восточного Туркестана, говорят об отпоре цинам со стороны киргизов и Кокандского ханства, об участии киргизов в политических событиях и восстаниях Восточного Туркестана.

III. В качестве самостоятельного ценного источника выступают этнографические материалы, позволяющие в ретроспективе подойти к характеристике хозяйства, социальной структуры и патриархально-родовых форм быта киргизского народа в первой половине XIX века. Это преимущественно черновые материалы — полевые дневники, предварительные наброски и записки, экспедиционные отчеты. Их ценность как источников определяется, в частности, свежестью непосредственного восприятия рассказов киргизских аксакалов, передающих из уст в уста *санжыру* — родословия, старинные предания и различные истории знатоков народных обычаев и быта.

Большая работа по сбору этнографических материалов, главным образом с целью изучения патриархально-родовых пережитков, проводилась в первые годы социалистического переустройства киргизского общества. Специальные экспедиционные поездки 20-х годов Н. Х. Калемина, П. П. Кушнера, П. Погорельского, В. Батракова, Ф. А. Фиельструпа, Н. П. Дыренковой, С. М. Абрамзона дали уникальные материалы о традиционных чертах хозяйства, быта, социальной структуры киргизского населения в прошлом. Они использовались как по рукописным оригиналам, отложившимся в архиве Киргизского филиала Института марксизма-ленинизма и в фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, так и по информационным и монографическим публикациям.

Собранные с чисто практической целью анализа существовавшего социально-экономического положения в отдаленных высокогорных районах Киргизии для разработки мер социалистического переустройства киргизского аила и кишлака этнографические материалы позволяют выявить характерные черты хозяйства, быта и социальной жизни киргизского народа в отдаленный кокандский период.

Из названных материалов особо следует отметить «Отчет обследования проф. Кушнером (П. Кнышевым) киргизского хозяйства» (1925 г.) и «Докладную записку» Н. Х. Калемина по результатам обследования в 1925—1926 гг. высокогорных волостей Нарынского района, широко использовавшихся в

практической деятельности 20-х годов всеми, кто интересовался общественной жизнью и традиционными киргизскими институтами.

Позже эти работы были преданы забвению и только С. М. Абрамзон несколько раз упоминал о рукописи Н. Х. Калемина, отмечая ее историко-этнографическую ценность.

Такой же интерес представляют и более поздние записи этнографов и историков, проводившиеся в ходе научно-исследовательской работы в 30—50-е годы. Полевые записи и экспедиционные отчеты С. М. Абрамзона, А. С. Бежковича, С. И. Ильясова, К. У. Усенбаева, С. С. Даниярова и других хранятся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР. Здесь отложилась и этнографическая рукопись Б. Солтоноева — знатока киргизских преданий, хорошо знакомого с внутренней жизнью киргизского аила («История киргизов и казахов», инв. № 1057). Отдельные ее разделы содержат материал о связях киргизов с Кокандским ханством, междоусобной борьбе киргизских феодалов, сословном делении киргизского общества, имеют фрагментарные, но ценные сведения о киргизском хозяйстве и традиционном быте.

Множество оригинальных зарисовок и сцен общественной жизни и военной организации в прошлом, крупицы исторических сведений, нередко перемежающиеся с фантастическими сценами, содержат монументальные произведения киргизского народного эпоса в публикациях на русском и киргизском языках. «Манас» в записи 20-х годов от сказителя Сагымбая Орозбакова и подстрочном переводе таких крупных лингвистов, как Е. Д. Поливанов, И. А. Батманов и др. (полная запись в нескольких томах—260 печ. л.—хранится в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР), представляет ценный источник по истории Киргизии XIX в. и более ранних времен. Известно, какой большой индивидуальный отпечаток сказителей носят различные варианты эпоса. Сагымбай Орозбаков, проживший большую часть своей жизни до революции, являлся знатоком кокандского периода. Его отец был горнистом у крупного киргизского манапа Ормон-хана и сопровождал его в различных походах. Сам Сагымбай имел возможность слушать и учиться у своих знаменитых предшественников, живших в первой половине XIX в. Отличаясь религиозностью, Сагымбай внес в свой вариант пересказа эпоса и ряд мотивов, не свойственных народной природе «Манаса». Они отличаются искусственностью и легко

выделяются. Но в то же время Сагымбай «всегда старался наиболее полно отразить в эпосе историю»[134].

Историческим отражением участия киргизов в восстаниях местного населения Восточного Туркестана против цинских феодалов является описание в «Манасе» похода на Кашгар и помощи киргизов Джахангиру. Правда, в эпосе произошло хронологическое смещение — этот эпизод связан с одним из первых походов Манаса, а историческое участие киргизов в восстаниях Ходжи Джахангира относится к началу XIX в. Отголоском борьбы киргизского народа против цинских агрессоров является и одна из стержневых сцен эпоса — «Великий поход» (или «Поход на Бейджин»)[135]. Естественно, «Манас» в качестве исторического источника требует особо осторожного подхода, это «не беспристрастная летопись событий, а эмоциональное отражение действительности»[136]. Но в совокупности с другими источниками может способствовать выявлению истинных исторических событий.

В сравнительном плане привлекались и некоторые фольклорные записи, несущие определенную историческую нагрузку[137], материалы по исторической лингвистике[138], словари.

Уникальным по своему значению историческим источником является киргизско-русский словарь живой разговорной речи, составленный большим знатоком языка и истории К. К. Юдахиным. Словарь содержит обильный этнографический материал, точно фиксирующий значение разнообразных исторических терминов, в частности, позволяющих судить о некоторых сторонах социально-экономических отношений у киргизов, а также хозяйственной терминологии. Словарь содержит многочисленные примеры из произведений киргизского эпоса, множество пословиц и поговорок, отражающих взгляд народа на свое прошлое.

В работе использована и определенная часть этнографических материалов, собранных нами во время экспедицион-

134 *К. А. Рахматуллин.* Творчество манасчи, стр. 85; *его же.* Эпос «Манас» и его сказители. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1289, ч. 1. Исторические моменты в эпосе.

135 «Манас». Великий поход (вариант Сагымбая). Перев. Е. Д. Поливанова, ред. И. А. Батманов. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР.

136 *А. Н. Бернштам.* Эпоха возникновения киргизского эпоса, стр. 165. См. также: *В. М. Жирмунский.* Введение в изучение «Манаса».

137 «Тайлак-батыр», «Песнь об Абдулла-беке», «Песнь о борьбе племен бугу и сарыбагыш» и др. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 225, 1566, 128.

138 *Е. Д. Поливанов.* Киргизская работа; *его же.* Отчет о дунганской лингвистической экспедиции; *его же.* Разные рукописи. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 22—23, 6, 25.

ных поездок по различным районам Киргизии. В 1961—1962 и 1966—1967 гг. на Алае было сделано несколько записей исторических рассказов о прошлом, главным образом в связи с участием киргизов в кокандских событиях и восстаниях в Восточном Туркестане. Надо сказать, что до сих пор в народной памяти хранятся передаваемые из поколения в поколение рассказы о киргизском визире Кокандского ханства Алымбекедатхе, о его жене, знаменитой «алайской царице» Курбанджан, об их сыновьях Джаркинбае, Абдуллабеке, Батырбеке, Хасанбеке. Летом 1962 г. бывший работник вакфного отдела, старейший житель г. Ош Д. Зайнабитдинов (отец которого одно время был писарем Курбанджан-датхи), передал нам рукопись воспоминаний о клане крупнейших киргизских феодалов — Алымбеке и его наследниках, их медресе и вакфном хозяйстве, дела которого информатор принял в вакфотдел уже при Советской власти.

В 1968—1969 гг. в Фергане, на Чаткале и в Атбаши, в 1970, 1972—1973 гг. в Кетмень-Тюбе, в 1971 и 1973—1974 гг. в Центральном Тянь-Шане и в Прииссыккулье в 1976 и 1977 гг. в Ошской, Нарынской и Иссык-Кульской областях нами собирались материалы, связанные с вопросами кокандской колонизации Киргизии и историко-хозяйственной терминологией, записывались исторические легенды и предания. Они представляют собой чисто вспомогательный материал, уточняющий лишь детали общей картины исторического прошлого. Но изредка имеют и более серьезную ценность, как, например, информация туура-суйского жителя (в Прииссыккулье) Касыма Сооронбаева (1892 года рождения). Его передача легенды о Кан-Дюбе, о коруке (курук) его предков в Туура-Су, обследование окрестностей позволили нам прийти к выводу о наличии у киргизов в XVIII—XIX вв. своеобразных феодальных хозяйств, огороженных заповедников, коруков, и земледелии в Прииссыккулье в кокандский период[139].

Наши полевые изыскания привели к убеждению о необходимости привлечения археологического материала как самостоятельного оригинального источника и организации специальных целенаправленных раскопок для выяснения таких вопросов истории Киргизии XVIII—XIX вв., ответы на которые не могут полностью дать другие источники[140]. С этой

[139] *В. Плоских.* Киргизский курук, стр. 145—159.

[140] Надо отметить недостаточное еще внимание киргизских археологов к позднесредневековым памятникам, хотя А. Н. Бернштам, П. Н. Кожемяко, Ю. А. Заднепровский, Д. Ф. Винник и фиксировали их во время крупномасштабных археологических работ.

целью нами были совершены разведочные поездки и проведены шурфовочные раскопы на упомянутом коруке Туура-Су, зачистки и измерения длинных стен на Иссык-Куле и Алае, раскопки укрепления Улуг-Коргон (Узун-Ахмат) в Кетмень-Тюбе, сняты на план крепость Кан и Дараут-курган, осмотрены остатки кокандских крепостей на Алае, Центральном Тянь-Шане, на Иссык-Куле, обследованы направление и характер старой ирригационной сети, собраны и зафиксированы отдельные предметы вооружения и орудия труда киргизов XVIII—XIX вв.[141]

Проведенные археологические работы, визуальное обследование развалин кокандских укреплений и киргизских коруков, остатков ирригационных сооружений, гумбезов и мазаров, зимовок и джайлоо позволили лучше понять сущность и особенности развития феодальных отношений в Киргизии и влияние на этот процесс Кокандского ханства; дали возможность точнее определить расположение и предназначение кокандских укреплений на территории Киргизии. Позволили прийти к новым интересным выводам о традиционности коруков как феодальных владений у киргизов, о наличии у них своих укреплений, не связанных с кокандской колонизацией, о степени распространенности и характере здесь земледелия во второй половине XVIII—первой половине XIX в.; и, наконец, поставить вопрос о многочисленных «длинных» стенах, очень часто встречающихся на территории Киргизии, о строительной технике киргизов кокандского периода, о широком распространении горнорудных промыслов и др.

Комплексное использование источников убеждает нас в правильности выбранного подхода к решению темы, возможному только с привлечением разносторонних и разнохарактерных материалов, только при их сопоставлении и критическом, строго научном осмысливании.

В заключение характеристики использованных источников, можно и нужно признать, что они служат достаточным основанием, серьезной базой для исследования всех сторон взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, существовавшего столетие; позволяют уточнить разработанные и раскрыть новые аспекты избранной темы. Однако при всей комплексности исторические источники всегда неполны и односторонни. И

[141] Предварительные публикации см.: *В. Плоских.* Кокандские крепости; *В. Горячева, В. Плоских.* Киргизская крепость; *В. Плоских, В. Галицкий.* Открытие древностей; *В. Плоских.* Киргизский курук; *В. Плоских. В. Горячева.* Укрепление Улуг-Коргон; *В. Плоских.* Археологические работы в Киргизии.

наша задача заключалась в том, чтобы, дополнив их гипотетическими реконструкциями, представить цельную картину прошлой истории взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства и дать им оценку с позиций достижений советской историографии сегодняшнего дня.

2. КИРГИЗИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

1. Взаимоотношения киргизов с соседями в середине XVIII в.

Два с лишним столетия назад разрозненные родо-племенные группы киргизов перемещались на территории от Ходжента на западе Ферганской долины до равнинной части Кашгарии на востоке, от бассейнов рек Таласа—Чу—Или на севере до Памиро-Алая на юге. К этому времени уже сформировалась киргизская народность как историко-этническая общность. Феодальные отношения были господствующими. Но родо-племенная раздробленность и прочно укоренившиеся в быту дофеодальные отношения тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению киргизов. Все это вело к тому, что соседние государства смотрели на Киргизию, как на удобный объект для завоевания.

В связи с этим восемнадцатое столетие для истории киргизов отмечено упорной борьбой с Джунгарским ханством, небезуспешным отражением цинской агрессии, внутренними феодальными усобицами и постепенным подпадением под власть Кокандского ханства. Особенно политически активную роль играли ферганские и тянь-шаньские киргизы, выступавшие совместно с узбекскими племенами минг и юз[1]. В начале XVIII в. от Бухарского ханства отпадает Фергана[2], в ней обособляется несколько самостоятельных мелких бекств. Около 1710 г. узбекский феодал из племени минг Шахрух-бий перехватил власть у ходжей — представителей клерикальных дервишских братств — и положил начало новой ханской династии, правившей в Коканде до 1876 г.[3] Начиная с Шахруха, возведение на престол всех последующих правителей Коканд-

[1] ПЗСТКЛА, год 20-й, вып. 1, стр. 78; *П. П. Иванов.* Очерк истории, стр. 110.
[2] История Бухары, стр. 119.
[3] Для справки и удобства хронологической ориентации приведем генеалогическую таблицу кокандских правителей, поскольку в литературе можно встретить довольно существенные разночтения.
Шахрух-бий — 1709/10—1721/22.
Абд ар-Рахим-бий — 1721/22—1734(?).
Абд ал-Карим-бий — 1734 (?) — ок. 1750/51.
Низам ад-Дин Мухаммад Баба-бий — ок. 1750/51.
Ирдана-бий — 1751—1770.
Нарбута-бий — 1770—1800.
Алим-хан — 1800—1809.

ского ханства сопровождалось традиционным кочевническим обрядом поднятия на белом войлоке падишахства[4].

Непосредственно Коканд, сначала как крепость *(кала)*, был основан сыном и правопреемником Шахруха Абд-ар-Рахим-бием и в его честь назван Кала-и Рахим-бий. С именем Рахим-бия связано и первое киргизско-кокандское противоборство в Фергане. В это время на политическую арену в качестве активной политической силы выступают в Фергане киргизские феодалы. Даже в материалах русских архивов в документе 1734 г. упоминалось: «Еще есть в соседстве с Водохшанскою (Бадахшан. — *В. П.*) землею малая провинция киргис, где собственной их хан...»[5].

Один из среднеазиатских нарративных источников — «Тухфат ат-таварих-и хани» называет ходжентского правителя 20-х годов Акбута-бия киргизом[6]. Он являлся тестем (по другим свидетельствам — шурином) кокандского правителя Рахим-бия и имел на службе специальный киргизский отряд со своим пансатом (пятисотником). Мухаммед Хаким-хан, автор сочинения «Мунтахаб ат-таварих»[7], развертывает следующую картину борьбы между ходжентским и кокандским правителями.

Омар-хан — 1809—1822.
Мадали-хан — 1822—1842.
Шер-Али-хан (Шералы-хан) — 1842—1845.
Мурад-хан — 1844.
Худояр-хан — 1844—1858; 1862—1863; 1865—1875.
Малля-хан — 1858—1862.
Шах-Мурад — 1862.
Султан-Сеид — 1863—1865.
Худай-Кул — 1865.
Насреддин-бек — 1875—1876.

Таблица составлена по «Тарихи Шахрохи», а также публикациям В. П. Наливкина, Л. П. Стэнли, В. В. Бартольда, В. А. Ромодина, Х. З. Зияева, E. Schuler, Ch. C. Torrey, С. Х. Ишанханова и др. и уточнена по легендам ханских печатей и монет, по архивным материалам.

4 Тарихи Шахрохи, стр. 21 и др.

5 АВПР, ф. Киргис-кайсацкие дела (Большая Орда), 1774, оп. 122/3, д. 2, л. 12. Речь шла именно о киргизах, а не казахах, которых наиболее осведомленные авторы в России в XVIII столетии довольно четко различали. Так, посол Петра I Флорио Беневени из Бухары в своем секретном донесении — «цифирной реляции» — сообщал о народах, которые окружали Бухарское ханство, это «ташкентцы, киргиси, каракалпаки и казахи». См.: *А. Попов.* Сношения России. Приложение, стр. 379.
П. И. Рычков в своей Оренбургской рукописи, подготовленной в 1749 г., называет народ «алатай-киргизы», которые кочевали около городов Ходжент, Наманган и Маргелан, «в горах каменных и неприступных» (Архив АН СССР, р. II, оп. 1, д. 126, л. 9).

6 *В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев.* Опыт сопоставления, стр. 130, прим. 36.

7 Перевод извлечений выполнен В. А. Ромодиным. См. МИКК, вып. 1, стр. 229—232.

Первоначально Акбута, породнившийся с Рахим-бием, передал ему правление Ходжентом, «а сам предался усладам жизни и удовольствиям». Но позже, испугавшись за свою власть, он отдал приказ схватить Рахим-бия. Тому удалось бежать. Высланный в погоню отряд киргизов был почти полностью истреблен. Одно время они помирились, но в конце концов Рахим-бий сумел коварством уничтожить Акбуту-бия и его сыновей и воссесть «на престол эмирства».

Убийство Акбуты послужило началом слияния мелких феодальных владений Ферганы (Ходжента, Маргелана, Андижана) в единое государство, позже оформившееся как Кокандское ханство. Оставив управление Кокандом за собой, Рахим-бий передал Ходжент своему брату Абд ал-Кариму, а Маргелан — младшему брату — Шади-бию[8]. Источник называет Абд ар-Рахим-бия ханом, получившим за подвиги пышный титул *сахибкиран* (один из эпитетов Тимура — «обладатель счастливого сочетания двух светил»). Не исключено, что его «наградили» этим титулом позднее льстивые придворные летописцы, а слово «хан», скорее всего, употреблялось в смысле «правитель», так как этот титул прочно укрепился за кокандскими правителями позднее — с конца XVIII в.[9]

Абд ар-Рахим-бий правил немногим более 10 лет и был убит заговорщиками. Его преемник Абд ал-Карим-бий выступает уже правителем крупного владения. Это его под именем Абды-Карыма называет Г. Потанин «каким-то владельцем Западного Туркестана»[10]. Время правления Абд ал-Карима отмечено в источниках союзом с киргизскими племенами и совместным отпором джунгарской агрессии против Ферганы, что можно расценивать как крупный политический успех узбеков и киргизов. Абд ал-Карим возводит свою новую крепость Иски-Урду и переносит в нее столицу государства. Укрепление столицы в определенной мере стимулировалось внешнеполитическим фактором — угрозой нападения со стороны Джунгарского ханства. Именно в это время джунгарские феодалы производят набег на Фергану и осаждают кокандскую крепость[11].

Джунгарское ханство играло в свое время видную роль в международных отношениях в Средней, Центральной и Восточной Азии. Экспансионистская политика джунгарских феодалов тяжело отразилась на исторических судьбах киргизско-

8 МИКК, вып. 1, стр. 230—231.

9 См. примеч. В. А. Ромодина. МИКК, вып. 1, стр. 231.

10 *Г. Потанин.* О караванной торговле, стр. 25.

11 Тарихи Шахрохи, стр. 31.

го народа в XVII—первой половине XVIII вв.[12] Но временно оттесненные со своих северных кочевий в Фергану киргизы не прекратили борьбы и не порвали связей с оставшимися на Тянь-Шане племенами.

С одной стороны, они представляли внутреннюю «взрывную волну», доставлявшую много неприятностей джунгарским правителям, потому что всегда были готовы к борьбе.

Посол Петра I И. Унковский, еще во время пребывания на Иссык-Куле в 1723 г., записал о предупреждении, которое им сделали в самой ставке (!) хунтайчжи: «Дабы люди наши за кошею далеко без караульщиков не ходили, опасаясь будто от Казачьей орды и от Бурутов (т. е. киргизов. — *В. П.*), чтобы не увезли кого или не ограбили»[13]. По словам Унковского, киргизов там было около 6 тыс. кибиток, «а войска их около 3000 доброго собраться может»[14], что представляло серьезную силу, враждебную джунгарам.

С другой стороны, киргизы в союзе с узбеками помогли отстоять в 40-х годах независимость Ферганы, а в 50-х — освободиться от власти Джунгарского ханства Восточному Туркестану.

Серьезное столкновение между наступавшими джунгарскими войсками и совместными узбекско-киргизскими силами произошло в Фергане в 1745 г. Галдан-Цэрен, подстрекаемый цинами[15], направил против Кокандского вилайета войска под командованием двух своих полководцев — Септена и Хотола. Иррегулярному кокандскому войску, в составе которого была тысяча «дымов» киргизов, противостояло джунгарское войско в 20 тыс., вооруженное 10 малыми чугунными пушками, навьюченными на верблюдов. Это столкновение Н. Аристов описывает со ссылкой на утерянную впоследствии рукописную статью Г. Н. Потанина «Карта распределения инородцев в Томской губернии с примечаниями» (поступившую в Отделение этнографии РГО в 1873 г.). В ходе ожесточенного сражения джунгары были разгромлены, и только половина из них спаслась бегством[16].

Н. А. Аристов в своей работе небезосновательно полемизирует с В. П. Наливкиным, который вслед за среднеазиатскими хрониками ошибочно относит эти события к 1760 г.[17] Однако

[12] *И. Я. Златкин.* История Джунгарского ханства, стр. 3 и др.; История Киргизской ССР, т. 1, стр. 240—242.
[13] Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи, стр. 39.
[14] Там же, стр. 193.
[15] Перевод извлечений из «Мунтахаб ат-таварих». МИКК, вып. 1, стр. 232.
[16] *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 417—418.
[17] Ср.: *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 61.

Наливкин прав в том отношении, что было не одно, а несколько джунгарских набегов и сражений. Он пишет об активной борьбе киргизского народа с джунгарскими феодалами, выражавшейся в открытых вооруженных столкновениях, в угоне скота (*барымта*) у завоевателей, как было, в частности, сделано киргизами отделения кутлук-сейит из рода багыш, проживавшими в Тянь-Шаньских горах. Именно в связи с непрекращавшейся борьбой киргизского народа против Джунгарского ханства китайские источники писали, что «даже джунгары во времена своего могущества не могли подчинить бурутов»[18].

Однако борьба против джунгар не всегда протекала успешно. В кокандской хронике «Тарихи Шахрохи» сообщается, например, о признании Абд ал-Карим-бием временной зависимости от Джунгарии, когда он отправил туда заложником своего сына Баба-бека[19]. Зависимость была, скорее всего, номинальной, на которую пошел Абд ал-Карим, чтобы прекратить лишние кровопролития и сохранить за собой власть в Коканде. Киргизы же из приферганских гор продолжали вести борьбу против джунгар. В 1748 г. они разбили войска зайсана Доржи. Весной следующего года от киргизов терпят поражения и войска, которые возглавлял на этот раз брат джунгарского хана Лама-Доржи[20]. Как сообщал в своем дневнике русский прапорщик Подзоров, в июне этого же, 1749 года, киргизы заманили в ловушку отряд зайсана Якба «и прибили всех 300 человек без остатка». В ответ на походы джунгарских феодалов киргизы сами выступили против их наместника в Восточном Туркестане и осадили г. Кашгар, для обороны которого джунгарам пришлось приложить немало усилий. Из посланных на помощь осажденным джунгарских войск часть оказалась еще в пути разбитой[21]. Отголоски этих событий достигли и России. П. И. Рычков в 1749 г. в своей первой научной работе записывает о киргизах, что они «часто воюют з зюнгорскими калмыками»[22].

Приведенные свидетельства говорят, что киргизы в середине XVIII в., окруженные труднодоступными горными хребтами, сами представляли серьезную военную силу, выступав-

[18] Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае». Перев. с кит. А. А. Кондратьева. — Рукоп. фонд ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 4051, стр. 3.
[19] МИКК, вып. 1, стр. 233.
[20] *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 418; *В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев.* Опыт сопоставления, стр. 131.
[21] *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 418.
[22] *П. И. Рычков.* Краткое известие (рукоп.), л. 9.

шую в качестве союзника кокандских правителей и успешно противоборствовавшую завоевательным походам джунгарских феодалов.

После смерти Абд ал-Карим-бия джунгары пытались посадить правителем Коканда находившегося под их влиянием заложника Баба-бека, сына Карим-бия. Но через год произошло восстание, Баба-бек был убит, и к власти в 1751 г. пришел энергичный Ирдана-бий[23]. При нем Кокандское владение окончательно оформляется в самостоятельное государство со своим дипломатическим статусом, равное в международных сношениях Бухарскому и Хивинскому ханствам[24].

В 1754 г. бухарский эмир Мухаммед-Рахим, кокандский Ирдана-бий и предводитель киргизского племени кушчи Ковад-бий (или Ковад-мирза) выступили равноправными союзниками в борьбе против Ура-Тюбинского владения. Бухарские хроники называют Ковад-бия на этом этапе «сподвижником и опорой Ирданы». Ура-Тюбе, расположенное на стыке Бухарского и Кокандского ханств, пограничное киргизским владениям, более чем на полвека станет яблоком раздора и объектом многочисленных грабительских набегов. Летом 1754 г. оно еще выступало независимым вилайетом, престарелого правителя которого Фазыл-бия поддерживал хисарский владетель Мухаммед Эминбий (Мад-Амин), с тревогой взиравший на усиление Бухарского и Кокандского ханств. В бухарской хронике «Тарих-и Рахим-хани» эти события представлены следующим образом.

Войска бухарцев, с одной стороны, кокандцев и киргизов — с другой, обложили Ура-Тюбе, на помощь которому подошел хисарский бек. Используя недоверие и подозрительность друг к другу Рахим-хана, Ирданы и Ковад-бия, Мухаммед Эмин решил хитростью внести раскол в стан врага. От имени Ковад-бия он написал подложное письмо, скрепленное поддельной печатью киргизского предводителя. Письмо было якобы адресовано ура-тюбинскому владетелю Фазыл-бию и содержало предложение Ирданы и Ковад-бия о готовности объединить усилия в совместной борьбе против Бухарского ханства. Курьером специально подобрали киргиза и отправили его в

[23] МИКК, вып. 1, стр. 233.

[24] Первоначально Ирдана пользовался печатью с легендой «Ирдана-бий Кокандский», а с 1768 г. добавился титул *ваннагмий* (букв. «благодетель»), который носили беки, отделившиеся от бухарского хана. — ПЗСТКЛА, год 20-й, вып. 1, стр. 74, 82—83. В 1758 г. бухарский хан принимал послов из Хивы, Балха, Бадахшана и Коканда, из чего следует, что статут Коканда как самостоятельного государства в международном плане уже утвердился. — *П. П. Иванов.* Очерки, стр. 109.

сопровождении ура-тюбинского посланника сознательно мимо бухарского караула с тем, чтобы письмо перехватил противник. План удался. Курьера действительно перехватили и письмо доставили бухарскому эмиру. Рахим-хан, и без того не доверявший полностью своим союзникам, с гневом обрушился на Ирдану, обвиняя его в измене. Но тот поклялся в верности и непричастности к письму. Тогда все свалили на Ковад-бия. В лагере союзников начался разлад, взаимные подозрения переросли во враждебность. Здесь уже было не до согласованных военных действий. Бухарцы из предосторожности отступили. Ирдана стал открыто обвинять киргизов в измене. Возмущенный Ковад-бий разорвал союз с кокандцами, «взял своих киргизов и удалился»[25].

На данном этапе прочного союза кокандских и киргизских феодалов не получилось. Он строился единственно на общих захватнических планах, не отвечал интересам народных масс и в своей основе был противоречивым. Но в то же время у Коканда еще не было возможности силой заставить киргизов подчиниться. Кокандское ханство еще не сложилось в централизованное государство и представляло собой союз более или менее связанных между собой четырех владений — бекств: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского, с преобладающим влиянием последнего[26]. Киргизские племена выступали независимо от них.

Не исключено, что разрозненные киргизские племена были связаны каким-то объединяющим началом. Источники упоминают киргизских родоправителей Хаджи-бия, Садык-бия и других, которые в середине XVIII в. наряду с казахскими ханами пользовались в Коканде «большой популярностью». Но чаще всех писалось о Ковад-бие, названном в «Тарих-и Рахим-хани» даже «главой киргизов»[27]. Надо полагать, его власть и влияние в определенной степени распространялись не только на племя кушчи, но и на другие южнокиргизские племена. Однако нет документальных оснований, позволяющих утверждать, что он предпринимал какие-либо попытки объединить киргизские племена и сосредоточить в своих руках централизованную власть. Это был крупный феодал, энергичный и влиятельный, в связи с чем и более известный, чем другие, но преследовавший лишь свои чисто корыстные цели. Своей инициативой он сумел выделиться и оставить заметный

[25] ПЗСТКЛА, год 20-й, вып. 2, стр. 106—109.

[26] *П. П. Иванов.* Очерки, стр. 108.

[27] ПЗСТКЛА, год. 20-й, вып. 2, стр. 115, 117.

след на общем небезмятежном фоне событий XVIII в. В связи с этим известный советский востоковед П. П. Иванов и охарактеризовал Ковад-бия как одного из «выдающихся политических деятелей второй половины XVIII в.»[28].

Основываясь на бухарских и кашгарских сочинениях, можно, действительно, прийти к выводу, что Ковад-бий «был совершенно самостоятельным правителем и в зависимости от личных выгод, по своему желанию мог подружиться или разойтись с тем или другим правителем»[29].

Разойдясь с Ирданой, Ковад-бий обращает свою инициативу на Восточный Туркестан. Он участвует в 1754—1755 гг. в освобождении Кашгара, Яркенда и других городов от джунгарской зависимости, вмешивается в междоусобную борьбу феодально-теократических правителей — белогорских и черногорских ходжей за власть в Кашгаре. Благодаря «Жизнеописанию ходжей» Мухаммед-Садыка Кашгари[30], мы имеем полное представление об этих событиях, отразивших период агонии Джунгарского ханства и политическую активность киргизов в Восточном Туркестане.

Освободившись с помощью илийских и тянь-шаньских киргизов родов кыпчак, найман, чон-багыш, отуз-огул, сарык-калфак от джунгарских наместников в Кашгаре, Хотане и Яркенде, черногорские ходжи развернули борьбу со своими белогорскими соперниками. При этом обе партии особые надежды возлагали на киргизские отряды, которые были решающей силой их войск.

Глава черногорских ходжей Юсуф в благодарность за освобождение от власти джунгар назначил предводителя киргизов Амр-мирзу визирем и заместителем правителя Яркенда. Одновременно он обратился к южным киргизам, в частности Ковад-бию, с просьбой о помощи против приближающегося соперника — главы белогорской партии Бурхан-ад-дина, выходца из Коканда, но на первом этапе выступавшего как ставленник Джунгарии. В своем обращении к Ковад-бию, которого «из-за его исключительной храбрости называли Бахадур-бием», Ходжа-Юсуф напоминал о заслугах предков киргизского феодала в борьбе с джунгарами («неверными») и призывал поддержать эту славу: «О, Ковад-мирза! Ваши предки были верными муридами наших предков. Ваш предок Галиджа-бий был предводителем *(сипахсадар)* мусульманских

[28] *П. П. Иванов.* Очерки, стр. 109.
[29] ПЗСТКЛА, год 20-й, вып. 2, стр. 117.
[30] *М. А. Салахетдинова.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари, извлечения, стр. 103—124.

войск... Он несколько раз преграждал путь боевым мечом этим проклятым неверным и истреблял их... Если вы желаете, окажите честь вашим прибытием (к нам) вместе с вашим племенем *(кабила)*»[31].

Ковад-бий откликнулся на призыв участвовать в борьбе против калмаков. Но пока он собирался, обстановка в Восточном Туркестане переменилась. Умершему Юсуф-ходже наследовал его сын Абдулла-ходжа, который ждал нападения на Кашгар Бурхан-ад-дина. Часть киргизов уже перешла на сторону белогорцев и Абдулла-ходжа бежал, сосредоточив свои войска в Яркенде. Теперь от того, на чьей стороне выступит Ковад-бий, зависело, к кому перейдет власть в Восточном Туркестане. Ковад-бий отдал предпочтение Бурхан-ад-дину, который обещал ему в управление Яркенд. К белогорцам присоединилось к этому времени уже большинство киргизов, ранее поддерживавших Юсуфа-ходжу. В результате, в составе войск Бурхан-ад-дина оказались основные киргизские силы, возглавляемые родоправителями — Ковад-бием, Амр-мирзой, Хаким-мирзой и Суфи-мирзой. Участь междоусобиц черногорских и белогорских ходжей была решена. Сторонники черногорских ходжей бежали, власть в Восточном Туркестане утвердилась за Бурхан-ад-дином[32]. Правда, ненадолго. Приближалось время маньчжуро-цинской агрессии.

Таким образом, можно прийти к следующему заключению.

К середине XVIII столетия киргизы Ферганы, Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана представляли активную политическую силу. Несмотря на родо-племенную раздробленность, их феодалы — предводители крупных племенных объединений — проводили самостоятельную, независимую политику.

Кокандское владение пока еще занималось «внутренним» собиранием земель и не покушалось на киргизскую территорию. Наоборот, в союзе с киргизскими родоправителями кокандские бии выступали в совместной борьбе против последних завоевательных походов агонизирующего Джунгарского ханства.

Поддержав освободительное движение народов Восточного Туркестана против джунгарских наместников, киргизские войска способствовали возвращению в Кашгаре власти феодально-теократическим представителям ходжей. В Восточном Туркестане было создано непрочное буферное государство, в

[31] *М. А. Салахетдинова.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари, стр. 111.
[32] Там же, стр. 112—125.

котором основную реальную силу имели лишь киргизские феодалы — выходцы из Ферганы и Тянь-Шаня.

2. Борьба против цинской агрессии

Ослабленное внутренними феодальными раздорами, непрекращавшейся борьбой киргизского, казахского и других народов за свою независимость, Джунгарское ханство в 1758 г. пало под ударами цинского Китая, войско которого «не только стерло ойратское государство с лица земли, но и довершило свою победу физическим истреблением сотен тысяч его обитателей»[33].

Проводя захватническую политику в Центральной Азии, маньчжуро-цинская династия руководствовалась традиционной доктриной китайских императоров — «руками варваров побеждать варваров». В войне против Джунгарского ханства и Восточного Туркестана в качестве такой силы цины пытались использовать казахов и киргизов. При этом усилиями дипломатии, а иногда и прямой военной угрозой они стремились оторвать киргизов от патриотической борьбы некитайских народов против маньчжур. Но это не всегда удавалось. Киргизы с конца 50-х годов XVIII в. являлись самой активной политической силой, поддерживавшей антицинские выступления местных народов Восточного Туркестана, были участниками почти всех восстаний конца XVIII — начала XIX вв., направленных против господства цинов. Киргизы Тянь-Шаня стали на пути распространения цинской агрессии, а после падения Джунгарского ханства помогли части ойратского населения найти спасение от безжалостного уничтожения.

Посетивший столетие спустя Восточный Туркестан А. Н. Куропаткин писал: «Китайцы, вероятно, считали свою власть малоупроченною в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же 1758 г., пользуясь незначительными частными восстаниями, богдыхан выслал три армии под начальством Фжао-хоя и Фуде с приказанием искоренить джунгаров. Началось страшное избиение калмаков, без разбора возраста и пола. Около 1 000 000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... Жители этой некогда богатой страны были истреблены»[34].

[33] *И. Я. Златкин.* История Джунгарского ханства, стр. 425.
[34] *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 93.

Китайские историки еще недавно сами писали, что «победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии»[35].

От всего ойратского народа уцелела лишь незначительная часть, по подсчетам Л. И. Думана по китайским источникам — около 20%[36]. Их спасло бегство в пределы Средней Азии в Россию. Несколько тысяч ойратов осело в Фергане. Они ассимилировались с местными жителями, сохранив лишь родоплеменное самоназвание *калмак*. На севере Киргизии появилось новое племя *сарт калмак* — осколок в прошлом монолитного народа. Таким образом, несмотря на некогда грабительскую политику джунгарских феодалов, киргизский и узбекский народы, предав забвению былые усобицы, приютили несчастных беженцев и оказали им помощь.

После покорения Джунгарского ханства цинские власти были непрочь расширить свои экспансионистские претензии и на территории киргизов. Первые контакты с киргизами показали, что это сделать не так-то легко из-за труднопроходимости высокогорных кочевий, разбросанности их в значительно отдаленных один от другого районах, героического сопротивления населения, не желавшего покоряться. Цинские власти стали более внимательно присматриваться к киргизам и предпринимать попытку к их нейтрализации с тем, чтобы затем вовлечь в подданство. Еще в 1757 г. цинское правительство направило киргизским феодалам императорский указ, «в котором сообщалось, что после покорения Джунгарии... им (киргизам), повелевается соблюдать долг и жить спокойно»[37].

Исходя из традиционной дипломатической практики, пекинский двор с самого начала отношений с соседними неподвластными ему киргизскими племенами пытался предстать в качестве некоего духовного сюзерена. Заграничные «варвары», по понятиям цинских властей, не могли выступать наравне с Поднебесной империей и им заранее отводилась роль зависимых, хотя богдыхан и не претендовал на право вмеша-

[35] Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ), стр. 549.
[36] *Л. И. Думан.* Аграрная политика, стр. 72—73.
В названных выше «Очерках истории Китая» говорится, что из 200 тыс. семейств джунгар «три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России» (стр. 549).
[37] «Пин дин чжунгээр фанлюэ» («Описание умиротворения Джунгарии»), 1772, чжэнбянь (основная часть), цз. 49, стр. 27а (Далее сокращенно: «Пинчжунь»). Источник использован и цитируется в переводе Г. П. Супруненко по рукописи в фондах Института истории АН Киргиз. ССР.

тельства в их внутреннюю жизнь. Характерен в этом отношении императорский манифест, объявленный преследовавшим ойратских предводителей китайским генералом Чжао-хоем киргизским феодалам:

«Старейшине бурутского (киргизского) племени.

В Джунгарии, с тех пор как умер Галдан Цэрен, идет междоусобица, население не может спокойно жить.

Я, владыка всей Поднебесной, внутри и за пределами, — везде навел спокойствие. Как можно бездействовать, когда у них (джунгаров) беспорядки!

Поэтому специально послал великую армию покорить Или, схватить Даваци[38], успокоить все ойратские племена и заставить их (вернуться на прежние) места. Однако джунгары послушали мятежника Амурсану, снова взбунтовались и были разбиты великой армией.

Вы, буруты (киргизы), никогда не вмешивались в дела джунгаров, но издавна являетесь *соседним владением*. Ныне джунгары полностью покорены, и ваши земли стали *смежны с нашей границей*. Если вы, ... тяготея к (нашей) цивилизации, приедете с подчинением, я позволю (вам) жить по-прежнему, не меняя одежду, не буду назначать чиновничьи ранги и не буду взыскивать налоги. Однако, если пришлете посланника с просьбой, то я увеличу милости и награды. Вероятно, ваши иноземные обычаи отличаются от (обычаев) Срединного государства, поэтому *не хотите перейти на нашу сторону и подчиниться*, это ваше дело. Но можно обуздать подвластные (вам) племена, чтобы всегда держались границ. Я также не буду увеличивать войска и беспокоить. Но если вы не проявите спокойствия и смирения, или будете перекочевывать через границу, бесчинствовать и грабить, то сами вызовете конфликт. Тотчас же (наши) войска покарают (вас). Вы раскаетесь и как в дальнейшем добьетесь нашей милости?»[39].

Названный указ не оставляет сомнения в том, что Китай в то время не претендовал на зависимость и даже формальное подданство киргизов. Цинов беспокоило лишь одно — спокойствие на границах, чтобы киргизы его не нарушали. С этим указом цинские эмиссары побывали в киргизских кочевьях Тогуз-Тороо, на Таласе и в Джумгале. Но отдельные попытки демонстрации силы, предпринятые некоторыми китайскими отрядами, вызвали жесткий вооруженный отпор со стороны киргизского народа.

38 Даваци — один из ойратских правителей, соперник Амурсаны.
39 «Пинчжунь», стр. 25а—26б. (Выделено нами. — *В. П.*).

Используя в качестве предлога преследование ойратских беженцев, цинские отряды предприняли попытку летом 1758 г. перейти через долину р. Или на территорию Северной Киргизии. Но здесь встретили вооруженное сопротивление местного населения: произошло первое серьезное столкновение киргизов с китайскими войсками. Оно не наложило никакого отпечатка на историческую судьбу киргизского народа — китайские войска здесь не задержались. Однако его было достаточно, чтобы официальные китайские источники, желая поддержать престиж цинского двора, на основании показаний лишь одного пленного тенденциозно заявили будто некоторые киргизские бии «выразили согласие покориться (Китаю)[40].

Если китайские войска не смогли покорить киргизов военной силой, то в смысле установления контактов, дипломатические усилия оказались более плодотворными. По инициативе того же Чжао-хоя киргизы в 1758 г. отправляют свое первое посольство в Пекин. Киргизские послы поехали в столицу, но не с выражением верноподданических чувств, а с просьбой вернуть им их прежние кочевья, которые временно были захвачены Джунгарским ханством. Не ожидая решения цинского двора (да и фактически не нуждаясь в нем), киргизские племена произвольно заняли прежде принадлежавшие им земли. Цинские власти не успели завести здесь ни одного пикета, ни расположить свои войска. Пограничная линия обозначилась естественным путем южнее Иссык-Куля по высокогорным хребтам Тянь-Шаня. Таким образом, посольская миссия в Пекин оказалась излишней и чисто формальной.

Цинский Китай в это время нуждался в лояльности киргизов, поскольку основное внимание направил на захват Восточного Туркестана. Теократические правители уйгурского государства не представляли для военной силы Китая серьезного препятствия. Учитывая феодальные усобицы, натравливая одних уйгурских правителей на других, используя национальную и религиозную рознь между различными народностями, с жестокостью подавляя вооруженное сопротивление, цинские войска в 1759 г. захватили Восточный Туркестан.

Представители былой феодально-теократической династии ходжей Бурхан ад-дин и Хан-Ходжа бежали из Восточного Туркестана через Среднюю Азию в Бадахшан, где были убиты местным султаном[41].

40 См.: *Б. П. Гуревич.* Великоханьский шовинизм, стр. 52.
41 См.: *Л. И. Думан.* Завоевание, стр. 270—271.
Еще в 50-х годах нашего столетия китайские историки так оценивали сложившееся положение. «Борьба уйгуров против цинов потерпела *вре-*

Внешнеполитической экспансией цинские власти пытались, с одной стороны, расширить территориально объекты налогообложения и увеличить фонд обрабатываемых земель. С другой — дать выход части населения коренного Китая на окраины и продемонстрировать силу династийного цинского режима, отвлекая тем самым внимание от классовой и антиманьчжурской борьбы трудящегося населения Китая.

После завоевания Восточный Туркестан был превращен в имперскую колонию и переименован в *Синьцзян* (буквально: «новая завоеванная страна»), население которого — уйгуры, казахи, киргизы, дунгане и другие национальности — попало под гнет маньчжуро-цинских правителей.

Высшая гражданская и военная власть здесь перешла в руки цинских представителей. Однако исполнительная власть осталась в прежней организации, в руках местных феодалов. Лишь старые чиновники и беки были заменены новыми. Таким образом, на далеком западе маньчжуро-цинскими властями создается «военный форпост», из которого они стали угрожать независимости казахского и киргизского народов [42].

Бегство Бурхан ад-дина и Хан-Ходжи цины решили было использовать для вторжения в киргизские пределы и похода к границам Коканда и других среднеазиатских владений[43], но безуспешно. Несмотря на то, что феодальная родо-племенная раздробленность ослабляла оборонительную мощь киргизов, они перед лицом серьезной внешней угрозы сумели мобилизоваться и дать отпор агрессорам. Киргизские кочевья в то время не раз служили убежищем кашгарским повстанцам — уйгурам и киргизам, вынужденным искать спасения от цинских репрессий за пределами Восточного Туркестана. В середине 1760 г. тысяча с лишним киргизских семей бежала из Кашгара и поселилась в Атбаши. Цинский император Хун-ли (правивший под девизом Цяньлун) распорядился передать атбашинским киргизам, чтобы те сами выдали беглецов. А за малейшее укрывательство и уклонение грозил вторжением в их кочевья[44]. Киргизы не выдали беженцев и подготовились к отпору цинским войскам. Надо сказать, что появление китайских отрядов в киргизских кочевьях Тянь-Шаня завершилось

менное поражение, и южные районы Тянь-Шаня (т. е. Восточный Туркестан. — *В. П.*) заняли маньчжуры». — Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ), стр. 550.

42 *Л. И. Думан.* Завоевание, стр. 271.

43 *Б. П. Гуревич.* Вторжение Цинской империи, стр. 107.

44 «Пинчжунь», сюйбянь, цз. 4, стр. 24б. — Указ. рукоп. Г. П. Супруненко.

уничтожением отрядов. Характерен следующий пример. Когда один из китайских отрядов появился в 1760 г. на Иссык-Кульском побережье, он был встречен ружейным огнем тех самых сарыбагышских родов бия Черикчи, которые отправляли за год до этого свое посольство в Пекин.

В такой ситуации Китай счел нецелесообразным грубо вмешиваться во внутренние дела ставших соседними киргизских и казахских владений. Их стали рассматривать в качестве «буфера», «заслона» Цинской империи на западе. В то же время власти внимательно следили за межродовыми и племенными распрями кочевников, настроениями крупных феодальных правителей, старались подкупами привлечь их на свою сторону. А иногда пускали в ход и угрозы, подкрепляя их карательными («инспекционными») набегами пограничных отрядов[45]. В своих сношениях с соседними казахскими и киргизскими племенами цинские дипломаты использовали патриархальные традиции этих народов с целью их психологической обработки[46].

Время от времени китайские отряды совершали «инспекционные поездки» на непринадлежавшие им киргизские территории, пытаясь организовать насильственный надзор за расселением киргизов. Совершивший такую поездку в 1760 г. помощник военного губернатора Кашгара Ичжу доносил: «Я внимательно обследовал Атбаши и другие места. Издавна — это бурутская (киргизская) земля, причем за перевалом Барсхан и очень далеко от Или. Если действительно государь вникнет, можно и не изгонять (бурутов)... Хотя эти места близко от Кашгара, но отделены высокими горами, а вблизи много бурутских кочевий. Все-таки бесполезно заниматься»[47].

Цинский чиновник вынужден был признать бесплодность попыток завоевания киргизов. И, несмотря на то, что сам побывал на их территории (а возможно, как раз и в силу этого), выступал за запрещение киргизам «нарушать и переходить» границу, вторгаться в пределы Восточного Туркестана.

В памяти киргизского населения, в фольклоре, эпосе нашла отражение борьба против цинских агрессоров. Одной из ярких и впечатляющих страниц сагымбаевского варианта киргизского героического эпоса «Манас» является глава «Поход

45 *К. Ш. Хафизова.* О некоторых методах, стр. 180.

46 *К. Ш. Хафизова.* К характеристике политики, стр. 193—197; *ее же.* О некоторых методах, стр. 183.

47 «Пинчжунь», сюйбянь, цз. 7, стр. 5б. См. названную рукопись Г. П. Супруненко.

на Бейджин». В ней проходит мысль о необходимости объединения киргизских племен под руководством народного героя Манаса в борьбе против грозного врага — соседнего Китая.

Маньчжуро-китайские власти империи Цин, хотя и претендовали на господство над частью киргизских племен, в то же время всегда считали их заграничными «варварами», чье спокойствие надо было обеспечить благосклонным отношением. Определенную роль в этом играло и то, что киргизы были тесно связаны с все более укрепляющимся Кокандским владением, ставшим на пути экспансионистских притязаний цинов. Когда, уже в первой трети XIX в., один из ретивых цинских чиновников — синьцзянский наместник Юй Линь — предложил было выступить походом на Коканд, ему возразил сам император Минь-нин, опасаясь, что его будет трудно осуществить, так как придется идти в чужие земли, через территорию киргизов. «Этот план (похода на Коканд), — отвечал император, — давно (лелеем) в нашей душе. Поступая, как ты (Юй Линь) предлагаешь, (мы) нанесем удар в самое сердце. Однако легко говорить и трудно сделать... Представь себе, сколько нужно средств на военные нужды. Ведь за кордоном что ни шаг — то *не наша земля,* что ни местность — *то не наши люди, а племенам киргизов во что бы то ни стало нужно оказывать щедрые милости*»[48] (выделено нами. — *В. П.*). И это документальное признание территориальной независимости киргизов сделано самым официальным цинским представителем — императором.

Русские источники XVIII в. подтверждают неподвластность киргизов Китаю. Вот что писал о киргизах и их взаимоотношениях с Китаем один из очевидцев — сибирский инженер И. Андреев: «...ограждены оные (киргизы. — *В. П.*) недоступными каменными горами, и хотя в разсуждении своей вольности великие чинят на китайских границах обиды, и с китайской стороны и посыланы бывают великие команды, но доходить до них (киргизов. — *В. П.*), как за трудностию мест и более ведая неутомимость их, и храбрость, и защищение своему, ни один раз нападения на них учинить не могут и, возвращаясь к своим начальникам, объявляют, что они их сыскать никак не могут»[49]. В другой своей работе, опубликованной в конце XVIII в., этот же инженер, указывая на независимость киргизских кочевий между границ казахов, Коканда и Китая, подчеркивал, что киргизы «в рассуждении своей вольности»

[48] Цит. по кн.: *В. С. Кузнецов.* Экономическая политика, стр. 134—135.
[49] См.: *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 472.

никому не дают спуску, «организуются великими партиями, жестоко себя защищают»[50].

Автор одной из первых исторических работ о киргизах А. Левшин в первой трети XIX в. сообщал, что киргизов, «привыкших к вечным сражениям, нелегко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы»[51].

Потерпев неудачу в завоевании Киргизии, цинские власти начали проводить политику привлечения на свою сторону отдельных киргизских феодалов, тенденциозно толкуя факты награждения некоторых представителей киргизской родо-племенной знати, взаимообмен посланниками и подарками как проявление «подданства» киргизов.

Авторитетный русский синолог прошлого столетия В. П. Васильев, характеризуя китайское восприятие исторических событий, подчеркивал, что «всех новых заграничных соседей богдыхан пресерьезно считает заграничными своими подданными и вассалами; раздает им чины, звания, грамоты и печати»[52].

От приезжавших на аудиенцию к цинскому двору представителей феодальной знати киргизов и казахов даже мелкие подарки и подношения в виде лошадей, собак, кречетов, предметов вооружения и т. п. официальной китайской историографией фиксировались как выплата «дани»[53]. И все ради создания и поддержания видимости могущества Поднебесной империи. Установление посольских контактов с киргизами преподносилось как признание ими подданства Китаю, но, якобы, из-за их отдаленности и кочевого образа жизни (в отличие от уйгур) самим императором было «приказано» только представлять дань и служить преданно, но «освободили» их от уплаты налогов[54].

Что значит «освободили» от уплаты налогов? Добровольно ли император отказался от прибылей и подданных? Это было возможно лишь в одном случае — требовалось поддержать иллюзорность могущества Поднебесной, тогда официальные цинские круги пускались на дипломатические ухищрения, «приказав» только представлять «дань». Такая «дань» проявлялась в обыкновенных посольских подарках, причем этикет

[50] *И. Г. Андреев.* Описание Средней Орды, стр. 26—30.
[51] *А. Левшин.* Описание, стр. 273.
[52] См.: *К. Ш. Хафизова.* Россия, Китай и народы Туркестана, стр. 114.
[53] *Б. П. Гуревич.* Великоханьский шовинизм, стр. 52—53.
[54] Краткая сводка важнейших сведений о западной границе. 1808. Перев. с кит. Е. И. Кычанова. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 3088, стр. 30—32 .

предусматривал также отдаривание послов. А налогообложение — основной институт зависимости, подданства — из-за нереальности и не предполагалось. Этим и объясняется «милость» императора.

Интересны признания некоторых цинских официальных лиц, зафиксированные документально, что под понятием *зависимости* нередко скрывалось *стремление* добиться этой зависимости или подданства. В этом смысле характерно заявление императора Китая Цяньлуна по поводу казахов, которое в полной мере распространяется и на киргизов: «Когда мы говорим, (что) казахи подчинились и перешли на нашу сторону, то под этим (следует) понимать лишь (наше) *стремление привлечь* (их) подобно владениям Аннам, Рюкю и Сиам[55]. Желаем, чтобы они стремились к просвещению со стороны нашей династии и только. Отнюдь не намереваемся (учредить) на их землях области и уезды (т. е. включить их в территорию Цинской империи. — *В. П.*) и установить систему управления и поставить чиновников, а также (ввести разделение) на знамена (корпуса) и цзолины (роты), как в Халке»[56] (выделено нами. — *В. П.*).

И центральные власти и пограничные наместники Китая лишь поддерживали иллюзию могущества империи, выдавая желаемое за действительность. В то же время исторические факты говорят о видной роли киргизов в политической жизни Восточного Туркестана. При цинском господстве Восточный Туркестан потерял свой прежний облик, стал местом кровавых расправ с непокорным местным населением. По словам современников, цины резали людей, как скот, из человеческих голов возводили башни. Народные песни повествовали, как трудно содержать в Кашгаре лошадь, но еще труднее сохранить голову[57]. В этих условиях киргизы, узбеки, казахи Средней Азии нередко выступали в поддержку насильственно покоренного населения Восточного Туркестана, основную массу которого составляли уйгуры, но где имелись также и многочисленные этнически близкие им народы[58].

[55] Т. е. Вьетнам, Япония и Таиланд.

[56] «Правдивые записи о правлении благородного императора Гаоцзуна великой Цин». — Цит. по ст.: *Г. В. Мелихов.* Экспансия Цинского Китая, стр. 73.

[57] *Г. М. Ибраимов.* Краткая характеристика, стр. 407.

[58] В середине XIX в. Синьцзян был заселен уйгурами (до 75%), казахами, киргизами, узбеками, дунганами и другими национальными меньшинствами, общей численностью свыше 4 млн. человек. — *Н. А. Халфин.* Политика России, стр. 28.

В китайской историографии 50-х годов дана правильная оценка цинской политики как политики «истребительных, грабительских войн», при которой «завоевание различных национальностей несло с собой разрушение производства, уничтожение производительных сил, национальный гнет и эксплуатацию. Завоевания вызывали материальное и духовное опустошение народов различных национальных меньшинств и тем самым ввергли их в состояние застоя, либо замедляли их развитие... Покоренные народы, независимо от их национальной принадлежности, вели ожесточенную борьбу против маньчжурского ига»[59].

С завоеванием Синьцзяна цинские власти стали настороженно относиться к тесным контактам киргизского и узбекского населения Кокандского ханства с местным населением Восточного Туркестана. Яркендский правитель Синьчжу обеспокоенно замечал в 1761 г.: «Андижанские[60] торговцы беспрерывно и в большом количестве, приезжая, смешиваются с местным населением». И это вызывало у цинского чиновника опасение, что тем самым «укрывается враг внутренний и внешний». С ним вполне был солидарен и генерал-губернатор провинции Шэньсу и Ганьсу Ян Ин-цзюй, докладывавший в этом же году: «В будущем андижанцы, бадахшанцы, буруты (киргизы. — *В. П.*) и прочие мусульмане, торгуя, станут уезжать и приезжать. Безусловно, необходимо специально послать управляющего, чтобы держать в повиновении силой и контролировать. Только тогда можно будет сохранить престиж государства и знать настроения варваров»[61].

Чиновники небезосновательно тревожились за спокойствие в крае. Жестокий налоговый и национальный гнет вызывали резкое недовольство коренного населения, антицинские выступления которого неизменно поддерживали узбекский, киргизский и другие народы Средней Азии. В этой обстановке Кокандское ханство и киргизские племена представляли не только моральную, но и существенную материальную силу, выступавшую на стороне повстанцев, они являлись поставщиком отрядов, нередко решавших исход столкновений с маньчжуро-китайскими войсками.

Уже в 1764 г. помощник главы местной уйгурской администрации завоеванного цинами Кашгара эшик-ага-бек Абд-ар-Рахим пригласил кокандского правителя Ирдану с войсками

[59] Очерки истории Китая (под ред. Шан Юэ), стр. 560—561.

[60] Так в китайских источниках долго называли выходцев из Кокандского ханства.

[61] Цит. по кн.: *В. С. Кузнецов.* Экономическая политика, стр. 19—20.

в Восточный Туркестан для поддержки местного населения в борьбе с немногочисленным еще маньчжурским гарнизоном Кашгара. В следующем году в Уч-Турфане произошло антицинское восстание под руководством хаким-бека Рахматуллы, также обратившегося за помощью в Коканд[62].

Восстания, в которых неизменное участие принимало и киргизское население, сотрясали Восточный Туркестан в течение всего периода господства Цинской империи.

Подводя итоги рассмотрения борьбы киргизского народа против цинской агрессии во второй половине XVIII в., можно прийти к следующим выводам.

С разгромом Джунгарского ханства и завоеванием Восточного Туркестана Китай создал мощный военный форпост на западе своих границ — Синьцзян, подвергнув на его территории жестокой налоговой эксплуатации и национальному гнету коренные местные народы: уйгур, киргизов, казахов, узбеков и др.

Попытки проникновения и завоевания территории Киргизии, а также Кокандского владения цинскими войсками встретили вооруженный отпор киргизского и узбекского населения и были пресечены. Цинский Китай вынужден был довольствоваться тем, что призвал «закордонных» киргизов «сохранять спокойствие» и не нарушать китайских границ.

Киргизские племена представляли собой активную политическую силу, готовую выступить и всегда поддерживать антицинскую освободительную борьбу народов Восточного Туркестана.

3. Подчинение Кокандским ханством южных районов Киргизии

В 60-х годах XVIII в. в результате успешных военных действий и захватнической внешней политики Ирданы в Фергане Кокандское владение существенно усиливается. Ирдана от политики союза с киргизскими племенами переходит к политике насильственного их подчинения и расширения владения за счет киргизских земель.

1760 год отмечен притязаниями кокандского правителя Ирданы на родо-племенное объединение киргиз-кыпчаков. Ирдана захватывает и держит под арестом киргизского бия Аманя, брат которого бий Эмур предпринимает энергичные шаги для его освобождения. Отношения между кокандскими правителями и киргизскими феодалами обостряются.

[62] *В. С. Кузнецов.* Экономическая политика, стр. 174 (прим. 13 к стр. 119).

В 1762 г. киргизские бии племени адыгине Мамат-кул и Арзамат решили открыто выступить против захватнической политики Ирданы. Они намеревались привлечь к союзу сарыбагышских биев Черикчи и Темурджана. Но союза не получилось — сказалась родо-племенная рознь феодалов: сарыбагыши от участия в походе на Коканд отказались.

С конца 50-х годов XVIII столетия заметно возвышается роль южнокиргизского родо-племенного объединения адыгине. Его правитель Хаджи-бий считался даже главой всех ичкиликских киргизов Алая и Оша. Он, по собственному заявлению, мог выставить «200 тысяч людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока»[63]. Западнее уже окрепло Кокандское владение, поглотившее Маргеланское, Андижанское и Наманганское бекства. Киргизский феодал Хаджи-бий при этом соседстве выступал как равный с кокандским правителем. Показателен в этом отношении такой пример, как отправление им китайским властям письма-послания не только от себя лично, но и от имени кокандского правителя Ирданы-бия: Коканд и киргизы наравне выступали при дипломатических контактах с соседней Цинской империей. Но консолидации власти в одних руках Хаджи-бия мешали неутихающие раздоры между киргизскими феодалами.

Воспользовавшись феодальными усобицами киргизов, Ирдана решил присоединить к Кокандскому владению города Узген и Ош с окрестностями, принадлежащие и контролируемые киргизами. В качестве повода для нападения Ирдана использовал ограбление в 1762 г. феодалами адыгине каравана кокандских купцов. В этом же году он напал на киргизов и опустошил их земли «в стране Узе» (Узген)[64]. Войска Хаджибия, возглавлявшего киргизские племена ичкилик, адыгине и монголдор в борьбе против Ирданы, были разбиты. Кокандцы заняли также город Ош[65], ссылаясь на то, что он, якобы, издавна принадлежал Коканду. Киргизские войска отступили в горы. Вынужден был бежать и Хаджи-бий.

В этом же 1762 г., не желая подчиняться кокандцам, но и не имея сил для сопротивления, из Ферганы в Восточный Туркестан откочевывает со своим родом кушчинский бий Нарбута. Однако положение в Восточном Туркестане существенно изменилось и было уже не таким, как в период уйгурского государства при правлении ходжей. Нарбута отдает предпочтение зависимости от Кокандского владения, а не от цинов и

[63] *Н. А. Аристов.* Опыт выяснения, стр. 434.
[64] *А. Бернштам.* Источники, стр. 129.
[65] *К. И. Петров.* Очерки феодальных отношений, стр. 67.

через три года возвращается в Фергану на прежние свои кочевья. При этом он убеждает последовать его примеру родного брата Борхэ, который тоже откочевывает из Восточного Туркестана в пределы Ферганы. Стремление цинских властей помешать передвижению киргизских родов не увенчалось успехом, равно как и попытки вернуть их в Восточный Туркестан.

Также не дали результатов и послания пекинского двора Ирдане с попыткой вмешательства в дела Коканда. Когда в 1762 г. император Цаньлун потребовал от Ирданы вернуть захваченные у киргизов земли, кокандский правитель не только не прислушался к посланию своего соседа, но в следующем году подчинил еще ряд киргизских племен уже в пределах Восточного Туркестана[66].

Продолжая политику «собирания» земель, весной 1764 г. Ирдана снова выступает с целью покорения Ходжента. Хаджа-бий решил воспользоваться отводом основных кокандских войск из Восточной Ферганы и отомстить за временную потерю Оша. Он неожиданно нападает на Кокандское владение. Ирдана вынужден был срочно заключить мир с Фазил-беком, правителем Ходжента, и возвратиться с полпути. Поход на Ходжент был сорван. Зато вся сила удара пришлась на киргизских повстанцев. Хаджа-бий оказался в плену у Ирданы-бия, но, видимо, ненадолго. Вскоре Ош и его окрестности стали вновь под контролем киргизов. Однако преодолеть натиск несравненно более сильных кокандских войск киргизы были не в состоянии.

Кокандские правители действовали не одной силой оружия, они старались привлечь на свою сторону киргизских феодалов, предоставляя им определенные льготы, в частности налоговые, наделяя чинами и званиями, а также лучшими пастбищами. Эти меры действовали не только на ранее независимых киргизских феодалов, но и на привлеченных в кокандское подданство восточнотуркестанских киргизов. Находясь перед дилеммой — цинское или кокандское подданство, киргизы Восточного Туркестана отдавали предпочтение последнему и при первой же возможности стремились откочевать в пределы Кокандского ханства.

Так, по сообщению китайских источников, в 1763 г. предводитель одного из кашгарских подразделений киргизов по имени Эрби намеревался из Восточного Туркестана «перейти на сторону кокандской границы, чтобы вести кочевой образ жизни со своими племенами и заниматься только отыскиванием

66 *Б. П. Гуревич.* Вторжение Цинской империи, стр. 107.

пастбищ»[67]. В 1786 г. некий татарин (купец?) Габайдулла Абдрахмангулов сообщал сибирским пограничным властям, что «закаменных киргисцов начальник» Абайлы-бек за три года до этого со своим родом в одну тысячу кибиток перешел из Восточного Туркестана в Коканд к Нарбуте-беку. И как ни пытались хитростью и силой цинские власти привлечь откочевавший род, — ничего не получилось. Вмешательство и непреклонность Нарбуты-бека положили конец притязаниям цинских властей — киргизский род остался в подданстве Кокандского ханства[68].

Если отдельные южнокиргизские племена были завоеваны Кокандским владением силой, другие добровольно перекочевали из пределов Восточного Туркестана, то третьи, не желая подчиняться и не имея возможности к сопротивлению, выбрали иной путь: перемещение в северокиргизские районы.

После разгрома Джунгарского ханства и с началом усиления Кокандского владения из окрестностей Андижана в Чуйскую долину перешло многочисленное племя сарыбагыш. Память о его пребывании на юге нашла отражение в киргизском устном народном творчестве. По преданиям, записанным в начале 70-х годов XIX в. Г. Загряжским в окрестностях Токмака, сарыбагыши сто лет до этого находились у Андижана, занимались скотоводством и земледелием. Ими был прорыт большой оросительный канал, названный именем феодала-родоправителя Тыная. Сыновья Тыная — Атаке и Сатыбалды, по преданиям, занимались барымтой, постоянно беспокоили андижанского бека, и он изгнал их. Братья обосновались в Чуйской долине, которая с тех пор стала основным местообитанием сарыбагышей[69].

Так в памяти народной трансформировались события противоборства южных киргизов с кокандским правителем, наивно объяснялась причина перекочевки на север целого племени. На самом деле причины перекочевки имели серьезную политическую основу: нежелание более подчиняться ферганским бекам и возвращение на земли предков, с которых они были временно оттеснены джунгарскими феодалами.

В результате откочевки ослабели южные, но усилились северокиргизские племена, которые до 20-х годов XIX столетия продолжали сохранять независимость. Поэтому мы не можем согласиться с положением, выдвинутым Б. П. Гуревичем, что киргизы Прииссыккулья так же, как и киргизы Южной Фер-

67 Цит. по ст.: *А. Бернштам.* Источники, стр. 129.
68 ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 239, св. 194, л. 7.
69 *Г. С. Загряжский.* Очерки Токмакского уезда.

ганы, уже в конце 50-х годов XVIII в. «находились под контролем кокандских, андижанских и других беков»[70]. Это произошло и на юге, а особенно на севере Киргизии, значительно позже.

Перекочевка части ферганских киргизов с юга в Семиречье и одновременное движение с северо-востока на юг части казахских племен привели к обострению междоусобиц феодалов. При этом некоторые киргизские феодалы стали искать поддержки со стороны Кокандского владения, а казахские феодалы — со стороны России. После того, как в конце 70-х годов просьба султана Среднего жуза казахов Аблай-хана у России вооруженной помощи для борьбы с киргизами была «не уважена»[71], он попытался собственными силами заставить киргизов потесниться. В 1779 г. Аблай-хан напал на таласских киргизов, «нанес им сильное поражение, взял с них аманатов (знатных заложников. — *В. П.*) и остался кочевать близ Туркестана»[72]. Для закрепления достигнутых успехов султан строит на Таласе в качестве ставки своего сына Адиля крепость-курган, из которой тот должен был управлять окрестными казахами Старшего жуза (и, возможно, таласскими киргизами).

В середине 80-х годов продолжалась междоусобная борьба киргизских и казахских феодалов Семиречья, ослаблявшая оба народа. Но после ряда жестоких столкновений и гибели известного казахского феодала Барды-Ходжи (1786 г.)[73], а также под угрозой возможных нападений со стороны Кокандского владения и цинского Китая, назревала необходимость в примирении. В 1786 г. от казахского султана Хан-Ходжи к киргизским биям Атаке и Есенгулу прибывает посольство для разработки условий соглашения. Посланцы предложили дружбу, однако при этом... потребовали аманатов. Как доносил омский купец Захар Пеньевтов, торговавший в казахских и киргизских кочевьях, киргизы, не выразив определенно ни согласия, ни резкого отрицания, стремились договориться об организации союза между соседями, «ибо де как для вас, так и для нас, — говорили они, — общие неприятели — китайцы»[74].

Но соглашение так и не было достигнуто: некоторые киргизские феодалы, проводя сепаратистскую политику, оглядывались в надежде на помощь со стороны Кокандского ханства. К тому же произошел раскол даже среди феодалов одного

70 *Б. П. Гуревич.* Вторжение Цинской империи, стр. 107.
71 *Н. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 428.
72 *А. Левшин.* Описание, стр. 267—269.
73 *Г. Спасский.* Изображение обитателей Сибири, стр. 126—129; *А. Левшин.* Описание, стр. 273—275.
74 ГАОмО, ф. 1, оп. 2, д. 25, л. 280.

племени — сарыбагыш. Бий Есенгул в чем-то не поладил с бием Атаке и последний вынужден был из Чуйской долины перебраться в Восточное Прииссыккулье, на р. Чаты (Шаты), приток Тюпа[75]. Есенгул, в основном ориентировавшийся на Кокандское ханство, видимо, не смог ужиться с бием Атаке, отправившим в 1784 г. депутацию в Санкт-Петербург с просьбой о покровительстве[76]. Поэтому Атаке и предпочел откочевать к бугинцам, проявлявшим более интереса к России, чем к Коканду.

Но симпатии к кокандскому хану отдельные киргизские феодалы высказывали довольно настойчиво. Причиной обращения киргизов к кокандцам служили не только распри киргизских феодалов с казахскими, но и желание заручиться поддержкой войск соседнего хана в случае борьбы с цинскими феодалами. По преданиям, манапы рода сарыбагыш в 1791 г. отправили своих представителей во главе с Куватом, сыном Есенгула, и Асаном, из рода Джантая, к правителю Коканда. Они привели в дар Нарбуте-беку 18 лучших скаковых лошадей[77].

Посольство было направлено с целью установления более тесных контактов киргизов с Кокандским ханством и не влекло принятия его подданства. Однако раздираемым внутренними усобицами, стеснением, с одной стороны все более усиливающимся Кокандом, с другой — подступившей к самым границам Цинской империей, подвергаясь набегам казахских феодалов, киргизы тщетно пытались сохранить независимость. Они все более подпадают под влияние кокандских правителей.

К 80-м годам в зависимость от Кокандского ханства попадают все ферганские киргизы и часть киргизов Тянь-Шаня, кочевавших за р. Чирчик[78]. Но в целом, как видно из записок Филиппа Ефремова, прошедшего в 70-х годах XVIII в. через Фергану, даже южные (вероятнее всего и в преимуществе предгорные ферганские и алайские) киргизы в основном чувствовали себя вполне самостоятельными, ничем не проявляя подчиненного положения по отношению к ханству. Коканд, по словам Ф. Ефремова, только «смежен» с их владениями[79]. Подтверждение этому же находим и в китайском источнике

75 *Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 253.
76 ГАОмО, ф. 1, оп. 1, д. 31; 240, 251, 252; См.: *В. Плоских.* Первые киргизско-русские..., стр. 32—41.
77 *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов (рукоп.), стр. 301.
78 *П. П. Иванов.* Казахи и Кокандское ханство, стр. 92—128.
79 *Ф. Ефремов.* Странствования, стр. 103.

1778 года: «Бурут (киргизы) есть название кочевого народа, обитающего между Аньцзичжаном и Кашгаром. Земли его обширны и многолюдны. Владельцы их называются би(и). ...Каждый би(й) владеет своею землею, имеет своих подданных. Они все равносильны и не зависят друг от друга...»[80].

Неоднократные упоминания в источниках о киргизах XVIII в. как независимом народе дают основание считать, что, по крайней мере, большинство его не было пассивным участником в бурных политических событиях Ферганы и сумело сохранить свою независимость. Можно согласиться с выводом (вытекающим из данных среднеазиатских хроник), что «такие киргизские бии, как Хаджи-бий, Кубат-бий (Ковад. — *В. П.*), Садык-бий... в окрестностях долины (Ферганы. — *В. П.*) господствовали до объединения всей Ферганы и ее окрестностей в одно Кокандское ханство в XIX веке, при Алим-хане и Мухаммед Али-хане, в окрестностях долины господствовали так же, как кокандские в самой долине»[81]. Однако все более усиливающееся и расширяющее свои границы Кокандское ханство на протяжении всего XVIII в. предпринимало неоднократные попытки подчинения как киргизского населения предгорий Ферганы, так и более мелких феодальных владений на западе Ферганы.

Трагической страницей истории кокандско-бухарских и киргизских отношений отмечен период долгой обескровливающей борьбы за Ура-Тюбе, Джизак и Ходжент. Еще со второй половины XVIII в., когда Ура-Тюбе выступало наравне с Хивинским, Кокандским и Бухарским владениями, на востоке оно включало и часть территории Киргизии—по Ходжа-Бакирган-саю[82]. В окрестностях Ура-Тюбе кочевало и киргизское население, которому в результате междоусобной борьбы феодалов приходилось наиболее туго. По сведениям, извлеченным В. Наливкиным из сочинения Мухаммеда Хаким-Хана «Мунтахаб ат-таварих», только Алим-хан совершил на многострадальное Ура-Тюбе 15 походов[83].

«Тухфат ат-таварих-и хани» называет 12 походов Алим-хана, сопровождавшихся долговременными осадами крепости Ура-Тюбе[84]. И каждый раз поход то со стороны кокандского хана, то бухарского эмира сопровождался избиением жителей и разграблением городов и окрестностей, разрушением домов, разорением хозяйств.

80 *И. Бичурин.* Описание Чжуньгарии, стр. 147—148; *W. Schott.* Uber die achten Kirgisen..., s. 465.
81 См.: *А. З. Валидов.* Повествование о походе, стр. 117—118.
82 *А. Мухтаров.* Очерк истории, стр. 18.
83 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 88.
84 Тухфат ат-таварих-и хани, л. 7—8, 16.

Так, Мулла Нияз, описывая походы Алим-хана, замечал, что он «кроме камней и земли» все разграбил до основания, заслужив эпитет «второго Тимура»[85]. Оправдывая жестокости и притеснения ханов, Мулла Нияз объяснял их «жизненной» необходимостью: делается, мол, не ради тирании, а вследствие необходимости обороны от врагов и для нападения на них[86].

Следовал по стопам своего предшественника в этом отношении и Омар-хан. В 1818 г., желая отомстить бухарскому эмиру, захватившему Ура-Тюбе, Омар-хан осадил Джизак. Однако взять город не хватило сил, и хан вынужден был отступить, предварительно «разграбив окружных киргизов»[87].

Феодалы ссорились, а воевать приходилось простым труженикам; феодалы обогащались, а народ разорялся, утопая в крови погромов и жестоких походов ханских войск.

Кокандские ханы, стремясь расширить свои владения и пополнить казну новыми налоговыми поступлениями, неоднократно предпринимали попытки завоевания киргизов Кетмень-Тюбе — одной из центрально-тянь-шаньских котловин. Но получали отпор. Мирза Каландар, автор рукописи «Шахнаме» («Тарихи Омар-хани»), сообщает о провале военной экспедиции кокандского главнокомандующего Хан-Ходжи, направленного Нарбутой в Кетмень-Тюбе в конце XVIII в.: «И сколько ни совещались искушенные в делах (мужи) и воители — столпы государства его, обменивались мыслями о том, как наставить на путь истинный сей мятежный народ (кетмень-тюбинских киргизов. — *В. П.*), способа покорения этой горной местности выявлено не было»[88]. Алим-хан посылал против киргизов этой котловины Тянь-Шаня своего военачальника Идрис-Кул-бия и также безрезультатно.

Благодатная долина привлекала внимание и самого могущественного из кокандских ханов — Омар-хана. По совету придворных Омар-хан решил напасть на киргизов зимой, когда они наименее подвижны, и, наконец, сокрушить кетмень-тюбинцев. Возглавлял борьбу киргизов против кокандцев некий Сатыке, который был, вероятно, простолюдином, так как в источниках не назван ни беком, ни бием. По традиции придворных хроник, всегда обливавших грязью противников восхваляемых ими ханов и особенно повстанцев, Мирза Калан-

85 Тарихи Шахрохи, стр. 48.
86 Там же, стр. 55.
87 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 108.
88 МИКК, стр. 227.

дар (автор истории Омар-хана) не иначе как с самыми ругательными эпитетами упоминает Сатыке, «который с некоторым числом киргизов обратился к подобного рода грабительству и разбою на дорогах, и имя его ославилось в городах и странах»[89].

Предводитель киргизских повстанцев и организатор вооруженного отпора кокандцам в хронике придворного льстеца не мог быть представлен в ином свете. Но именно это и позволяет нам дать должную оценку киргизскому народному герою. Имя Сатыке надолго сохранилось в памяти потомков и зафиксировано в 50-х годах нашего времени в генеалогической таблице саяков, составленной Я. Р. Винниковым[90].

Но вернемся к источнику с сообщением об организации кокандцами похода на Кетмень-Тюбе. «Если хочешь, чтобы этот зловредный разбойник попал в твои руки, — писал Мирза Каландар в «Шах-наме» о советах придворных хану, — очевидно, надо действовать в самые холодные зимние дни, так как зима — бедственное время для киргизов». Окруженные в котловине снежными хребтами и перекрытыми перевалами, киргизы зимой могли стать жертвой кокандцев. В 1237 (1821) г. Омар-хан посылает на Кетмень-Тюбе отряд во главе с уже зарекомендовавшим себя полководцем, одержавшим ряд побед над кочевниками, — наманганским хакимом Сеид-Кул-беком[91].

Из Ферганы через перевал в долину пришлось идти спешившись. Скрытно подошли к Кетмень-Тюбе. На укрепление напали ночью. Защитникам крепости пришлось бежать. «Произведя страшные грабежи в долине Узун-Ахмата и захватив массу пленных», Сеид-Кул-бек возвратился с триумфом в Коканд и получил награды от хана[92].

Обращает на себя внимание упоминание о наличии у киргизов самостоятельных укреплений, благодаря которым удавалось сдерживать и отражать нападения врагов. В. Наливкин и Н. Аристов прямо называют «укрепление Кетмень-Тюбе», на которое кокандцы «напали ночью». Это привело нас сначала к предположению, а затем, по мере более полного

89 МИКК, стр. 228.
90 *Я. Р. Винников.* Родо-племенной состав, стр. 147, табл. 3. В. Наливкин не называет предводителя киргизов. В его работе под «Сатыке» подразумевается один из киргизских родов, который наряду с багышами и саяками занимал Кетмень-Тюбинскую котловину. — *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 118.
91 МИКК, стр. 228.
92 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 118; *Н. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 504—505.

изучения вопроса и проведенных специальных археологических раскопок, к глубокому убеждению о существовании киргизских укреплений, основанных еще до кокандской колонизации. Утвердившийся в литературе тезис о том, что все крепости на территории Киргизии — кокандские укрепления, сначала был подвергнут сомнению, а позже и вовсе отклонен[93].

Кетмень-Тюбинское укрепление, несмотря на то, что все же сыграло свою роль в отражении предшествующих кокандских набегов, на этот раз пало под ударами ханских войск.

Используя межродовую борьбу киргизских феодалов, ханы нередко сталкивали их между собой, производя тем временем новые грабительские набеги. Так, в конце лета 1821 г. Омар-хан направляет своего сановника — хакима г. Касан Бек-Назар-бия, возглавлявшего киргизский род кутлук-сеид, против киргизов рода сарыбагыш, кочевавших за г. Ош по дороге к Кашгару. Хан распорядился, чтобы «племя (кутлук-сеид) со своим отрядом *(лашкар)*, позаботившись о снаряжении и припасах для ружейной стрельбы, выступило бы со всем усердием в конный поход. Приказано было, истребляя все время (сарыбагышей), никому из... племени пощады не давать...»[94]. В помощь киргизскому феодалу, ревностно отстаивавшему интересы кокандского хана, был придан дополнительно отряд кокандцев. «Произведя страшные грабежи и убийства, среди которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу (главным образом скот) и массу пленных», — сообщали источники, Бек-Назар-бий с ханским отрядом возвратился в Коканд[95]. Так, руками подвластных киргизских феодалов кокандские ханы расширяли государственные границы, присоединяя к своим владениям новые киргизские земли.

Таким образом, где вооруженной силой, где хитростью и коварством, где посулами и наградами киргизских феодалов, кокандские ханы в начале XIX в. завершают процесс присоединения южнокиргизских племен, длившийся более полувека.

Кокандский хронист Мулла Нияз, приводя тарих[96] времени правления Алим-хана (1798/99—1809/10), вставляет в него факт подчинения Алимом казахов, киргизов и узбеков[97].

93 См.: *В. Плоских.* Киргизский корук, стр. 145—159; *В. Горячева, В. Плоских.* Киргизская крепость, стр. 526—527; *В. Горячева, В. Плоских.* Крепость Улуг-Коргон, стр. 153.
94 МИКК, стр. 229.
95 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 121.
96 *Тарих* — хронограмма, стихотворный каламбур, расшифровывающий время жизни или правления действующего лица.
97 Тарихи Шахрохи, стр. 86.

Английский агент Мир Иззет-Улла, приезжавший в 1812 г. в Кокандское ханство, пишет о ферганских киргизах как об уже находящихся в зависимости от Коканда[98].

Завершение присоединения всех южнокиргизских племен к Кокандскому ханству относится к 1821 г., когда Омар-хан завоевывает Кетмень-Тюбе.

Выводы

1. Процесс завоевания территории Южной Киргизии Кокандским ханством был длительным (с 1762 по 1821 г.) и отмечен упорным сопротивлением киргизского народа, его непрекращающейся борьбой за независимость.

2. Зажатому в тисках все более усиливавшихся соседних государств, раздираемому феодальными междоусобицами и родо-племенными распрями киргизскому народу в этих условиях трудно было сохранять самостоятельность. Неравная борьба истощала народные силы. Исторически сложившаяся обстановка облегчала действия соседних стран, стремившихся покорить и поглотить разрозненные и ослабленные киргизские племена. Ввиду альтернативы — зависимости от цинского Китая или Кокандского ханства — киргизы склонялись более в сторону Коканда. Имеют место откочевка части киргизских племен из Восточного Туркестана в пределы Кокандского ханства.

3. Кокандским правителям приходилось серьезно считаться со своими южными соседями—киргизами. Во-первых, они обладали реальной военной силой, ополчением, находящимся почти в постоянной боевой готовности. Во-вторых, киргизские кочевья лежали на пути традиционных торговых трасс, соединявших Среднюю Азию с Восточным Туркестаном, Индией; состояние торговли Коканда с Востоком во многом зависело от позиции южных киргизов, лояльности киргизских феодалов. Поэтому, несмотря на зависимость киргизов от Кокандского ханства, они во многом проявляли еще самоуправство, представляя собой активную политическую силу.

4. Завоевание Северной Киргизии

К концу XVIII—началу XIX в. Кокандское ханство вырастает в крупное государство Средней Азии. Его ханы проводят полностью независимую политику, высвобождаются из-под

98 *Мир Иззет-Улла.* Путешествие, стр. 47.

влияния бухарского эмира, чеканят собственную монету — один из показателей самостоятельности правителя. Хотя во всех среднеазиатских нарративных источниках Нарбута называют еще беком, но он первым выпустил свои монеты с легендой «Диргем Высочайший. Чекан кокандский», и, по словам русского путешественника, «с китайской стороны» именовался уже «ханом»[99]. Следует, однако, учитывать, что термин «хан» мог употребляться и в нарицательном смысле, как «монарх». Иностранцами (в данном случае китайцами) этот термин мог быть применен и в дипломатических соображениях с сознательным «повышением» титула правителя. Его наследник Алим и все последующие кокандские правители именовались уже ханами. Полный титул Омара был «Амир ал-муслимин Муххамад Омар бахадур-хан»[100]. Он чеканил монету как «повелитель правоверных», а Мадали-хан, при котором было завершено завоевание всей Киргизии, уже чеканит монеты с легендой «Воитель (неверных», «Боролся за веру»[101].

Рубеж и первое десятилетие XIX в. были отмечены борьбой между Кокандским ханством и Ташкентским владением. Победителю в этой борьбе в зависимость попадало и окрестное кочевое казахское и киргизское население. Но и сама победа во многом зависела от того, на чьей стороне выступят казахи и киргизы.

В конце XVIII в. киргизы, кочевавшие в окрестностях Ташкента, выступали как самостоятельные независимые племена. И. Г. Андреев в своих автобиографических заметках писал, что ни кокандский Нарбута, ни ташкентский Юсуф-Ходжа киргизов (северных) у себя «в протекции не имеют»[102]. Из «объяснения» казацкого атамана подпоручика Телятникова о поездке в 1797 г. в Ташкент «для разных испытаний и особливо для узнания предъявляемого изобилия в золотой и серебряной руде» видно, что киргизы в это время от Ташкента не зависели и свободно кочевали к северо-западу от него[103].

Но с завоеванием в 1798 г. окрестных казахов Юнус-Ходжа подчинил и часть близрасположенных киргизских племен. Имеются упоминания, что кочевники Таласа и верховьев Чирчика (в Чаткальских горах, а в этих районах проживало

99 *Ф. Ефремов.* Российского унтер-офицера..., стр. 175.
100 Тухфат ат-таварих-и хани, л. 38—39; Каталог монет, стр. 10.
101 См.: *П. С. Савельев.* Список известных доселе монет, стр. 122—123; *В. В. Григорьев.* Современные монеты, стр. 114—115.
102 *Г. Потанин.* Домовая летопись Андреева, стр. 145.
103 ГАОмО, ф. 366, оп. 1, д. 60, л. 12—13.

и киргизское население) в 1799—1800 гг. участвовали в отражении кокандской попытки завоевать Ташкент. Горные инженеры Бурнашев и Поспелов, побывавшие в 1800 г. в Ташкенте, пишут не только о подданных ему казахах («киргиз-кайсаках»), но и о киргизах («киргисцах»), говорят о «черных или называемых диких киргисцах, кои живут в горах поблизости Ташкента»[104].

Эта зависимость была непрочной и недолгой. Но несомненно одно: киргизы участвовали в борьбе между Кокандом и Ташкентом. Причем часть их была на стороне Кокандского ханства (южные киргизы в составе кокандских войск), а часть, возможно, — на стороне оборонявшегося Ташкента (чаткальские киргизы).

Борьба шла с переменным успехом, пока Ташкент не пал. При этом в завоевании Кокандским ханством Ташкента немалую роль сыграли киргизские феодалы. «Кокан, — писал в 80-х годах XIX в. А. Ф. Миддендорф, — силился овладеть Ташкентом уже в 1799 г., но этот город был взят лишь в 1810 г. с помощью кара-киргизов»[105].

Не исключено, что и в составе ташкентских войск Юнус-Ходжи были киргизские отряды, а не только казахские, как упоминается в статье П. П. Иванова. Мулла Нияз, например, отмечал, что во время похода Алим-хана на Ташкент, сопротивление ему оказали войска, состоявшие из казахов и других кочевников («кошун Дешт-и Кыпчак и... другие кочевники»[106]. Дело в том, что с завоеванием Ташкента пограничная кокандская линия в некоторой степени перекрывала и киргизские кочевья. Во всяком случае Алим-хан отправляет после этого на север отряды Джумабая Кайтаки и Ирискул-бия «для ограбления киргиз (В. П. Наливкин от себя уточняет— казак. — *В. П.*)... Разграбив ближайшие аулы *до последней тряпки,* захватив большую добычу и массу пленных, отряд должен был возвратиться»[107]. Алим-хан, созвав «биев и других правителей казахских племен, старшин Орды», объявил им о принятии в кокандское подданство[108], чем считал свою миссию завершенной.

104 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18541, л. 89—99.
105 *А. Д. Миддендорф.* Фергана, стр. 385.
О дате захвата Ташкента Кокандским ханством в источниках и литературе имеются разночтения. В. П. Наливкин относит его к 1816 г., П. П. Иванов — к 1808 г. и пр. Но все источники сходятся на том, что это произошло в последний год жизни Алим-хана, а он был убит в 1809 году.
106 Тарихи Шахрохи, стр. 62.
107 *В. П. Наливкин.* Краткая история, стр. 97—98.
108 *П. П. Иванов.* Очерки по истории Средней Азии, стр. 196.

Завоевав окончательно Ташкент и присоединив его владения, Кокандское ханство тем самым затронуло и часть северокиргизских племен, вплотную подступило к Семиречью. Кокандских феодалов привлекало скотоводческое население Чуйской долины и Иссык-Куля, как объект налогового обложения, поставщик скота для продовольствия, лошадей для армии. Северокиргизские феодалы, не желавшие распространения на свою территорию власти кокандцев, пытались найти опору и помощь в борьбе со стороны России. 21 ноября 1813 г. с Иссык-Куля на сибирскую пограничную линию выезжают посланцы бугинских киргизов Качыбек и Джакыпбек[109]. Они «изустно» высказались за расширение торговли между киргизами и Россией. Со своей стороны обещали также содействие российским торговым караванам «к препровождению через их область, которую миновать нельзя» в Восточный Туркестан и Кашмир. Посланцы настаивали, чтобы их отправили в столицу «для принесения государю императору покорности от себя и своего народа»[110]. Но в России сочли, что время для этого еще не созрело и, наградив «депутатов», ограничились благодарственными и обнадеживающими письмами к киргизским биям[111].

Перед угрозой продвигающихся на север кокандцев казахи Старшего жуза обращаются к России за помощью. Суюк Аблай-хан, чтобы избавиться от набегов соседей—манапов и опасаясь кокандцев, в 1818 г. принес от имени 55 тыс. своих соплеменников присягу на подданство России. В 1823 г. приняли российское подданство и султаны Старшего жуза Адилевы[112].

В такой обстановке казахский султан Аблай-хан, в общем трезво оценивая ситуацию, направил царским властям письмо, предлагая отправить своего сына Джочу к иссык-кульским киргизам «для склонения их в российское подданство»[113]. При этом Аблай-хан называл киргизские роды, с которыми у него были контакты, — кыдык, сарыбагыш, атаке и саяк.

В 1824 г. иссык-кульские киргизы направляют в Омск своих посланцев Акымбека Улджебаева, Алгазы Шералина и Алымбека Джапалакова. К практическим результатам — принятию российского подданства — и это посольство не привело. Царские власти лишь ограничились обещаниями покро-

109 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 171.
110 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 455—456; д. 59, л. 236; ГАОмО, ф. 3, оп. 1, д. 425, л. 4—5.
111 См.: *В. Плоских.* Первые киргизско-русские посольские связи, стр. 42—49.
112 *Н. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 505—506, 508.
113 ГАОмО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 97—98.

вительства[114]. Тем временем Кокандское ханство активизирует свою внешнюю политику на севере. В Семиречье разворачивается острая борьба между киргизскими и кокандскими войсками. В 1825 г. Мадали-хан, воспользовавшись феодально-родовыми распрями племен солто и сарыбагыш, направляет свои войска в Чуйскую долину.

Торговый приказчик Файзулла Сейфуллин, возвратившийся осенью этого года из Кашгара в Россию, рассказывал, что на подчинение чуйских киргизов было выслано 4 тыс. воинов. Часть племен солто и сарыбагыш, не устояв перед такой силой, внесла зякет. Но часть сарыбагышей, не желая подчиняться кокандцам и все еще ориентируясь на Россию, во главе с детьми бия Атаке (в конце XVIII в. отправлявшего посольство в Санкт-Петербург) откочевала на Иссык-Куль. Иссык-кульские киргизы в это время ожидали результатов посольства в Россию. Кокандцы для закрепления своего положения в Семиречье построили на р. Чу крепость (Пишпек) и оставили там вооруженный гарнизон[115]. Отсюда кокандцы направляют посланцев к иссык-кульским киргизам, предлагая покровительство и призывая принять подданство ханства.

Киргизы, с одной стороны, под угрозой приблизившихся кокандских войск, с другой — не без оснований боясь набегов цинских отрядов, решили дождаться результатов переговоров с Россией. Из Сибири уже возвращались киргизские делегаты. Вместе с ними шло ответное посольство, представляемое «гарнизонным лекарем» Ф. К. Зибберштейном и хорунжим Т. В. Нюхаловым. И хотя в задачу их небольшого вооруженного отряда официально входил сбор сведений о торговых путях через Казахстан и Киргизию в Восточный Туркестан и Кашмир, Зибберштейн и Нюхалов имели письма и конкретные предложения к иссык-кульским киргизам[116].

На плодородных пастбищах Прииссыккулья российское и кокандское посольства встретились с киргизскими манапами, выбирающими возможность сохранения бóльшей независимости.

Суть кокандских предложений была проста и основывалась на разжигании феодальных усобиц между киргизскими племенами. По словам Ф. К. Зибберштейна, ханские посланцы «приезжали склонять означенных родоначальников (племени бугу. — *В. П.*) войти в подданство Кохании, предлагая с тем

114 См.: *В. Плоских.* Первые киргизско-русские посольские связи, стр. 50—61.
115 ГАОмО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 295—296.
116 Там же, л. 27—28.

вместе совокупными силами истребить саргазынских (племя сарыбагыш. — *В. П.*) киргиз»[117].

И хотя киргизские представители в России не были приведены к присяге на подданство, они были обнадежены могущественным покровительством. Суть российского контрпредложения, доведенного до бугинских манапов Т. В. Нюхаловым на Иссык-Куле, заключалась в «той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства».

Для принятия окончательного решения — вступить в кокандское подданство или выбрать российское покровительство — на р. Джергалан собрались представители основных киргизских родов, кочующих в окрестностях Прииссыккулья.

Решение было выбрано не легко и не сразу: среди манапов имелись сторонники хана, были и такие, кто опасался близко подступивших кокандских войск, а серьезной вооруженной помощи от России пока ждать не приходилось. Тем не менее предпочтение было отдано ориентации на Россию. Как писал Ф. К. Зибберштейн: «Напоследок благоразумные внушением хорунжева Нюхалова... бии Ульжебай (Олджебай) и Епалак (Джапалак) первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли с собою и всех прочих родоначальников»[118].

Кокандские посланцы удалились ни с чем. Иссык-кульские киргизы сохранили свою независимость. Мало того, они стали активным союзником других племен, выступавших против ханского деспотизма, — как киргизов, так и казахов.

Хорунжий Н. И. Потанин — отец будущего известного исследователя Азии, сопровождавший в 1830 г. возвращавшихся из России кокандских послов, прошел через казахские кочевья на Чу, далее в Ташкент и через Чаткальские горы в Фергану. В составленных записках он отмечал факт откочевки из-под кокандской зависимости «Таминской волости» казахов, которых приняли потеснившиеся киргизы. Кокандцы выслали для их возвращения и наказания войско в 15 тысяч[119]. Насколько удачной оказалась ханская военная экспедиция, осталось неизвестным. Н. И. Потанин о ее последствиях не сообщает, так как уже отбыл тогда из Ташкента в Россию. Мы не нашли сведений и в других источниках. Вероятнее всего, это было началом большого похода кокандцев с севера на Или и Восточный Туркестан в поддержку разгоревшегося там

117 *Ф. К. Зибберштейн.* Путевые замечания, стр. 249.
118 Там же.
119 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766, л. 35а; *Н. И. Потанин.* Записки о Кокандском ханстве, стр. 287.

восстания местных народов против цинов, о котором упоминает Ч. Валиханов. Одновременно из Ферганы на Кашгар выступили кокандские войска и киргизские ополченцы, с которыми был один из претендентов на кашгарский престол — потомок ранее правившей там династии ходжей Мад-Юсуф.

Действия войск и повстанцев были успешными. Кокандские войска во главе с минбашой Хаккулы взяли Кашгар, а ташкентские — под руководством Ляшкера-кушбеги овладели Яркендом, Хотаном, Аксу и дошли до Музартского перевала[120].

Активная поддержка Кокандским ханством и рядом киргизских племен в первой трети XIX в. восстаний местного населения Восточного Туркестана против цинских наместников, их участие в выступлениях ходжей — Джахангира и Мад-Юсуфа — основательно подорвали положение там цинских властей. Хотя они и сохранили свое господство, но не смогли воспрепятствовать добровольному переселению в пределы Кокандского ханства 70 тысяч уйгур, киргизов и других жителей, получивших на новом месте десятилетние налоговые льготы[121].

В то же время длительные рейды кокандских войск в Восточный Туркестан, в результате которых северные киргизы как бы оказались в кокандских тисках, послужили хорошей разведкой и пробой сил на подступах к окончательному завоеванию еще оставшейся независимой части территории киргизов.

Час пробил в следующем, 1831, году. Весной этого года ташкентский наместник хаким Ляшкер-кушбеги с войском прошел через Чимкент и Аулие-Ата в Чуйскую долину и далее на Иссык-Куль. Из Ферганы через Кугартский перевал вышел на Центральный Тянь-Шань (вплоть до Иссык-Куля) ханский минбаши Хак-Кулы с войском. Внутренние обстоятельства в Киргизии благоприятствовали успеху кокандского наступления. В этот период усиливаются межплеменные распри, феодальные усобицы киргизских родоправителей, что умело использовали ханские полководцы. В жестокой борьбе находились правители племен сарыбагыш и саяк, саяк и бугу, сарыбагыш и бугу. Отдельные феодалы сами искали поддержки со стороны Кокандского ханства, которое охотно вмешивалось в борьбу. Эти особенности положения киргизов облегчали их завоевание[122]. Тем не менее кокандские походы были не из легких. Ч. Ч. Валиханов назвал их «войной»

120 *Ч. Ч. Валиханов* Соч., т. 2, стр. 324.
121 Там же.
122 *Б. Джамгерчинов.* Присоединение, стр. 92—94.

кокандцев с киргизами, когда тысячные войска «сипаев» возглавляли два наиболее способных ханских полководца — минбаши Хак-Кулы, узбек из племени юз, и кушбеги Ляшкер, из персидских рабов[123].

Две ветви ханских войск (одна с севера, другая с юга) щупальцами охватили всю Киргизию, сомкнувшись на Иссык-Куле. По ходу движения подавлялось сопротивление одного киргизского племени за другим. Нарынские киргизы племен саяк и черик под руководством братьев Атантая и Тайлака организовали вооруженный отпор кокандцам, но в конце концов превосходящими силами регулярных войск — 7 тыс. сипаев Хак-Кулы — были разбиты. Атантай и Тайлак были взяты в плен и привезены в Коканд, но затем освобождены. Однако, не желая подчиняться кокандцам, они откочевали на Или к казахам Старшего жуза. Позже, разоренные «миграцией», они по приглашению нового ташкентского наместника Исыдатхи все же вернулись на свои земли[124].

В то же время на севере успешно действовал ташкентский кушбеги Ляшкер. Он разбил бугинцев и преследовал их отступающие отряды вплоть до Илийского округа, создав угрозу военным поселениям цинов в Восточном Туркестане. Это обеспокоило цинские власти, и они прислали в Коканд «четыре человека китайских послов с предложениями о мире»[125].

В ходе переговоров цинских посланников в Коканде и ответных кокандских посольств в Пекине, в Кашгар был направлен купец Алим-патша с официальным статусом торгового старшины, но фактически являвшийся, по словам Ч. Валиханова, «отдельным губернатором». Почти 1/4 населения всего Восточного Туркестана в той или иной степени попала в подчинение к кокандцам[126].

По договору между Кокандом и Пекином хан получал право на торговые пошлины в городах Восточного Туркестана со всех иностранцев, на которых отныне распространялась зависимость от Коканда «в административном и полицейском отношениях»[127]. В ответ хан обязался строго наблюдать за ходжами и не допускать их до Восточного Туркестана.

По ходу продвижения кокандских войск на пограничных линиях воздвигались укрепления, оставлялись гарнизоны. В

123 *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 324—325.
124 Там же, стр. 199.
125 Там же, стр. 325.
126 Там же, стр. 325, 372.
127 Там же, стр. 325.

верховьях Нарына в 1832 г. Хак-Кулы[128] основывает укрепление Куртка, а Ляшкер в Чуйской долине — Токмак, на Иссык-Куле — Каракол, Барскаун и др. Несколько ранее на Алае были построены Кызыл-Курган, Сары-Таш и Дараут-Курган, на Памире — Таш-Курган. В результате границы киргизов с юга и востока были отмечены сетью укреплений, не только юридически закреплявших границы ханства, но и ставших серьезной фортификационной преградой на пути возможного повторения цинской агрессии на территорию Средней Азии. «Кокандцы, — писал Ч. Ч. Валиханов четверть века спустя,— подчинив дикокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»[129].

Политические события второй половины XVIII — первой половины XIX вв. показали, что Киргизия представляла собой не только экономически привлекательный, но и стратегически важный район Средней Азии. Оценивая значение Киргизстана и борьбу за господство над ним трех более могущественных соседних стран — Кокандского ханства, Цинской империи и России — западносибирский генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд с полным основанием писал: «Выгодное же положение Дикокаменной орды, в угле трех смежных держав, крепкая природная местность, ею занимаемая, и более воинственный их дух, нежели других киргизских (казахских. — *В. П.*) племен, делают преобладание сею ордою предметом весьма важным для каждой из трех держав»[130].

В результате отпора киргизским народом цинской агрессии, при невмешательстве и пассивности России (несмотря на просьбы киргизов о подданстве), верх одержала завоевательная политика кокандских ханов. Постепенно вся территория Киргизии попадает в зависимость от Кокандского ханства.

Этот процесс не был ни добровольным, ни мирным для местных народов. Он встречал вооруженный отпор киргизов. Но феодальная разобщенность и родо-племенные усобицы не позволили добиться организованного сопротивления. В течение 1810—1831 гг. территория и Северной Киргизии поэтапно включается в состав Кокандского ханства.

Захват Киргизии Кокандским ханством и возведение пограничных крепостей ставят окончательный заслон агрессивным притязаниям Цинской империи на киргизскую территорию.

128 См.: *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 198; В. Наливкин ошибочно относит казнь Хак-Кулы по доносу к 1831 г. Ср.: *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 132.

129 *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 326.

130 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 36.

В то же время киргизское и узбекское население Кокандского ханства не оставляло в беде борющиеся народы (уйгур, киргизов, казахов и др.) Восточного Туркестана против цинского гнета за независимость и оказывало им посильную помощь. Один из омских обозревателей в 1841 г. подчеркивал, что во время последних столкновений с китайцами киргизы «оказали Кокании большие услуги, которыми очень гордятся»[131].

В целом же завоевание Киргизии Кокандским ханством ставило трудящийся киргизский народ в условия двойного жесточайшего гнета — деспотического налогового пресса кокандских ханов и эксплуатации собственных феодалов. В народной памяти этот период отразился как время беспросветной темноты и забитости, беспощадного угнетения и ханского произвола.

131 Обозрение Кокандского ханства, стр. 209.

3. КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

1. Территориально-административное подчинение

По мере завоевания Киргизии отдельные ее районы и родоплеменные объединения включались в состав того или иного вилайета Кокандского ханства. Однако строго централизованного управления и устоявшегося территориально-административного устройства в ханстве не было. Оно представляло собой военно-бюрократическую машину, основывающуюся на деспотических принципах. А «единственный принцип деспотизма, — указывал К. Маркс, — это презрение к человеку, обесчеловеченный человек»[1].

Административное устройство и управленческие функции Кокандского ханства в литературе пока не нашли достаточного отражения. Их рассматривают обычно либо под призмой государственного устройства соседнего Бухарского ханства, либо совместно — Бухарского и Кокандского ханств[2], что объясняется скудостью непосредственно кокандских источников. Поэтому охарактеризуем вкратце государственно-административное устройство Кокандского ханства, в состав которого была включена Киргизия и которое накладывало определенный отпечаток на характер подчинения киргизов.

Кокандский хан юридически и фактически являлся верховным и безграничным правителем, деспотом. Хорунжий Потанин, посетивший Коканд в 30-х годах, отмечал: «Хан управляет самовластно: он без всякого суда отрешает от должностей или казнит чиновников, смотря по важности преступления»[3].

Однако деспотизм и единоначалие хана не исключали существования некоего совета при дворе, который чаще всего играл роль совещательного органа[4]. Но временами, при определенных условиях (малолетство хана, хан — ставленник

1 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 374.
2 *П. П. Иванов.* Очерки истории Средней Азии, стр. 131, 185; История Узбекской ССР, т. 1, стр. 637.
3 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766, л. 23.
4 Такие совещательные органы из «сановников и вельмож», к которым ханы обращались в трудные минуты, имелись при Нарбуте, Алим-хане, Омар-хане. — См.: Тарихи Шахрохи, стр. 63—65, 88—89; МИКК, стр. 227—228.

группы феодалов) такой совет мог выступать как орган реальной власти, вершивший делами в государстве, но... опять-таки от имени хана.

Ханское придворное окружение состояло из сановников, нередко носивших (в буквальном переводе) звание ханской прислуги. Их влияние и могущество при дворе определялись не столько занимаемой официально должностью, сколько благорасположением ханов. Хан нередко был полностью в руках группировок — узбекских феодалов, предводителей отдельных племен или отделений киргизских родов, кыпчаков и т. д. Заговоры в пользу лиц не ханской династии или чуждых соседних правителей в Кокандском ханстве отсутствовали. В то же время победившая в ходе феодальных усобиц какая-либо «партия» при хане делила власть между своими представителями. Главные феодалы — зачинщики и победители — оставались при хане, чтобы «стеречь» его. Они занимали и основные правительственные должности при дворе, руководство вилайетами и крупными бекствами. Их сторонники получали в управление остальные важные административные, политические и экономические центры.

При захвате Шералы-ханом в 1842 г. власти в Коканде одним из его основных «сподвижников и опорой» был киргизский феодал Юсуф. Хан назначает его минбашой и предводителем войск. Заняв престол, Шералы первым делом старается укрепить свое положение в крупнейших центрах и вскоре во всех вилайетах ханства утверждается новая администрация. Местные феодалы и киргизские родоправители жалуются особыми ярлыками — грамотами, определяющими власть[5].

Строго разграниченных функций управления и полномочий сановников не было. Они зависели от степени влияния их на хана и его благорасположения. К примеру, Худояр-хан, вступив на престол, отменил многие должности, сместил целый ряд сановников — минбаши, кушбеги и пр., перераспределил должности, управление вилайетами роздал бекам из ближайших сподвижников[6]. Поэтому в разных источниках и литературе встречаем несколько отличную одна от другой характеристики полномочий и обязанностей ханских чиновников[7]. В несколько обобщенном виде она представляется сле-

5 Тарихи Шахрохи, стр. 136, 146 и др.
6 *А. Нурекин.* Очерки истории Кокана.
7 Ср. *В. В. Вельяминов-Зернов.* Сведения о Кокандском ханстве, стр. 8; *его же.* Исторические известия, стр. 331—332, 358; *E. Schuler.* Turkistan, v. 2, p. 7; *П. П. Иванов.* Очерки по истории Средней Азии, стр. 185.

дующей. *Минбаши* (или мингбаши, букв. *тысяцкий*) — высший светский чин, второе лицо после хана. Должность, учрежденная Омар-ханом, в функцию которой входили дела первого по управлению государством визиря, это, говоря словами П. П. Иванова, «нечто среднее между министром внутренних дел и государственным канцлером»[8].

Нередко минбаши, как, например, завоеватель Центрального Тянь-Шаня Хаккулы, возглавляли в ханстве и военное дело, выступали в роли главнокомандующих.

Звание минбаши в ханстве закреплялось за должностью и было единственным. Со сменой лиц звание переходило к преемнику. Так, Мулла Нияз сообщает, что при Мадали-хане первоначально минбашой был киргизский феодал Юсуф. Но затем его отправили хакимом Маргелана и минбашой назначили Хаккулы. Пришедший к власти в 1842 г. при помощи киргизов Шерали-хан снова сделал Юсуфа минбашой, однако вскоре возвратил его хакимом Маргелана, возложив должность минбаши на нового фаворита — Шади-датху [9].

Следующим за минбашой по своему значению был титул *кушбеги*[10] (букв. *сокольничий*) — правитель крупного округа, совмещавший и звание командующего войсками. Наместник Ташкентского округа, которым обычно был кушбеги, иногда еще назывался *беклербеги* (букв. бек над беками), что было вызвано особым значением этого округа для Кокандского ханства. Далее шли административные должности правителей вилайетов и бекств — *хаким, бек аталык, датха* и пр.

Территориально-административное устройство Кокандского ханства имело свои особенности и свое конкретное выражение. Столица, а также районы и села, непосредственно относившиеся к Коканду и управлявшиеся лично ханом, состояли в централизованном подчинении, хотя могли находиться формально на территории какого-либо вилайета или бекства.

Крупные *вилайеты* — области, управлялись ханскими ставленниками — кушбеги и хакимами. Вилайеты делились уже на бекства (районы), которые подчинялись хакимам и управлялись назначаемыми ханом либо хакимами лицами. Когда управление бекством поручалось ханским родственникам или наследникам, оно переходило непосредственно в столичное подчинение.

[8] *П. П. Иванов.* Очерки по истории Средней Азии, стр. 185.
[9] Тарихи Шахрохи, стр. 113, 136, 155.
[10] В Бухарском ханстве — второе после хана лицо, по полномочиям равное минбаши Кокандского ханства.

Бекства подразделялись на более мелкие административные единицы, в разное время называемые то *аминствами,* то *серкерствами,* — административные районы местного управления. Далее шли *аксакальства* (волости), которые состояли из *кишлаков* и *аилов,* являвшихся низшими и основными налоговыми ячейками.

Система административного устройства ханства не была стабильна и претерпела существенную эволюцию к 70-м годам XIX в. Это зависело не столько от объективных условий (расширение границ, стратегические задачи и т. п.), которые тоже играли свою роль (но не основную), сколько от желания и прихотей ханов — здесь во всей полноте раскрывается феодальный произвол. Достаточно было смениться на престоле хану, появиться новому фавориту или еще одному наследнику, как могло возникнуть и новое бекство для него, произойти новое перераспределение должностей.

Первоначально во второй половине XVIII в. при Ирдане Кокандское ханство состояло лишь из четырех более или менее автономных бекств: Андижанского, Наманганского, Маргеланского и Кокандского. Ирдана — правитель Коканда — считался основным, верховным беком, остальные занимали подчиненное по отношению к нему положение[11]. Позже эти бекства превратились в вилайеты, которые в XIX в. по размерам уступали только одному Ташкентскому наместничеству. Иногда по традиции они продолжали называться бекствами. Законченный вид административная система ханства получила при Алим-хане и своего апогея достигла при его преемнике Омар-хане, который установил наиболее централизованное правление, создал стабильную государственную машину[12].

К середине XIX в. основными вилайетами ханства являлись Андижанский, Маргеланский, Наманганский, Ходжентский и крупное наместничество — Ташкентское. В одном из архивных документов от 1292 (1875) г. упоминается также «вилайет Ош, один из вилайетов, подведомственных столице Коканду»[13]. Они передавались приближенным ханским чиновникам «на откуп» за большие суммы. В. В. Вельяминов-Зернов упоминает, например, что ташкентский наместник кушбеги Нор-Мухаммед ежегодно вносил в казну «по 40 тыс. червонцев»[14]. Определенные «отступные» суммы были установлены и за другие вилайеты. Изыскивались они, понятно, с подведомствен-

[11] *З. Валиев.* Повествование о походе, стр. 112.
[12] *M. Holdsworth.* Turkestan, p. 5.
[13] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 2.
[14] *В. В. Вельяминов-Зернов.* Торговое значение (рукоп.), стр. 11—12.

ного окрестного населения, где кушбеги и хакимы распоряжались почти безгранично.

В последние годы в ханстве имелось 15 бекств, которые зависели непосредственно от хана, но некоторые входили и в состав вилайетов[15]. Беки управляли как ханские вассалы. Они не пользовались только правом смертной казни и то лишь юридически, на деле же исполняли всю полноту власти. В то же время сами они лично находились в полной зависимости от ханской воли. Будучи фактически самостоятельными правителями в своих владениях, беки раз или два в год должны были являться во дворец с докладом и дарами *(тартук)* для хана и наиболее влиятельных сановников[16].

Кушбеги, хакимы и беки, как только вступали в должность, начинали раздавать подведомственные им города и села своим родственникам, фаворитам и сторонникам. Окружение каждого такого сановника представляло собой как бы ханский двор в миниатюре — с таким же подобострастием придворных, безграничным деспотизмом над тружениками.

Более мелких районов местного управления в 60-х годах в ханстве имелось несколько десятков. Английский агент Мулла Абдул Маджид, проживший около шести недель в Коканде, насчитал их 78[17]. Это были своего рода волости, аксакальства, которые управлялись обычно чиновниками в ранге *юзбаши* или *юзбеги* (букв. *сотник*).

В крупные кокандские крепости с гарнизонами в сотни солдат (типа Пишпека, Мерке) особыми ханскими указами — хирманами — назначались военно-административные чиновники в ранге *датхи* (кирг. *датка*)[18], *эшик-агаси* и т. п.

В качестве примера приведем ярлык Худояр-хана от 1846 г. о назначении Мирзы-Алима комендантом Мерке и правителем окрестного киргизского и казахского населения.

«Он живой.

Наше Абуль-Музаффара Сеид-Мухаммед Худояр-Багадур-хана повеление (слово).

В силу того, что плодотворная деятельность верных, преданных и покорных Наших должностных лиц и служащих составляет предмет Нашего просвещенного внимания и особого Высочайшего поощрения, Мы находим возможным проявить

15 *А. Кун.* Очерк Кокандского ханства, стр. 6; *его же.* Некоторые сведения, стр. 438.
16 *А. П. Хорошхин.* Заметки о Кокане, стр. 189.
17 Report of a Journey to Kokan, p. 10.
18 Чин датхи некоторыми дореволюционными исследователями приравнивался к полковнику. — См.: *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 187.

и выразить царскую милость в отношении доброжелательного и преданнейшего Мирзы-Алима эшик-агаси назначением его правителем крепости Мерке и начальником ея населения.

Надлежит, чтобы все должностные лица главных и второстепенных учреждений, равно как и население окрестных районов, признавая вышеозначенного чиновника своим правителем, относились бы к нему, как к должностному лицу, назначенному на помянутую высокую должность Нами, с полным почтением, уважением и преданностью.

К содержанию настоящей грамоты *(ярлыка)*, утвержденной и скрепленной Нашей украшающей печатью, относиться с полным доверием.

Дана в 1-й день месяца Джемади-ус-сани 1263 года (год барана)»[19].

Непосредственно мелкими кокандскими укреплениями на территории Киргизии, такими, например, как Дараут-Курган, управляли коменданты — токсоба, под началом которых состояли небольшие гарнизоны в десятки солдат.

Административный аппарат в Кокандском ханстве содержался не за счет ханской казны, он был предоставлен сам себе и изыскивал средства на свое существование ограблением окрестного податного населения. «Расходов по администрации, — сообщал Венюков, — ханское правительство почти вообще не знает, предоставляя бекам самим заботиться о своем вознаграждении за труды»[20].

Некоторое исключение составляли только кокандские офицеры, постоянно находившиеся в составе регулярного войска. Мнение большинства дореволюционных исследователей, принятое и А. Л. Троицкой[21], что войско в Кокандском ханстве было исключительно иррегулярным, что оно состояло из конного ополчения и собиралось лишь в военное время, нам кажется неточным. Ополчение, естественно, составляло основную массу войска, но в ханстве имелись и регулярные части, находившиеся на содержании государства.

Главные принципы создания кокандской армии были заложены Алим-ханом. Она состояла из конных и пеших ополченцев и наемников — отрядов каратегинцев, шугнанцев и бадахшанцев, которым было положено «жалование»[22].

19 ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 24.
20 *М. И. Венюков.* Военно-статистические очерки (рукоп.). РОГПБ им. В. И. Ленина, ф. 363, к. 3, д. 14, стр. 12.
21 *А. Л. Троицкая.* Несколько документов, стр. 138.
22 Тарихи Шахрохи, стр. 43—44.

Мулла Абдул Маджид, непосредственно видевший кокандские войска, писал, что постоянная армия составляла 10 тыс. человек. Это преимущественно конница. Правда, из них лишь 15 сотен регулярных войск. Основной национальный состав армии, по его словам, — мужчины киргизских, казахских и кыпчакских племен, а также афганцы и индустанцы[23].

Все военное сословие в ханстве называлось одним словом — *сипаи,* но они делились по видам оружия на три категории: пехоту *(сарбазы),* кавалерию *(джигиты)* и артиллерию *(топчи)*[24]. В последние годы Худояр-хан ввел воинскую повинность и расширил регулярные части, которые состояли из полков *(даста),* сотен *(туб),* полусотен во главе с *панджабаши* и десяток под командой *дахбаши*[25]. Они находились на содержании государства, во всяком случае обеспечивались продуктами или получали на кормление харадж с селений[26].

При подготовке к войне сбор ополчения производился по территориально-административному признаку. И киргизы, «приписанные» к тому или иному району и округу, должны были выставлять потребное количество войск, обычно конницы.

Киргизский народ был разделен по родо-племенному признаку, отличавшемуся простотой производственной и социальной структуры. Простотой, но отнюдь не однородностью, так как имелась социальная дифференциация, проявлялись классовые антагонистические отношения.

Родо-племенное деление в рассматриваемое время играло отрицательную роль в исторических судьбах киргизского народа, являясь пережитком, тормозившим социальное развитие. Во-первых, родо-племенная структура препятствовала созданию внутриэкономического единства, территориальной общности, централизованному государственному устройству. Во-вторых, служила феодалам для развязывания межплеменных усобиц, повлекших за собой разрушение хозяйства и гибель тысяч трудящихся за чуждые интересы феодалов. В-третьих, облегчала завоевание и управление Киргизии кокандскими ханами, использовавшими политику натравливания феодалов одних племен и родов на другие.

Феодалы, стоявшие во главе племен, были носителями центробежной силы в государственном устройстве, берегли свои «права», обеспечивавшие им эксплуатацию трудящегося населения, и кичились своей автономностью, не признавали и

[23] Report of a Journey to Kokan, p. 11.
[24] *А. Куропаткин.* Кашгария, стр. 163.
[25] *А. Л. Троицкая.* Несколько документов, стр. 139.
[26] Там же, стр. 140.

не подчинялись друг другу даже в ущерб общенародным интересам.

Первое, отмеченное в письменных источниках, сообщение о традиционном делении киргизов на левое и правое крыло восходит по крайней мере к XVI в. Сейф ад-дин Ахсикенти называет главные племена и роды киргизов, в основе сохранившиеся, но, естественно, разросшиеся к XIX в. в широко разветвленную сеть. Племена бостон, тейит, кесек, доолос, канглы, кыдырша, адыгине, монгуш, кара-багыш, тагай, кыпчак, басыз, кушчи, мундуз, чон-багыш, саруу, солто, саяк, бугу, сарыбагыш, названные Сейф ад-дином Ахсикенти[27], являлись основными киргизскими племенными объединениями, имевшими своих родоправителей и в XIX в.

В чем же причина большой жизнеспособности родо-племенного устройства кочевого и полукочевого населения? Она заключалась в хозяйственной необходимости экстенсивного скотоводства, которое было «исторически обусловленным явлением». Сама жизнь либо исключала, либо делала неустойчивыми и условными территориальные связи, в то время как родо-племенная принадлежность являлась стабильной[28]. Естественно, сохраняя архаические формы, родо-племенная структура имела определенно классовую сущность, наблюдалась имущественная и социальная дифференциация, хотя внешне и прикрытая иногда патриархальной оболочкой.

Родо-племенная структура киргизского общества вполне удовлетворяла интересы феодалов. Г. С. Загряжский, хорошо знакомый с бытом киргизов, особо подчеркивал, что «разделение же на роды сохраняют манапы и строго их держатся»[29]. Каждый феодал в своем роду, отделении, племени был полновластным хозяином, «царьком», повелевающим жизнью и смертью подданных.

Феодалы-родоправители — бии, манапы, имея тысячи подданных, зависимую от них букару, не могли, конечно, не считаться с кокандскими ханами и не выполнять вассальных обязанностей. Но отдаленные труднопроходимыми горными перевалами, используя мобильность и опираясь на реальную власть на местах, киргизские родоправители временами могли игнорировать ханских наместников, комендантов крепостей и проводить свою политику. В этих условиях, наоборот, кокандским

[27] *Сейф ад-дин Ахсикенти.* Маджму ат-таварих. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 5154, л. 80, 102. Научный перевод источника подготовлен к публикации В. А. Ромодиным.
[28] *С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов.* Народная этногония, стр. 38—39.
[29] *Г. Загряжский.* Очерки Токмакского уезда.

чиновникам приходилось нередко приспосабливаться к своеволию киргизских феодалов, поскольку только через них могли они практически выполнять функции по сбору налога и управлению окрестным населением.

Родо-племенное деление киргизского общества, характер подвижного кочевого или полукочевого образа жизни приводили к определенным затруднениям в территориально-административном подчинении. Отдельные роды и подразделения зимой могли находиться в границах одного вилайета, а летом — другого, с чем совершенно не считались. Фактически они приписывались к тем вилайетам, которые имели право на налог с данных родов. При этом зависимость населения, близрасположенного к административным центрам, выражалась более явственно, а отдаленных территориально или труднопроходимыми горами — менее определенно.

Территориально Алай и Ош с окрестностями, Центральный Тянь-Шань считались в составе Андижанского вилайета. Кетмень-Тюбе и Талас относились к Наманганскому, а юго-западные предгорья Ферганы — к Кокандскому вилайетам. Чуйская долина и Прииссыккулье были в ведении ташкентского наместника. Из этих центров осуществлялось управление киргизским населением, но крупные феодалы могли сноситься и непосредственно с ханом.

Киргизы, которые кочуют в Ферганской долине, сообщал Ч. Валиханов, вносят налоги правителю близлежащего города, записаны в войска (ополчение) этих округов и «находятся в совершенном подданстве Коканда».

Другая категория населения — более отдаленная, фактически признавала только «покровительство» ханства и относилась к Андижанскому и Ташкентскому наместничествам.

Казахский ученый-путешественник, прекрасный знаток быта и истории киргизов, неоднократно проходивший через их территорию, Ч. Валиханов пришел к заключению, что при всем этом «власть Коканда над киргизами слаба, и они мало слушаются хакимов, особенно в последнее время»[30]. Валиханов был свидетелем самоуправства саякского манапа Османа, сына Тайлака, который был возведен ханом в *пансады* (пятисотник), имел звание *датхи* и тем не менее мало считался с комендантом соседнего укрепления Куртка Мамразыком.

В годы кокандской зависимости киргизские родоправители могли назначаться и смещаться беками, ханами[31], но это был скорее символический акт простого утверждения реальной

[30] *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 379.
[31] ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, стр. 892а, л. 764.

власти киргизских феодалов, чаще их для пущей важности наделяли титулами датхи, пансада и пр. Как правило, наместники Ташкента, коменданты крепостей Аулие-Ата, Пишпек и других начинали деятельность с попыток привлечь на свою сторону подарками и письмами влиятельных киргизских манапов[32]. И только после установления надежных контактов с киргизскими феодалами они приступали к выполнению своих функций управления, главным образом сбору зякета[33].

Киргизские родоправители, благосклонно относившиеся к подаркам, ханским чинам и званиям, старались в то же время по возможности уклоняться от прямой зависимости и зякета. Стоило только ханской власти ослабнуть, подданство киргизов превращалось в чисто номинальное. О нем не вспоминали до появления ханских налогосборщиков с войсками. Сбор налогов и недоимок за прошлые годы сопровождался грабительскими действиями ханских войск и вызывал сопротивление населения. По сути дела, приходилось как бы вновь завоевывать «подданные» народы. И такое положение периодически повторялось во все время зависимости киргизов от Кокандского ханства.

Ханские междоусобицы, дворцовые перевороты нередко умело использовались киргизами для уклонения от налогов, они меняли свои кочевые стоянки, а с 60-х годов стали просто перекочевывать в пределы территорий, уже отошедших к России. Так, род бурукчи, первоначально обитавший на Нарыне, близ укрепления Куртки, «вследствие бывших в Кокандском ханстве беспорядков, — сообщалось в русских дипломатических документах, — передвинулся на Джумгал, а затем осенью 1865 г. запросился на р. Кашкару в российское подданство»[34].

В киргизские кочевья начальниками гарнизонов и комендантами крепостей ханы направляли чиновников, на которых возлагалось управление киргизами. Они считались управителями кочевавшего в окрестностях киргизского населения, но лишь формально. Фактически власть оставалась в руках местных феодалов-родоправителей. Прекрасную иллюстрацию в этом смысле представлял Кетмень-Тюбинский район. После завоевания Кетмень-Тюбе кокандцы назначили в крепость Улуг-Коргон своего правителя и разместили здесь гарнизон в

[32] *Манап* — представитель высшей киргизской феодально-родовой знати, который жил за счет управляемого им населения и распоряжался его собственностью. — *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 515.
[33] *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край, т. XX, стр. 3—4.
[34] АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1866, д. 1, л. 5—9.

100 солдат. Но власть кокандского представителя являлась непрочной. Практически же управление киргизским населением оставалось за манапами, в их руках «правитель ханский был только слепым орудием».

Ханский наместник удовлетворялся внешними знаками внимания, которые изредка проявляли заинтересованные в нем раздираемые внутренними усобицами киргизские феодалы. Родо-племенная вражда не утихла с расширением кокандской крепости и усилением гарнизона. Манапы разных родов — солто, сарыбагыш, саяк — постоянно враждовали между собой, правда, иногда объединяясь для сопротивления ханской власти[35].

Управление семиреченскими киргизами в основном осуществлялось ташкентским наместником. В одном из писем от 1834 г. ташкентский кушбеги самодовольно хвалился перед генерал-губернатором Западной Сибири: «Высокостепенный же хан предоставил в мое владение шесть сан[36] каракалпаков, сорок сан прочих народов, обитающих по здешней стороне кокандского дивана, и дикокаменных киргизов по реке Или, дал мне власть решать все дела, относящиеся до сих народов»[37].

Действительно, Чуйская долина с ее административным центром Пишпек находилась в непосредственном подчинении беклярбека Ташкентского вилайета[38]. В Пишпеке был ханский наместник — бек, который перед Ташкентом и Кокандом отвечал за управление чуйскими киргизами. Здесь сосредоточивался основной кокандский гарнизон. Отсюда отряды выезжали за сбором податей.

Но власть пишпекского бека над окрестными киргизами была призрачной. Она становилась реальностью, когда поддерживалась вооруженными отрядами, когда опиралась на силу и влияние киргизских феодалов, которых ханские наместники то подарками, то угрозами старались держать в своих руках.

Когда в середине XIX в. чуйские киргизы откололись от Кокандского ханства и перестали вносить зякет, к ним было направлено 20-тысячное войско. В 1851 г. оно прибыло в Пишпек. Разбившись на отряды, кокандцы начали грабить окрестное население. Одновременно комендант Пишпека направил манапам Джантаю и Боромбаю приглашение встретиться для

35 *П. Ф. Резник.* Кетмень-Тюбе в 1899 г. (рукоп.), стр. 64—65.
36 *Сан* — в переносном смысле «несметное количество», иногда 10 тысяч.— *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 631.
37 ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 348, л. 138.
38 *Н. Маллицкий.* Ташкент, стр. 24.

переговоров. Но манапы, искушенные в интригах, сами побоялись явиться, хотя не могли и ослушаться. В результате они прислали вместо себя родственников[39]. Престиж почитания ханской власти был соблюден, кокандское подданство подтверждено. Киргизские феодалы признали нового кокандского наместника в Пишпеке.

Но этот же пример показывает, что, несмотря на признание подданства и выплату налогов, киргизские манапы временами, используя политическую ситуацию и характер социально-экономических отношений, шли на риск отказа прибыть к беку даже перед угрозой 20-тысячного ханского войска, потому что чувствовали за собой власть над тысячами соплеменников.

Являясь официально утвержденными Кокандом, киргизские феодалы тем не менее не испытывали уверенности в титулах, которых свободно могли лишиться вместе с жизнью. Другое дело — власть родоправителя, опиравшаяся на экономическую силу, собственную дружину и многовековые традиции.

Административно-управленческие функции кокандских наместников среди киргизов можно проиллюстрировать на примере центрально-тянь-шаньского района. Так, Джумгальская долина, Арпа и верховья Нарына, находившиеся в ведении Андижанского вилайета, составляли самостоятельный район с центром — крепостью Куртка. Коменданту Куртки Мамразыку подчинялись феодалы трех саякских родов, враждовавших друг с другом: Осман Тайлаков (чоро), Тюлеке Ералин (кулджугач), Байтуры Джаланаков (иман). К этому же ведомству относилась часть бугинцев и чирики, каждый род которых также имел предводителей, враждовавших между собой. Кокандские наместники, используя межфеодальные распри киргизских родоправителей, разжигали соперничество, держали у себя заложников *(аманатов)* из членов семейства феодалов и тем самым более или менее уверенно чувствовали себя даже в окружении киргизского населения. И это при наличии в Куртке гарнизона всего в 200 сипаев, из которых только 50 были узбеки, остальные 150 являлись присланными андижанскими киргизами.

Обострившаяся родо-племенная вражда, неутихавшее соперничество за привлечение коменданта Куртки на свою сторону могли вызвать очередное восстание. В этих условиях кокандские власти пошли на разделение наместничества в Куртке на три ведомства. В качестве равноправных из Курткинско-

39 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 12, л. 146—147.

го выделились Джумгальское и Тогуз-Тороуское ведомства с центрами в одноименных крепостях, со своими комендантами. Честолюбие соперничавших киргизских феодалов, боровшихся за сферу влияния, было удовлетворено. Кокандцы сохранили господство над киргизами. «Вообще власть кокандцев между этими киргизами, — писал Ч. Валиханов, — поддерживается лживой и хитрой политикой, к которой нынешний комендант, по-видимому, привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хороших фамилий и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками». Сам комендант доверительно сообщил Ч. Валиханову, что эта политика «основана на долгом опыте, ибо силой с киргизами ничего нельзя сделать по малочисленности гарнизона»[40].

Власть ханских наместников в Киргизии становилась совсем призрачной, особенно в моменты массовых народных движений, во времена дворцовых смут и крупных феодальных усобиц. Тянь-шаньские феодалы умело использовали возвышение при ханском дворе крупнейшего алайского феодала Алымбека-датхи, чтобы выговорить больше прав для себя. Так поступили чирики в 1858 г., отправившие к Алымбеку-датхе депутацию с просьбой построить для них «особенный курган» на Атбаши, так как они не желали подчиняться коменданту Куртки[41].

Но положение рядового труженика не менялось, если управителем окрестного населения и комендантом крепости назначался киргизский феодал. Исмаил-токсоба, например, «начальник постоянно кочующих на Алае киргизов», был из местных феодалов. Его укрепление —Дараут-Курган—имело киргизский гарнизон, который ничем не отличался от кокандских воинов-узбеков: так же эксплуатировал окрестное население, собирал рьяно зякет со скотоводов, подавлял недовольство и вооруженные выступления трудящихся. Исмаил — киргизский феодал на кокандской службе — вел себя так, что окрестное население сторонилось крепости (кургана) и не подкочевывало к ней. Русскому путешественнику А. П. Федченко они объясняли это тем, что «начальники любят употреблять их на работы и вообще за всякими нуждами обращаются к ближайшим аулам»[42].

Кокандские наместники в Ташкенте, Аулие-Ате имели право назначать старших правителей киргизских родов. Обычно это было формальным актом, тем не менее для упро-

40 *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 254—255.
41 Там же, стр. 195.
42 *А. П. Федченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 372.

чения власти киргизские манапы-родоправители пытались заручиться ярлыками беков. Так, после смерти солтинского манапа Джангарача его сын Чолпонбай весной 1864 г. ездил на представление к ташкентскому парваначи и возвратился с богатыми подарками и ярлыком на звание старшего манапа своего рода солто[43].

Объясняя зависимость киргизов от Кокандского ханства, наблюдательный русский путешественник М. И. Венюков писал, что они покоряются хану как «единственному государю», только потому, что «не видят пока возможности быть вполне независимыми». Все кочевники ханства враждебны правительству, обременяющему их тяжелым зякетом. Не лучшим было положение и узбекских тружеников. Управление даже «собственными оседлыми подданными», отмечал М. И. Венюков, так дурно, так деспотично, что лишь традициям Востока «кокандские тираны обязаны целостью своей державы»[44]. М. И. Венюков упрощенно подошел к объяснению основ ханской власти. Но в одном он был, безусловно, прав: административное управление в Кокандском ханстве было типично средневековым, деспотичным, негибким и жестоким. Только в условиях родо-племенной разобщенности киргизского общества, в атмосфере непрекращающихся феодальных усобиц Кокандское ханство могло поддерживать свое господство в Киргизии. Но оно не сумело перестроить и полностью приспособить к своему территориально-административному устройству завоеванные территории киргизов. Как справедливо отмечают С. М. Абрамзон и Л. П. Потапов, ни родо-племенная борьба феодалов за власть и пастбища, ни даже временные ханские объединения не затрагивали основ социально-экономического строя военно-административных или государственных объединений кочевников[45]. Объяснение этого мы находим, по определению К. Маркса, в «неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий»[46].

Таким образом, несмотря на кажущуюся централизацию, Кокандское ханство представляло собой типичный образец «восточного деспотизма», состояло из полуавтономных в административном отношении вилайетов и бекств. В основе тер-

43 *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край, т. XX, стр. 128—134.
44 *М. И. Венюков.* Военно-статистические очерки (рукоп.). РОГПБ им. В. И. Ленина, ф. 363, к. 3, д. 14, стр. 6—7.
45 *С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов.* Народная этногония, стр. 35.
46 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 371.

риториально-административного устройства в ханстве лежал податно-налоговой принцип. По этому принципу завоеванные киргизские территории включались в состав ближайших вилайетов. Непосредственная исполнительная власть кокандских чиновников над киргизами сосредоточивалась в руках комендантов крепостей. Но киргизские бии и манапы-родоправители сумели сохранить политическую силу и власть над своими соплеменниками. Ханы присваивали им государственные титулы и чины, привлекали подарками, использовали междоусобицы и соперничество феодалов и только этим да постоянно совершаемыми вооруженными походами поддерживали свое господство.

2. Местное управление

Исторически сложившиеся взаимоотношения киргизских феодалов-родоправителей между собой, с кокандскими ханами и их представителями на местах сказывались на системе внутреннего управления у киргизов. Тем не менее они не затронули существа власти киргизских феодалов.

Попав в зависимость от Кокандского ханства, киргизские родоправители сумели сохранить в своих руках былую систему управления местным населением, которая базировалась на патриархально-феодальных отношениях. В основе управления лежало феодальное право, но оно было замаскировано оболочкой «народного обычая», прикрывалось многовековыми традициями. Непосредственно трудящееся население не участвовало в управлении и было полностью от него отстранено. Политически незрелое сознание дехкан, земледельцев и скотоводов нередко воспринимало действия и поступки феодалов, направленные на удовлетворение их классовых потребностей, как действия, отражающие и защищающие интересы всего общества, их рода, их племени. Это, с одной стороны, помогало феодалам скрывать свою явно эксплуататорскую сущность и выступать даже в роли «отцов» — хранителей древних обычаев, традиций; с другой, — вело к беспрекословному подчинению рядовых тружеников родоправителям, их участию в борьбе за интересы феодалов под лозунгом отстаивания интересов всего рода, племени. Лишь временами стихийный народный гнев сквозь путы патриархальщины выливался в классовую борьбу. С подчинением Кокандскому ханству киргизские феодалы вынуждены были (иногда лишь формально) выражать свое подданство. Зависимость проявлялась в ритуалах, поездках на представление к ханам и бекам, подношении им

подарков и т. д. Тем не менее, в основе внутреннее самоуправление киргизских родов и племен не было нарушено.

Власть главы племени, рода — это по-своему государственная власть в миниатюре. По словам К. Маркса, сказанным по другому поводу, но полностью относящимся и к данному случаю, общественные должности в отдельных общинах уже следует рассматривать как «зачатки государственной власти»[47]. Глава союза племен или одного крупного родо-племенного объединения сосредоточивал в своих руках власть, которая в условиях слабой зависимости от центрального правительства и постоянных межплеменных усобиц выражала собой самостоятельную форму внутреннего управления. Власть феодала-родоправителя, замаскированная оболочкой патриархальщины, представлялась отеческой, основанной на родовом начале, как защитница интересов всего общества. Отсюда даже для первых туркестанских чиновников-исследователей быта киргизского населения родоправитель воспринимался не как выразитель отвлеченного принципа власти, но как «старший между родовичами, живой и деятельный представитель, защитник и регулятор родовых интересов... В простейшей форме общежития — родовой, — писал Г. А. Колпаковский, — кочевники находили не только защиту от врага, но и взаимную поддержку в беде и нужде: находили, следовательно, крепкую нравственно-экономическую связь»[48].

В другой архивной записке — «Самоуправление и народный суд», составленной также в первые годы после присоединения Семиречья к России, сказано: «Коренною основою быта киргизского народа является родовое начало. Подразделяясь на множество родов и родовых ответвлений, народ киргизский представляет собою конгломерат более или менее многочисленных по составу родовых семейств. Каждое из таких семейств, связанное патриархальным единством, представляется сплоченною родовыми семейными интересами группою, во главе которой стоит ее представитель—старейшина с неограниченною властью патриарха. Такой представитель родовой группы, с точки зрения ее членов, является единственным защитником интересов и руководителем всей жизни группы... Правосознание киргизского народа не выросло до установления понятия отдельной личности с ее индивидуальными правами и ответственностью. Личность как таковая может существовать лишь в пределах родового семейства и вне его никог-

[47] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 184.
[48] *Г. А. Колпаковский.* Особое мнение об основах местного управления киргизов. — ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1871, д. 25, л. 493.

да никакого значения в общественных делах иметь не может. На арену же общественной деятельности выступают коллективные единицы и родовые группы в лице действующих от имени их старейшин-джакшиляров»[49].

Но эта точка зрения о патриархальности, семейной роли старшины, феодала в управлении подданными вызывала возражения даже со стороны отдельных дореволюционных администраторов. Так, в одном из рапортов военного губернатора Семиреченской области Фриде и председателя Семиреченского областного правления Аристова степному генерал-губернатору «О киргизском общественном управлении» указывалось на несостоятельность мнения авторов записки и проектов о патриархальности султанов и манапов, патриархальной основе в управлении ими подданными: «Султаны-правители Оренбургской степи, старшие султаны окружных приказов Западной Сибири и Большой Орды и манапы у кара-киргиз совсем не были патриархами... Действительная патриархальность невозможна в отношениях начальника 10—30 тыс. кибиток, или 100 тысяч душ. Патриархальные отношения существовали только между султаном или манапом и его теленгутами, если можно так назвать патриархальные отношения к дружине, состоящей из сброда людей разных киргизских и иных (напр., туркмен, узбеков) родов»[50].

Административное управление внутри киргизских племен и родов являлось классовым, но патриархальная оболочка, традиционное обычное право были направлены на затушевывание этих классовых отношений.

Основной формой организации киргизов второй половины XVIII—XIX вв. была пастбищно-кочевая община, ячейкой которой выступал аил. Община носила уже классовый характер, однако не была избавлена и от кровнородственных связей. Она представляла единый организм со многими традиционными институтами прошлого, в частности, патриархальными.

С подчинением Киргизии Кокандским ханством сущность внутреннего самоуправления общин и родов не изменилась, но в отношения между крупными родо-племенными объединениями кокандские ханы вмешивались иногда довольно активно. Во время опроса населения комиссией Ф. Гирса в ходе составления проекта управления в Туркестане (1865 г.) было установлено, что «при кокандском владычестве смещались и

[49] ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 393, л. 19.
[50] Там же, д. 53, л. 15.

назначались киргизские управители по усмотрению беков»[51]. Это вовсе не исключало того, что титул манапа, старшего бия оставался наследственным. Интересно, что иногда сыновьям передавались и титулы, которыми награждали киргизских родоправителей кокандские ханы. Это являлось уже следствием признания Кокандом прав местных феодалов на внутреннее управление родами, прав, которые для поддержания ханского престижа дополнительно (как правило, формально) подкреплялись еще и ярлыками.

По преданию, таласский феодал Альчибек управлял «своими» киргизами еще до подчинения Кокандскому ханству. Его сын бий Аджибек специальным указом Мадали-хана был возведен в звание датхи и утвержден официально правителем всего киргизского населения Таласа. Приведем ярлык, выданный Мадали-ханом Аджибеку (Хаджи-беку) в 1838 г.

«Он живой.

Наше Абуль-Гази Сеид Мухаммеда-Али Багадур-хана повеление (слово).

Ввиду возложения на нас творцом вселенной, источником жизни и царем царей, перед которым должно все преклоняться, власти и короны и (ввиду) дарования нам создателем мира могущества и величия, на нас лежит обязанность благосклонно и великодушно отличать и отмечать нашей безграничной милостью служебную деятельность тех из услуг, которые таковую проявили бы на поле храбрости.

Исходя из того, что Хаджи-бек бий неоднократно уже явно и открыто проявлял безграничную храбрость. Мы, пожелав высказать вышеупомянутому бию частицу нашей эмирской милости и царской благосклонности, настоящею грамотою жалуем звание Дадхи.

Повелеваем всем без исключения должностным лицам главных и второстепенных учреждений и всем вообще служащим признавать его назначенным на эту должность нами и оказывать ему, как это подобает, почести, уважение и почтение.

Содержание настоящего высочайшего повеления, утвержденного и украшенного нашим царским шифром и печатью, не должно быть нарушаемо, причем к содержанию таковой относиться с полным доверием.

Дана в 1-й день месяца Раджаб-уль-Мураджаба 1254 года»[52].

[51] ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865 г., св. 892а, л. 764.
[52] ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 23.

Позже, по приказу Мадали, Аджибека казнили. Его сын Нурак вынужден был несколько лет скитаться в Чуйской долине. Но влияние феодалов оставалось, видимо, настолько сильным, что в конце концов ташкентский хаким Азиз-парваначи вызвал Нурака Аджибекова и, «вручив ему отцовское знамя, назначил его правителем всех таласских киргизов»[53]. Однако с течением времени был казнен и Нурак. Но управление таласскими киргизами опять-таки перешло к его сыну Кыдралы Нуракову.

Ханский ярлык от 1260 (1844) г. гласил:

«Ввиду того, что истинный царь царей предоставил, по милости своей, в наше ведение, распоряжение и управление гражданскую и военную части этого государства, с дарованием нам права распространять власть во всех важнейших делах, касающихся организации управления краем, необходимо и обязательно, чтобы все относились с почтением к тем лицам, которые будут удостоены нами назначения на должности.

Принимая во внимание, что принцем Хидыр-Али (Кыдралы) издавна выказывалась преданность и заслуги, мы, пожелав оказать милость за это означенному принцу, пожаловали ему народ, бывший в подданстве у его отца, вместе с присвоенным ему знаменем, с тем, чтобы старинные подданные его отца признавали принца своим главою, беком и хранителем знамени и выказывали ему повиновение, а он управлял бы народом справедливо, не притесняя.

С получением настоящей, скрепленной печатью высочайшей грамоты, чинить полное доверие. Дана в 1-й день месяца Зи-аль-Хидже 1260 г.

Печать Шаха-Мухаммеда-Али, сына Нар-Мухаммеда парваначи»[54].

Эту власть Кыдралы подкрепил своим ярлыком и Малля-хан. В 1275 (1858—59) г. хан выдал Кыдралы новый документ, по которому возводил его в звание бека над киргизскими родами Таласа:

«Да узнают, возрадовавшись, хорошие люди племен Байсу, Бургимяк, Сатыкай и Тойта... о нашей эмирской милости и нашем царском милосердии, выразившихся в том, что вследствие старинного доброжелательства и расположения к Хидыр-Али-бию (Кыдралы) возвели мы его в звание бека над вышеперечисленными родами.

Надлежит, чтобы все, как большие, так и малые, признавая Хидыр-Али-бия своим беком, которому нужно оказывать почтение, уважение и почести, исполняли бы все исходящие от него распоряжения по делам административного управления, равно как, приняв настоящее высочайшее повеление, не нарушали бы его. 1275 г.

Печать Мухаммед-Али-хана, сына Сеид Элим-хана Багадура»[55].

Лишь позже власть над таласскими киргизами была перераспределена среди шести биев-родоправителей[56].

При всем этом, как свидетельствуют источники, в Таласе 16 лет в крепости Аулие-Ата находился ханский ставленник — алайский феодал из киргизского рода баарин Атабек, который был официальным правителем округа[57].

Власть беков — ханских наместников — зиждилась на вооруженной силе и оставалась как бы внешней — стоявшей над властью киргизских родоправителей и в то же время как бы не распространявшейся на них. Внутреннее управление киргизами имело свои особенности и практически вмешательство в него со стороны кокандских чиновников было почти невозможно. Однако попытки кокандцев диктовать свою волю не исключались, а в отдельных случаях были и не безрезультатными. В целом же основная форма организационного управления киргизского общества, общины и родов сохранилась неизменной. Тем не менее киргизские бии-родоправители стремились заручиться в подкрепление своих прав ханскими ярлыками, хотя независимо и рядом с этим могли выбирать своего предводителя, невзирая на волю хана.

Практическое невмешательство кокандских ханов во внутреннее управление киргизских феодалов, наделение их определенными административными правами (через присвоение чинов и званий), ослабление ханской власти в 40-х годах в центре, непрекращавшиеся восстания и усиление реальной власти киргизских феодалов на севере привели к попытке крупнейшего манапа Ормона обособиться и распространить свою власть на соседние племена.

Верховный сарыбагышский манап Ормон имел собственное знамя, а от кокандских ханов получил чин парваначи. Он, по словам Ч. Ч. Валиханова, сумел поставить себя в такое положение, что собирал с соседних племен киргизов зякет и был «в сущности совершенно независимым»[58]. В таких условиях Ормон добился, чтобы его провозгласили ханом. Киргизский

53 *В. Каллаур.* К истории города Аулие-Ата, стр. 12—13.
54 ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 20—21.
55 ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 22.
56 *В. Каллаур.* К истории города Аулие-Ата, стр. 13.
57 *В. Каллаур.* Рассказ о четырех братьях, стр. 35.
58 *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 378.

фольклор запечатлел эти события[59]. В 40-х годах[60] Ормон на Иссык-Куле в местности Котмолды созвал всеобщий совет, съезд *(курултай)* представителей сарыбагышских, бугинских, саякских, солтинских, саруйских, кушчинских и черикских племен Прииссыккулья, Центрального Тянь-Шаня, Чуйской и Таласской долин. По древнему традиционному обряду кочевников феодалы посадили Ормона на белую кошму и одели шапку с красным верхом — отличием ханской власти. В честь такого события зарезали 9 кобыл и устроили «великий той». Тут же «всекиргизский хан» оповестил свой первый указ: «По всей земле киргизской шапку с красным верхом будет носить только один человек — Ормон-хан». Придерживавшийся кокандской ориентации и одновременно переписывавшийся с сибирскими властями Ормон решил было, что настало время обособления и даже «сжег замок хана» — кокандское укрепление в Котмолдах[61]. Правление киргизского «хана» началось с провозглашения юридических норм, которыми отныне должны были руководствоваться все киргизы: за убийство человека «кун» в 300 лошадей, за похищение чужой жены — 40 лошадей и т. д.

В литературе достаточно полно освещены события, связанные с деятельностью Ормон-хана[62]. В некоторой степени им придавалось даже большее значение, чем они имели на самом деле. А до революции представители киргизской феодальной знати и нарождавшейся буржуазии в полной мере идеализировали личность Ормона. В частности, О. Сыдыков, подменивший историю Киргизии генеалогией крупнейших феодальных представителей XIX в., подчеркивая мощь Ормона, писал, что его владениями были Иссык-Куль, Чу, Атбаши, Нарын, Аулие-Ата и окрестности Намангана. За могущество, жестокость и своеволие Ормон получил титул хана[63].

Это была заурядная попытка возвышения одного из феодалов, которая, в конечном итоге, не привела к существенным переменам. Ормон не сумел сосредоточить власть и управление киргизскими племенами в своих руках и вынужден был обратиться за помощью к кокандскому хану.

59 Песня «Провозглашение Ормона ханом». — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 278.

60 В некоторых сведениях эти события ошибочно датируются 1830—1831 гг.—См.: *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов.—Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1057, стр. 383.

61 *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 378.

62 *С. М. Абрамзон.* У истоков манапства. — «Советская Киргизия», 1931, 1 апреля; *Б. Д. Джамгерчинов.* Киргизы в эпоху Ормон-хана.

63 *О. Сыдыков.* Тарихи Киргизия. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1617, стр. 25.

На юге Киргизии сильную власть и почти безграничное право распоряжения подданными имели алайские феодалы Алымбек-датха и «царица» Курбанджан-датха.

5 декабря 1860 г. Алай посетил, по дороге из Индии в Коканд, Мулла Абдул Маджид, который назвал Гульчу резиденцией правителя Алымбека-датхи[64]. Позже Е. Марков в своих путевых очерках оставил такую характеристику Курбанджан, наследовавшей правление Алаем от мужа: «Датха эта была почти независимою владетельницею во времена кокандских ханов, и хотя муж ее получил свое звание бека от Худояр-хана, но эта ханская инвеститура была скорее условием приличия, чем действительным правом хана, так как алайские киргизы высоко чтили родовитую „белую кость" своих беков и беспрекословно шли за ними, куда они их вели, даже без освящения их прав ханскою властью»[65].

Порождением специфически киргизской жизни явился институт крупных родоправителей — *манапство,* получивший широкое распространение на севере с 40-х годов XIX в.

Манапство есть наследственное,— писал в 50-х годах XIX в анонимный автор предания о происхождении киргизского народа. — У дикокаменных киргизов всякий богач и сильный может сделаться бием, а потом и манапом, что усваивается временем, а не выбором народа»[66]. Интересно суждение известного путешественника середины XIX в. М. И. Венюкова по этому поводу. Он писал, что киргизы управлялись «манапами, т. е. старшинами, которые некогда принимали свой титул по избранию, а теперь сделали его наследственным». Слово *манап*, считал Венюков, в буквальном значении — *тиран*, в понятии, близком древнегреческому, которым стали называть всех могущественных родоправителей[67].

Влияние манапов было настолько велико, что они вторгались в сферу самых различных, даже семейных отношений. Кетмень-тюбинский манап Рыскулбек Нарбутин, к примеру, сам взимал зякет с кокандских купцов, с киргизов брал за свадьбу, за похороны и пр. При перекочевках никто не смел раньше него сниматься и идти впереди его стад. «Такое поло-

64 Report of a Journey to Kokan„ p. 8.

65 *Е. Марков.* Фергана, стр. 35.

66 ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 1, д. 586, л. 10.

67 *М. Венюков.* Путешествие по окраинам, стр. 159.

жение, — писал Г. С. Загряжский, — скопило у него огромное состояние и дало ему почти ханскую власть над народом»[68].

Бывший кетмень-тюбинский пристав, например, характеризовал влияние манапов как совершенно бесконтрольное: «Будучи поставлены в такие местные условия, при которых наблюдения за ними в административном отношении весьма затруднительны, они привыкли к безначалию и управлялись между собою как хотели. При этом, конечно, забирали власть в свои руки более влиятельные и сильные богатые киргизы... О разбирательстве разных споров и их справедливости у народных судей *(биев)* нечего и говорить. Тут всегда прав влиятельный и богатый и виноват простой и бедный»[69].

Манапство выросло из института биев-родоправителей и вобрало в себя все их функции. Но институт бийства не исчез, а трансформировался, сохранив за собой судебные прерогативы. Правда, и здесь последнее слово оставалось за родоправителями-манапами. Но бии, занимая низшую (по сравнению с манапами) ступеньку киргизской феодальной иерархической лестницы, оставались в качестве управителей более мелких родовых подразделений. При этом следует подчеркнуть, что их обязанности не ограничивались судебными функциями, они выполняли и административные поручения. Таким образом, бий был судьей и вместе с тем «начальником этого рода», через него передавались «все распоряжения», как сообщали туркестанские чиновники в 60-х годах[70]. Будучи родоправителем и судьей, бий имел большое влияние, пользуясь которым приобретал «политическое значение»[71].

Говорить о справедливости управления манапов и биев, или доказывать существование «отеческой» заботы феодалов о подданных не пытались даже представители туркестанской администрации. В своих записках М. И. Венюков писал о киргизском внутреннем самоуправлении: «Правда здесь благосклонна к сильному, и даже тот правитель считается человеком ничтожным, который употребляет мягкие меры». Среди феодалов жестокий сарыбагышский манап Ормон «считался особенно благоразумным и даже великодушным потому, что имел у себя виселицу». Он ежегодно казнил несколько «преступников», наводя страх не только на своих подданных, но и

68 *Г. Загряжский.* Заметки о народном самоуправлении, стр. 363.
69 *П. Ф. Резник.* Кетмень-Тюбе (рукоп.), стр. 62—63.
70 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865 г., св. 892а, л 771.
71 *Ф. Гирс, Дандевиль, А. Гейнс, А. Проценко.* Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской области. — ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1868, д. 6, л. 12—13.

на соседние киргизские роды[72]. Его примеру следовали и другие киргизские манапы, в частности, родов саяк, черик и пр.

Манап являлся по существу не только правителем рода, но и «организатором» жизни киргизского общества. Согласно записям 20-х годов XX в., произведенным со слов стариков, знатоков прошлого, манап «определял кочевья и время кочевок, под его руководством происходил суд, через него происходили соглашения с другими родами и сношения с правительственными учреждениями»[73]. Старики-информаторы помнили времена дореволюционной Киргизии, но в еще большей степени это относилось к периоду зависимости от Кокандского ханства, когда манап считался «организатором общественно-политической и хозяйственной жизни общин»[74].

Действительно, власть манапа была велика. Это — власть правителя, деспота, прикрывавшегося традициями и обычаями. Но нельзя ее в полной мере воспринимать как абсолютно бесконтрольную. Как мы видели, из попыток Ормона выдвинуться в ханы и сосредоточить власть над окрестными племенами в одних руках практически ничего не вышло—феодалы других племен не подчинились. Иногда даже правители родов одного племени, более мелкие феодалы, не признавали власти и не подчинялись верховному манапу.

Особенно трудно приходилось манапам, когда выходил из повиновения простой народ. Здесь уже не помогали ни угрозы, ни дружинники. Письма киргизских манапов 50-х годов русским властям отражают жалобы на непокорность и непослушание подданных. В одном из писем к начальнику Алатавского округа Колпаковскому солтинский манап Байтык Канаев раскрыл свою беспомощность, неспособность держать народ в повиновении и управлять им бесконтрольно. «Наши кара-киргизы, — писал обиженный на своих подданных манап, — очень нахальный народ. Если нет среди них властителя, подобного вам, тогда они спокойно себя не ведут. У нас нет (подобного) властителя, а на нас (манапов) никто так не смотрит, так (о нас) не думает, в результате (народ) разбрасывается (т. е. откочевывает) без позволения и не подчиняется»[75].

Однако власть кокандских наместников в киргизских кочевьях была вообще по существу призрачной. Чтобы более закрепиться в завоеванных районах и управлять через кир-

72 *М. Венюков.* Путешествия по окраинам, стр. 159—160.
73 Архив Киргиз. филиала ИМЛ, ф. 10, оп. 1, д. 86, л. 33—36.
74 Там же, д. 240, л. 85.
75 ЦГА Каз. ССР, ф. и 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 92.

гизских манапов, кокандцы проводили даже съезды (*топ*[76]) феодалов. Так, известны съезды в Куртке, Дараут-Кургане, Пишпеке. Съездом обычно руководил кокандский наместник, который формально имел право отстранить от управления тем или иным родовым или племенным объединением неугодных лиц. Но, как правило, использовались другие методы, более тонкие и завуалированные. На съездах решались межплеменные и межродовые споры, а также различные политические вопросы. Правда, при определенных условиях кокандские ставленники могли проявить и свою власть, даже арестовать и отослать в Ташкент или Коканд неугодных родоправителей, а власть опальных передать наследникам. Чаще, однако, кокандским властям, чтобы добиться результатов, приходилось действовать уговорами и лишь в крайнем случае (если позволяли условия и соотношение сил) обращаться к насилию. Но для этого нужно было иметь под руками в киргизских кочевьях немалое войско. Например, чтобы заставить своих подданных киргизов выступить против продвигавшихся царских отрядов, ханам приходилось уговаривать феодалов, обещать награды, предоставлять льготы. Сын Ормон-хана Умбеталы сообщал в 1854 г. Алатавскому приставу Перемышльскому, что кокандский хан прислал к нему своих посланцев и склоняет на борьбу с русскими, ташкентский бий Рахманкулоглы «раздает народу при письмах подарки от имени кокандского хана и минбаши Касыма»[77]. Киргизские феодалы собрались на общий совет, но в сложившейся обстановке не решились открыто ни отвергнуть предложение хана, ни поддержать его.

Пренебрежение некоторых киргизских феодалов центральными властями Коканда, не говоря уже об их представителях, видно в письмах начала 60-х годов, направленных крупнейшим киргизским манапам от имени хана регентом Алымкулом. Приведем образец одного из таких писем (вольный перевод), полученных сарыбагышским манапом Джантаем.

«Высокопоставленный датха Джантай-батыр! Свидетельствую вам многие поклоны и затем следующая речь.

Хвала аллаху, бывшие по воле великого бога постыдные дела прекратились[78], и все кочевые народы единодушно смирились перед кокандским правительством, соединились узами родства и нет ни одного человека, который бы не приезжал

76 *Топ* — съезд манапов, биев для решения спорных межродовых и других вопросов. — *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 751.

77 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 15, л. 204.

78 Имеются в виду восстания киргизов и узбеков-кочевников, прокатившиеся по всему Кокандскому ханству.

с поздравлениями и не был награжден нашими милостями, но вы, почтеннейшие, даже не прислали к нам и одного писанного клочка»[79].

Составной частью местного управления киргизского общества являлось судопроизводство, которое в северных районах целиком находилось в руках киргизских биев, а в южных иногда велось киргизскими биями совместно с узбекскими *казиями*. Судопроизводство отражало многие стороны общественной жизни и затрагивало не только процессуальные, но и административные функции. Поэтому, особенно в кокандский период, у киргизов в роли судей выступали родоправители — бии и манапы. Но встречались и судьи, не являвшиеся правителями родов, отделений. Они обычно разбирали мелкие споры, но и то с оглядкой на родоправителя. Комиссия Ф. Гирса в представленной «Объяснительной записке» признавала, что у киргизов «родоначальники успели захватить в свои руки административную и судебную власть. Эти родоначальники приобрели себе значение в ущерб народа». Родоправители крупных объединений, сосредоточив в своих руках административную власть, приобрели и политическое влияние, стали «в полном смысле властелинами»[80].

Основная задача аильного бия заключалась в разрешении спорных вопросов внутри аила. При этом использовались методы убеждения, наложения имущественного взыскания и даже применения телесного наказания. Обычно в ходе разбирательства дела прибегали к советам и считались с мнением родоначальников и влиятельных лиц, особенно манапов. Поэтому суд второй инстанции в полном смысле к середине XIX в. не сложился. Обычно, каким бы дело ни было сложным, оно рассматривалось лишь в первой инстанции; и решение ее являлось окончательным и обжалованию не подлежало.

Способ разбора спорных дел между истцами различных родов и тем более племен, был сложнее. Здесь высшую инстанцию суда представляли манапы-родоправители. Они же могли пересмотреть дела, решенные биями[81].

Сложные межродовые и межплеменные споры и важные дела решались на съездах биев, так называемых *дубана*. Съезды не имели характера постоянного и периодического учреждения, а созывались эпизодически. Если в рассмотрении дел были заинтересованы кокандские власти, то съезды биев могли собираться и по указанию ханских наместников. Как

79 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 139.

80 ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч, оп. 1868, д. 6, л. 16, 20.

81 *Г. Загряжский.* О народном суде кочевого населения, стр. 193.

правило, они приурочивались к какому-либо пиршеству, когда собиралось много народа. Дела решались гласно и публично по «народным обычаям».

Перед дубаной каждый род или племя — истец — составляли свой вариант решения спора, свое предложение *(эреже)*. Затем бии споривших сторон разрабатывали общее эреже, приемлемое для обеих сторон. После принятия на дубана с одобрения родоправителей эти устные или письменные эреже приобретали силу законного решения[82]. Если же заинтересованные стороны не удовлетворялись решением, то в нарушение обычного права добивались своего силой. В результате нередко возникал вооруженный конфликт — организованная барымта, которая могла перерасти в крупную междоусобную войну. Пример такого столкновения, когда поводом послужили неурегулированные споры, — известная война между манапами бугу и сарыбагыш в 50-х годах XIX в.

В южной Киргизии наряду с судом биев функционировали и суды казиев. Однако удельный вес дел, рассматриваемых судами казиев, в киргизском обществе был сравнительно невелик. Суд казиев получил распространение у оседлого населения и лишь частично у полуоседлого в Фергане.

Однако были примеры ханского вмешательства в киргизское судопроизводство и частные факты перепоручения разбирательства дел своим наместникам и казиям. Приведем распоряжение Малля-хана от 1276 (1859) г. таласскому наместнику Мир-Хамиду о разборе спора между двумя киргизскими феодалами — Адилем и Кыдралы: «Да будет известно Вам, Мир-Хамид-бию, удостоенному нашею несомненною наследственностью царской милостью, что податель настоящей милостивой грамоты киргиз Адиль считает в долгу за Хидыр-Али-бием (Кыдралы) сто баранов, пятьдесят лошадей и двух верблюдов.

Потребуйте их к себе, а затем, по учинении очной ставки, дело это разберите по шариату, в присутствии казия, с тем, чтобы, по выяснению обстоятельств, прекратить тяжбу. О последующем донести письменно нашей царской милости. 1276 г.»[83].

При разбирательстве споров, даже у казиев, большое значение приобретала присяга, особенно если дела совершались между киргизами и узбеками, которые не всегда сделку оформляли документально, а довольствовались словесным соглашением. В этом случае открывались широкие возможности для злоупотреблений. Судья мог вынести решение по своему усмотрению и в пользу клятвопреступника. Когда в месяце сафаре 1281 (1864) г. некий Сейид-Икрам возбудил против Турсун-бая иск о якобы не полученных им за продажу коня и продуктов 6 полновесных танга, казии за неимением никаких веских доказательств с обеих сторон пришли к заключению решить спор приведением тяжущихся к присяге. В наставлении казиев этот спор приведен как образец решения в подобных случаях: «Ответчик говорил, возражая, что упомянутую сумму он-де уплатил, а истец клятвенно отрицал получение упомянутой суммы. Претензии продавца после приведения к присяге покупателя отвергли. Записано как случай (происшествие)»[84].

Ханская администрация пыталась шире внедрять суды казиев, руководствовавшиеся нормами шариата, среди киргизского населения, одновременно оттесняя суды биев, основывавшиеся на «обычаях». Именно в связи с этим Колпаковский в рапорте от 4 сентября 1873 г. писал: «...кокандские ханы силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату»[85]. Дореволюционные наблюдатели видели в этом одну из причин народного восстания киргизов против Кокандского ханства. «Санкт-Петербургские ведомости» в сентябре 1874 г. писали: «Политика прежних кокандских властителей возобновлена была Худояр-ханом еще в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, руководящееся управлением по обычному праву или по адату, насильственно начали подчинять шариату»[86].

В отличие от бия, казий назначался и смещался ханом или беком. В каждом вилайете был свой, главный, казий. Сохранился фирман Мухаммеда Али (Мадали-хана) о назначении Ахунда Муллы Мир Фазила на «высокую должность казия Ташкентского вилайета», в ведение которого поступали все дела о спорах, брачных контрактах, разделе наследства, по составлению документов и реестров, учеты имущества сирот как в самом городе, так и за его пределами[87]. В сферу действия казиев вилайетов входили и все споры и исковые дела также окрестного населения, в том числе киргизских племен. Казий выполнял судебные функции, но уже не вмешивался в управление другими делами. В то же время суд казиев, в противо-

[82] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1863, д. 6, л. 16; *Н. Изразцов.* Обычное право «адат» киргизов, стр. 7.
[83] ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 22.
[84] Отдел рукоп. ИВ АН Узб. ССР, инв. № 705.
[85] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 32, д. 278, л. 4—5.
[86] Туркестанский сборник, т. 75, стр. 44—48.
[87] Отдел рукоп. ИВ АН Узб. ССР, инв. № 857.

вес суду биев, носил религиозный характер, и действия казиев одновременно служили фактором распространения ислама среди киргизов. По свидетельству Палена, ревизовавшего Туркестан в начале XX в., «в понятиях мусульман суд и религия тесно слиты между собой» и «во многих случаях трудно решить, где кончается религия и начинается право»[88].

Дела казий мог решать единолично. Однако считалось не лишним, если решения удостоверят своими печатями *муфтии и аглямы*. Жалобы на решения казиев были редки и адресовались бекам, которые либо оставляли их без рассмотрения, либо направляли другому казию или их съезду. Съезды созывались беками периодически или в случае больших юридических затруднений[89].

Киргизы, как правило, более доверяли своим обычаям и биям и очень редко обращались к мусульманскому шариату[90]. Казии решали иск, если один из спорящих оказывался оседлым жителем — узбеком или таджиком, а другой — киргизом. Туркестанский чиновник Южаков, столкнувшийся в 1866 г. с практикой поземельного спора, сообщал, что узбеки обращаются как к мусульманскому праву, шариату, так и к разбору дел по обычаям, адату. Кочевники же предпочитали суд биев по народным обычаям. «Суд по шариату, — говорили они Южакову, — дает легкую возможность к плутням и мошенничеству со стороны казы... Поэтому киргизы, хотя и мусульмане, не доверяют этому суду и вовсе отстраняют его, когда обе тяжущиеся стороны киргизы»[91].

Изучение системы внутреннего управления киргизов в период зависимости от Кокандского ханства, приводит к выводу, что она покоилась на феодальной основе, при этом большое место и большая роль отводились традиционным формам взаимоотношений. При традиционном патриархально-родовом влиянии к чисто экономическим и политическим методам принуждения добавлялись еще моральные. Внешне выглядя как добровольное подчинение авторитетному аксакалу, многоопытному бию и могущественному манапу, моральная система принуждения, как бы «освященная» всей предшествующей традицией, на самом деле давила на проявление инициативы и всегда была направлена на защиту интересов господствующих классов.

88 ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 1, л. 1—3.
89 Всеподданнейший доклад особого комитета, стр. 263.
90 ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1868, д. 6, л. 16.
91 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 42, л. 268—269.

Политическая и экономическая обособленность родо-племенных отделений, деспотизм ханов при самоуправстве наместников, которые видели главную цель в личном обогащении, позволили киргизским феодалам сохранить в своих руках внутреннее местное управление киргизским населением. Безраздельно господствуя над «своим» племенем, родом, манап и бий в общине выполняли все функции правителей, в то же время выступали в роли исполнителей ханских распоряжений.

В этнографических материалах[92], собранных уже в 20-х годах нашего века, неоднократно упоминалось, что киргизам-кочевникам кокандцы «предоставляли право жить, самоуправляться и заниматься своим хозяйством, как им заблагорассудится». За этими словами информаторов кроется отражение элементов действительного положения в низших ячейках общественной жизни киргизов — общинах. Для трудящихся при кокандском господстве главной фигурой общества, обладателем власти и управленческих функций оставался местный феодал-родоправитель. В то же время киргизские феодалы заручались ханскими юридическими документами, выказывали знаки повиновения и подчинения ханам и их наместникам, даже оставляли аманатами своих родственников и близких. Но обладая реальной властью, сознавая свою силу нередко не считались с ханскими распоряжениями и вели себя вполне независимо. Ханы и их наместники вынуждены были заигрывать с могущественными манапами, ибо подчиненные грубой силой, в одном месте киргизы выходили из повиновения в другом и оказывали ханским войскам вооруженное сопротивление. В этом одна из специфических особенностей зависимости киргизов от Кокандского ханства.

3. Кокандские крепости — оплот ханско-феодального гнета

Киргизия была завоевана Кокандским ханством силою оружия, причем отдельные районы, как, например, Тянь-Шань, подчинены после «кровопролитных схваток»[93].

Для закрепления своей власти и обозначения границ государства кокандцы возвели систему укрепленных сооружений,

92 Архив Киргиз. филиала ИМЛ, ф. 10, оп. 1, д. 234, л. 80—120.
93 Кап. *Проценко*. Причуйская страна 1862 г. — ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1911, д. 42, л. 20.

крепостей[94], которые выполняли разнообразные военные, административные, финансовые, торговые и прочие функции. Анонимный автор 40-х годов XIX в. отмечал: «Границы Кокании прикрыты крепостцами, в которых содержатся постоянные гарнизоны для досмотра проходящих караванов и для наблюдения за кочевыми племенами...»[95].

Крепости возводились как по границам Кокандского ханства, так и в основных стратегических и административно важных пунктах Киргизии с начала XIX в. Их строительство как целенаправленной связной цепи особенно активно шло в 20-х годах и было завершено в начале 30-х годов. Это было время наивысшего подъема ханства, после которого начинается постепенный его упадок, кровавые межфеодальные раздоры, мощные антифеодальные восстания[96].

Сооружение первых кокандских крепостей на территории Казахстана и Киргизии связано с расширением границ Кокандского ханства в правление Омар-хана. В 1813—1815 гг. бывшее бухарское укрепление Жангк на берегу Сыр-Дарьи перестраивается кокандцами и получает в дальнейшем название Ак-Мечеть. В 1814 г. на северных склонах гор Кара-Тау возводится Чулак-Курган[97]. Примерно в это же время на Алае, при слиянии рек Гульча и Мурдаш, из красной глины строится пост, получивший название Кызыл-Курган (букв.: «Красная крепость»)[98]. В 1821 г. возводится Аулие-Ата на р. Талас, захватывается у киргизов и укрепляется Кетмень-Тюбе (Узун-Ахмат или Улуг-Коргон) в одноименной долине, а также Дараут-Курган в Чон-Алае. Через четыре года по р. Чу строятся Мерке, Пишпек, Токмак и Атбаши[99].

Надо сказать, что точная датировка строительства большинства кокандских укреплений не поддается определению.

94 В кокандских документах крепость обозначалась термином *кала* (*А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 131, 305 и др.). По-киргизски — *коргон* букв. «крепость, твердыня, защита» (*К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 406). В русских источниках, а также в названиях географических пунктов утвердилось написание *курган,* которое мы и принимаем для унификации.

95 Обозрение Кокандского ханства, стр. 214.

96 Характеризуя вторую треть XIX в., Н. А. Халфин пишет: «Кокандские правители пытались разрешать экономические трудности за счет ограбления казахских и киргизских племен, воздвигая укрепления в местах их кочевок». Будучи вполне солидарны с первой частью тезиса, мы никак не можем согласиться со второй — отнести возведение крепостей ко второй трети XIX в. и объяснить их только экономическими причинами. — Ср.: *Н. А. Халфин.* Россия и ханства, стр. 332.

97 *Ю. А. Соколов.* Начало военных действий, стр. 57.

98 *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 226.

99 *Ю. А. Соколов.* Начало военных действий, стр. 57.

В источниках, как правило, об этом упоминается вскользь и нередко противоречиво. Даже по вопросу о времени возведения крупнейшей крепости Киргизии кокандского времени и то существуют разные мнения. В частности, Б. Солтоноев относит устройство Пишпека кокандцами к 1809—1812 гг.[100] Узбекский историк Х. Зияев считает, что Пишпек и Токмак были основаны при Омар-хане, следовательно, по крайней мере, до 1822 г.[101] Н. А. Аристов склонялся к предположению, что Пишпека и Токмака не существовало даже в 1847 г., так как в сказаниях о борьбе киргизов с казахским феодалом Кенесары Касымовым о них упоминаний нет, и впервые они встречаются якобы в материалах 1848 г.—в донесении казаха Абдуллы Ашурова[102].

Однако документальные свидетельства дают основание с большей мерой определенности отнести возведение кокандцами Пишпека к 1825 г. Приказчик семипалатинского купца С. Попова Файзула Сейфуллин, будучи осенью 1825 г. с товарами в Восточном Туркестане, слышал, что «кокандского владетеля более 3000 человек завели новый город поблизости дикокаменных киргиз»[103]. При возвращении в Россию, в Семиречье он узнал от казахов, что кокандский хан выслал 4 тыс. солдат для покорения киргизов и сбора дани. Кокандские войска обошли гору Кастек и «в три дня ходу» по р. Чу «основали укрепление»[104]. В это же самое время (октябрь—декабрь 1825 г.) о строительстве на р. Чу кокандского укрепления доносил из казахских степей некий мулла М. Муминов[105].

Речь могла идти только о Пишпеке — крупнейшей крепости Чуйской долины, поставленной кокандцами после завоевания северной Киргизии.

Как нам подсказал при обсуждении данной работы Н. Мадеюев, китайские источники (в частности, доклад илийского цзян-цзюня 1829 г.) упоминают о заброшенной киргизской крепости, на месте которой кокандцы возвели свое земляное укрепление — Пи-сы-гэ-кэ (Пишпек), располагающееся недалеко от кочевий ха-са-ку (казахов).

Расположенная на высоком холме[106], вблизи древней торговой трассы Семиречья, занимая ключевое, господствующее

100 *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов (рукоп.), стр. 300.

101 *Х. Зияев.* Урта Осиё, стр. 162.

102 *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 534.

103 Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1—1827, д. 8, л. 125.

104 НБООМ, рукоп., инв. № 27, л. 9. Копийные материалы из Архива Главного управления Западной Сибири. Копия А. Крахова, 1872 г.

105 Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1—1827, д. 8, л. 136 (оригинал); л. 137—138 (перевод).

над местностью положение, Пишпекская крепость представляла собой крайний форпост Кокандского ханства на северо-востоке.

Возведение и усиление ряда кокандских крепостей на юге было связано с опасностью вторжения на киргизскую территорию цинских войск. Когда в 1827 г. в Восточном Туркестане восстание местного населения против цинского господства потерпело поражение, повстанцы, в том числе и предводитель Джахангир-ходжа, кинулись искать спасения в киргизских горах. Пекин приказал для наказания повстанцев и поимки Джахангира двинуть китайские войска на Алай. В этих условиях кокандский правитель Мадали-хан, «испуганный приближением китайцев, приказал андижанскому хакиму Иса-датхе построить два укрепления: Суфи-Курган и Кызыл-Курган на караванном пути из Кашгара в город Ош»[107]. На Алае срочно был выстроен Суфи-Курган и расширен основанный ранее пикет Кызыл-Курган, преградившие путь китайским войскам. Не дойдя до укреплений, простояв на Алае 20 дней, китайские войска возвратились в Кашгар[108].

С завоеванием кокандцами Центрального Тянь-Шаня в 1830 г. в районе оз. Сон-Куль строятся крепости Джумгал и Тогуз-Тороо, а в 1832 г. возводятся Куртка на Нарыне и Таш-Курган на Памире.

Наряду с основными крупными крепостями в это же время между ними возникает и целый ряд более мелких укреплений, которые в свою очередь обрастают своими «спутниками» — небольшими сооружениями для ханских пикетов.

Возникали укрепления и в районах наибольшего скопления киргизского населения, которые представляли опасность вооруженного восстания против кокандских ханов. Так, войска ташкентского кушбеги, вторгшиеся весной 1830 г. для усмирения киргизов Чуйской долины и закрепления своего господства, встретили вооруженный отпор местных жителей. Повстанцы были разбиты, но кокандцы решили основать «около Алатау» еще одну крепость, поскольку, как доносил из казахских степей хорунжий Нюхалов, кушбеги «дикокаменных киргиз старается склонить не для чего иного — единственно привести в подданство и получить подати скотом»[109].

106 Ныне это место (территория так называемой «Кузнечной крепости» у кинотеатра «Иссык-Куль» в г. Фрунзе) целиком под застройкой.
107 *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 116.
108 Там же.
109 ГАОмО, ф. 3, оп. 1, д. 970, л. 12.

Возведение последних кокандских крепостей относится к 60-м годам XIX в. В 1861 г. в качестве заслона перед угрозой продвижения в Среднюю Азию царских войск возникает в Семиречье укрепление Чалдовар. В этом же году вновь отстраивается и более мощно укрепляется Пишпек. Но для мощной артиллерии подобные крепости не являлись серьезной преградой. Когда в 1862 г. восставшие киргизы призвали на помощь русские войска, отряд Колпаковского после 10-дневной осады без особых усилий взял Пишпек. Крепость была окончательно разрушена[110].

Основное предназначение кокандских крепостей заключалось в обеспечении на завоеванной территории кокандского господства. «Имея эти укрепления, — сообщалось в одном из русских документов середины XIX в., — кокандцы грабили и притесняли киргизов при всяком удобном случае»[111].

Крепости служили для Коканда опорной базой, из которой ханские отряды совершали набеги на мирное скотоводческое население. Они были почти неприступны для слабовооруженных киргизских воинов. Даже М. И. Венюков, офицер штаба корпуса царских войск, после рекогносцировки Чуйской долины в 1859 г. вынужден был признать их серьезное оборонительное значение: «Если бы не укрепления, в которых, как известно, все азиатцы защищаются очень храбро, часто отчаянно, — писал он в 1860 г., — то можно полагать, что отряд из 450 человек, ходивший в прошлом году на Чу, был бы в состоянии прогнать всех сартов до последнего из целой страны от берегов Иссык-Куля до Таласа и гор Кызыкурт»[112]. По его заключению, кокандская линия укреплений в Семиречье имела двоякое назначение: охрану границ с севера и поддержание кокандского господства над киргизским населением[113].

Кокандские крепости на территории Киргизии не были предметом специального изучения, но в работах археологов А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и П. Н. Кожемяко, историков Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова и К. У. Усенбаева приведены планы и описания отдельных объектов. Мы впервые обратили внимание на них в 1957 г., когда под руководством Б. М. Зима студентами посетили развалины укрепления у с. Долинка на северном берегу Иссык-Куля. Затем

110 *Б. Джамгерчинов.* Очерки политической истории, стр. 203—204.
111 ЦГВИА, ф. 1441, оп. 1, д. 128, л. 65.
112 *Б. Джамгерчинов.* Очерки политической истории, стр. 145—146.
113 Описание кокандской военной линии на р. Чу... М. И. Венюковым. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 23, л. 3.

поиски и регистрация крепостей были продолжены нами в составе археологических экспедиций в 1961—1962 гг. на Алае, 1966—1968 гг. — в Фергане и Чаткале. Наиболее интенсивные полевые работы с разведочными раскопами проведены в 1973—1974 гг. в Кетмень-Тюбе, на Центральном Тянь-Шане и в Прииссыккулье. И, наконец, специальным полевым отрядом в 1976—1977 гг. в Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областях.

Если еще в 70-х годах XIX в. А. Н. Куропаткин на Алае встретил лишь «одни развалины» от кокандских крепостей, то можно представить, в каком состоянии они дошли до нашего времени. Большинство из них оплыло, и только взгляд археолога может отличить следы кокандской крепости от более раннего городища; многие распаханы и полностью снивелированы. Поэтому, несмотря на упоминания в литературе или архивных документах, часть бывших крепостей даже невозможно с определенной точностью локализовать.

По источникам известно, что северную ветвь кокандских крепостей представляли Ак-Мечеть, Аулие-Ата, Уч-Курган, Мерке, Чалдовар, Шиш-Тюбе, Ит-Кичу, Аксу, Пишпек, Токмак и Кастек; восточную: Каракол, Барскаун, Конур-Улен, Кызыл Унгур по берегу Иссык-Куля; Куртка, Джумгал, Кочкор, Атбаши, Тогуз-Тороо, Тюре-Курган, Кучаанды, Бугучу — по Центральному Тянь-Шаню. С юга по приграничному поясу Памиро-Алая проходили Таш-Курган, Бустан-Терек, Дараут-Курган, Кызыл-Курган, Суфи-Курган. В Ферганских предгорьях располагались Исфана, Кан, Янги-Курган, Чартак; в Кетмень-Тюбинской котловине — Узун-Ахмат (Улуг-Коргон), Беш-Кемпер. Имелось множество других, более мелких и просто безымянных крепостей («курганов»), называемых по урочищам, в которых они располагались.

Из названных крепостей мы встретили буквально единицы. И только три еще представляют впечатляющее зрелище — крепость Кан в Южной Фергане, Дараут-Курган на Алае и одна крепость в горном ущелье Чаткала.

Тем не менее привлечение архивных источников и литературных данных, визуальные полевые обследования и разведочные раскопки позволяют сделать определенные выводы о предназначении, расположении, размерах и архитектуре, времени функционирования укреплений и др.

Кокандские крепости оказались довольно своеобразными памятниками исторического прошлого Киргизстана, которые нигде в Средней Азии, кроме Ферганы и Тянь-Шаня, не возводились в таком множестве. По размерам и предназначению их можно разбить на четыре группы: 1 — крупные административные центры целых районов; 2 — средние укрепления местного (волостного) значения; 3 — мелкие крепости, являвшиеся связующими звеньями между более крупными; 4 — киргизские «коргоны» — укрепления местных феодалов, созданные по образцу кокандских, но выполнявшие иные функции и являвшиеся первыми очагами киргизской оседлости XVIII—XIX вв. Все они возводились из сырцового кирпича или пахсовых блоков, т. е. сам строительный материал обусловливал их сравнительную недолговечность.

Рассмотрим каждую из групп подробнее.

Крупные крепости, типа Пишпека, окружались мощными стенами с несколькими воротами, имели башни и были усилены артиллерией. Гарнизоны состояли из сотен воинов, но могли возрастать и до нескольких тысяч.

В 50-х годах XIX в. западносибирскими властями была организована рекогносцировка Зачуйского края под руководством М. И. Венюкова. В предписании отряду указывалось, что его основная задача — «ознакомиться ближе как с устройством кокандских укреплений, так и с качеством горных проходов»[114]. М. И. Венюков и сопровождавший его переводчик И. Бардашев оставили в 1859 г. описание Пишпека и Токмака[115], а М. И. Венюков — и схематический план и разрез в профиль крепостных стен Пишпека[116]. Составленный визуально план после взятия крепости в 1860 г. войсками Циммермана был уточнен инженером Крыштановским, дополнен детальным описанием[117].

Итак, что же представлял собой Пишпек до его перестройки в 1861 году?

Основанная в 1825 г. крепость до 1853 г. имела только один ряд стен. С активизацией русской политики в Средней Азии, вокруг Пишпека к 1858 г. был возведен второй крепостной вал и, по словам современников, Пишпек превратился в самое мощное фортификационное сооружение Кокандского ханства[118] (не считая, конечно, самого Коканда и Ташкента). Крепость имела форму чуть скошенного на северо-запад квадра-

[114] Донесение подполк. Бабкова военному министру. 5.VIII 1859 г. — ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 32, л. 57.

[115] Описание кокандской военной линии на р. Чу... М. И. Венюкова. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, л. 23, док. 115; Расспросное описание путям, лежащим от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент, Коканд, Наманган и пр..., составленное Бардашевым. — ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 29; ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11.

[116] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 263/916а, д. 95, л. 7.

[117] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 23, док. 115.

[118] *Проценко.* Причуйская страна 1862 года. — ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1911, д. 42, л. 23.

та с фасами[119] 120—130 *м* (по М. И. Венюкову), или до 300 *м* (по Крыштановскому). Перед крепостными воротами — глубокий ров шириной до 4 *м*. Внешние стены, увенчанные зубцами, высотой около 7 *м*, толщиной 6 *м* у основания и до 3 *м* сверху. Стены имели небольшие амбразуры. Внутри располагалась цитадель — также неправильной четырехугольной формы (несколько вытянута с юга на север) с угловыми башнями и зубчатыми стенами высотой до 6 *м*. Вход в крепость находился с северной стороны, а во внутреннюю цитадель — с запада. Между крепостными стенами лепились лавки торговцев, жилые дома. По словам А. Талызина, в Пишпеке было до 1000 дворов узбеков[120]. Здесь же собирался базар. В цитадели находились дома коменданта и его приближенных, казармы и зиндан — яма для заключенных, склады оружия и продовольствия. В северной части работали мастерские по ремонту орудий и литью пуль. Здесь же были мечеть и колодец, пруд, обсаженный деревьями. Имея дом, комендант Атабек-датха предпочитал жить в юрте, поставленной рядом. Гарнизон Пишпека насчитывал до 250 пеших воинов с фитильными ружьями и около 150 конных, на вооружении которых были еще и пики. В Пишпеке имелось три—пять пушек и до 15 ручных мортир. Наличие оседлого населения, торговых домов и лавок, периодические базары в Пишпеке — все это указывало на то, что он имел тенденцию постепенного перерастания в городок, хотя основные функции и оставались крепостными. Это и позволило заключить М. И. Венюкову, что Пишпек «имел характер не столько города, сколько крепости»[121].

После разрушения крепости русскими войсками в 1860 г. она была вновь восстановлена кокандцами почти в прежней конфигурации, но в гораздо более мощном виде. Постоянный гарнизон усилился до 600 воинов, к которым вскоре добавилось еще 200. По новому плану, снятому во время рекогносцировки крепости в 1862 г., и сообщениям побывавших там киргизов, видно, что стены были возведены более внушительные, появились мощные угловые башни. Значительные меры были приняты по общему усилению крепости[122].

[119] *Фас* (спец.) — сторона оборонительного сооружения, обращенная к противнику.

[120] *А. Талызин.* Пишпекский уезд, стр. 29.

[121] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 23, л. 3—16; ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, ф. 29, л. 20—23, 32; *М. И. Венюков.* Военно-статистические очерки. — РО ГПБ им. В. И. Ленина, ф. 63, к. 3, д. 14, стр. 8.

[122] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 25, л. 51—52; д. 26, л. 53.

Однако земляные валы и глинобитные стены, какими бы внушительными ни казались, не могли противостоять более совершенной наступательной технике царских войск. Вскоре крепость пала, русские солдаты с помощью киргизского населения полностью разрушили стены. Господству кокандских ханов в Чуйской долине пришел конец.

Из крепостей среднего масштаба уникальное значение имеют сохранившиеся до наших дней, хотя существенно и потревоженные временем, укрепление Кан в районе р. Сох на юге Киргизии и Дараут-Курган в Чон-Алае. К подобным крепостям относились также Джумгал и Куртка, описание и зарисовки которых оставил в 60-х годах Проценко, а также укрепление Токмак, Кетмень-Тюбе и целый ряд других. Обычно эти крепости окружали четырехугольные глинобитные стены, длиной 60—70 и высотой до 5 *м*, с башнями по углам и в центре одного из фасов. Внутри возвышалась цитадель — прямоугольное глиняное сооружение с дверями и окнами. Снаружи стены крепости окружал неглубокий, неправильной формы ров. Внутри укрепление разделялось глиняными заборами на несколько дворов, у стен находились клети для размещения воинов, конюшни и склады продовольствия. Крепостной гарнизон обычно состоял из 150—200 человек, но в зависимости от обстоятельств мог численно меняться. Крепостные стены не имели бойниц, их заменяли окна и двери цитадели. Стрельба производилась также с крыш мазанок. В башнях по углам были проделаны амбразуры для небольших чугунных и медных пушек.

Такие крепости возводились на пути традиционных скотопрогонных путей киргизского населения, у основных выходов из горных ущелий, на стыке зимних и летних пастбищ. О Токмаке, например, В. Радлов, проезжавший в 1869 г. из Чуйской долины на Иссык-Куль, писал, что он устроен «у подножья южных гор, где здоровый и свежий ветер, и откуда можно было с удобством защищать южные ущелья»[123].

В 1974 и 1976 гг. мы тщательно обследовали остатки одной из наиболее сохранившихся кокандских крепостей—Кан. Они до сих пор представляют внушительное зрелище как некогда мощное сооружение, что позволило Ю. А. Заднепровскому назвать укрепление выдающимся памятником фортификационной техники кокандского времени[124].

[123] *В. Радлов.* Краткий очерк, стр. 96.

[124] *Ю. А. Заднепровский.* Археологические работы в Южной Киргизии. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 2072, стр. 52, 58—59.

С 1939 г. крепость неоднократно посещали археологи (М. З. Воронец, Т. Г. Оболдуева, Ю. Д. Баруздин, Ю. А. Заднепровский), но поскольку предметом их исследования являлись объекты более раннего времени, то они ограничивались лишь фиксацией памятника, который в литературе не нашел достаточного отражения. Поэтому охарактеризуем его несколько подробнее.

Крепость имела важное стратегическое значение. Она расположена на господствующем над местностью высоком плато— *адыре,* перегораживающем правобережную часть долины р. Сох. Вершина адыра спланирована под ровную поверхность, длиной 0,5 *км,* шириной 70—140 *м.* Обрывистые края по всему периметру укреплены глинобитными стенами. Сохранившаяся высота их 2,0—2,7 *м,* первоначальная—3— 3,2 *м,* ширина внизу 0,8 *м,* вверху — 0,3 *м.* В стенах в шахматном порядке в два ряда расположены под наклоном во внешнюю сторону бойницы. Нижний ряд бойниц проходит по высоте 0,7 *м,* верхний — 1 *м.* Расстояние между ними 2—2,3 *м.* Плато, на котором стоит укрепление, глубоко врезающимися саями с западной и восточной сторон делится на две половины. В соответствии с этим и крепость состоит из двух частей. Первая (южная), по-видимому, была хозяйственного назначения. Она имела два входа. Один находился в юго-западном углу, другой — в месте соединения со второй частью. С южной стороны эта часть крепости укреплена валом естественного происхождения, высотой 2,5—3 *м,* шириной в основании 15 *м.* На вершине вала по всей длине возведена глинобитная стена. Вдоль северной стены по бокам от входа сохранились остатки двух помещений. Вторая часть крепости, соединенная с первой длинным коридором,— основная. Она занимает северную половину адыра и по площади в два раза меньше первой. Южная сторона укреплена валом естественного происхождения и глинобитной стеной. В центре вход, укрепленный с обеих сторон башнями. Кроме того, башни расположены по углам и в центре стен. Они полые, в плане округлые, диаметром в пределах 2,7—3,5 *м.* С внутренней стороны стен насыпь для защитников крепости, чтобы воин, стоя, мог стрелять через верхние амбразуры.

Посредине крепости сохранился фундамент из камней, который подходит почти вплотную к крепостной стене. В северо-западной части крепости расположены остатки трех прямоугольных в плане построек. Внутри крепости заметны развалины домов, примыкающих к стенам, — обычный строительный прием XIX века.

На поверхности и вокруг развалин внутри крепости встречается станковая керамика, фрагменты, характерные для средневековой и кокандской посуды.

Культурный слой на всей территории крепости, который обычно характеризует долговременность функционирования сооружения, не прослеживается. Однако остатки трех построек и фундамент, сохранившиеся во второй части, а также подъемная керамика дают возможность предположить, что северная часть адыра была обжита в средние века.

Крепость представляла собой довольно мощное оборонительное сооружение. Реальная неприступность ее усиливалась за счет крутизны склонов адыра, по которым очень трудно подниматься всаднику или пехотинцу, так что штурм снизу почти исключался.

Наиболее уязвимым местом в обороне крепости являлось водоснабжение. К ней с верховьев реки был выведен арык. Но в случае его перекрытия, гарнизон мог остаться без воды. К тому же не имелось условий для отступления — выход был не менее опасен, чем подъем.

В нескольких километрах от крепости Кан, вниз по течению реки, сохранились развалины еще одного, более мелкого укрепления — Кштут. Местные жители до сих пор называют эти развалины «коргоном Худояр-хана», связывая с ним пребывание здесь хана в последние годы его правления.

Обе крепости представляли собой как бы одно звено общей цепи пограничных укреплений, утверждавших ханскую власть и колонизаторскую политику кокандских ханов на киргизской территории.

В ходе экспедиционных работ 1976 года не подтвердилось высказанное нами ранее положение, что Кан — «это единственное на сегодняшний день сохранившееся укрепление на территории Киргизии». В глубине Чон-Алайской долины была зафиксирована еще одна, сохранившаяся не в меньшей, а даже в лучшей степени, крепость Дараут-Курган.

Упоминания о кокандской крепости Дараут-Курган встречаются в литературе еще XIX века. Во время путешествия по Кокандскому ханству, в начале 70-х годов, А. П. Федченко посетил Дараут-Курган. Это было укрепление четырехугольной конфигурации с глиняными стенами высотой до 4 *м.* Единственные ворота выходили на север. Ранее здесь было малое укрепление, которое с восстаниями киргизов было расширено. Прежнее сооружение осталось лишь в качестве дома-резиденции коменданта Исмаила-токсобы. К стенам кургана примыкали навесы, которые в непогоду служили укрытием для людей, во время обороны — нишей для стрельбы. Внутри кре-

пости располагался обширный двор, предназначенный для содержания лошадей. Гарнизон должен был составлять 50—60 всадников с ружьями или саблями (причем из киргизов). Но Федченко не насчитал и двух десятков, к тому же все были без ружей. Ему объяснили, что когда в окрестностях все спокойно и волнений среди киргизского населения нет, комендант распускает джигитов по домам[125].

Таким образом, Дараут-Курган можно даже считать киргизской крепостью — опорой киргизских феодалов, ставленников кокандских ханов. Она была возведена и поддерживалась киргизами (правда, «под нагайкой» ханских сипаев), гарнизон ее был полностью киргизским, но... состоял на кокандской службе.

Возведение в свое время крепости Дараут-Курган, также как и других алайских крепостей — Кызыл-Курган и Суфи-Курган[126] (от которых не сохранилось даже развалин)—служило целям разграничения Кокандского ханства и Китайской империи. Линия кокандских крепостей, основанных в 20—начале 30-х годов XIX века по южной границе Киргизии, положила конец бессистемным набегам цинских отрядов и в то же время представляла угрозу китайскому владычеству в Восточном Туркестане. Как заключал в 70-х годах полковник генерального штаба А. Н. Куропаткин, «Кашгария оказалась опоясанною владениями кокандскими, откуда владычеству китайцев всегда грозило или вторжение ходжей, или набеги кара-киргизов»[127].

Другое предназначение алайских крепостей — обеспечение безопасности торговой трассы Фергана—Восточный Туркестан. Расположенные вдоль оживленного торгового пути, связующего Кокандское ханство с Восточным Туркестаном и через него с Китаем и Индией, укрепления являлись также торговыми форпостами ханства.

По рассказам местных жителей, крепость Дараут основана 200 лет назад (срок увеличен, по крайней мере, на полстолетия) кокандским наместником Кул-датхой. Это был жестокий ставленник кокандцев, который любил собирать в крепость киргизских девушек, а после удовлетворения прихоти приказывал их топить.

125 *А. П. Федченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 371.

126 По словам местных жителей, на месте Суфи-Кургана в старину некий отшельник (суфи) построил караван-сарай и небольшой *курган,* давший название селу.

127 *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 117—119.

Километрах в трех южнее крепости протекает главная водная артерия Чон-Алая — река Кызыл-Су, за которой в ясную погоду хорошо виден взметнувшийся к небу один из высочайших пиков Памира—им. В. И. Ленина. Крепость как бы ютится меж двух высоких скал. По форме она представляет собой трапецию со сторонами 75 на 70 *м* и 38 на 38, толщина зубчатых пахсовых стен у основания 1 *м*, высота до 4 *м*. С северной горной стороны — ворота, шириной в 5,5 *м* (арка не сохранилась), по углам выдаются зубчатые башни (две из них сохранились) с периметром стен 10 *м*. Из стен и башен смотрят бойницы для ружейного огня.

И третье, также одно из основных предназначений крепости заключалось в утверждении и поддержании ханской власти над скотоводческим киргизским населением Алая.

Аналогичную роль выполняла крепость в центре Кетмень-Тюбинской котловины. В 1973 г. нами были проведены предварительные раскопки этой крепости, упоминаемой в источниках то как Кетмень-Тюбе, то как Узун-Ахмат, но известной местному киргизскому населению как Улуг-Коргон.

В настоящее время памятник совершенно разрушен, однако прослеживается хорошо, во всяком случае в археологическом плане.

Крепость расположена на возвышенном плато между реками Чичкан и Узун-Ахмат при слиянии их с Нарыном. Она представляет собой ориентированный по странам света неправильный четырехугольник размерами 205, 130, 130 и 185 *м*. Разрезы показали толщину стен до 1,8 *м* в основании с постепенным сужением вверх. Судя по оплывам, высота их в реконструкции едва ли превышала 4—5 *м*.

Менее мощные стены в качестве дополнительного укрепления проходили со стороны въездов в крепость — с северо-запада, через ворота с пристройками башенного типа, и с юго-востока. Со стороны Чичкана попасть в крепость можно было по отлогой террасе, из которой бьют ключи.

Западный, северный и восточный углы крепости фланкированы далеко выступающими за линию стен башнями. Южная башня устроена в толще юго-западной стены на расстоянии 10 *м* от угла и выступает за ее линию всего на 2 *м*. Раскопки одной из них, а именно западной, выявили овальный, близкий к кругу план с внутренним диаметром 3,5 *м* и толщиной стен 1,1 *м*. Стены сохранились на высоту 1,3 *м* от глинобитного пола, поэтому никаких элементов башенной фортификации (ниш, бойниц, парапетов и др.) не было зафиксировано. Башня имела небольшое сужение вовнутрь и,

видимо, плоское перекрытие. Она сообщалась с внутренней частью крепости коридором-проходом шириной в 1 *м*.

Раскопки выявили два уровня глинобитных полов с зольниками и немногочисленными фрагментами глиняной посуды, что свидетельствует о запустении и последующем возобновлении жизни на объекте.

При сравнительно небольшой толщине стен центр тяжести обороны переносился на башни. Важным приемом обороны было устройство дополнительных стен-барьеров на подступах к крепости со стороны въездов. Была неплохо продумана система защиты ворот — наиболее уязвимого места крепости. Так, в случае, если неприятель появлялся со стороны плато, то бой можно было вести за пределами крепости. Если же он появлялся со стороны рек, то ему приходилось подступать к воротам по пандусу. Тогда, поднимаясь на террасу со стороны Узун-Ахмата или Нарынского ущелья, враг попадал под обстрел с башен правой, неприкрытой естественным щитом стороны, и его легко можно было отбить.

Внутри крепости не чувствуется планомерной застройки. Две трети ее территории совершенно не имеют культурного слоя, кроме оплывов невысоких стеночек-перегородок различных хозяйственных служб. Обжитой была лишь внутренняя цитадель, расположенная в юго-восточной части крепости, почти квадратная — 50 х 45 *м*. Разрез южной башенки выявил двухъярусную конструкцию, в перекрытии нижнего яруса которой были употреблены арчовые бревна и доски. Стены имеют своеобразную конструкцию: плотный глинобитный футляр толщиной в 15 *см* был забутован строительным мусором. Общая толщина стен 0,85 *м*. Пол в башне вымощен камнем. Судя по строительным остаткам, башня сооружалась не в момент возведения всей крепости, а позже. Это является свидетельством усиления крепости на одной из промежуточных стадий ее существования.

При раскопках помещений также выявилось два четко выраженных строительных горизонта, следы ремонта и переделок стен — подтверждение сравнительно длительной жизни укрепления и его усиления на определенном этапе.

Во внешней юго-западной стене помещения была зачищена ниша, высота которой превышала метровую отметку от пола, ширина 0,9 *м*, глубина — 0,6 *м*. Наличие в юго-западной (кибловой) стене ниши и возвышения для муллы позволяет считать это помещение мечетью. Оно было самым большим среди построек крепости.

По письменным источникам, постоянный гарнизон крепости состоял из 100 вооруженных солдат[128]. Но ведь здесь же были и их семьи, купцы и прочие жители.

Крепость как кокандское укрепление существовала около полувека (между 1822 и 1865 гг.), но раскопки показали, что она функционировала не менее столетия и один раз претерпела серьезные изменения — была перестроена и основательно усилена. Таким образом, можно заключить, что до кокандцев крепость выступала в роли киргизского феодального укрепления — ставки родоправителя киргизов Кетмень-Тюбе.

Описание укреплений Центрального Тянь-Шаня оставили путешественники 50—60-х годов, в частности Валиханов, Проценко, Полторацкий и др.

В укреплении Куртка побывал 22 марта 1859 г. на обратном пути из Кашгара Ч. Ч. Валиханов. По его наблюдениям, Куртка представляла собой почти квадратное фортификационное сооружение, три стены которого были длиной в 200 саж. (427 *м*), четвертая стена упиралась в обрыв крутого берега. Высота стен в 3 саж. (6,3 *м*), ширина до 2 арш. (1,5 *м*). Укрепление имело двое ворот — главные, с восточной стороны, и с северной — так называемые «внутренние» ворота, ведущие к мечети (на месте которой прежде стоял домик Джахангир-ходжи). В крепости находились войлочные юрты, окруженные земляными валами, и несколько глинобитных мазанок. Дом коменданта, мечеть, конюшня, амбар, скученные в середине двора, — таким представилась Куртка взору Чокана Валиханова[129].

В конце 50 — начале 60-х годов основной гарнизон Куртки состоял из 50 узбекских воинов, в подкрепление им набирали киргизских ополченцев до 150 человек[130]. В ответ на стремление киргизов присоединиться к России ханские власти усилили гарнизоны своих северных крепостей. Как видно из письма манапа Джантая Кадырбекова начальнику Алатавского округа (от 22 декабря 1863 г.), в Куртку также был приписан из Коканда отряд кыпчаков, которые обновили крепость и увеличили основной гарнизон, оставив здесь еще 100 воинов[131].

Характеризуя отношение тянь-шаньских киргизов к Коканду и роль крепостей, Проценко в 1862 г. пришел к заключению, что «киргизы вообще мало слушают кокандцев, и

128 *П. Ф. Резник.* Кетмень-Тюбе в 1899 г. (рукоп.), стр. 64.
129 *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 2, стр. 196—197.
130 ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916 а, д. 43, л. 44.
131 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 100.

только еще задержка в укреплениях аманатов из почетных фамилий удерживает их в покое. Но и то очень часто случались здесь неповиновения и Куртка даже несколько раз была блокируема, осаждена киргизами»[132].

Снабжение крепостей проходило по особым единоразовым распоряжением — *патта*. В качестве примера можем привести образец такой патты от 1290 (1873—74) г., адресованной от имени Султан Мурад-бека некоему Фазилу-саркару на выдачу в алайскую крепость джугары:

«Достойному, превосходному деяниями саркару (да будет) известно, что для крепости (*кала*) на Алае 20 чарьяков джугары от вас мы приказали (получить).

По получении патта без промедления отпустите. (Так) утверждено»[133].

Одновременно Султан Мурад-бек отдает распоряжение своему сборщику налогов Алиму-саркару на выдачу для алайской крепости шести чарьяков риса, который увезет податель записки (*санад*)[134]. Это непосредственно для воинов, гарнизона крепостей. С течением времени вокруг подобных крепостей вырастали мазанки для воинов гарнизона и торговцев, заводились огороды, имелись кое-какие небольшие запашки, то есть создавались потенциальные условия для перерастания их в селения. После изгнания кокандских гарнизонов и присоединения Киргизии к России эти крепости были частично разрушены, некоторые приспособлены в качестве опорных пунктов и зимовок киргизских феодалов, остальные, покинутые, сами собой пришли в запустение.

Наиболее многочисленную группу кокандских укреплений представляли небольшие постройки, сооружения, рассчитанные на 20—50 воинов. По сохранившимся чертежам и рисункам, составленным в 1862 г. по описанию, можно воссоздать общую конфигурацию и внутреннюю планировку некоторых крепостей. Как правило, это укрепления четырехугольной или овальной формы. Довольно высокие, но тонкие зубчатые стены с выступами или башнями по углам, снаружи окружены рвом. Слабость укрепления и малочисленность гарнизона определяли и их довольно скромные задачи: охрана торговых трактов, наблюдение за перекочевками киргизов и сбор зякета. При приближении серьезной опасности гарнизон подавал сигнал ближайшей более мощной крепости и сам перемещался туда же [135]. После падения Кокандского ханства все эти крепости пришли в запустение, были разрушены и в настоящее время от многих не сохранилось никаких следов. Одни названия — Аксу, Шиш-Тюбе, Ит-Кичу, Барскаун, Конур-Улен и другие — напоминают о том, что когда-то здесь стояли кокандские укрепления.

Вблизи этих малых укреплений имелись сторожевые пикеты, нередко безымянные (просто «курган» или «коргон»). В одном урочище можно было встретить несколько пикетов. В Карабуринском ущелье — по дороге из Аулие-Аты на Чаткал — русский отряд в июле 1864 г. встретил «несколько кокандских маленьких укреплений, называемые .... курганами». Четырехугольной формы коргоны имели фасы не более 30 *м*, по углам небольшие башенки, «внутри несколько мазанок для жилья и садики». Их задача, по донесению рекогносцировщиков зачуйского отряда, заключалась в «наблюдении за Карабуринской щелью», через которую пролегал наиболее оживленный путь между Таласом и Чаткалом[136]. На Чаткале у моста через реку находился такой же пикет от крепости Чинаш, стоявший от реки в 4 *км*. В пикет помимо воинов входили зякетчи, собиравшие налог за переправу скота через реку[137].

По примеру мелких кокандских укреплений и по аналогии с ними строили подобные сооружения и киргизские манапы. Опыт возведения собственных укреплений киргизское население имело и до кокандского завоевания, но это были буквально единичные сооружения.

Кокандские власти не поощряли строительства киргизских укреплений, которые препятствовали их господству на завоеванной территории. Поэтому в первые годы кокандской зависимости мы не встречаем ни одной киргизской крепости. Но по мере возрастания роли киргизских феодалов в общественной жизни Кокандского ханства начинается возведение и киргизских крепостей — сначала в качестве административных центров киргизских феодалов, ставших ханскими чиновниками, а потом и как собственных ставок киргизских феодалов, не связанных с кокандской службой.

Судя по опросным материалам конца XIX в., в кокандское время в Таласской долине собственное укрепление было у местного киргизского феодала Нурека Аджибекова. Он по

[132] ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916 а, д. 43, л. 43.
[133] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 831.
[134] Там же, д. 2084.
[135] ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1911, д. 42, л. 20—21; *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 595.
[136] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 27, л. 308.
[137] ЦГВИА, ф. 1450, оп. 2, д. 5, л. 61—62.

назначению ташкентского хакима Азиза-парваначи являлся «правителем всех таласских каракиргиз»[138]. На Таласе же возвел свою крепость и другой киргизский феодал — Садыр, вознамерившийся было стать верховным правителем таласских киргизов рода саяк[139].

В 1843 г. иссык-кульским манапом Боромбаем в месте слияния речек Улькун и Кичик-Джууки было выстроено укрепление (коргон) Кызыл Ункур, превратившееся в его ставку. Укрепление выгодно располагалось на пересечении караванных путей, следовавших отсюда двумя ветками в Восточный Туркестан. Боромбай для сопровождения караванов, шедших через Иссык-Куль, выделял за определенную плату своих людей, и тогда караваны благополучно проходили в Восточный Туркестан. Одновременно коргон, постоянно охранявшийся 30 джигитами, служил складом зерна и имущества, лишнего при летних перекочевках. Для этого внутри коргона стояло 10 юрт[140]. Переводчик И. Бардашев, не раз бывавший в боромбаевских кочевьях, уточнял, что укрепление имело бойницы[141]. Причиной, побудившей Боромбая выстроить свой коргон, были начавшиеся феодальные усобицы с сарыбагышами[142].

Во время археологической разведки вокруг Иссык-Куля осенью 1973 г. мы осмотрели пещеры Кызыл-Ункур, рядом с которыми располагался коргон Боромбая. Он находился в верховьях речки Джуука (по ее правому берегу), как раз при слиянии Кичине и Чон-Джууки. Следов коргона не сохранилось, хотя население все еще помнит о нем, как и об арыках и пашнях Боромбая. Но располагавшиеся тут же пещеры, о которых писал еще П. П. Семенов-Тян-Шанский, до сих пор выглядят внушительно, они служили амбарами. По словам П. П. Семенова, именно вблизи пещер находились «остатки боромбаевских укреплений»[143].

Какой-то коргон возле Пишпека имел манап Байтык. В марте 1864 г. войсковой старшина Бутаков рапортовал начальнику Алатавского округа, что «Байтык перекочевал к своему кургану, что выше Пишпека»[144]. По словам манапов Боромбая, Качыбека и других, сарыбагышский манап Ормон

138 *В. Каллаур.* Из истории города Аулие-Ата, стр. 12.
139 ПЗСТКЛА, год 8-й, стр. 34.
140 *Перемышльский.* Описание путей в Кашгарию и другие города. 1853. — ЦГВИА, ф. 1449, Аз. ч., д. 10, л. 13.
141 *И. Бардашев.* Заметки, стр. 387.
142 *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), стр. 537.
143 *П. П. Семенов-Тян-Шанский.* Путешествие, стр. 268.
144 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 324, л. 4.

на Санташе возвел свой «курганчик» рядом с более серьезным укреплением кокандцев[145]. Также известный кетмень-тюбинский манап Рыскулбек имел свой Чон-Коргон, нечто вроде корука — укрепленного феодального владения.

Киргизские коргоны возводились по подобию и образцу мелких кокандских укреплений и являлись ставками манапов. Строительство домов и загонов для скота, запашки под зерновые культуры служили начальным этапом перехода к оседлости. При этом перенимались навыки узбекского населения, сосредоточенного в кокандских крепостях.

Мы вполне разделяем точку зрения С. М. Абрамзона, рассматривавшего боромбаевское укрепление середины XIX в. как зачатки оседлости среди киргизской феодальной знати[146]. Но примеры наличия у киргизов своих крепостей в других районах, да еще до кокандского завоевания, свидетельствуют о том, что знакомство киргизов с земледелием и ростки оседлости проявлялись много ранее, по крайней мере, с XVIII века.

Заключая рассмотрение вопроса о крепостях на территории Киргизии, приходим к следующим выводам.

Кокандские крепости представляли собой наиболее многочисленный в Средней Азии тип фортификационных сооружений, призванных служить оплотом ханско-феодального гнета над киргизским населением. Они возводились по мере продвижения кокандских войск по киргизской территории и определяли границы господства Кокандского ханства.

Как пограничные крепости они препятствовали распространению цинской агрессии на юге Средней Азии, стояли на пути китайских отрядов, изредка предпринимавших попытки вторжения в киргизские кочевья на территории Кокандского ханства.

Крепости служили административными центрами, из которых кокандские чиновники управляли завоеванными районами, были опорными пунктами по сбору налогов с окрестного населения, обеспечивали охрану торговых трактов.

Кокандские крепости являлись образцом для создания подобных укреплений киргизскими феодалами. Хотя практика возведения киргизских укреплений имелась еще до кокандской колонизации, она была позже прервана ханским завоеванием. Строительство крепостей кокандцами и возобновление их впоследствии киргизами явилось новым толчком к очa-

145 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 2, оп. 1, д. 32 а, л. 49—50.
146 *С. М. Абрамзон.* Киргизы, стр. 114.

гам оседлости и более решительному обращению киргизского населения к земледелию.

После падения Кокандского ханства крепости перестали отвечать своему назначению. Возведенные из недолговечного материала — сырцового кирпича и пахсовых блоков — они были разрушены киргизским населением или запущены. Время почти повсеместно стерло следы их существования.

4. Роль киргизской знати в политической жизни ханства

После завоевания Кокандским ханством Киргизии местные киргизские феодалы быстро приспособились к новым условиям, наиболее инициативные сосредоточили усилия на том, чтобы определить свое место и отношение ко двору, урвать свой «кусок» от ханской добычи. Киргизские феодалы, особенно юга Киргизии, территориально близкого к Коканду, стали активными проводниками и стражниками ханской политики внутри страны. Они принимают прямое участие и в завоевательной внешней политике ханства, помогая подчинять еще независимые киргизские племена.

Феодалы Северной Киргизии старались сохранить свою власть над зависимыми племенами, используя иногда для этого и силу кокандских войск. В то же время, находясь на наиболее отдаленной от кокандских центров территории, они нередко не считались и с ханской властью, выражая свое подданство лишь сбором и передачей налогов ханским наместникам.

Многострадальный киргизский народ оказался под двойным эксплуататорским гнетом, и в этих условиях впервые почувствовал классовую солидарность с узбекскими трудящимися. Но традиционные путы патриархально-феодальных отношений, неразвитость классового самосознания дехканства вели к тому, что киргизские феодалы, используя стихийное проявление недовольства народных масс, могли увлечь за собой трудящихся для защиты чуждых народу интересов. Этой своей силой киргизские феодалы представляли серьезную опасность для кокандских ханов и активно вмешивались в ханские междоусобицы. Наряду с киргизскими, пожалуй, еще в большей степени действовали кыпчакские феодалы. Кыпчаки были узбекским племенем, но имелось подразделение кыпчак и в составе киргизов. Среднеазиатские источники нередко путали узбекских и киргизских кыпчаков, иногда же

для отличия называли первых просто кыпчаками, а вторых — киргиз-кыпчаками[147].

Мулла Абдул Маджид, посещавший Кокандское ханство, отмечал три основных этнических массива внегородского населения ханства — киргизов, кыпчаков и казахов, между феодалами которых, по его словам, идет «постоянная борьба..., но в основном преобладают киргизы» — «киргизская клика (при Малля) самая высшая»[148]. Но нередко киргизские и кыпчакские феодалы совместно выступали оппозицией существовавшей власти и ханскому двору. Они стремились выбиться в высокие кокандские сановники, использовали кокандскую государственную машину для проведения своей корыстной политики. Кочевые феодалы, начиная с 1842 г., низвергали и возводили на престол кокандских ханов по своему усмотрению.

Все кокандские ханы были из узбекской феодальной династии минг, но позже она по женской линии смешивается с киргизской ветвью. Перипетии судьбы, частые дворцовые перевороты и смуты в ханстве, а также экономические интересы привели к тесному контакту и близким родственным связям между ханами и киргизскими феодалами. Нередко жены ханов и матери ханских наследников были киргизками. Характерный пример тому кокандский хан Шералы и его наследники. По преданиям, мать Шералы была киргизкой, его отец Хаджи-бек являлся родным братом Нарбуты.

В последние годы правления Нарбуты Хаджи-бек попытался, опираясь на старейшин киргизов и казахов, организовать сопротивление кокандскому правителю. Но не поддержанный основным населением — узбеками Ферганы, пошел на примирение с братом. Со смертью Нарбуты в 1800 году в Коканде началась борьба за власть четырех претен-

147 Кыпчаки Ферганы выступали в политическом плане как наиболее близкий киргизам этнический компонент. Территориальная и этническая близость обусловили экономическую и бытовую общность. Специалисты сравнительного языкознания отмечали и самую ближайшую общность киргизского и кыпчакского языков. В частности, известный советский лингвист Е. Д. Поливанов, проводивший в 30-х годах в республике исследования по киргизскому языкознанию, в одной из своих оставшихся неопубликованными работ заключал: «...единственным действительно *ближайшим* и *специфически близким* киргизскому оказывается лишь крайне незначительный в статистическом отношении т. н. *кыпчакский язык,* язык ферганских кыпчаков (в свое время игравших столь известную роль в династической истории Кокандского ханства)...». См.: Материалы Е. Д. Поливанова. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 22, тетрадь 1.

148 Report of a Journey to Kokan, p. 12.

дентов. Победил Алим, занявший престол и казнивший своих соперников. Однако малолетние сыновья Хаджи-бека — Шералы и Улуг-бек — сумели укрыться среди киргизов. Улуг-бек вскоре погиб, а Шералы, перебравшийся на Талас, остался среди киргизов[149]. Здесь он женился на киргизке, обзавелся детьми и вел обычную жизнь рядового кочевника и скотовода. Киргизские феодалы укрыли и не выдали претендента на престол не из простого милосердия. С одной стороны, это было проявлением оппозиции ханской власти, с другой — свидетельством силы и противопоставления себя (в определенной степени) Коканду. Шералы оставался многие годы нераскрытым козырем, которым в свое время крупно могли сыграть киргизские феодалы. Такое время пришло в 1842 г.

В этот период осложнились отношения между Бухарой и кокандским ханом. Весной эмир Насрулла со своими войсками выступил против Мадали-хана и овладел Кокандом. Борьба двух соседних государств нашла отражение во многих среднеазиатских хрониках. Обратимся к ним, взяв за основу детальное сочинение «Рияз-уд довле» Мухаммеда Риза, известного под псевдонимом Агехи[150], дополнив его хроникой Муллы Нияза «Тарихи Шахрохи».

В ходе напряженной борьбы победа оказалась на стороне эмира Насруллы. Захватив Коканд, эмир отдал город и окрестности своим войскам на 4 часа для разграбления. После этого Насрулла вместо того, чтобы посадить на престол одного из послушных ханских наследников, решил превратить целое государство в свою провинцию и оставил в Коканде своим наместником узбека из бухарской династии мангитов Ибрагима-Хаял-парваначи. Он сразу обложил население Кокандского ханства новыми налогами, бухарские воины начали бесчинствовать и грабить население. Особенно тяжелым оказалось положение трудящихся масс, на плечи которых переложили весь груз новых налогов. Все это вызвало недовольство и волнение народа. Через месяц и 17 дней вспыхнуло восстание и «от группы сартийя и кыпчакийя и

149 Тарихи Шахрохи, стр. 35—38, 41.

150 Перев. А. К. Боровкова в кн.: «Материалы по истории туркмен...», т. II. В. В. Бартольд оценил сочинение Агехи очень высоко, назвал его литературным историческим трудом, который «по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского»— *В. В. Бартольд.* История культурной жизни, стр. 285—286.

киргизийя в согласии со всем народом ферганским» на престол был возведен Шералы[151].

Этим событиям предшествовал заговор кыпчакских и киргизских феодалов для возведения именно своего ставленника. Используя ситуацию всеобщего недовольства бухарским наместником, феодалы решили пригласить с Таласа Шералы, не без основания считая, что он станет послушной марионеткой. Между ферганскими и таласскими киргизами, которые, по словам В. Наливкина, были «родственниками» и «свойственниками», часто общались и вообще поддерживали связь, стали сновать курьеры. В мае на Талас выехал представитель Наманганского вилайета киргиз из рода кыркогул Юсуф. В свое время он был минбашой при Мадали-хане, но затем смещен и отправлен хакимом Маргелана[152]. Теперь Юсуф решил вернуть свое былое влияние и положение при дворе, способствуя возвышению Шералы. В начале июня Шералы, перейдя горы, попал в Фергану и расположился в кочевьях Юсуфа на р. Кара-Су. Уже здесь к Шералы был приставлен некий Мулла-Ташбай для обучения грамоте его сыновей Худояра (будущего хана) и Суфи-бека. Вместе с Шералы пришли отряды таласских киргизов, возглавляемые Сеид-Али-беком и другими киргизскими феодалами-родоправителями.

В район Кара-Су стали стекаться со всех сторон киргизские и кыпчакские отряды. У мазара Сафид-Булан, на северо-востоке Ферганы, с соблюдением всех традиционных обрядов 50-летнего Шералы поднимают на белом войлоке и провозглашают ханом [153]. Отсюда значительное войско киргизских и кыпчакских феодалов во главе с Шералы идет на Коканд, по пути довольно легко занимает крепости, селения и города. Ибрагим-Хаял бежит в Бухару. Шералы вступает в Коканд и занимает престол. Киргизские и кыпчакские феодалы-сподвижники становятся ближайшими сановниками и советниками хана. Юсуф снова получает звание минбаши.

Оставленный эмиром бухарский отряд был частично уничтожен, около 1500 человек вывели на базар для продажи в рабство. Но спроса на них не было: покупатели опасались связываться с недавними своими угнетателями, боясь возмездия эмирских войск[154]. Восставший народ победил, бухар-

151 Тарихи Шахрохи, стр. 136.

152 Там же, стр. 113.

153 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 146.

154 Извлечение из «Рияз-уд-довле», стр. 475.

ская власть была свергнута. Плодами же победы воспользовались лишь киргизские и кыпчакские феодалы.

С победой группировок кочевых киргизов и кыпчаков в Кокандском ханстве усиливается их роль, они становятся самыми активными сторонниками Шералы-хана. На политическую арену выходят способные представители из кыпчакской и киргизской знати.

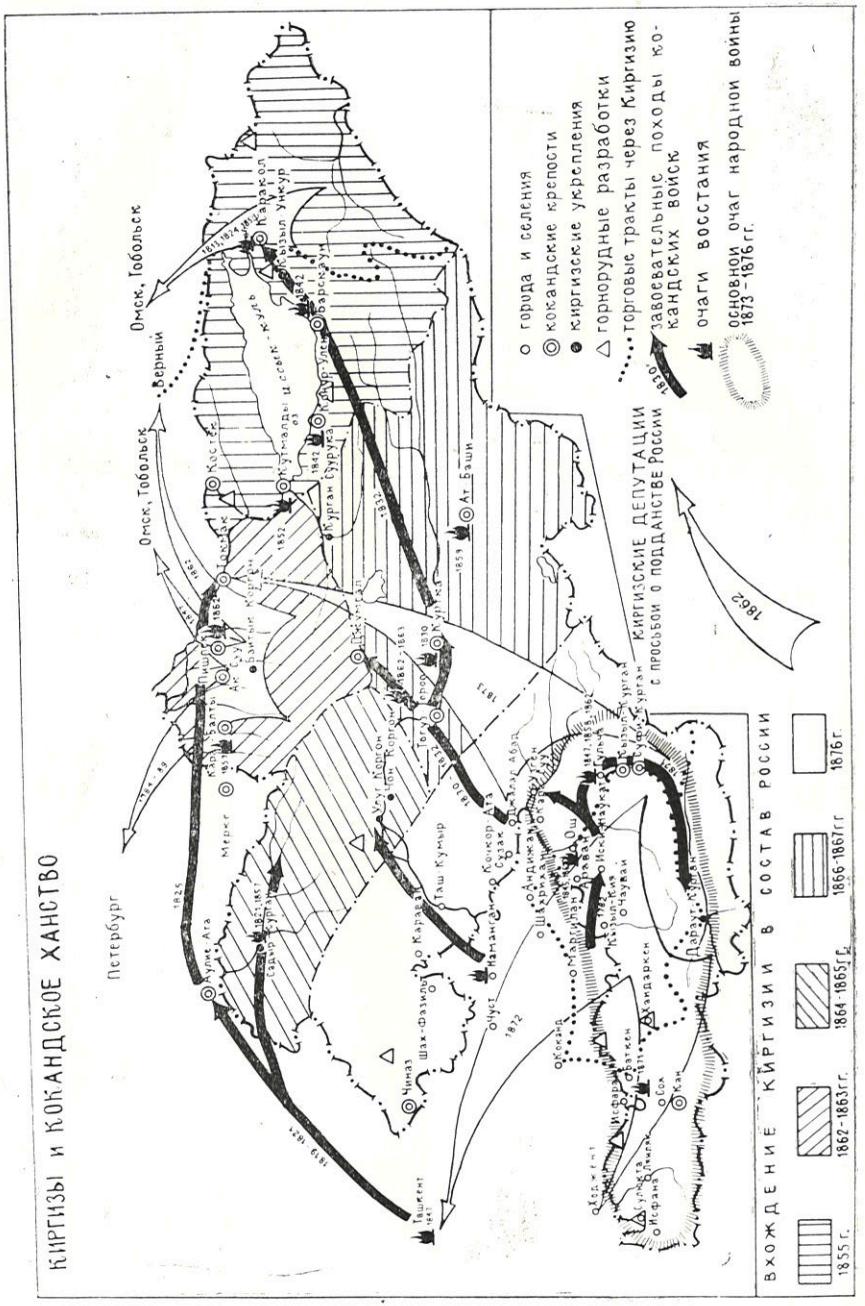
Минбаши Юсуф направляется в Ташкент и на казахов Курама для утверждения ханской власти. Во всех вилайетах насаждается новая ханская администрация[155]. Киргизские феодалы и бии-родоправители жалуются ярлыками с правом власти на своих подданных.

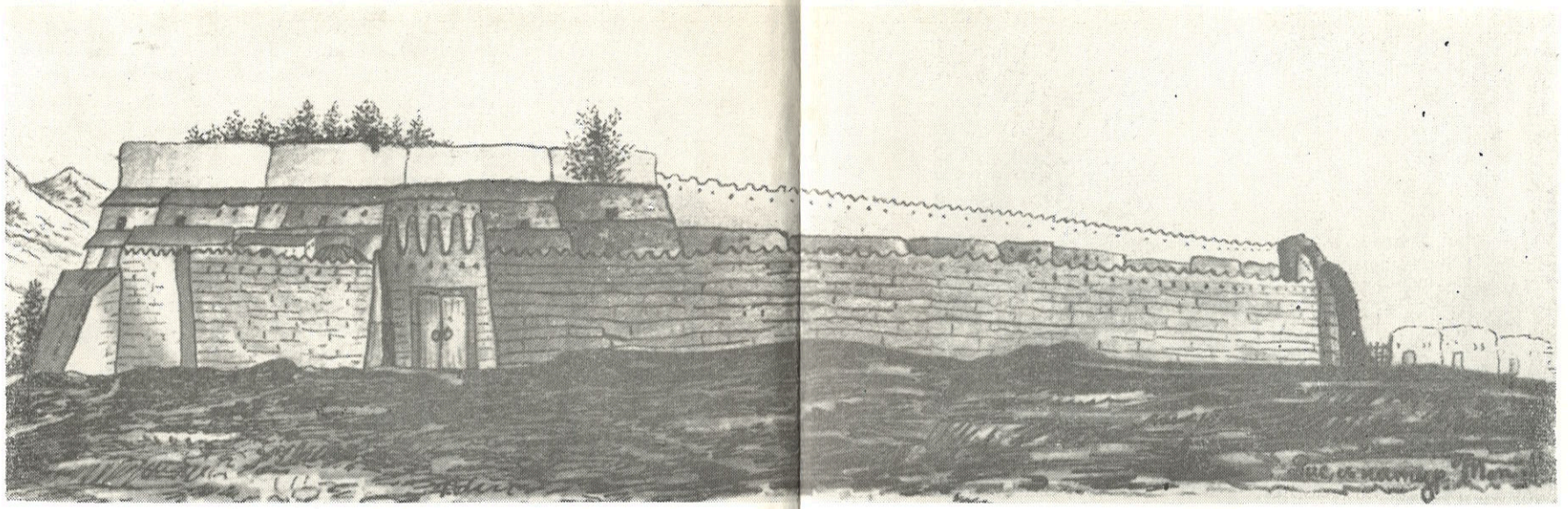
В то время, когда Шералы решил несколько умерить влияние киргизско-кыпчакских феодалов и в противовес им приблизить группировку узбекских феодалов, кыпчаки открыто выступили против хана. Возглавил движение Мусульманкул — талантливый и жестокий предводитель кыпчаков. Его вооруженные отряды сосредоточились в долине р. Еки-Су-Арасы. Против них Шералы посылает войска во главе с сыном Малля-беком, при котором находился Юсуф-минбаши. Кыпчаки вынуждены были отступить. Мусульманкул и 40 феодалов — предводителей кыпчаков — выразили покорность. Хан, не чувствуя полной уверенности в своих силах, помиловал их. К этому времени Юсуф впадает в немилость, и Шералы отправляет его хакимом в Маргелан, а управление войсками и титул минбаши передает Шады-датхе[156].

Мусульманкул вскоре снова восстал. Высланные против него войска минбаши Шады и второго малолетнего сына хана — Худояра потерпели поражение. Шады погиб в бою, Худояр попал в плен. Мусульманкул с триумфом въехал в Коканд. Он занял пост минбаши и фактически забрал в свои руки всю власть в ханстве. Шералы остался на престоле, но полностью превратился в марионетку Мусульманкула. Киргизские феодалы, поддерживавшие хана в борьбе с кыпчаками, отступили, но не захотели окончательно смириться.

В этой обстановке представители оттесненной феодальной знати — некий датха Рахматулла-Мирза и исфаринский хаким Сатыбалды из киргизов — организовали заговор. Заручившись поддержкой алайских феодалов, они решили свергнуть Шералы и возвести на престол одного из сыновей Алимхана — Мурада, находившегося в то время в Ура-Тюбе. За-

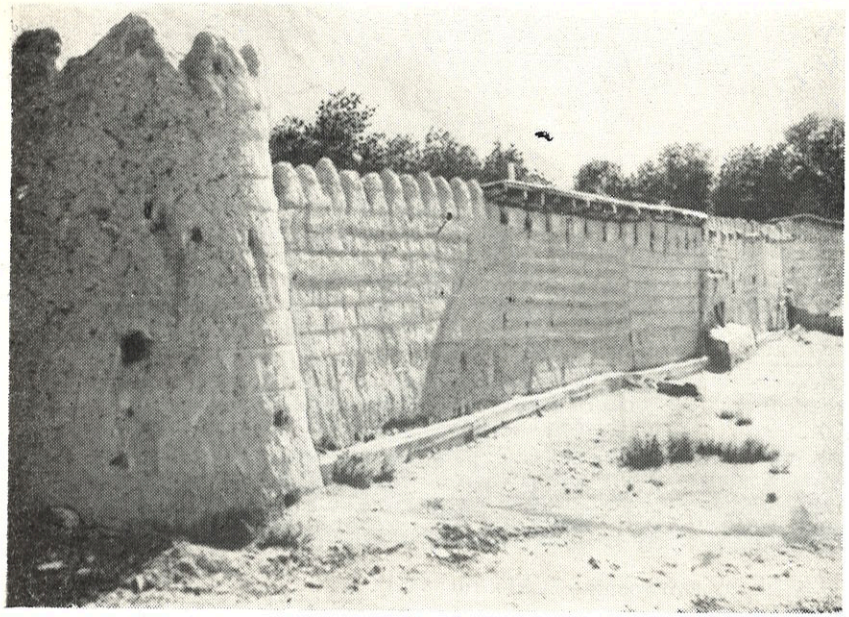
155 Тарихи Шахрохи, стр. 146.
156 Там же, стр. 155.


КИРГИЗЫ и КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО
Петербург
Омск, Тобольск
Верный
Ташкент
Чимкент
Туркестан
Аулие-Ата
Мерке
Аулие-Ата
Аулие-Ата
Аулие-Ата

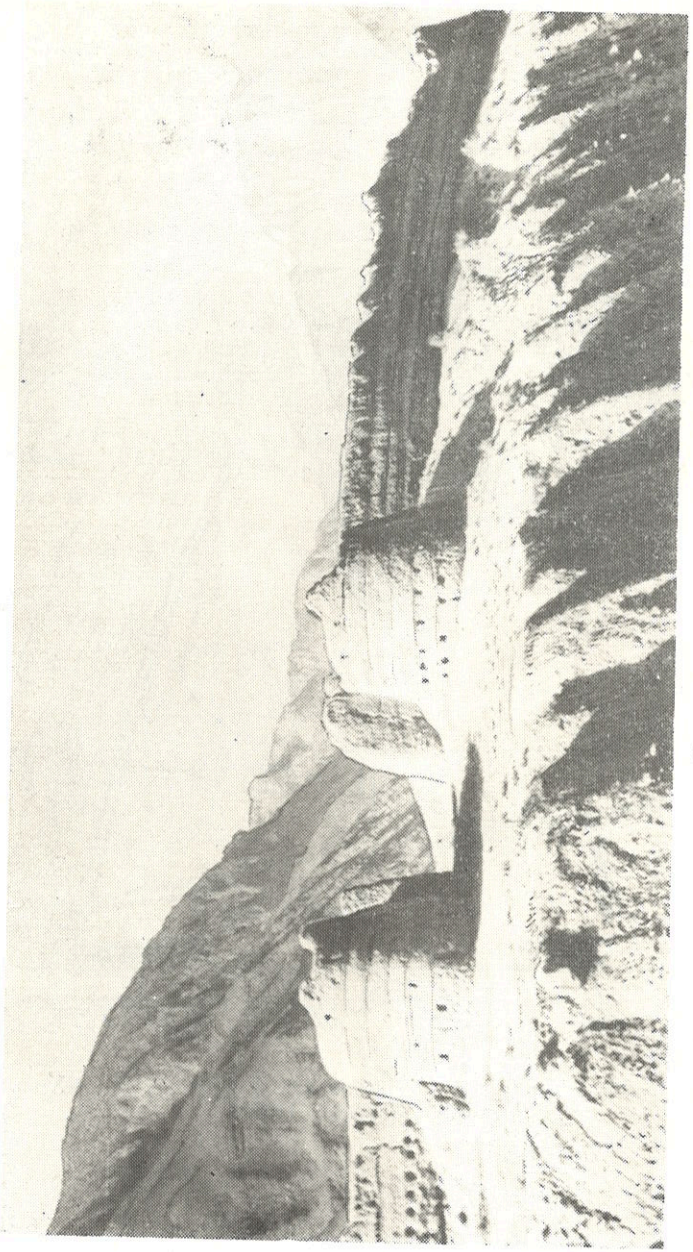


Кокандское укрепление Куртка.

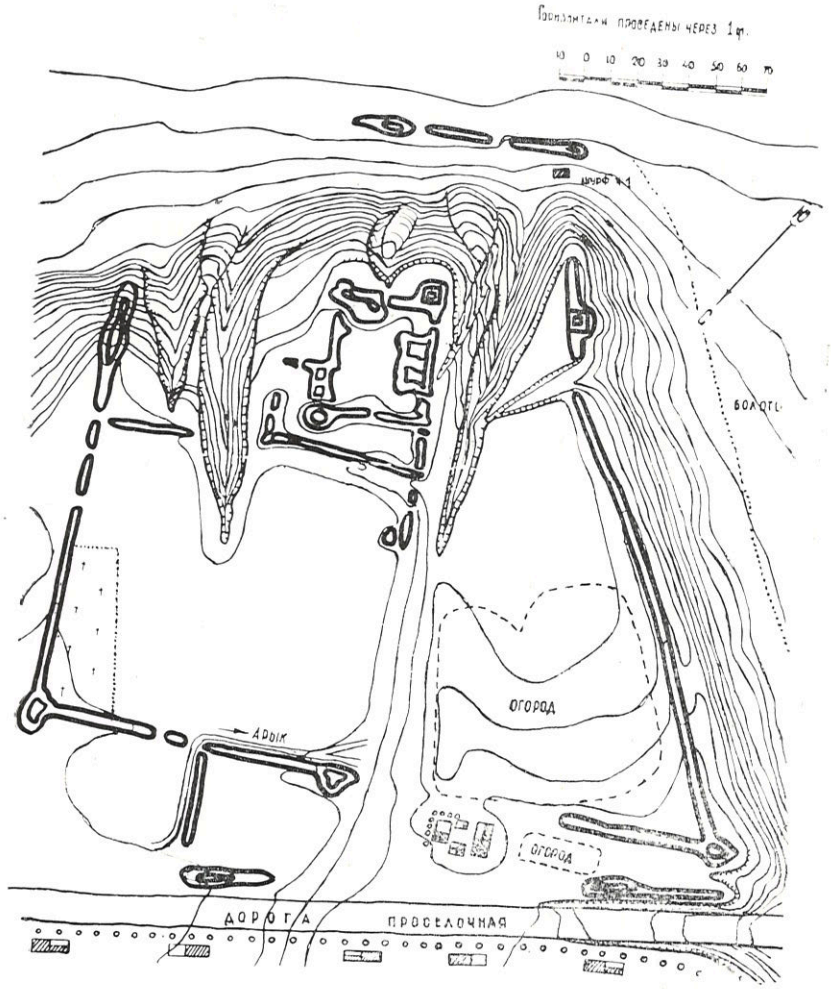
Рис. с натуры русского топографа 60-х годов XIX в.



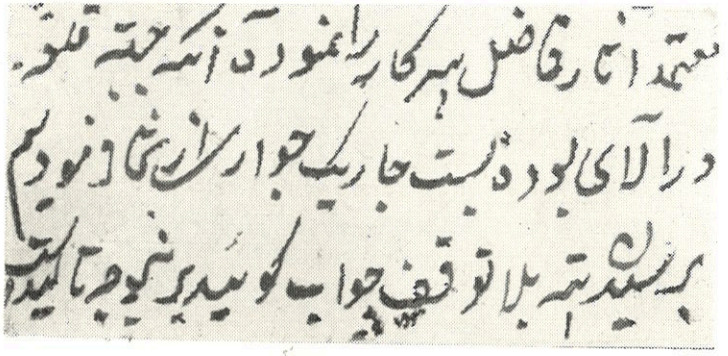
Остатки кокандской крепости. Дараут-Курган в Чон-Алае.
Фото 1976 г.



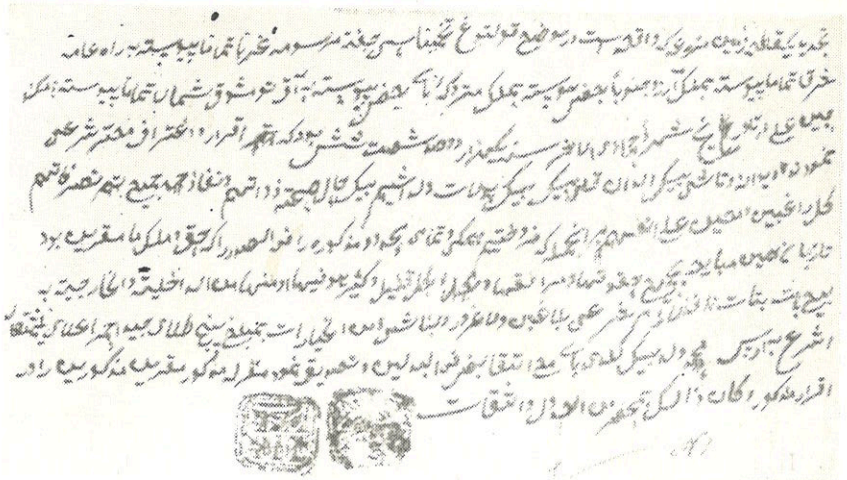
Кокандская крепость Кан.
Фото 1976 г.



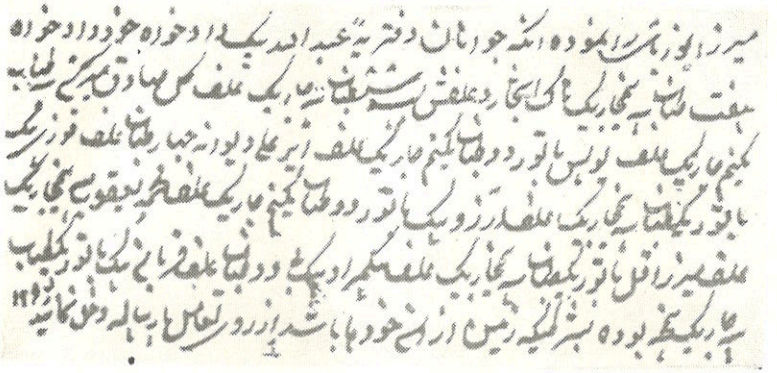
План киргизско-кокандского укрепления Улуг-Коргон XVIII—XIX вв.
Сост. Е. З. Заурова, 1969 г.



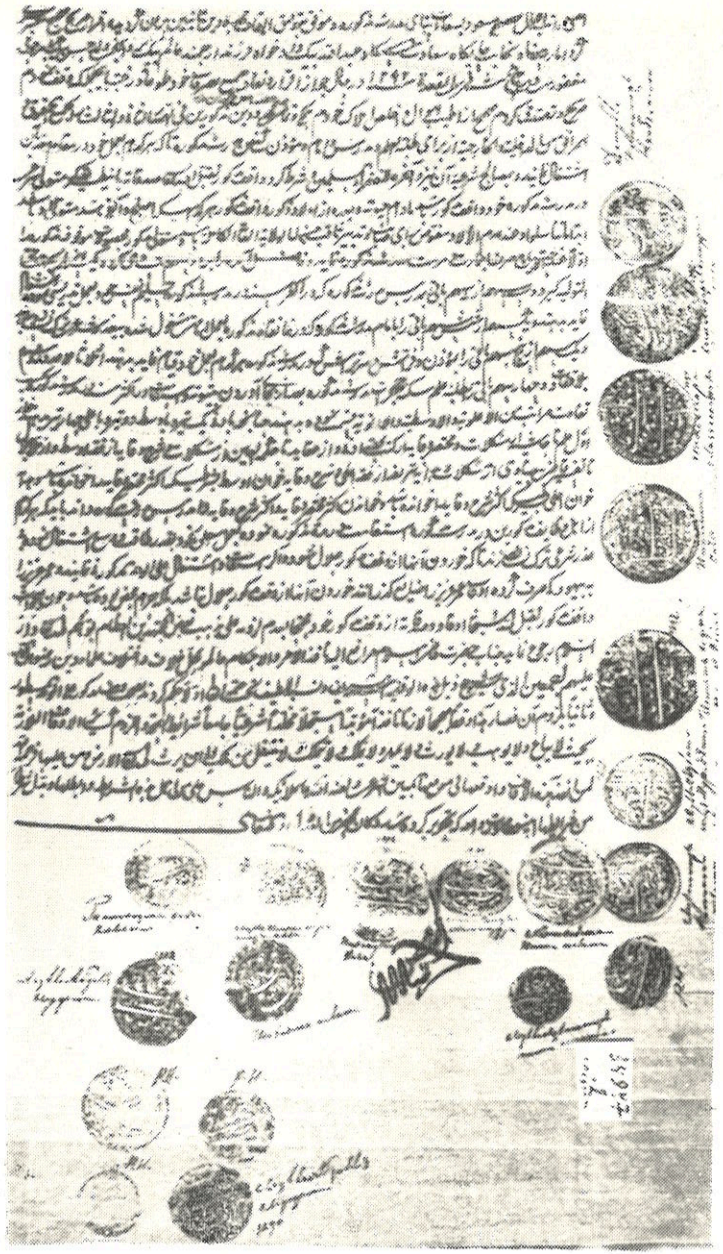
Распоряжение бека о доставке зерна в алайскую крепость.
Из архива кокандских ханов.—ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1034, оп. 1, д. 831.



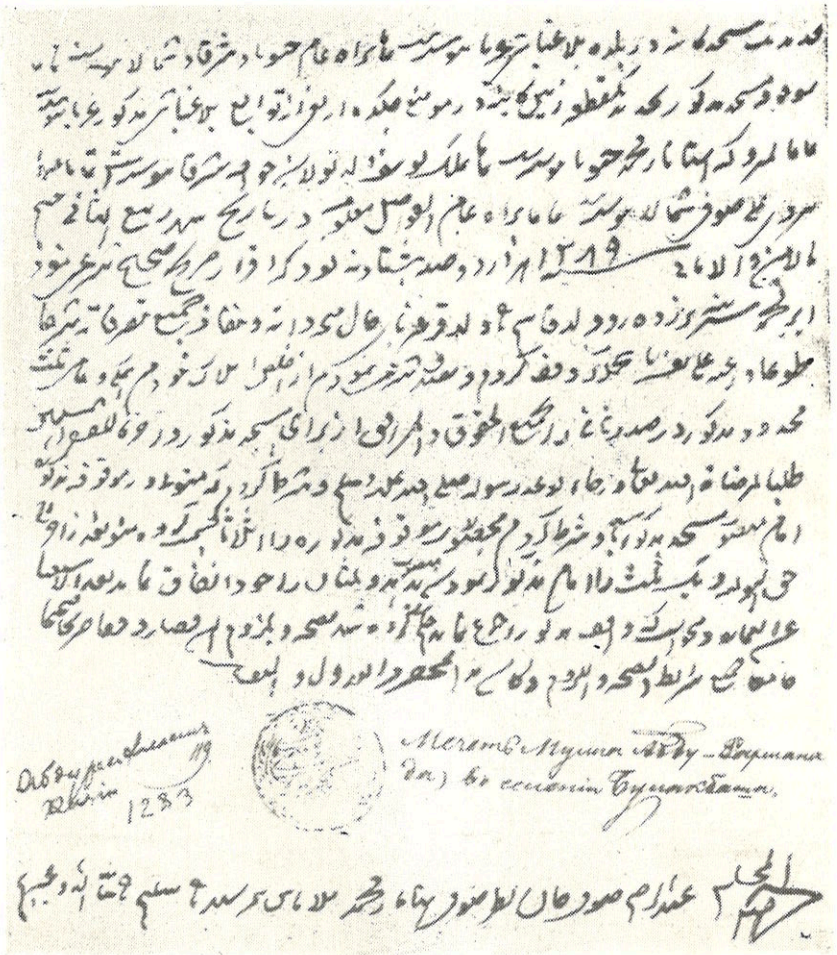
Васика на продажу киргизами земель в местности Калтуг. 1849-1850 г.
ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 16.



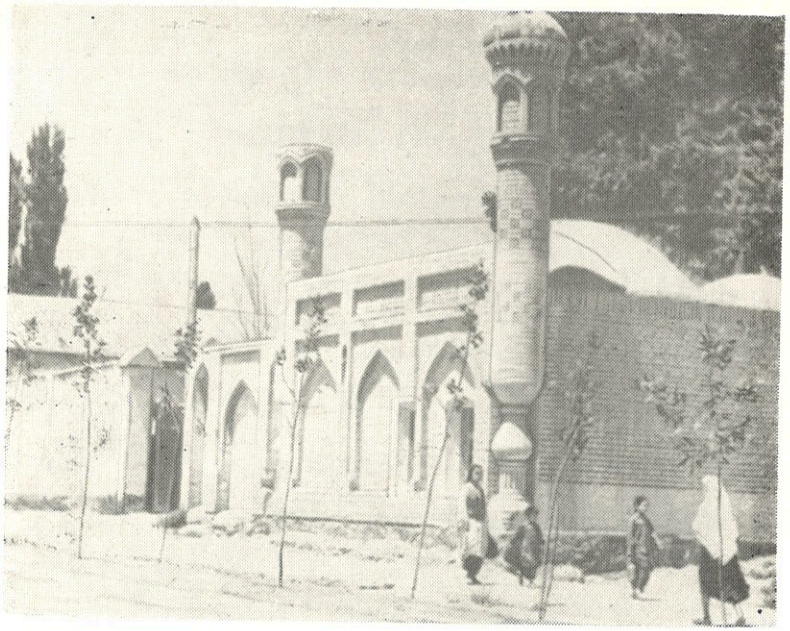
Тарханная грамота об освобождении от налогов угодий киргизского феодала Абдуллы-бека и его воинов.
Из архива кокандских ханов.—ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1034,оп. 1, д. 1710.



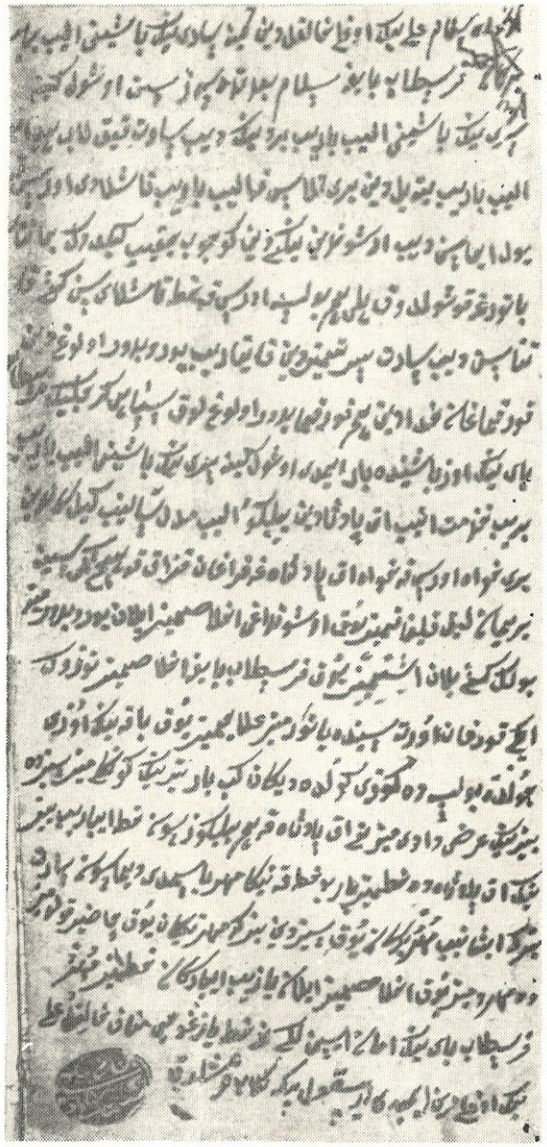
Вакф-наме Абдуллы-бека на пожертвование в пользу медресе своего отца Алымбека-датхи. 1875 г.
ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 2.



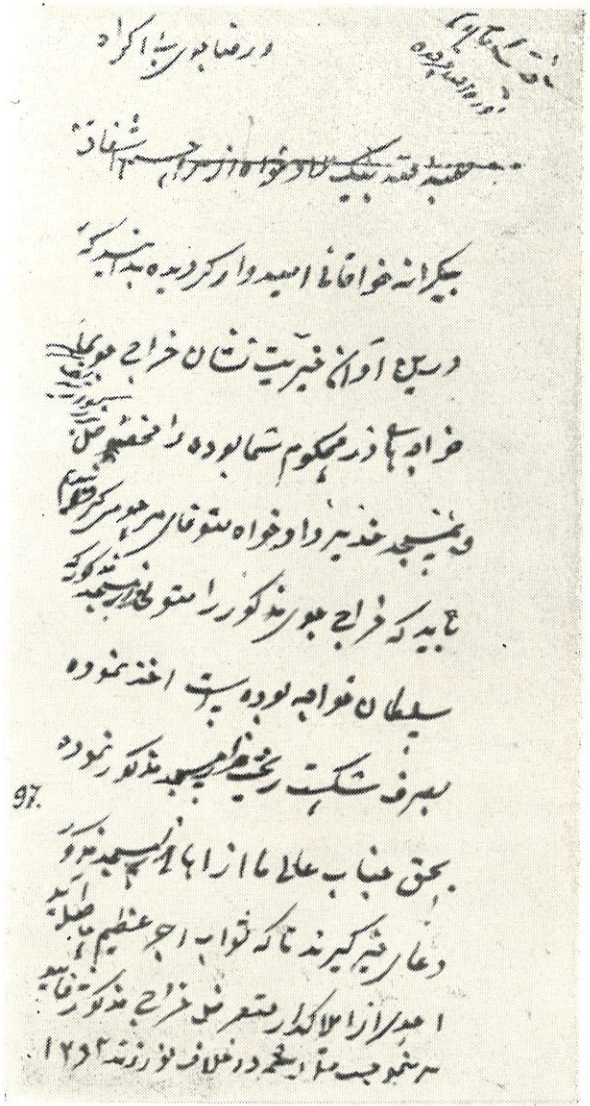
Документ об определении киргизами в вакф Булак-Башинской мечети 1/3 своих земель. 1872—1873 г.
ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34970, л. 8.



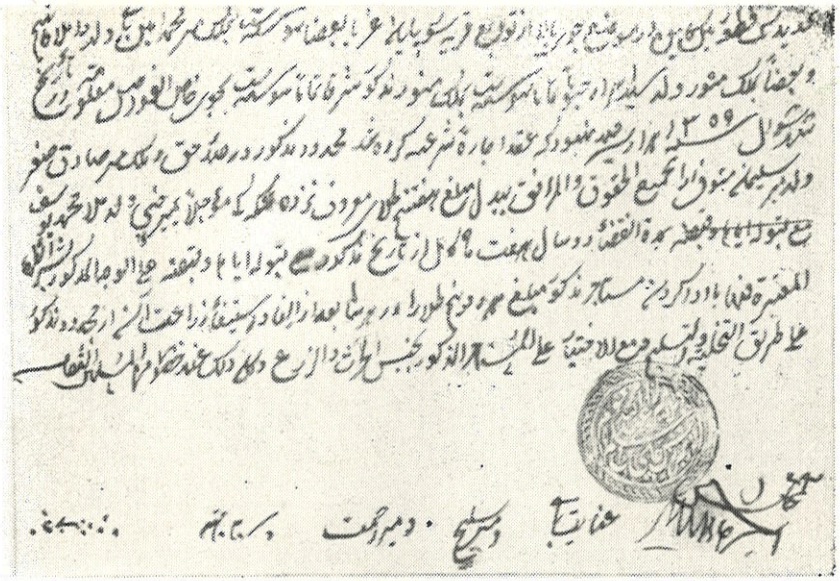
Одно из вакфных учреждений Кокандского ханства — Ошское медресе. Фото 1962 г.



Письмо киргизских феодалов Алыбека и Рыскулбека русским властям. 60-е годы XIX в. ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 484, л. 31.

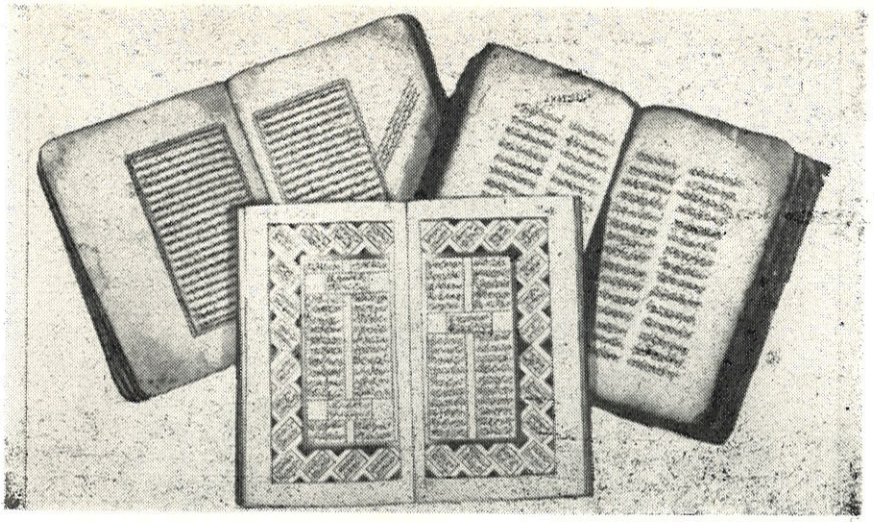


Распоряжение Пулат-хана о передаче налога с владений Абдуллы-бека в пользу вакфных учреждений. 1875 г.
ЦГА Узб.ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34944, л. 3.



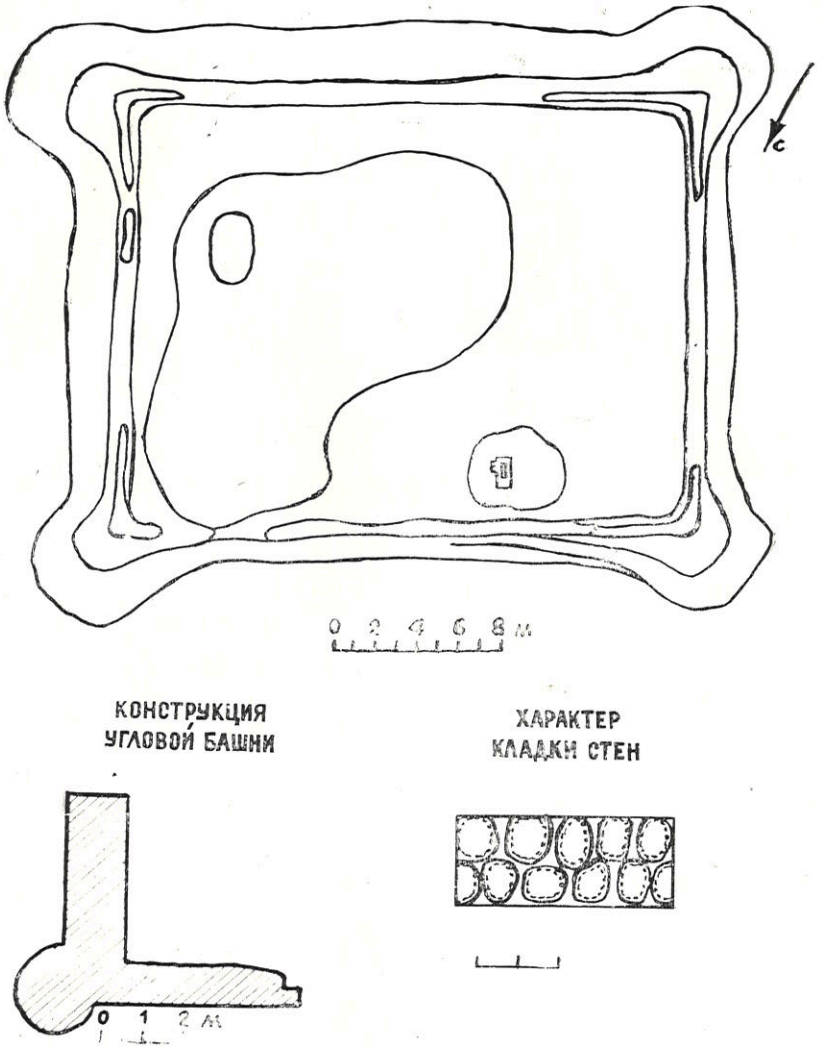
Документ об аренде земли. 1892 г.
Материалы археографической экспедиции 1976 г.

Атбашинская пещера-хранилище старых рукописей и документов.
Фото 1976 г.



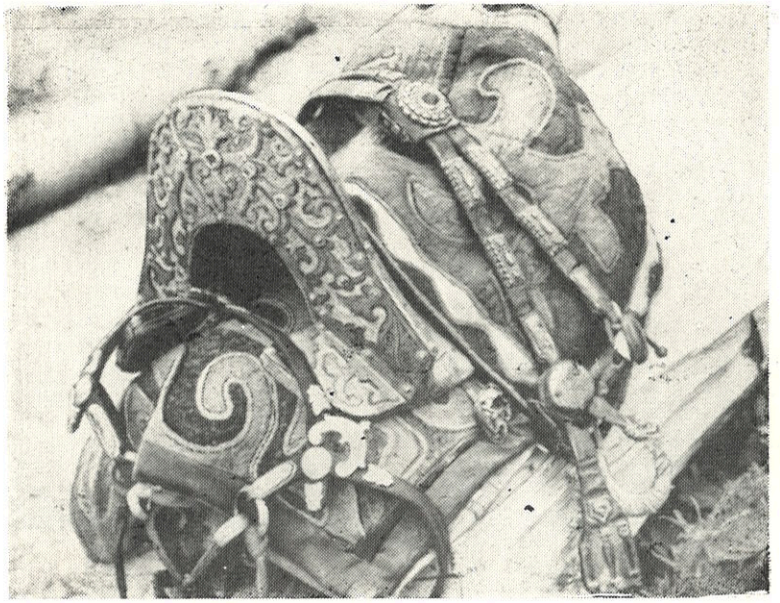
Новые находки киргизских археографов. 1976 г.

Киргизская намогильная архитектура XVIII—XIX в. Мазар на Чаткале.
Фото 1968 г.



План мазара XVIII в. Чирак-Булак.
1973 г.

Предметы киргизского ремесленного производства. XIX в.



Предметы киргизского ремесленного производства. XIX в.

Киргизские воины.
Из альбома худ. Кошарова, 1857 г.

Бегство кокандского хана от повстанцев.
Рис. худ. Каразина. 70-е годы XIX в.

говорщики в среду прибыли в Коканд. Был как раз базарный день. К ханской урде только что привели пленных повстанцев — киргизов из Ош, и на площади сосредоточилось много народа. Здесь заблаговременно подготовленные глашатаи объявили о воцарении Мурад-хана. Предавшего интересы киргизских феодалов Шералы «заставили испить напиток мученичества».

В перевороте немаловажную роль сыграли киргизы — как прибывшие с Алая, так и освобожденные в Коканде пленные. Согласно источникам, с Мурад-беком в Коканд прибыл отряд киргизов в 100—200 человек. Они-то, надо полагать, и составили военное ядро окружения нового хана.

Мурад-бек продержался на престоле недолго. Как говорили, основным желанием его жизни было «поцарствовать хотя бы два дня». Он пробыл ханом немногим более — 11 дней (по некоторым источникам — 7 дней).

На этот раз кыпчакские феодалы не захотели оставаться безучастными и быть на втором плане. Мусульманкул, быстро собрав оставшиеся преданными ему войска, провозгласил ханом Худояра — малолетнего сына Шералы (от жены киргизки Яркин-Аим). После этого акта Мусульманкул во главе войск пошел на Коканд. Сторонники Мурад-хана начали разбегаться. Лишь небольшой отряд киргизов стойко держался до конца. Однако в результате предательства одного из придворных сановников — Мадкерима, открывшего ворота кыпчакам, Коканд пал. Мусульманкул вошел в столицу. Часть киргизов погибла в бою, часть попала в плен и была казнена. Только немногим удалось спастись бегством[157].

Кыпчаки, захватив власть, уничтожили придворных сановников как киргизской, так и узбекской знати, в том числе не пощадили и духовенство: были казнены Сулейман Ходжа-шейх-уль-ислам, высшее духовное лицо Кокандского ханства, и другие.

На престол возвели малолетнего Худояр-хана. При нем вся власть сосредоточилась в руках предводителя кыпчакских феодалов, близких к Мусульманкулу, объявленному регентом ханства.

Вступление на престол Худояр-хана и фактическое взятие власти Мусульманкулом не означали полного отстранения киргизской феодальной знати. Просто одна феодальная груп-

[157] Тарихи Шахрохи, стр. 172—173; МИКК, стр. 233—234: *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 161. В. Наливкин описывает переворот, но об участии киргизов в нем не упоминает.

пировка потерпела поражение, другая — возвысилась; одни киргизские феодалы уступили место другим, бывшим в союзе с Мусульманкулом. Худояр-хан, воспитанный в среде таласских киргизов, несомненно, имел своих сторонников и среди киргизских феодалов. Сам Мусульманкул был женат на киргизке и являлся зятем крупного кетмень-тюбинского феодала. Это дало основание русскому посланнику в Коканде И. Я. Крымову назвать кыпчаков киргизами, которые овладели ханством «общими силами, т. е. всеми отделениями своих родов». Главные родоправители и бии, сообщал посланник, заняв ключевые позиции в управлении ханством, возвели на престол угодного им хана, от имени которого Мусульманкул и правил ханством[158].

Возведенный на престол в обход своего старшего брата Малля-бека малолетний Худояр-хан оказался полностью в руках Мусульманкула. И. Я. Крымов считал, что «Мусульманкул избран был по желанию общему — как кыпчаков, так и здешнего народа по своей способности и дарованию». Он обладал особым талантом — в плетении межфеодальных козней и использовании их в своих корыстных интересах. Но это был, без сомнения, волевой и энергичный феодал. Мусульманкул породнился с малолетним Худояр-ханом, выдав за него замуж свою дочь. Оказавшись таким образом еще и тестем хана, он начал на правах родственника фактически безгранично распоряжаться всеми делами в ханстве.

Кочевая знать кыпчаков, оказавшись по сути независимой, использовала свое влияние и положение при дворе для личного обогащения, присвоения доходов с государственных сборов. Узбекская оседлая знать, оттесненная от власти, составила заговор. Одним из главных противников Мусульманкула выступил ташкентский кушбеги. Но феодалы-кочевники обладали слишком большой силой при хане, от имени которого вершились все дела их предводителем. И оппозиция временно затаилась[159].

158 ЦГВИА, ф. 67, оп. 1, д. 48, л. 18—23; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 1, 278, л. 1—8. И. Я. Крымов был послан в Коканд в 40-х годах с официальной миссией. Он существенно уточнил карту Кокандского ханства, составил подробное описание народонаселения и занятий жителей. Заподозренный в шпионаже, он был вызван ко двору, но успел прежде приказать своим сотрудникам сжечь все записки. По возвращении в Россию им, по сохранившимся материалам, было составлено краткое «Описание Кокандского ханства». Из этой серии интерес представляет «Очерк правления кыпчаками Куканским ханством», составленный по донесениям И. Я. Крымова, С. Я. Ключаревым.

159 ЦГВИА, ф. 67, оп. 1, д. 48, л. 18—23, ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 1, д. 278, л. 1—8.

Киргизские и кыпчакские феодалы, захватив власть в ханстве и получив высокие звания, обычно после этого снова расходились по своим кочевьям. Небольшая оставшаяся при хане феодальная верхушка, не умудренная опытом государственного правления, вынуждена была обращаться за помощью к ухищренным в придворных кознях узбекским сановникам. Они постепенно укрепились на ключевых позициях в ханстве и взяли бразды правления в свои руки, хотя первые административные должности продолжали оставаться у кочевых феодалов.

В этих условиях ташкентский наместник Нормухаммед, кыпчак, но противник Мусульманкула, стремился упрочить свое положение за счет окрестных киргизов, действуя силой и хитростью. Он направил войска против чуйских киргизов рода солто и собрал с них налог лошадьми. У манапов взял аманатов — заложников, усилил кокандские гарнизоны в Пишпеке и Токмаке, заставив тем самым киргизских феодалов пойти на поклон в Ташкент. В то же время Нормухаммед стремился не обострять особенно отношений: ташкентскому наместнику необходимо было надежное войско и он рассчитывал на киргизское ополчение. В одном из своих писем казахам он, в частности, отмечал: «...Выступив с величайшим войском, запасшись неограниченным продовольствием, приведя в свое покровительство находящиеся по сю сторону Китая черных киргиз родов бугу, саяк, ормон, султы и сарыбагыш, (мы) сделали их усердными подданными и вооружили их наравне (с) удалыми нашими всадниками»[160].

Таким образом, Нормухаммед не расправился с киргизскими манапами, а стремился склонить их на свою сторону. Он имел на это свои причины, надеясь укрепить силы для борьбы с Мусульманкулом. Но не все киргизские феодалы были склонны поддерживать Нормухаммеда в борьбе с Мусульманкулом. Отдельные сарыбагышские и бугинские манапы (Боромбай, Хаджибек и Джантай) решили вообще уклониться от выражения подданства Коканду и обратились за помощью к русским властям. Как видно из их писем, кыпчаки разграбили роды солто и сарыбагыш, угнав весь мелкий и крупный рогатый скот и лошадей. Манапы Джантай и Боромбай тогда ехать к кокандцам отказались и послали для переговоров «родственников», которые были задержаны. Это

160 См.: *А. Г. Серебренников.* Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 40, стр. 100—103.

побудило киргизских феодалов быть несколько более лояльными к Нормухаммеду. Однако тут же манапы просили алатавского пристава Перемышльского прислать русский отряд[161]. Примечательно, что они не обратились за поддержкой к Мусульманкулу, представлявшему ханскую власть. А Мусульманкул в это время с войском пошел на Ташкент для наказания своевольного наместника. Первоначально он не добился успеха. Весной 1851 г. (по «Тарихи Шахрохи» в 1856 г.) Нормухаммед отразил войска временщика. Летом Мусульманкул выступил вторично с войском в 6—7 тыс. человек. На этот раз он прихватил с собою Худояр-хана. Нормухаммед решил упорно защищаться, опираясь на поддержку окрестного кочевого населения. Он разослал письма киргизским феодалам, призывая к выступлению против Мусульманкула.

Тяготясь опекой временщика, Худояр-хан решил воспользоваться случаем, чтобы освободиться от Мусульманкула, и перебежал в Ташкент. Мусульманкул был разбит и лишь с тысячей приверженцев бежал на Чаткал, опять-таки спасаясь в горах у киргизов, затем нашел прием у тестя — в Кетмень-Тюбе[162].

Избавившись с помощью Нормухаммеда от всесильного Мусульманкула, Худояр-хан отдал приказ покончить со всем кыпчакским племенем. В городах началось ужасное избиение кыпчаков. В панике они стали искать спасения в горах. Мусульманкул в это время собрал в Кетмень-Тюбе новое войско, в основном из киргизов, затем в него влились отряды кыпчаков. 9 октября 1852 г. в местности Балыкчи произошло сражение Худояр-хана с Мусульманкулом. Киргизско-кыпчакское войско Мусульманкула было разбито, взято «бесчисленное множество» пленных. Захватили около кишлака Уйчи в Наманганском вилайете и самого Мусульманкула. Пленных по приказанию хана по одному убивали на протяжении всего пути, а дошедших до Коканда казнили в течение трех дней на виду у прикованного к столбу Мусульманкула. В конце концов повесили на базаре и его.

По всей стране началось поголовное избиение кыпчаков. Спаслись только те, кто успел укрыться в отдаленных киргизских кочевьях за неприступными горами. Нельзя без содрогания читать строки кокандских хроник, описывающих

161 *А. Г. Серебренников.* Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 40, стр. 100—103.

162 ЦГВИА, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59—73; Тарихи Шахрохи, стр. 188—197.

жестокости ханских палачей[163]. Худояр-хан отдал приказ о поголовном истреблении кыпчаков—мужчин. Целый народ оказался под угрозой физического уничтожения. В. Наливкин, разговаривавший три десятилетия спустя со свидетелями этой драмы, записал: «Мусульманкул пал; при жизни он опутал кыпчаков сетями своего чрезвычайного честолюбия; когда он пал, эти самые сети повлекли за ним его народ в бездну ужасов, в бездну воплей бесприютных сирот и вдов, в бездну материального разорения всего того, что успело спастись от шашек и ножей убийц»[164].

Превратности ханского деспотизма наглядно иллюстрируются последовавшим за этими событиями избавлением Худояр-хана от новых своих приверженцев. Уже в середине ноября он вызвал к себе из Ташкента кушбеги Нормухаммеда и приказал его умертвить. Его судьбу разделил и заменивший Мусульманкула минбаши Утембий, а вскоре и новые фавориты, которыми тяготился хан — достарханчи и рысалчий. В Ташкент наместником был назначен узбек — Мама-Нияз, а в Туркестан направлен его сын[165]. Худояр-хан освободился от ставших ему в тягость кочевых феодалов старой и новой партии и приблизил к себе земледельческих феодалов узбеков.

В 1858 г. старший брат Худояр-хана Малил-бек решил, что наступил его черед борьбы за престол. Основную опору он нашел в среде киргизских феодалов и опальных кыпчаков. Но заговор был раскрыт и претендент бежал в Ош, а затем перебрался к алайским киргизам. В Гульче Малля-бек просит помощи у влиятельного киргизского феодала Хасан-бия. По словам В. Наливкина, Хасан-бий, «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших киргиз», решил поддержать выступление претендента. Собрав ополчение в несколько сот всадников, они двинулись на урочище Кара-Су. Здесь обратились с воззванием к местным жителям свергнуть Худояр-хана и, существенно усилившись, пошли на Андижан. По пути к ним стало присоединяться недовольное ханом киргизское, кыпчакское и узбекское население — собралась огромная армия. Вышедшие навстречу войска Худояр-хана потерпели поражение. Сам хан бежал. Престол брату был освобожден. Малля-бек торжественно вступил в столицу в качестве нового хана[166].

163 Тарихи Шахрохи, стр. 188—197.

164 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 178.

165 ЦГВИА, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59—73.

166 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 188—189.

Мулла Нияз, явно симпатизировавший Худояр-хану, неоднократно упоминает об участии киргизов и кыпчаков в дворцовом перевороте, порицает их как опору Малля-хана[167].

Абдул Маджид среди ведущих сановников Малля-хана (который, по его словам, больше солдат, чем администратор, и по матери киргиз) назвал правителя Ташкента Қанаат-Ша, родоправителя алайских киргизов Алымбека, Муллу Алымкула-кыпчака, некоего Керимкула и тюрка Худай Назара — управителя ханского двора и бывшего посланника к британскому правительству, а также таможенного главу Дост Мухаммеда[168].

Высокого положения при Малля-хане достиг крупнейший феодал Алая Алымбек, игравший в конце 50-х — начале 60-х годов одну из основных ролей в Қокандском ханстве. За заслуги в возведении на престол Малля-хана он получает в управление Андижанский вилайет, затем становится первым визирем ханства[169]. О. Сыдыков, вообще идеализировавший киргизских феодалов, писал об Алымбеке как о хане, который разрушил город Қоканд (3) и построил в Оше великолепное медресе по бухарскому образцу[170].

Непосредственно об Алымбеке сведения в источниках встречаются отдельными крупицами и составить по ним сравнительно полную картину непросто.

По словам нашего информатора Д. Зайнабитдинова, предки которого служили алайским феодалам писарями, Алымбек проводил фактически независимую политику, а в некоем договоре — *ахдах,* обусловливавшем зависимость Алая от Қокандского ханства, было даже оговорено право Алымбека самостоятельно управлять Алаем.

Являясь киргизским феодалом-родоправителем и изощренным придворным сановником, сыгравшим, по словам А. П. Федченко, большую роль в междоусобиях кокандских ханов, Алымбек-датха был типичным представителем своего класса — жестоким, не щадящим даже жизни своих подданных, если это служило его личным интересам. Именно Алымбек выделился «зверским убийством» местного населения непосредственно в городе Оше в период одного из восстаний[171]. Алымбек принимал активное участие во многих политических событиях Қокандского ханства, вовлекал киргизов

167 Тарихи Шахрохи, стр. 204—205, 209, 212—213.
168 Report of a Journey to Kokan, p. 12.
169 *Ч. Ч. Валиханов.* Соч., т. 1, стр. 422.
170 *О. Сыдыков.* Тарихи Шадмания, стр. 31.
171 *А. П. Федченко.* Путешествие, стр. 371.

Алая, Тянь-Шаня и даже Иссык-Куля в феодальные усобицы. С именем Алымбека в определенной степени связана организация кокандцами обороны Ташкента от наступавших войск генерала Черняева и сражение в Узун-Агаче[172].

Зимние холода, голод, бегство киргизов из ополчения заставили Алымбека разувериться в легкой победе под Узун-Агачем. К тому же у него начались разногласия и пререкания за первенство с ташкентским наместником Қанаат-ша, и Алымбек увел отряды киргизов. Он возвратился в Андижан, но впал в немилость у хана. Уход из-под Ташкента, доносы противников и соперников — все привело к тому, что недавнему фавориту судьба изменила, и он стал не без основания беспокоиться за свою жизнь. Алымбек вынужден был искать спасения в родных кочевьях на Алае. Здесь он поднял восстание киргизов против Қоканда, но ханские войска, двинутые на Алай, заставили Алымбека бежать далее, в центр Тянь-Шаня. В верховьях Нарына он находит поддержку у сарыбагышских манапов Умбеталы, Аджы, Адыла и Тёрёгельды. Это была сила, способная противостоять ханским войскам, особенно в период интенсивного продвижения России к Ташкенту и Чуйской долине.

Малля-хан предпринимает шаги на сближение с киргизскими манапами. К Алымбеку на переговоры отправляется ханская делегация. Но феодал, державший в своих руках большую силу, не только не ответил хану положительно, но даже казнил посланцев. Тогда Малля-хан высылает для наказания бывшего своего сановника войско, которое терпит полное поражение.

Западно-сибирский генерал-губернатор Дюгамель, внимательно следивший за положением внутри киргизских племен, считал, что Алымбек попытается стать независимым правителем Тянь-Шаня, противопоставив себя Қокандскому ханству и поэтому обязательно обратится к царским властям за помощью. Такое намерение, судя по всему, у Алымбека было. И Дюгамель отдает распоряжение начальнику Алатавского округа Г. А. Колпаковскому положительно отнестись к просьбе Алымбека, если тот предпримет попытки установления контактов. Александр II нашел «дельными... распоряжения, сделанные на случай, если Алымбек выскажет намерение вступить с нами в дружеские отношения»[173].

172 МИКК, стр. 234—236; *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), ч. 2, стр. 553.
173 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 25, док. 116 и 126; *Б. Джамгерчинов.* Очерки политической истории, стр. 181—183.

Царской политике в Туркестане в целом это, конечно, было выгодно, поскольку способствовало продвижению России в глубь Средней Азии. Однако Алымбек пошел по другому пути, направив свои усилия на низложение Малля-хана и замены его своим ставленником.

Как вспоминал в своей автобиографии киргизский феодал Шабдан Джантаев, во время его службы при Канаате— правителе Ташкента, Алымбек в сговоре с Кыдыром, Шабдан-ходжей и другими пятью феодалами, среди которых называются также киргиз-кыпчаки Алымкул, датха Худай-Назар, Дуст-Мехтар и мирза Мад-Ибраим, ворвались к Малля-хану и убили его в спальне[174].

По словам Муллы Нияза, киргизские феодалы Алымбек и Кыдыр, тюрк Худай-Назар «в согласии» с киргиз-кыпчаком Алымкулом организовали заговор и 24 февраля 1862 г. убили Малля-хана[175]. На престол был возведен племянник Худояр-хана Ша-Мурад. Алымбек стал первым лицом — главным визирем ханства. Правда, ненадолго. Вскоре его сопернику Алымкулу удалось выйти вперед и постепенно расправиться с Алымбеком, Кыдыром и др.[176] Сосредоточив всю правительственную власть в своих руках, Алымкул стал выступать также в роли «начальника киргизов и кыпчаков»[177].

Видя начавшиеся междоусобицы в ханстве, Худояр-хан, находившийся в изгнании в Бухаре, начал борьбу за возвращение в Коканд. С небольшими силами он вступил в пределы ханства. Эмир, воспользовавшись благоприятной обстановкой, с войсками переправился через границу и начал грабить окрестное киргизское население. Когда эмир Музаффар

174 *Н. А. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), ч. 2, стр. 582—583.

175 Тарихи Шахрохи, стр. 108.

176 В отношении точной даты гибели Алымбека в источниках имеются расхождения. По словам одного из его сыновей, Алымбек был убит во время дворцового заговора в Коканде в 1861 г. По другим сведениям— отравлен из мести в 1863 г. Ходила романтическая легенда о его убийстве на почве ревности одной из подневольных женщин-киргизок. Об Алымбеке как «начальнике» г. Коканда в 1862 г. и одном из советников при Шадман-ходже — опекуне малолетнего сына Малля-хана — Султане Сеиде в 1863 г. упоминания имеются в «Тарихи Шахрохи». Н. Аристов прямо говорит, что Алымбек-датха был казнен в 1863 г. Алымкулом. Таким образом, вероятнее всего, Алымбек пал в результате и в ходе очередной вспышки междоусобной борьбы киргизских феодалов за влияние и власть при кокандском дворе в 1863 г. — См.: *И. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 966; *А. Алексеев.* Курбан-Джан-Датха. «Ферганские областные ведомости», 1907, № 123; *П. Лукницкий.* Всадники и пешеходы, стр. 289; *Н. Аристов.* Западный Тянь-Шань (рукоп.), ч. 2, стр. 580.

177 Тарихи Шахрохи, стр. 109—112.

и Худояр-хан приблизились к стенам Коканда, слабовольный Ша-Мурад бежал[178]. Вслед за ним в сторону Андижана и Оша бежали «Алымкул и прочие военачальники киргизского и кыпчакского войска»[179].

Худояр-хан занял столицу. Однако это не привело к спокойствию в стране. Задавленные налогами, разоряемые грабежами ханских и эмирских войск, народные массы поднялись на восстание. Феодалы, используя ситуацию, перехватили руководство восстанием в свои руки и выступили против Худояр-хана. Ханские войска возле Ассаке были разбиты, Худояр оказался в долговременной осаде. Между осажденными ханскими отрядами и повстанцами начались затяжные эпизодические стычки. Постепенно к киргизам и кыпчакам переходят основные кокандские города — Андижан, Маргелан, Наманган. Алымкул и наиболее активные киргизские родоправители — таласский Сарымсак-бай, некто Тавалды и другие во второй половине июня 1863 г. провозгласили ханом малолетнего племянника Худояра Султан-Сеида[180]. Алымкул стал при нем регентом.

Сообщая по просьбе Колпаковского сведения о кокандских правителях, киргизский манап Байтык Канаев в одном из писем в декабре 1863 г. информировал, что на престоле находится 12-летний Султан-Сеид, хотя вместо него фактически управляет ханством Мулла Алымкул — «дикокаменный киргиз»[181]. В источниках нередко встречается упоминание об Алымкуле, как о киргизе, иногда его называют кыпчаком, а также киргиз-кыпчаком. Сам Алымкул и назначенный им новый наместник Ташкента Койчи называли себя киргизами: первый — из племени кыпчак, второй — карабагыш[182].

Как видно из донесения Колпаковского командиру Отдельного Сибирского корпуса, в 1863 г. Койчи был назначен правителем Ташкента и сразу же обратился к кочевавшим по Чу киргизам с воззваниями, призывая объединиться «как против внешних, так и против внутренних врагов»[183].

178 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 194—195.

179 *Л. Зимин.* Зерцало побед, стр. 34.

180 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 196—197, 200.

181 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 92. Байтык говорил со знанием дела, так как сам вел переписку с Алымкулом, на что есть указание в одном из писем Джантая (ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 105). Сам Алымкул в послании к Джантаю ссылается на свое «родство» с киргизами. Там же, л. 122).

182 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 109, 122—124.

183 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, л. 112. Воззвания, стр. 106—111, 122—124.

В эти годы роль киргизских феодалов в Кокандском ханстве настолько возросла, что казахский бий Турзат-Ногай говорил в 1864 г. верненскому приставу: «Кокандом управляют черные киргизы, кыпчаки и адыгине, сарты же положительно присмирели»[184].

Определенное влияние в 60-х годах в Кокандском ханстве имели и другие киргизские феодалы не только из южных, но и северных районов. Периодически навещал кокандский двор манап Шабдан Джантаев. Он не терял связей с кокандскими сановниками и даже с ферганскими священнослужителями, выделял средства на поддержание «святых» мест и т. д.[185] В свою очередь хан, заигрывая с влиятельным киргизским феодалом, наделял его званиями, одаривал халатами.

На середину 60-х годов приходится успешное продвижение царских войск в Средней Азии. Кокандские крепости одна за другой попадают под контроль России. Алымкул пытался противостоять этому движению, но силы были неравны. В одном из боев под Ташкентом в 1865 г. сам Алымкул был сначала тяжело ранен, затем, узнав о бегстве из Ташкента ферганских киргизов и кыпчаков, после нервного припадка скончался[186].

Время возвышения Алымкула нашло отражение в санатах киргизского певца второй половины XIX в. Молдо Нияза. Он пишет о деспотизме и произволе кокандских ханов, беков, биев, бичует ростовщичество. Специально поэт посвятил санат Алымкулу, которого хорошо знал, описал его походы, рассказал о соперничестве с Якуб-беком, позже создавшем государство в Кашгаре. Восхваляя Алымкула, которого автор называет киргизом, Молдо Нияз, однако, не выходит за рамки традиционных мусульманских представлений и воспринимает противоборство ханских и царских войск как «священную войну» *(газават)* с «неверными» *(кафирами)*[187].

Оставшись без сильного покровителя и при разбитом войске, кокандский хан Султан-Сеид отправился на поклон к бухарскому эмиру, но был по его приказанию зарезан. В Бухарском эмирате уже давно в изгнании ждал своего часа Худояр-хан. Но киргизские феодалы, руководимые Икын-Мирзой, решили провозгласить новым ханом 16-летнего Худай-Кул-бека, одного из многочисленных дальних отпрысков династии минг. Бай-Мат — кыпчак — стал минбашой в ханстве. Худай-Кул-бек под предлогом «священной войны» с Россией решил взиманием предназначенного для ее ведения налога пополнить 100 тысячами тилла (380 тыс. руб. серебром) опустевшую казну. Но дело оказалось непосильным, повсюду поступал отказ. Народ был недоволен и оказывал активное сопротивление. В конце концов Худай-Кул-бек вместе с киргизскими и кыпчакскими феодалами вынужден был бежать в Мады, кишлак под г. Ош затем в Гульчу и, наконец, еще далее — в Кашгар[188]. Худояр-хан при поддержке войск бухарского эмира занял Коканд.

За два года до этого, в 1863 г., против цинского гнета восстает все население Восточного Туркестана. Повстанцы во главе с кыпчаком (по другим сведениям, киргизом) Садык-беком овладевают Кашгаром. Не будучи уверенным своими силами вести дальнейшую борьбу с цинским Китаем, Садык-бек обращается за помощью к кокандскому временщику Алымкулу, бывшему с войсками в Ташкенте. Повстанцы приглашали в правители Кашгара отпрыска некогда правившей там династии ходжей Бузурука-ходжу. Алымкул не имел ничего против отъезда Бузурука, но одновременно решил избавиться и от одного из своих соперников — Якуб-бека. Под защитой отряда джигитов в 50 человек, возглавляемых Якуб-беком и кыпчаком Алдашем, Бузурук прибыл в Кашгар. Здесь Якуб-бек вскоре оттеснил сначала Садык-бека, а затем и Бузурука-ходжу, провозгласив себя правителем — бадаулетом государства уйгуров — Йеттышар[189].

После гибели Алымкула (особенно когда кокандский престол вновь перешел к Худояр-хану) началось гонение киргизов и кыпчаков алымкулова войска. Беженцы решили было искать спасения в Восточном Туркестане. Однако правитель Йеттышара Якуб-бек видел в них прежде всего силу, поддерживавшую его соперника Алымкула, и предпринял против них суровые меры. Началось сведение старых счетов, пошли казни киргизов. «Очень кровавый день настал»,— сокрушался Молдо Нияз, называя Якуб-бека «предателем». Киргизы оказались меж двух огней: с одной стороны, жаждал мести Худояр-хан, с другой — встретивший их оружием Якуб-бек.

184 Там же, л. 117.
185 *О. Сыдыков.* Тарихи Шадмания, стр. 57, 72.
186 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 202.
187 *Молдо Нияз.* Санаты. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1732.
188 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 202—204.
189 *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 135, 159.

Когда первые страсти утихли, часть киргизов все же осталась в Кашгаре, часть вернулась, многие осели на Сарыколе[190].

Киргизские и кыпчакские феодалы пошли к Худояр-хану с выражением покорности. С Алая спускается (не без риска быть наказанной) преемница Алымбека-датхи его жена Курбанджан, взявшая управление алайскими киргизами в свои руки. Худояр-хан ласково встречает алайскую правительницу, подтверждает ее наследственные права и утверждает в звании датхи[191].

Фигура Курбанджан-датхи вызывала удивление российской прессы рубежа нашего века. Современники идеализировали Курбанджан, которая действительно была незаурядным лицом на фоне всеобщего восточнодеспотического исламского пренебрежения к женщине.

После смерти Алымбека-датхи Курбанджан унаследовала его власть на Алае как родоправительница киргизов, а также заменила Алымбека в феодальной иерархии Кокандского ханства, стала датхой — исключительный случай в истории ханства. Ее управление алайскими киргизами представлялось в то время чем-то особенным: женщина в мусульманском государстве возвысилась до официального преемника родовой власти после мужа[192].

Пример с феодалами Алая показывает, что невзирая на симпатии или антипатии кокандских ханов, киргизские родоправители пользовались огромным влиянием, фактически

190 *Молдо Нияз.* Санаты.

191 *И. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 171—186.

192 Биография Курбанджан примечательна в своем роде. Происходя из простого семейства киргизов монгуш, кочевавших в окрестностях Гульчи на Алае, Курбанджан рано проявила свои способности. На восемнадцатом году она стала женой некоего киргиза из рода ювач. Однако не подчинилась мужу, которого впервые увидела в день свадьбы, и осталась жить в юрте отца. Так прошло три года. В 1831 г. кокандский хан присвоил титул датхи Алая энергичному феодалу Алымбеку. Ему понравилась Курбанджан. Он освободил ее от мужа, а в 1832 г. женился сам. Курбанджан стала хорошей помощницей Алымбеку: во время его отсутствия на Алае по делам ханства с успехом заменяла его, полновластно управляя населением. В 1845 г. только благодаря хладнокровию жены, Алымбек избежал казни. Затем пошли годы падения и возвышения Алымбека. После его смерти Курбанджан заменила мужа, властвовала еще целых полстолетия.

Во время вмешательства Бухарского ханства в кокандские дела произошла встреча эмира с алайской правительницей. Музаффар, узнав о влиянии Курбанджан-датхи на алайских киргизов, «вопреки мусульманскому обычаю, дал ей почетное звание датхи, снабдив ее надлежащим ярлыком и одарив подарками», — писали в русских журналах. Это действительно был уникальный случай, тем более, что законным претендентом на звание датхи и правителя алайских киргизов после смерти Алымбека должен был стать старший его сын Джаркинбай, пасынок Курбанджан. Но наследник в угоду мачехе отказался от титула датхи и в 1864 г. был назначен ошским хакимом.

Описывая влияние Курбанджан-датхи, современники отмечали, что с ней считались и кокандский хан и бухарский эмир. «Однажды жадный Худояр-хан сделал попытку обложить податью алайских кочевников, но датха не только не допустила до этого, но еще принудила хана подписать льготную грамоту. Она управляла Алаем очень долго и прославилась своей мудростью», — читаем в одной из русских корреспонденций. Ясно, что действовала она в своих чисто классовых корыстных интересах: не допустить ханских налогосборщиков — это значило присвоить подати.

А. П. Федченко, посетивший Алай в 1871 г., отмечал, что Курбанджан-датха «пользуется огромным авторитетом, наши джигиты не говорили о ней иначе, как с великим уважением». Даже хан в случае приезда ее в Коканд принимал «алайскую царицу», «как важного бека». Уже после присоединения Алая к России Курбанджан любезно принимал генерал Скобелев, сохранив за ней права управления алайскими киргизами. «Царица» Алая прожила до 96 лет и скончалась 1 февраля 1907 г. в с. Мады, в 13 верстах от Ош. См.: *И. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 172—186; *К. К. Абаза.* Завоевание Туркестана, стр. 249; *А. П. Федченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 371; Report of a Journey to Kokan, p. 8; Последняя публикация; *Х. Садыков, Х. Бабабеков.* Курманжан — калк таламдашы.

держали в своих руках управление родами, передавали власть по наследству, играли серьезную роль в политической жизни ханства. Их сила заключалась в сохранении власти в родоплеменных объединениях, что могло сказаться на ханском ополчении, сборе налогов и т. п.

Последние годы существования Кокандского ханства были ознаменованы все возрастающим противоборством киргизских племен с ханской властью и вступлением в российское подданство.

Таким образом, при рассмотрении политической истории Кокандского ханства напрашивается вывод, что роль киргизских феодалов в ней была немалой и довольно активной. Используя недовольство трудящихся ханской политикой, свою власть родоправителей, патриархальные традиции, киргизские феодалы не довольствовались второстепенным и подчиненным положением, а принимали самое деятельное участие во многих внутри- и внешнеполитических событиях ханства. Киргизские и кыпчакские феодалы — правители крупных вилайетов и бекств, таких как Андижанское, Ошское, Алайское и др. Они в центре интриг ханского двора, выступают активной силой в дворцовых переворотах и возводят своих ставленников на кокандский престол. При этом в большинстве случаев субъективно киргизские феодалы преследовали лишь своекорыстные интересы.

Говоря о роли киргизских феодалов в политической жизни Кокандского ханства, следует отметить, что они не были ни пассивным, ни угнетенным сословием. Они не испытывали экономического, политического и национального угнетения, наоборот, сами участвовали в составе ханского административного аппарата в налоговом ограблении как узбекских, так и киргизских трудящихся.

На примере истории Кокандского ханства и роли в нем киргизских феодалов видно, как вопреки национальным интересам, господствующие классы разных народов объединялись с целью личного возвышения и совместного ограбления и угнетения трудящихся масс.

4 ЭКСПЛУАТАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИРГИЗОВ

1. Аграрные отношения

С завоеванием Киргизии и включением ее в систему административного управления Кокандского ханства на все киргизские земли распространились правовые нормы земельных отношений ханства, которые основывались на шариате. Но практика земельных отношений в киргизском обществе нередко и существенно отличалась от общегосударственных юридических норм. Во-первых, это было связано с тем, что у киргизов в основе правового положения лежал адат — «обычное» право, регулировавшее традиционный процесс землепользования. Во-вторых, преобладающей отраслью киргизского хозяйства было скотоводство, которое, в отличие от земледелия орошаемых оазисов ханства, имело и свои особенности, выражавшиеся в кочевом и полукочевом цикле с охватом больших территорий пастбищ. В результате киргизское население, обращавшееся к земледелию, попадало под влияние и усваивало нормы аграрных отношений, регламентируемых шариатом; а узбекское население, занимавшееся скотоводством или отдававшее на выпас скот киргизам, приноравливалось в своей практике к нормам «обычного» права, регламентировавшего процесс пастбищепользования.

В Киргизии второй половины XVIII—XIX вв. господствующими были патриархально-феодальные отношения, т. е. определяющим являлся феодальный способ производства, в котором существенную роль играл патриархально-родовой уклад. Сущность патриархально-феодальных отношений оседлого земледельческого населения на примере Бухарского ханства рассмотрел Н. А. Кисляков[1]. Аналогичное положение было и в Кокандском ханстве. Вопрос же об определении основ патриархально-феодальных отношений у кочевых народов — киргизов, казахов и других, о наличии или отсутствии частной феодальной собственности на землю, о специфике и основных средствах производства в литературе до сих пор дискутируется.

[1] *Н. А. Кисляков.* Патриархально-феодальные отношения.

Сторонники одной концепции (наиболее ярко эта точка зрения выражена в трудах Ф. В. Шахматова и С. Е. Толыбекова) считают основным средством производства у кочевников скот, отрицают существование у них частной феодальной собственности на землю, поскольку она используется в естественном состоянии в качестве пастбища.

Другие исследователи (Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, С. З. Зиманов) решающую роль в материальном производстве в общественном строе кочевников отводят земле, используемой как пастбище, поскольку производственные отношения у кочевых народов, как и оседло-земледельческих, базировались на частной собственности отдельных феодалов на землю[2].

В последнее время предпринял попытку по-иному (исходя из учения физиологов о взаимоотношении организма животных и внешней среды) подойти к решению вопроса о средствах производства у кочевников К. И. Петров[3]. Процесс труда скотоводов он рассматривает технологически — как обработку организма животного в качестве предмета (продукта труда) при помощи кормовых средств (орудия труда) независимо от происхождения последних. Скотоводство сравнивается здесь в принципе с растениеводством. Особенности средства труда и предмета — продукта труда — у кочевников обусловливают, по мнению К. И. Петрова, специфику собственности на них и специфику общественных отношений: 1. Неопосредствование предшествующим трудом употребляемого пастбища как средства труда определяет общинный характер его использования и территориально-временную непрочность собственности

2 В ходе дискуссии на научной сессии в Ташкенте в 1954 г. и на страницах журнала «Вопросы истории» (1954—1956 гг.) вторая точка зрения получила признание большинства ученых, но и первая концепция все еще имеет своих сторонников. Дискуссия не закончена, о чем свидетельствует появление в последние годы статей И. Васильченко, К. И. Петрова, специальной главы в докторской диссертации А. Орузбаева и других работ. См.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период; *Л. П. Потапов.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов; *О. Бошарин.* О патриархально-феодальных отношениях в Якутии; *И. Я. Златкин.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов (к итогам обсуждения), «Вопросы истории», 1956, №1; *С. З. Зиманов.* Общественный строй казахов; *С. Е. Толыбеков.* Общественно-экономический строй казахов; *его же.* Кочевое общество казахов; *С. И. Ильясов.* Земельные отношения в Киргизии; *А. Васильченко.* Еще раз об особенностях феодализма; *А. Орузбаев.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства Киргизии; и др.

3 *К. И. Петров.* Роль природного пастбища как средства труда; *его же.* Влияние природного пастбища как средства труда на общественные отношения скотоводов-кочевников.

(родо-племенной, государственной). 2. Частная собственность на скот (как своеобразное средство производства) вместе с имущественным неравенством вели к захвату скотовладельческой верхушкой экономической и политической власти родоплеменной организации. Феодальные отношения сочетались здесь с институтами, органически присущими общинному владению пастбищами как специфическим средством труда.

Длительная и до сих пор не давшая окончательных итогов дискуссия вызвана как сложностью проблемы, недостаточной методологической разработанностью вопроса, так и тем, что авторы оперируют ограниченным кругом фактического материала, а источники как раз полны противоречий. Жизнь во всем ее многообразии не вписывается в строго определенные каноны, и временами излишняя категоричность суждений оппонентов в ходе дискуссии дает пищу для возражений то с одной, то с другой стороны. Не вдаваясь в детали спора, выскажем лишь свои соображения и приведем конкретный материал из экономической истории киргизского общества.

Во-первых, Киргизия с включением в состав Кокандского ханства попадала под юридические нормы шариата, четко формулировавшие верховное право хана и государственную собственность на все земли. Существовавшие же на практике формы аграрных отношений не укладывались в нормы шариата или адата. Ясно, что следует различать права собственности и понятия собственности. Еще К. Маркс подчеркивал необходимость воспринимать отношения собственности не в их юридическом выражении, как волевые отношения, а в реальной форме[4], как производственные отношения. Но в то же время не следует игнорировать и того, что право собственности является отражением в сознании людей (и зафиксированного юридическими законами) собственности как объективной реальности. Таким образом, необходимо исследовать как реально существовавшие аграрные отношения, так и их соответствия теоретическим нормам шариата и киргизским «обычаям».

Во-вторых, при кочевом скотоводстве киргизов земельные отношения не были выражены столь четко, как при земледелии соседних узбеков или тех же киргизов, полностью перешедших к оседлости. В кочевом и полукочевом хозяйстве труд прилагался не непосредственно к земле (пастбищу с естественным травостоем), а к скоту и уже опосредствованно через скот к земле. Понятно, что при этом роль земли не поступает столь

4 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 26.

отчетливо и кажется несколько сниженной. Напротив, частная феодальная собственность на скот была представлена прямо, открыто. Но ведь кто имел скот (а феодал его имел в преобладающем количестве), тот через скот являлся пользователем и владельцем осваиваемого пастбища, хотя оно и было (юридически и фактически) собственностью государства (за что выплачивался налог — рента). Поэтому понятны выводы отдельных авторов (в частности А. У. Орузбаева), кто ищет экономическую основу патриархально-феодальных отношений кочевых киргизов в частной феодальной собственности на скот, посредством которой реализовывалось феодальное землевладение. От этого земля не переставала быть основным средством производства, но свое полное выражение находила лишь в совокупности с другим средством производства — скотом. Без такого синтеза и взаимосвязи невозможно само кочевое и полукочевое производство. То есть, скот наряду с землей был средством производства, но основной оставалась и в кочевом скотоводстве земля.

В-третьих, хозяйственная жизнь киргизов не ограничивалась единственно скотоводством, в той или иной степени она была связана с земледелием. А в таком случае определенно основным средством производства выступала земля.

Таким образом, по нашему мнению, у киргизов во второй половине XVIII— середине XIX вв. основным средством производства являлась земля (как всеобщее универсальное при кочевании и конкретное при земледелии) и важным средством производства — скот, роль которого была велика при кочевом хозяйстве. Особенность общественных отношений кочевников, для которой акад. Б. Я. Владимирцов предложил термин «кочевой феодализм» (правда, не прижившийся), и заключалась именно в большой роли скота как средства производства.

Подчеркивая специфические черты общественного строя кочевых монголов, К. Маркс, например, отмечал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»[5]. Следовательно, главное условие кочевого скотоводства, имевшего свои специфические черты способа производства, заключалось в наличии и потребностях пастбищных территорий. И сообразно тому, как при оседло-земледельческом производстве основным средством производства выступает земля

5 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 724.

как предмет труда, на который воздействуют через орудие труда — тягловый скот, плуг и т. п., так же и при кочевом скотоводстве основным средством производства является все та же земля, пастбища, которые используются не прямо, а опосредствованно через скот, выступающий одновременно и в роли средства труда.

Известно высказывание К. Маркса о соотношении скота и земли, как средств производства. Характеризуя хозяйство пастушеских народов, которое условно можно соотнести с кочевым обществом, он указывал, что «присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща». При всем этом, писал далее К. Маркс, «... у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — например, на овец — это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся. Вообще собственность на землю включает также и собственность на ее органические продукты»[6]. Скот, находившийся в частной собственности, выпасался на землях, внешне являвшихся коллективной собственностью или владением общины. Но как раз через посредство скота и происходило присвоение пастбищ. Имущественное неравенство на основе владения скотом влекло за собой и неравенство во владении землей, отсюда и право феодалов распоряжаться кочевьями.

В условиях, когда ярко проявлялась частная собственность на скот и не всегда четко отношения собственности на пастбища, выяснение последних имеет особое значение. Рассмотрим на конкретных примерах, как предстают перед нами отношения собственности, владения и пользования — три ступени присвоения материальных благ, произведенных на земле, в Киргизии, и влияние Кокандского ханства на данные стороны экономической жизни киргизов. При всем этом следует иметь в виду, что собственность представляет собой динамичный процесс от простейших форм к сложным, от отдельных элементов к абсолюту. В этом плане, как правильно замечает В. Н. Никифоров, даже простое пользование участком содержит какой-то зародыш собственности, а следующая ступень присвоения — владение — служит уже разновидностью собственности, еще не полной. Владелец земли выступает в роли частного (община — коллективного) собственника, если основная доля продуктов земли поступает в его пользу[7].

6 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. 1, стр. 480.
7 *В. Н. Никифоров.* Восток и всемирная история, стр. 64—65.

При рассмотрении аграрных отношений в Кокандском ханстве, как впрочем, Бухарском и других соседних государствах Востока, следует иметь в виду три категории правоположения и практики земельных отношений: собственность, владение, пользование. Эти категории отражают не отношения между человеком и вещью (орудиями и средствами производства), а основные производственные отношения между людьми, классами через их отношение к вещам. Эти отношения меняются в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями общества. В зависимости от того, в чьих руках находятся орудия и средства производства, определяется и характер собственности.

К. Маркс подчеркивал, что в восточных странах, в Азии отношения коллективной собственности разрастаются до громадных государственных масштабов, благодаря чему получают иерархическую структуру. «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение (т. е. общая собственность на землю),— писал К. Маркс,— сама может реализовываться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что как в большинстве основных азиатских форм, объединяющее единое начало, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают лишь как наследственные владельцы»[8]. Еще в большей степени, чем к земледельческим общинам, относится это к кочевым объединениям — племенам, родам, пастбищно-кочевым общинам — аилам.

В основе аграрных правоотношений в Кокандском ханстве лежало положение о верховной государственной форме собственности на всю землю. Для оседло-земледельческих районов оно имело под собой реальную почву и сказывалось на практике форм землевладения. В кочевых скотоводческих районах оно нередко было простой фикцией, не отражавшейся на сущности пастбищепользования.

Верховная феодальная собственность — это высшее право распоряжения землей, полное и безграничное право на все земли государства, право, находившее реальную форму выражения в присвоении налога и феодальной ренты. Верховным собственником всей земли в Киргизии выступало государство в лице кокандского хана, сосредоточившего в своих руках полное и окончательное право распоряжения землей.

[8] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. 1, стр. 463.

Общеизвестна характеристика земельных отношений в странах Востока, данная К. Марксом: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[9]. В одном из писем к К. Марксу Ф. Энгельс соглашался с ним: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока»[10].

Однако по мере накопления материалов и дальнейшем изучении Востока взгляды классиков марксизма эволюционизируют. Как показывает исследование В. Н. Никифорова[11], при обращении к конспекту К. Марксом книги М. М. Ковалевского[12], можно сделать вывод, что мнение К. Маркса 50-х годов на отсутствие в странах Азии частной собственности на землю претерпело изменение, и он под влиянием новых материалов признал существование на Востоке (и конкретно в Индии) с древнейших времен частной земельной собственности наряду с коллективной общинной. В этом К. Маркс увидел «процесс феодализации» Индии, который (вслед за автором конспектируемой книги) считал незавершенным. Исходя из этого, и Ф. Энгельс в 1890 г. пишет уже о неправомерности отождествления крестьянского налога на Востоке с рентой[13].

Обращение к практике аграрных отношений в Кокандском ханстве и Киргизии XIX в. показывает, что верховное право собственности государства на все земли страны не исключало частной и общинной земельной собственности, а рента, совпадающая с налогом, не исключала специфической феодальной ренты, присваиваемой частными собственниками.

Другой нормой правоземельных отношений в Кокандском ханстве и Киргизии являлось отношение *владения*, или неполной частной собственности. Оно было как бы низшей ступенью по сравнению с верховным правом собственности и предполагало право отчуждения земель и частичного присвоения ренты. Это было частью права, переуступленного ханом через продажу, распоряжения, пожалования и пожертвования своим феодалам. В основе такого владения или частной феодальной собственности лежало неполное присвоение.

[9] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.
[10] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 221.
[11] *В. Н. Никифоров.* Восток и всемирная история, стр. 138.
[12] *К. Маркс.* Из неопубликованных рукописей.—ПВ, 1959, № 1.
[13] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 353—355.

Исходя уже из форм собственности и владения, практика утверждала тот процесс *землепользования*, который отвечал и соответствовал феодальным отношениям данной исторической ступени. Именно в практике землепользования в наибольшей степени проявлялся отпечаток патриархально-родового уклада. Именно в этой стадии земельных отношений проявилось максимальное различие в пользовании между традиционно-оседлым населением (где в полной мере раскрывался феодализм) и кочевым и полукочевым населением (где преимущественно сказывался консерватизм патриархально-родового уклада). Пользование землей непосредственно связано с ее эксплуатацией, но присвоение произведенных на ней благ оставалось за владельцем и собственником земли, нередко к самому процессу производства не имевшим никакого отношения. Обычная практика земельных отношений представляла собой такую картину: верховный собственник — государство в лице хана; частный собственник, владелец — феодал, наделенный полномочиями по документам; пользователь — свободный или зависимый дехканин (оседлый земледелец, либо кочевой скотовод).

В Киргизии после установления господства Кокандского ханства «все земли были объявлены государственной собственностью, и желающие получить их в частное владение должны были покупать у казны»[14]. Кокандское ханство старалось подогнать хотя бы по форме существующую практику под каноны ислама.

Обратимся к фактам земельных правоотношений в кокандский период, как они были представлены поземельной комиссией Гомзина в 1869 г.[15] Комиссия зафиксировала взгляды местного населения, в том числе и киргизов, на отношение к земле, отношение собственности и владения. Так, на основной вопрос: «Кому принадлежит земля?» был ответ: «Земля есть собственность государственная». Это вытекало, заключала комиссия, из мусульманского права, обычаев и практики земельных отношений: «Такой взгляд был не только мертвой буквой письменного права, но и живым, постоянно применявшимся правилом обычая». И далее — «Назначение зимовок и летовок со стороны ханов в ордах указывает на существование этого же принципа и в киргизском населении»[16].

В записке М. Н. Николаева, одной из первых по истории и состоянию аграрного вопроса в Туркестане на 60-е годы XIX в., высказано интересное мнение о правах кочевого населения. Автор доказывал, что у киргизов собственность на землю отсутствовала «в силу мусульманского права, по которому все земли стран, завоеванных силою оружия или подчинившихся добровольно, составляют собственность государства, но остаются во владении жителей, если они согласились платить условленные или положенные за пользование землями налоги»[17]. На этом основании ханы выдавали целым родам ярлыки на пастбища, в которых непременно обозначались и летовка и зимовка, «так как одна без другой они теряли всякое значение»[18].

Источники содержат факты, когда кокандские ханы произвольно распоряжались землями государства, наделяя пастбищами целые роды, так же как и отбирая их обратно. Так, Омар-хан отвел 10 тыс. казахских семей, переселившимся из Восточного Туркестана, кочевья в своем государстве[19]. Когда некоторые казахские племена переместились с них в глубь Чаткальских гор на летние пастбища ферганских киргизов и последние потребовали освободить их, Омар-хан направил для защиты интересов своих подданных киргизов войска, выдворившие пришельцев[20]. Этим самым кокандский хан на практике утверждал свое право распоряжения всеми землями государства, как верховный собственник.

В кочевых районах, находившихся вблизи административных центров, где ханская власть была реально ощутимой, хан мог довольно часто вмешиваться в распоряжение землями, в том числе и пастбищами киргизов, но в отдаленных горах, кочевьях, удаленных от ханских центров, где власть кокандских чиновников была зачастую номинальной, кочевые феодалы-родоправители обычно произвольно и вполне независимо распоряжались землями. По киргизским обычаям, земля счи-

14 Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд, стр. 29.

15 В первые годы после присоединения Средней Азии к России царское правительство, воздерживаясь от непосредственного вмешательства в аграрные отношения в крае, приняло меры к сбору сведений о практике земельного быта в Кокандском ханстве и до выработки «Положения об управлении Туркестанского края» оставило в силе существовавшие нормы земельных правоотношений. Этим объясняется особая ценность материалов 60—80-х годов XIX в. для выяснения в ретроспективе аграрных отношений и состояния экономики населения в период Кокандского ханства.

16 ЦГА Узб. ССР, ф. и 1, оп. 22, д. 3, л. 89.

17 Там же, оп. 14, д. 9 а, л. 22—23.

18 *Е. Марков.* Фергана, стр. 19; *Н. И. Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы, стр. 105.

19 *Р. Набиев.* Уникальный источник, стр. 32.

20 *Р. Набиев.* Ташкентское восстание, стр. 15.

талась коллективной — общинной, родовой, племенной. По понятиям киргизов, зафиксированным в материалах комиссии Палена, право пользования кочевьями принадлежало наследникам. А поскольку землями владели их предки, эти земли принадлежали и им самим[21].

Командир Сибирского корпуса Гасфорд сообщал военному министру 21 июня 1855 г.: «Власть кокандцев в верховьях р. Чу, отдаленных на весьма значительное расстояние от Ташкента, а собственно от ханских владений, совершенно отдаленных снеговым хребтом гор, весьма шатка в этой стране...»[22]. Поэтому здесь выражение собственности хана на земли являлось простой фикцией, хотя и имело юридическое основание. Все крупные земельные споры, если они происходили в центре ханства, решались непосредственно при участии хана, по его распоряжениям. Споры на периферии, в отдаленных кочевьях решались полномочиями манапов-родоправителей по нормам «обычного» права. Но даже здесь не исключалось вмешательство хана. Хан при благоприятных условиях мог на правах верховного собственника передать земли одного рода другому, причем в документе фиксировались обычно лишь имена родоправителей — биев и манапов.

Ханскими указами могли закрепляться отдельные территории, пастбища, урочища во владение как за целыми родами, так и отдельными феодалами. Основанием для закрепления земель во владение служили как давность принадлежности пастбища данному роду или феодалу, так и различного рода ханские пожалования. Ханские документы юридически утверждали такие владения и пожалования. Характерен в этом плане ярлык Малля-хана, выданный в 1276 (1859—60) г.

«Киргизы кутлук-сеид со своими родовичами занимали урочище Кара-Тюбе. От разных притеснений кокандских властей вы разошлись по разным странам. В настоящее время, опять собравшись вместе, желаете быть нашими подданными, потому вам предоставляется (право) занимать местность Кара-Тюбе на прежнем основании, и никто препятствий делать вам не будет»[23].

С данным документом перекликаются два других — ханский ярлык и распоряжение маргеланского бека, адресованные киргизскому племени бёри, которое уведомлялось, что

[21] ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 258, л. 68.
[22] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 16, л. 106.
[23] Там же, ф. и. 17, оп. 1, д. 12800, л. 15—16.

названные пастбища передаются в частное владение *(мильк)* феодалу Шах-Мирзе[24].

«В настоящее время из убежища августейшей милости последовал такой шахский указ, которому повинуется мир.

Местность из местностей летних пастбищ, которая расположена в горах, принадлежащих Наукату, [и] границы которой [определяются] следующим образом: ее запад[ная сторона] доходит до большой степи Куганди, и ее юг [южная сторона] достигает больших снежных гор, и ее восток [восточная сторона] в некоторых местах доходит до Таш-Тепа, а в некоторых— до Чалак-Уда и ее север[ная сторона] в некоторых местах достигает оврага, а в некоторых — до Чакмак-Таша, — [все] находящиеся в пределах этих границ пастбищные земли для скота пожаловали посредством передачи в мильк [нашему] давнему доброжелателю Шах-Мирза датхе. Датхам и биям и прочим фукара кочевых племен надлежит считать упомянутые летние пастбища [находящимися] вне соучастия и прочих пайщиков и обеленным мильком упомянутого датхи, и да не свершится никакое дело из дел несущих ущерб [его владениям] [и] да не преступят [они] смысла августейшего указа 1282 г. х.».

Судя по дате 1282 (1865—66) г., ханский указ издан Султан-Сеидом, либо Худояр-ханом.

Как видно из распоряжения маргеланского бека, территориальные права Шах-Мирзы на пастбища даже расширялись.

«В настоящее время [все] вы от великих до малых общества арвин из племени бори знайте и ведайте, что местности Куганди и Исан-Арча, и Таш-Тепе являются давним летним пастбищем Шах-Мирзы эшик-агаси. Вы на те местности посягнули. Между тем в течение двадцати лет вы не ступали на эти местности и [сейчас]не делайте ненужного, бесцельного дела, не занимайте стоянку упомянутого эшик-агаси. Если же у вас в отношении этого будут [какие-либо]документы [или] устное заявление, прибудьте и сделайте заявление. 1282 [г. х.]».

Как видим, киргизский феодал Шах-Мирза эшик-агаси пользовался каким-то особым благорасположением кокандских ханов. Они определяют ему в обельный мильк пастбища, маргеланский бек решает в его пользу спор с киргизским родом арвин за землю. В архиве кокандских ханов сохранился

[24] В ЦГА Узб. ССР (ф. и. 19, оп. 1, д. 1057) имеется перевод ярлыка хана и распоряжения бека, сделанные туркестанским чиновником. Мы приводим документы в новом переводе со среднеазиатского канцелярского языка фарси (л. 7, 9).

еще один, уже третий документ, которым Султан Мурадбек в 1287 (1870—71) г. освобождает уже бахчи, т. е. обрабатываемые земли киргизского феодала от налогов.

«Достойному Иса-юзбаши [да будет известно], что люди Шах-Мирзы эшик-агаси на земле ручья Тарнав имеют восемь участков под дынями. Оказав милость, мы освободили [эти земли от налогов]. Не вмешивайтесь»[25].

Представленные документы говорят о том, что как обрабатываемые сельскохозяйственные угодья, так и пастбища были пожалованы кокандским ханом в наследственное владение придворному киргизскому феодалу, причем владение обельное, освобожденное от всех налогов. Закрепление в частное владение не только обрабатываемых земель, но и пастбищ свидетельствовало о дальнейшей феодализации (под влиянием Кокандского ханства) общественных отношений у киргизов и элементов разрушения коллективного землевладения и землепользования даже в пастбищно-кочевой общине.

Примером частного владения пастбищами у киргизских феодалов может служить и наличие у них коруков — «заповедников», огороженных земельных владений, не только обрабатываемых участков, но и пастбищ. Ранее, в одной из статей, на примере прииссыккульского корука Туура-Суу, мы высказали предположение, что коруки были не только ханской привилегией. Их могли иметь беки, киргизские манапы и бии[26].

Рассмотренные документальные факты, проведенные раскопки и другие материалы убедительно доказывают наличие крупных владений — обрабатываемых и пастбищных угодий — у киргизских феодалов. Добавим, так же, что, к примеру, известный чуйский манап Байтык Канаев, живший в середине XIX в., на свои пастбища Бас-Бёльтёк не пускал чужой скот, наказывал охотников, посмевших нарушить границы его владений[27]. Это было типично феодальное владение — корук.

Алайский феодал Абдулла-бек, сын Алымбека и Курбанджан, имел в собственности землю и крупную зимовку в местности Баш-Булак на 13-й версте по дороге из Оша на Алай[28].

Ханские ярлыки говорят, что нормы шариата о государственной собственности на землю использовались ханами в практике аграрных отношений и служили основанием для вме-

25 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 1289.
26 *В. Плоских.* Киргизский корук Туура-Суу, стр. 145—159.
27 *И. Нураков.* К вопросу..., стр. 66.
28 С присоединением Кокандского ханства к России земли и строения Абдуллы-бека были конфискованы в казну. См.: *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 221.

шательства в земельные отношения киргизов-кочевников. Это свидетельствует о том, что с подчинением Коканду киргизские феодалы были юридически лишены собственности на землю, но фактически являлись владельцами и частными собственниками по ханским документам.

Выдаваемые ханами документы подтверждали юридическое право на владение и пользование землями, которыми население фактически владело испокон веков и которые с завоеванием киргизской территории стали числиться государственными. Население, занимавшее более ценные пространства — старые пастбища или орошаемые участки, стремилось заручиться документами правителей, за что даже иногда выплачивало огромные суммы. Как указывал В. П. Наливкин, частная собственность на землю в Кокандском ханстве — явление довольно распространенное. Первый большой шаг в этом направлении, по его словам, был сделан Омар-ханом, когда он в целях обогащения казны, через хакима Наманганского вилайета Сеид Кул-бека стал продавать земли киргизских кочевников в частную собственность. Причем их могли выкупить и прежние владельцы. «Земли эти покупались в складчину целыми родами (или, вернее, коленами), после чего в общинном владении (киргизов.—*В. П.*) остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплуатироваться плугом, при условии искусственного орошения, поступали в частную собственность покупателей и были разделены ими между собою пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у хана. Этим был нанесен тяжелый удар общинному владению землей между здешними киргизами»[29].

Итак, в общинном владении за кочевниками остались лишь горные пастбища[30]. Однако в общинном владении были и закрепленные определенными документами также обрабатываемые земледельческие угодья.

В списке владельцев, приложенном к рапорту уездного начальника, дополнительно указывалось, что некий мулла Иса Гадай Мирзаев имел «вместе с родственниками, киргизами Багышевской волости, васику на все земли, орошаемые из Бешбатман-арыка на 20000 танапов, выданную Магомет Омар-ханом в 1231 г.»[31] Когда мы подняли оригинал документа, это оказался протокол земельной тяжбы между

29 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 36.
30 *В. Наливкин.* Киргизы; *его же.* Краткая история, стр. 37.
31 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 29—31.

двумя киргизскими родами (представителями которых выступали, с одной стороны, Бекназар Раимбеков, с другой — Байбутта Токтамышев), тяжбы, решенной вмешательством Омар-хана. Приведем его[32].

«Определение границ участка земли, границы и местоположение которого известны,— находящегося в местности Биш-Батман, одной из местностей Карван-дала в Каса[не] — одной из [местностей], принадлежащих вилайету Наманган, приблизительно десять тысяч джуфта: на западе полностью примыкает к земле Хайдарбека-мирзы, сына Нушма [Душанба — ?] бия, на востоке полностью примыкает к Турпак-бел, на юге полностью примыкает к земле Бай-мирзы, сына Канбар-бия, на севере полностью примыкает к ручью Хайдарбека-мирзы упомянутого. Разграничения имеют ясные обозначения и заметные признаки на всех границах.

Это упоминание искреннее и справедливое и документ, избегающий лжи и порочности, основанный на том и свидетельствующий о том, что в месяце шаввале года 1231— тысяча двести тридцать первого совершено: явился в суд богохранимой столицы Коканда Бекназар, сын Рахимбека и привел с собой Байбуту, сына Тухтамыша; пожелали они друг другу [в отношении] упомянутого выше участка, после подтверждения их правоспособности, вчинить иск законным порядком. После этого по совету некоторых из мусульман между этими двумя [тяжущимися] заключен правильный законный договор [о примирении] следующим образом:

три части из пяти частей упомянутого выше участка пусть принадлежат упомянутому Бекназару, с братьями и общинниками его, а две части, оставшиеся от этого, пусть принадлежат упомянутому Байбуте с его братьями и общинниками; и эти двое приняли [условия]упомянутого договора без принуждения и насилия, но добровольно и по желанию, от своего имени лично и, кроме того, [представительствуя] от имени своих братьев и общинников, взаимно отказались [от претензий] общим, действительным отказом. Имена братьев упомянутого Бекназара: Джаука-мирза, Турбийбек, Исан, Исан-Келди, сыновья упомянутого Рахимбека, Гадай-мирза и Каджика, сыновья отсутствующего мирзы Шах Мухаммада (?) сына Бекбасар-бия. Имена братьев и общинников упомянутого Байбуты: Абу-л-Касим, сын упомянутого Тухтамыша; Баймирза и Сари-мирза, сыновья Балта-мирзы; Худайкул, сын Сукура и Йваш-бай, сын Алатау-бия. Упомянутый выше

[32] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 33.

участок вследствие этого договора стал милком упомянутых истца и ответчика, вместе с их братьями и общинниками, [на правах] коллективного пользования [с разделом] на пять частей; и они сделали взаимный отказ [от притязаний]. В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Интересен также документ киргизов местности Уйлука и Алайлука:

«Да будет известно всем достопочтенным хакимам, казиям города Андижана и жителям Андижанского бекства, что его высокостепенство наш дед (Шир-Али-Хан), имеющий место в раю, продал означенную землю жителям Уйлука и Алайлука для продовольствия и надобности войска ислама за триста тиллей, которые были получены и издержаны, а потому мы, оказывая им милость, по шариату приказали, чтобы никто не стеснял относительно упомянутой земли под именем Бузак-Ульди и Каирманди-Мазара... 1281 (1864—65) г. Приложены печати: Саид-Султан хана и Ашир-Ляшкара муллы Алымкула»[33].

Как сообщал начальник Андижанского уезда в Ферганское областное правление, при разборе документа казии показали, что названная луговая земля с камышом действительно была отобрана Худояр-ханом у жителей, а купчий документ, выданный Шералы-ханом, был изъят и уничтожен афтобачи. Но тем не менее, рассматриваемые луга продолжали использоваться тем же населением[34].

Под влиянием практики аграрных отношений в оседло-земледельческих районах ханства и киргизы изредка составляли свои письменные документы, чаще всего фиксировавшие решение поземельного спора. Именно в связи с этим Н. И. Гродеков, исходя из «обычаев» киргизов, писал: «Если у одной из сторон окажется документ, выданный другою стороною во время миролюбивого пользования ими землею, и в нем будет сказано, что сторона, дающая его, уступает противнику известную местность или известное количество кошей[35] земли,

[33] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 15.

[34] Там же, л. 9.

[35] *Кош* — то же, что и *джуфт* — мера земли в Кокандском ханстве, равная участку, обрабатываемому парой волов за один рабочий день — 2 танапа, или 1/3 *га*. *Кош* в других районах Средней Азии, в частности в Зеравшанском, Сурхандарьинском и других районах, определял иную меру — взрыхленную площадь за весь весенний пахотный сезон, тогда *кош* равнялся 20—24 танапа, т. е. примерно 5 *га*. См.: *Р. Я. Рассудова*. Значение термина *кош*, стр. 78—86.

или же, что ей принадлежит известная местность или известное количество кошей земли, то стороне, имеющей подобный документ, следует отвести землю на основании документа»[36].

Все киргизские пастбища были закреплены за крупными родо-племенными объединениями, во главе которых стояли манапы, фактически по своему усмотрению регулировавшие процесс пользования пастбищами.

В отношении пастбищ государственная форма собственности проявлялась не всегда четко. Иногда отдаленные киргизские феодалы-родоправители не считались с ханскими распоряжениями, выступали как фактические владельцы и собственники. Но в отношении земельных угодий, находящихся под пахотой, формы собственности, владения и пользования (особенно в южных районах Киргизии) проступали более четко.

Одним из непременных условий собственности и владения являлось право на отчуждение земли. Им, как собственник, обладал хан. Но это же право могли иметь и феодалы-землевладельцы, а также непосредственные производители, получившие его от хана или через куплю земли. Отчуждаемое владение — мильк — переходило в новые руки с теми же правами, которые оно имело раньше (обельное, полуобельное или облагаемое налогами).

О продаже земли киргизами имеются указания, уходящие своими истоками в начало XVIII в. Так, некие земли в Фергане, на которых позже был образован кишлак Заурак, принадлежали, как рассказывали старожилы агроному В. Юфереву в 1909 г., «лет 200 назад» богатому киргизу Байбичу-Зауру. Он продал часть земли местным андижанцам, часть — выходцам из Кашгара, «сартам», которые и основали селение[37]. Следовательно, факты частного землевладения или даже земельной собственности у киргизов имелись еще в дококанское время. В период нахождения киргизов в составе ханства эта практика несколько расширилась, хотя и не стала определяющей.

Имеются документальные свидетельства о продаже ханами пахотных земель. Так, Худояр-хан продал группе киргизов (из 52 человек) крупный участок пахотной земли за 180 тилля в районе Кулля Маргеланского бекства. При этом каждому из совладельцев был выдан помимо общего и отдельный специальный документ на право владения участком[38].

36 *Н. И. Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы, стр. 107.
37 *В. Юферев.* Хозяйство сартов, стр. 15.
38 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22964, л. 3.

В кокандское время была своеобразная категория пожалованных земель типа бухарского *танхо*. Институт пожалования — танхо — распространялся и на киргизских феодалов. В ханских документах о жаловании отдельных феодалов землей нередко говорится о предоставлении им только доходов с этих земель. Население, пользовавшееся землями, с этого момента платило налог уже не в казну, а отмеченному ханской милостью феодалу. «Нередко случалось, что один большой кишлак отдавался на кормление трем, четырем чиновникам, которые выжимали отсюда все, что могли»,— писал В. П. Наливкин[39]. Для утверждения такого пожалования обычно требовалось ханское распоряжение. К примеру, Мадали-хан после пятилетнего своего правления, решив передать сбор налогов в государстве другому лицу, сделал следующее распоряжение: «Пусть будет так: прочие служащие всего моего халифата, узнав относительно упомянутого (нового) назначения на эту должность, все знаки почтения, уважения, освящения исполнят, сочтя это за важнейшую обязанность. 1243 (1827—28) г.»[40].

При этом раздавались нередко и земли общинников. Сохранилось распоряжение некоего Муллы Абдуллы, амина Янги-Науката, которым он уведомлял через своего представителя чучукских общинников киргизов, что получил во владение землю в местности Темир-курук. Поскольку эта земля общинниками уже засеяна, то им предлагалось «причитающийся с этого урожая государственный налог в денежном выражении в соответствии с раскладкой» самим внести Мулле Абдулле. Если же общинники не согласятся, новый владелец грозился урожай снять сам, возместив семена, труд и удовлетворив общинников продовольствием[41].

Селение, с которых подати шли непосредственно в казну или ханским придворным чиновникам на кормление, назывались *хаслык*[42]. Земли, которые жаловались или дарились ханами своим феодалам в частное владение, пополняли категорию *мильк*.

39 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 208.
40 Отдел рукоп. ИВ АН Узб. ССР, инв. № 757.
41 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23630, л. 46 об. Интересно, что распоряжение, адресованное киргизским общинникам, написано на староузбекском языке, в то время как документы владельцу от властей выданы были на таджикском — официальном канцелярском языке Кокандского ханства (от 1282 (1865—66) г. и от 1288 (1871—72) г.). — См.: ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23630, л. 46.
42 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 209.

Несмотря на то, что «Алымкул и прочие военачальники киргизского и кыпчакского войска» имели в окрестностях Андижана и Оша «родовые земли»[43], они получали в пожалование от хана и новые владения. В 1242 (1826—27) г. Мадали-хан передал киргизам рода улуг-хатын «в полное их владение» местности Кара-Гура и Кафга[44]. Надо полагать, это были обрабатываемые или удобные для пахоты земли. Помимо названного в документе рода, ставшего коллективным владельцем, поименно перечислялись также 16 землевладельцев.

Иногда ханы выдавали документы и на право пользования казенными землями без указания на их продажу. Малля-хан выдает 23 кибитковладельцам-кыпчакам, обосновавшимся в урочище Арал (в Кокандском районе), документ на право заниматься «хлебопашеством на сказанном участке». При этом он велел саркарам и аксакалам «не делать названным лицам притеснения»[45]. Однако распоряжения ханов иногда рассматривались лишь как единоразовые, имевшие реальную силу во время правления данного хана. Например, Худоярхан, как только занял престол, тут же приказал снова отобрать у кыпчаков эту землю в казну, что не вызвало отпора населения — акт считался законным.

Интересно, что и беки, как представители ханов, раздавали во владение земли, на которых можно было насаждать сады, возводить курганы и пр. На это владение получали от беков особые предписания. Затем при переходе владения от одного лица к другому (по наследству или в результате продажи) прежний хозяин выдавал новому владельцу расписку, засвидетельствованную властями[46].

С закреплением или приобретением во владение обрабатываемой земли киргизы все больше отходят от скотоводства и приближаются к земледелию.

Поверенные киргизов из Куршаба писали, что с куплей ими в местности Биль-Ачик орошаемых и неорошаемых (кайрачных) земель они основали 5 больших кишлаков и постепенно «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Так же было, пишут они, и с киргизами Узгенской и Яссинской волостей Ошского уезда, с которыми просители имели «дальнее родство». Владельцы представили шесть документов (*васика*) на земли мильк. Даем их изложение по архивным делам[47].

1) Участок земли в местности Биль-Ачик Узгенской волости. На нем имелись зимовые стойбища и хлебопахотные земли. В 1233 (1816—17) г. 8 человек — доверенные от киргизского общества «со всеми правами и преимуществами и принадлежностями, как собственность их», продали его другой группе киргизов за 10 тилла.

2) Участок земли в местности Тиечи Узгенской волости орошается водою ручья Сокут. В 1268 (1851—52) г. киргизское общество «вышеописанный, собственно им принадлежащий участок со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» продало Алимбекбию Саадбиеву за «один бархатный халат, два шелковых халата и полтора тилля».

Ниже в документе еще приписан участок «кайрачной земли».

3) В местности Биль-Ачик в 1268 (1851—52) г. Курбан-Али и Нияз-Али Бабабековы «продали вышеописанный, собственно нам принадлежащий участок земли со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» Таирбеку Байботаеву за 2 тилля.

4) В 1279 (1862—63) г. Доскул Темиркулов в местности Биль-Ачик «продал вышеописанный, собственно мне принадлежащий участок со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» Таирбекбаю Байботаеву за 4,5 тилла.

Представляя купчие в Ферганское областное правление, киргизы писали: «Подобные документы имеются у нас у каждого и всех»[48].

Купчие документы составлялись примерно по одному образцу и заверялись казиями. Приведем перевод васики 1266 (1849—50) г. на продажу киргизами — братьями Дивана и Ташбеком Кулыбековыми и Бекпулатом Ашимбековым участка земли в 30 кошей (джуфтов) в местности Калтуг[49].

1. «Определение границ одного участка пахотной земли, находящегося в мауза Култуг, приблизительно тридцать принятых (в данной местности) джуфта: на западе полностью примыкает к дороге общественного пользования;
2. на востоке полностью примыкает к милку Арзу; на юге частично примыкает к милку — матрука Бая; частично примыкает к Ак-Тумшук; на севере полностью примыкает к милку

43 *Л. Зимин.* Зерцало побед, стр. 34.
44 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 205, л. 31.
45 Там же, ф. и. 19, оп. 1, д. 22566, л. 8, 11 (9).
46 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892 а, л. 774.
47 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 4—6, 10—11.
48 Там же, л. 6, 15.
49 Там же, д. 33517, л. 16.

3 Джин-Али. В месяце Джумада ал-ахир года тысяча двести шестьдесят шестого совершено: заявление и признание достойное дворян, законное
4 сделали Дивана и Ташбек, сыновья Кулыбека [и] Бекпулат, сын Ашимбека, в состоянии дееспособности и правомочности своих распоряжений,
5 добровольно, по собственному желанию, в том, что: продали мы целиком и полностью участок, упомянутый выше, который был нашим правомочным владением и милком
6 до настоящего времени, продажей со всеми правами [собственности] и сопутствующими устройствами, и со всем, малым и многим, что в нем и вне его, из прав внутренних и внешних
7 продажей полной, окончательной, действительной, обязательной, законной, без обмана и плутовства и без каких-либо [односторонних] преимуществ, за сумму пять тилла полновесных, червонного золота, высокопробных, одномискальных,
8 законных, Арис-Мухаммаду, сыну Бек Келдыбая, со взаимным вручением обоих обмениваемых [предметов]; и подтверждением сделал упомянутый тот, о ком заявлено, заявителем в
9 указанном заявлении. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей»[50].

Продажа и купля киргизами земель мильк под влиянием практики Кокандского ханства производились как частными лицами, так и общинами. Причем частный владелец оставался все же в общине (коллективное водопользование, выпасы и проч.). Общинная собственность на землю в принципе совместима с ее отчуждением. Так, в 1253 г. х. (1837—38) г. одна группа киргизов (община) продала другой группе киргизов (общине) участок земли в Маргеланском бекстве у арыка Чакыр за 30 тилла[51]. В 1277 (1860—61) г. одной группой был продан участок земли в местности Булакбаши другой группе за 80 тилла[52]. Два участка пахотной земли в Андижанском бекстве были проданы и куплены в 1260 (1844) г. за 50 тилла[53]. В 1273 (1856—57) г. Берды-ходжа, ханский пансадбаши, сын известного киргизского феодала Юсуфа-минбаши, продал с ханского разрешения участок государственной земли в местности Джулбарслик членам общины (рода) мундуз за

50 Порядковыми номерами обозначены строки документа-оригинала.
51 ЦГА Киргиз. ССР, ф. и. 38, оп. 1, д. 14, л. 46.
52 Там же, л. 47.
53 Там же. д. 37, л. 9.

10 тилла. Земли переходили во владение общины, но еще оставались государственными, подлежащими налоговым обложениям в казну. Васика оформлена следующим образом[54].

1. «Упоминание границ [участка] земли мамлака, расположенного в мауза Йулбарслик: на западе полностью смыкается с холмом, называемым Туганай-били, на востоке полностью смыкается с холмом.
2 называемым Алмуруд-били, на севере полностью [смыкается] с холмом, называемым Кук-пашат, на юге полностью смыкается с Курган-тепа. Признаки разграничения известны.
3 В месяце шаввале, запечатленном благом и счастьем, года 1273 — тысяча двести семьдесят третьего совершено: продал участок,
4 описанный выше, Берды-ходжа пансадбаши, сын Йусуфа-мингбаши, уполномоченный и заместитель от лица могущества власти,
5 средоточия величин и достоинств, Саримсака-дадхоха, сына Ходжи Килди-бия, с разрешения и дозволения хакана, сына хакана
6 продажей полной, окончательной,
7 действительной, непременной, законной целиком и полностью упомянутый участок со всеми правами [собственности] на основании дозволения на его продажу со стороны султана или его заместителя и согласно сказанному великими улемами,
8 Тухта Назару, сыну Кулика, и Майтукбаю, сыну Уч-Кампира, и другим из членов общины Мундуз за сумму в десять
9 тилла, обращающихся в настоящее время, и девять танга, имеющие хождение, без обмана и плутовства и без портящего [сделку] условия. И купили упомянутые покупатели означенный товар у упомянутого продающего
10 за указанную цену описанным образом при упомянутом посреднике (?) со взаимным получением обмениваемых предметов. В этом заключается событие, которое записано,
11 чтобы это положение ... (?) согласно сказанному. Совершено в присутствии мусульман и справедливых и добросовестных свидетелей». Документ скреплен 12-ю оттисками печатей.

Через несколько лет данная община рода мундуз перепродает эту землю, но уже за 20 тилла другой общине этого

54 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23070, л. 20.

же киргизского рода. Документ (с дефектами) оформлен 1288 (1873—74) годом[55].

1 «Упоминание границ земли мамлака, расположенной в местности Йулбарслик: на западе полностью примыкает к холму, называемому Туганай-били, на востоке полностью примыкает к холму, называемому Алмуруд-
2 били, на севере полностью примыкает к холму, называемому Кук-пашат, на юге полностью примыкает к Курган-тепа; [признаки] разграничения везде ясны.
3 В священном месяце мухарраме года 1288 — тысяча двести восемьдесят восьмого совершено: заявление ясное, правильное, заслуживающее доверия,
4 законное сделали Суфи-бай, сын Бекбайбая (?), Али, сын ... Мусулманбай, сын Фарман-дивана, от себя лично и представительствуя от имени остальных
5 [общинников] — Шейх (?)-бида, Кул... (?), Маллабая и Сарибая сыновей Майтукбая, и других жителей Туганай из общины Мундуз, в состоянии дееспособности, добро-
6 вольно со своей стороны и со стороны упомянутых остальных, по закону, в том, что: мы, упомянутые заявители, сумму в двадцать тилла, обращающихся в настоящее время,
7 от себя лично и представительствуя от имени упомянутых остальных, а также прочих жителей упомянутой общины Туганай, правильным получением
8 от Билбая, сына Илчибая, Алдакбая, сына Тукалбия, Тилакбая, сына Джинтая, Тилакбая сына, Тухта-Пулада пахлавана и Сулгибая, сына Тухта
9 Назарбая лично и представительствуя от имени прочих жителей и общины Бузмурчак приняли и на законном основании получили, а в обмен на полученную сумму сами
10 лично и представительствуя, никаких исков и притязаний, полностью или частично...
(дефект)
11 упомянутых и прочих жителей и упомянутой общины Бузмурчак, отказавшись в пользу поименованных и прочих жителей упомянутой общины
12 лично и представительствуя, полностью отказались, и по этой причине участок, упомянутый выше, стал полноправной [собственностью] и очищенным милком упомянутой общины Бузмурчак на все время их существования,
13 будучи осведомлены о значении отказа, который есть прекращение прав. В этом заключается событие, которое

[55] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23070, л. 19.

записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

На документе имеется приписка справа от печати в две строки: «Выплата по иску об упомянутом участке [произведена] в присутствии прибежища власти и могущества муллы Гадай-бая эшик-агаси».

Таким образом, община Туганай перепродала общине Бузмурчак участок своей земли. Остается неясным, каким образом купленная первоначально у государства и облагаемая налогами земля при перепродаже превратилась в «очищенный мильк» — свободное от налогов владение, в собственность общины.

В архивах хранится немало документов на продажу киргизами отдельных участков земли. Если по ним и нельзя определить процент земель, участвовавших в торговом обороте, то выявленных документов вполне достаточно, чтобы доказать, что у киргизов факты купли-продажи земли, т. е. ее отчуждение (явный признак частной собственности или владения) — явление не единичное. Это указывало на определенную товарность земли у киргизов уже в первой половине XIX века.

Урочища, как коллективные владения, закреплялись за отдельными родами специальными документами. С течением времени индивидуальные пользователи пахотных участков стали фактическими их владельцами, продавали, пересдавали в аренду свои участки. В результате, наряду с единым документом рода, закреплявшим его право на все урочища, появились документы по отчуждению мелких участков внутри урочища.

Письменное оформление раздела наследства, особенно иски друг к другу наследников, также помогают выявлению картины земельных отношений, состояния частных владений— мильк. Приведем такую васику от 1285 (1868—69) г. о разделе имущества и отказа от иска одного из наследников — жителя с. Баткен в местности Исфара[56].

1 «Определение границ участка земли, находящегося в мауза Баткен из мауза Исфары, известного вилайета, подчиненного столице Коканду: на западе полностью примыкает к милку Иш-Мухаммада, сына Барука, на юге примыкает к милку мулла Мухаммада Азима, сына Баба Назар-бая, на востоке полностью примыкает к милку
2 Тугаймурада, сына Тангатмиша (?), на севере полностью примыкает к матрука ишана муаззина покойного. Второй участок, также [в] упомянутой мауза: на западе пол-

[56] Рукоп. фонды ИВ АН Узб. ССР, № 777.

ностью примыкает к каналу общественного пользования, на юге примыкает к милку Мухаммад Азима, сына Хасан-бая, а частично примыкает к милку Урун-бая, сына Хал-бая, на востоке примыкает
к милку Худай-бирди-панча-батура, сына Йулдаша, на севере частично примыкает к дороге общественного пользования, а частично примыкает к каналу общественного пользования. Третий участок, также [в] упомянутой мауза: на западе полностью примыкает к милку упомянутого Иш-Мухаммада, на юге примыкает к [владению] Турахона, сына...
на востоке примыкает к милку Дуста, сына Кул Назара, а частично к милку Кабил-бия, сына Избасара, на севере полностью [примыкает]к коллективному владению общины Кармиш. Четвертый участок земли [в] мауза Буджун [определяется] таким образом: на западе полностью [примыкает] к дороге общественного пользования, на юге полностью примыкает к коллективному владению
общины Дж. м. н. к. (?) частично к милку Данийара, сына Мухаммада Пахлавана, на востоке полностью примыкает к милку Тухта-бия, сына Кинчабая, на севере полностью примыкает к милку Мирза Алибия, сына Бабиш-бая, частично — [к милку] упомянутого Иш-Мухаммада. Пятый участок также [в] упомянутой мауза:
на западе примыкает частично к милку Нар-дивана, сына Бай-Мурада, а частично [к милку] Нурбая, сына упомянутого Бай-Мурада, на юге полностью примыкает к милку Бирик-бия, сына упомянутого Бай-Мурада, а частично — [к милку] упомянутого Нурбая, на востоке полностью примыкает к коллективному владению общины Дж.м.н.к.(?), на севере — коллективному владению
тех, относительно кого сделано заявление. Разграничения [участков] известны.

В месяце рамазане благословенном года 1285 — одна тысяча двести восемьдесят пятого — совершено: заявление ясное, правильное, заслуживающее доверия, законное сделал описанный по имени и происхождению
Дуст-Мухаммад, сын Байбула, в состоянии правомочности своих распоряжений, добровольно, по закону, в том, что: получил я по закону сумму в шесть тилла, имеющих хождение, и одну лошадь гнедой масти, пятилетку, при правильном вручении [мне] Кул-баем
сыном Кузи-бика, Шурук-бием, сыном Тулибай-бия, Хал-Назаром, сыном Кузи-бика, Шурук-бием, сыном Тулибай-бия, Хал-Назаром, сыном Аллахбирди, Ибрахимом, сыном

Хасанбая, Абдумамином, сыном Уразбая, Данийаром, сыном Мухаммада Пахлавана и Абидом, сыном Муса-бая, и в обмен на
упомянутое, то, что получено, от всех исков и притязаний, которые я имел, предъявлял или намеревался предъявить, я отказался общим и полным отказом в пользу упомянутых тех, о ком заявлено, от всех исков вообще [и] и в отношении матрука в размере доли наследства моей матери
по имени Биби-бик, дочери Мучак-батура — целиком и полностью упомянутых участков — в частности, окончательным отказом, будучи осведомленным о значении отказа, который есть прекращение права. В этом заключается событие, которое записано [в присутствии справедливых] и добросовестных свидетелей».

Своеобразной категорией землевладения у киргизов, появившейся под влиянием Кокандского ханства, стало землевладение мусульманского духовенства (учреждений и частных лиц) — *вакф*.

Вакф (киргиз.—*вакып*) — по мусульманскому праву есть неотчуждаемое движимое и недвижимое имущество, завещанное в пользу какого-либо религиозного заведения или духовного лица. Вакф, по образному определению известного русского востоковеда прошлого столетия П. Чихачева, представлял собой «нечто вроде государства в государстве»[57]. Он получил широкое распространение на территории Средней Азии, в том числе и Кокандского ханства. Для Киргизии, естественно, не следует преувеличивать значение этого института, но факты свидетельствуют о его наличии как в земледельческих районах, так и в полукочевых с киргизским населением. Вакфы на территории Киргизии сосредоточивались вокруг медресе, мечетей и других мусульманских «святынь». Но необходимо подчеркнуть — на севере вакфов не было. Сами кочевники вакфов не имели. Это — феодальный институт мусульманских учреждений среди оседло-земледельческого населения. Вакфы могли образовываться лишь в среде киргизов-земледельцев, которые, во-первых, обладали отчуждаемым земельным имуществом; во-вторых, ближе соприкоснулись с мусульманским духовенством.

В с. Кара-Багыш (в окрестностях Джалал-Абада), в котором киргизы с середины XIX в. имели запашки, четыре земельных владения были определены населением в вакфы трем мечетям: приходской мечети Мусабия киргизов рода теит

57 *П. А. Чихачев.* Великие державы, стр. 115.

(3 дес. 2016 кв. саж.), мечети Бай Мухаммед-бая (5 дес. 210 кв. саж.), расположенной на землях киргизов рода карабагыш; мечети Тюря хан-Тюря-Ишана (23 дес. 1684 кв. саж.) в г. Андижане[58].

В киргизском селе Джигда-Могол было семь вакфных участков, принадлежащих двум установлениям: один — мактаб-хане Мухаммед-Исхак-бая (в с. Хан-Абад) и занимал площадь 1 дес. 2293 кв. саж.; шесть других участков в 24 дес. 1790 кв. саж. принадлежали медресе Араб-бая Науруз Байуулу (в с. Узген)[59]. В пределах местности Кампыр-Рабат один участок вакфной земли в 2 дес. 200 кв. саж. принадлежал мечети Мусабия в с. Кара-Багыш[60].

Одним из наиболее крупных и старейших вакфных установлений на территории Киргизии был вакф Сафид-Булан. По съемкам плана 1899 года селению Сафид-Булана принадлежало почти 2,5 тыс. десятин земли, из которых 1,5 тыс. десятин орошаемых и 30 десятин кайрачных[61]. Земли в свое время документально были оформлены среднеазиатскими правителями в вакф мазара Хазрет Сафид-Булан. По преданию, основание вакфу положил Тимур, когда по его приказанию и на его средства строился Ката-гумбез — главный корпус мавзолея, известного как Шах-Фазиль[62]. Самые ранние из сохранившихся вакфные грамоты относятся к XVIII в., затем они были подкреплены документами кокандских ханов, освободившими вакф от всех государственных налогов[63]. Но первоначально запашки были небольшие и стали разрастаться только в кокандский период, с начала XIX столетия.

Известно, что с течением времени число наследников-вакфовладельцев (а таковыми являлись местные шейхи, ведшие свою легендарную генеалогию от Хазрет Шах-Фазиля — ни мало, ни много, как внука самого пророка Мухаммеда) неизмеримо возросло. И поскольку только они имели право на вакф, то вскоре земля была поделена между шейхами, стала передаваться по наследству, даже отчуждаться, но, правда, лишь исключительно среди шейхов. Так что к концу XIX в.

58 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 76.
59 Там же, л. 78.
60 Там же, л. 79.
61 Там же, д. 33273. л. 7—8, 42.
62 Там же, л. 49. А. Н. Бернштам дату постройки мавзолея относит к XIII в., Б. Н. Засыпкин — к XI в., В. Е. Нусов — к XI—XII вв. См.: *В. Е. Нусов.* Памятники архитектуры, стр. 54. Последнее наиболее полное исследование Шах-Фазильского комплекса проведено В. Д. Горячевой. См.: *В. Д. Горячева.* Городские центры. Канд. дисс., гл. III.
63 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33273, л. 11—12, 19, 26—30.

их насчитывалось 94 семейства: 64 имели усадьбы и поливные земли, 18 только усадьбы, а 12 вообще являлись безземельными, обрабатывавшими из доли урожая чужие участки[64]. Практически, после присоединения к России, вакф перестал существовать.

Из киргизских феодалов наиболее крупным землевладельцем и обладателем вакфов был алайский родоправитель Алымбек-датха. Он построил в г. Оше медресе, отвел ему в наследственный вакф (так называемый *вакф-авлод*) земельный массив в кишлаке Чин-Абад (Алымбек-чек). Наследники Алымбека специальными документами определяли медресе в вакф городские участки земли и лавки в г. Оше. Кокандские ханы обеляли — освобождали от налогов вакф могущественных алайских феодалов. Поскольку мы ранее в специальной статье рассматривали вакфное установление ошского медресе Алымбека[65], подчеркиваем лишь, что это был не единичный случай. Киргизские родоправители с течением времени все больше перенимали кокандские феодальные обычаи, превращаясь в типичных представителей господствующей знати государства. В документах изредка встречаются упоминания о принадлежности отдельным вакфным учреждениям не только пахотных земель, торговых лавок, мельниц, но и... сенокосов и пастбищ.

Ошское медресе Алымбека-датхи имело в вакфе сенокосные угодья. В одном из поименных списков-дефтеров священнослужителей — муфти, аламов, ишанов, тура, а также биев, саркаров, батыров и других по Ошскому вилайету об освобождении от налога танабана и о возвращении владельцам собранных с них денег назван и вакф медресе Алымбека, за сенокосы которого учреждению предписывалось возвратить 24 танга взятого налога[66]. Некое медресе Шахикулбека-парваначи в Ходженте имело в кокандское время «необрабатываемые земли — пастбища, которые по документу также составляют собственность вакфного установления»[67].

В дополнение к вышеприведенным документам дадим перевод вакф-наме 1289 (1872—73) г. киргиза Ир Мухаммед Касымбаева об определении им в вакф Булакбашинской мечети одной трети своих земель. После определения границ

64 Там же, л. 42.
65 *В. Плоских.* Вакф медресе Алымбека, стр. 32—40.
66 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043. оп. 1, д. 1093.
67 Из заключения поземельно-податной комиссии 1901 г. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34979, л. 13.

мечети, «находящейся в городе Булак-Баши» и участка земли в его окрестностях, следует основной текст.

«В месяце раби ас-сани, запечатленном миром и безопасностью, года 1289 — тысяча двести восемьдесят девятого совершено.

Заявление ясное, определенное, законное сделал Ир-Мухаммад рябой (?), сын Касим-бая, сына Киргиз-бая, в состоянии дееспособности и правомочности всех своих распоряжений по закону, добровольно, в том, что «обратил я в вакф и сделал законное пожертвование из лучших своих владений целиком и полностью треть участка, упомянутого выше вторым, со всеми правами [собственности] и [сопутствующими] устройствами, в пользу упомянутой мечети, а в конечном счете — для бедняков-мусульман...

И поставил я условие, чтобы распорядителем упомянутого вакфного владения был имам Мансур [из] упомянутой мечети. И поставил я условие, [чтобы] доходы с упомянутого вакфного владения делились на три части после исключения того, что по праву принадлежит мутавалли. Одну треть упомянутый имам пусть отдает муаззину, а две трети пусть расходует сам, после выделения [части]на ремонт. И заявлено, что упомянутый жертвователь [сам] обратится [к кази] (для регистрации вакфа).

Постановлено о правильности и непременности такового; и стало это вакфом определенным, правильным, полностью соответствующим всем условиям его правильности и непременности. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей»[68].

Отличительной чертой киргизских пожертвований надо признать определение земель в вакф целыми общинами, родовыми подразделениями. Нами выявлено два полных документа таких вакфных определений. Оба они с существенными дефектами (подмыты, порваны), но в сопоставлении один с другим и сличении с кратким изложением, составленным туркестанскими чиновниками, их можно прочесть. Приводим в переводе со среднеазиатского канцелярского языка фарси вакфname киргизов рода бостон о пожертвовании ими в 1278 (1861—62) г. в вакф ханаки Шах-Рахматуллы-ишана участка земли их общего владения[69].

«1 Определение участка земли с ясными границами, находящегося в местности Куршаб из района Карасу, из окрест-

[68] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34970, л. 8.
[69] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34764, л. 14, 36; л. 15, 35.

ностей столицы Коканда: на западе полностью примыкает к земле Худай Берды
2 сына Ир-Назара Йасавула, на юге частично примыкает к земле Карашак, частично примыкает к земле Буркут-уйа, а частично примыкает к земле Султан-суфи, на востоке полностью примыкает к земле Кара-тепа, на севере
3 частично примыкает к земле Ак-Башат, частично примыкает к земле Джаншура, а частично примыкает к горной котловине. Линии разграничения везде ясны. В месяце джумада ал-аввал года 1278 — тысяча
4 двести семьдесят восьмого совершено: заявление ясное, правильное, заслуживающее доверия, законное сделали [члены] общины Бостон Шайди-бий, сын Кенджа-Кузы, Могол-бий, сын Насибкула Йулдаш-бай, сын Тогайбая, Мулла Манас, сын Сахланди,
5 Азадбай, сын Мина-бахадура, Байкули, Йамандир и Илджа, сыновья Бексулфи, ... сын Ата (?)-бека, Дивана, Алдаш и Ала (?), сыновья Джанкузи-бая, Мусакул, сын Бека-бая, Каракузи
6 и Хадыр, сыновья Йулдашбая, Ашим-бик, Омар, Йакуб и Кулназар сыновья Ка...ри, ...Мухаммад (?) и Хаки (?), сыновья Шайди-бия, Джи-йан-бек, сын Ураза, Нур-Мухаммад и Кифак-бай, сыновья Базара, Абдаллах-
7 дивана, сын Сакандика, Йраш, сын Душам-бия, Абдукарим и Мухаммад Карим, сыновья Аралбая, Баймирза, Шахмирза и Сарибаш, сыновья Урумтая, Джумабай, сын Уста-дивана, Таваккул (?), сын
8 Бактика, Мамат, сын Байбита, Джаникул, сын Хасан-бека, Хами-бек, сын Нурджана, Назаркул, сын Буга-йари, Касим-бек, сын Ходжа-бека, Каракиши, Тухтабай и Ир-С...-нанбай (?),
9 сыновья Тугая, Кулжакбай, сын Каджика, Каджи-бек, сын Сийа... ...Бикбая, Бачча-бахадур, сын Тасти-бика, Кулбулди, сын Джан-караджа (?), Хашимкул, [сын]
10 ...кули, Джанназар, сын Йайча-бека, Турча (3)-бай и Тулбай, сыновья ... ...-Мухаммад, сын Сари, Аулгази и Шергази, сыновья Сейида, Халджа, сын Караджа, Тухтабай, сын Сахланди
11 упомянутого, Тингыникул (?), сын Кутика-бая, Назар, сын упомянутого Сахланди, Сарикул, сын Берчи... ... сын Байкиши — в состоянии дееспособности и правомочности своих распоряжений, добровольно, по закону
12 в том, что: обратили мы в вакф и пожертвовали из лучших своих богатств и отборнейших владений [целиком и полностью участок], упомянутый выше, [являющийся] нашим

правомочным владением и милком, со всеми правами [собственности] и сопутствующим устройством, а также все владения, которые
13 признаются за нами, [в пользу] ханака Шах-Рахматаллаха ишана, сына покойного Шир-Мухаммада ишана, а доходы с упомянутого участка в любое время, когда прикажет дающий пропитание... сполна водой и продовольствием [для] упомянутой ханака.
14 пусть расходуются. И упомянутые вакфодатели поставили условие, чтобы мутавалли в упомянутом вакфе был сам упомянутый ишан на протяжении всей жизни, а после его смерти — самые праведные из его сыновей. Если пожелают упомянутые вакфодатели
15 возвратить [себе] упомянутый вакф, то следует, чтобы кази ислама, разрешающий тяжбы, сведущий ... в устранении разногласий и противоречий улемов веры ... распорядился относительно правильности вакфа, во-первых, и относительно его непременности,
16 во-вторых. И стало это вакфом правильным, увековеченным и постоянным, с тем, что он не продается и не назначается в махр. В этом заключается событие, которое записано. Совершено в присутствии справедливых и добросовестных свидетелей».

Вторым документом часть этих, часть других лиц того же рода бостон также обращали один из участков общей земли в вакф ханаки Шах-Рахматуллы.

Надо сказать, что вакфы пополнялись не только за счет пожертвования прихожан-мусульман, но и в результате купли земли духовными учреждениями, а иногда и методом насильственного присоединения (особенно если феодал-вакфоучредитель — влиятельный ханский сановник).

Видный ханский сановник киргиз-кыпчак Алымкул первоначально определял в наследственный вакф свои собственные или специально купленные земли, а став регентом, и казенные земли, как личные.

В 1278 (1861—62) г. он за 170 тилла купил у четырех землевладельцев участок в местности Палван (Андижанского района), где уже ранее имел собственную землю. Все это вместе с андижанским караван-сараем и пятью торговыми лавками Маргеланского базара он определил в вакф-авлод своему медресе в кишлаке Кара-Су[70].

70 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34364, л. 2, 3, 14.

В 1281 (1864—65) г. Алымкул жертвует этому медресе еще 112 торговых лавок в вакф-авлод. В обоих документах было оговорено, что вакф нельзя сдавать в аренду на срок более трех лет[71].

В Кокандском ханстве имела место довольно редкая практика мусульманского мира продажи земель в вакф. И она нашла также распространение среди киргизов.

В 1288 (1871—72) г. некие Байбек-Суфи и Нурмат Бек-Алиевы рода Койбка общества Ирке-Кашка продали участок пахотной земли на арыке Каирма в местности Арча-Мазар за 64 тилла мутаваллию мечети в махалля Алымбая в г. Оше. Земля была куплена на вакфные деньги и присоединена к владению ошской мечети[72].

В 1280 (1863—64) г. Курбан Ходжа Исламбаев продал за 28 тилла свой участок земли в кишлаке Кыпчак-Кургане мутаваллию сельской мечети. Так как деньги вакфные, то казий признал землю вакфной. Здесь же в 1282 (1865—66) г. Мухаммед Азимбай Сатыбалдыев продал за 17 тилла «участок земли со всеми водами и дорогами» мутаваллию той же мечети[73]. Недавний кочевник изредка еще предпочитал продавать землю в вакф, а не только жертвовать.

В целом вакфный институт землевладения в Киргизии не получил широкого распространения, а с присоединением к России был сначала существенно ограничен, а затем и почти полностью ликвидирован[74].

Сущность хозяйственной жизни киргизов раскрывалась в самом процессе использования пастбищ. Не затрагивая вопросов кочевания, кочевого цикла киргизов, рассмотрим лишь отношения населения к пастбищам в смысле их использования, фактическую и правовую нормы пользования пастбищами.

Пастбищные и вообще земельные отношения внутри племен, родов определялись обычаями. Земля считалась принадлежностью рода, племени, которые ею пользовались. Коллективность использования пастбищ и видимая общность землевладения ставили пользователя или владельца в зависимость от наличного поголовья скота. При таком положении выходило, что чем больше скота имеет хозяйство, тем большую площадь пастбища оно осваивает и использует в качестве

71 Там же, д. 34337, л. 2—3 (4—5).
72 Там же, д. 34937. л. 129 (130).
73 Там же, д. 34801, л. 1—2 (3—4).
74 В 1882 г. в черте г. Оша вакфные земли составляли всего лишь 61 дес. 1340 кв. саж. — ГА Ош. О, ф. 598, оп. 1, д. 35, л. 7.

владельца. Общинная, коллективная форма владения и пользования пастбищами была в интересах феодалов, имевших преимущество в скоте и, следовательно, имевших *фактическое* право на использование большей площади пастбищ, имевших решающее право и вес в распоряжении коллективным владением. При необходимости феодал мог (и действительно делал это) обособлять пастбища в личное владение, огораживать их, превращать в запретные для окружающего населения владения — корук.

При нехватке пастбищ их можно было арендовать у правительства. Сдача ханских земель, в частности зимних пастбищ, в аренду киргизским родам была обыденным явлением и немалой статьей ханского дохода. Арендная плата была денежной, в то же время сопровождаемой частично и натуральными подношениями. Так, при получении в аренду ханских зимних пастбищ (*корук*) в местностях Дам-Кул и Аччи, кочевники «из племени тюрк и некоторые из племени кыпчак и киргиз» выплатили 1600 танга деньгами и часть натурой—сливочным маслом для двора Урман-бека, баранами для двора и на жертвоприношение[75].

Как видно из донесения (*ариза*) Худояр-хану от его курукчи-баши Мухаммада Садика о сдаче им в аренду пастбищ киргизам, кыпчакам и тюркам в местности Гург-тепа, арендная плата взималась деньгами и составляла 4 танга с каждой сотни баранов[76].

Арендовали пастбища общинами, земледельческие же участки чаще индивидуально. При этом основное влияние на формы землепользования киргизского населения, переходящего к оседлости, оказывало земледельческое узбекское население Кокандского ханства. Вообще процесс земледелия основывался на индивидуальных принципах. Особенностью киргизского использования пахоты было сравнительно большое значение и здесь общины. Коллективность сохранялась в создании и поддержании оросительной системы, иногда в совместной обработке земли. Но всегда на первый план выступала частная — индивидуальная — форма посева, снятия и распределения урожая.

Во время обследования комиссией Гомзина поземельных отношений в Туркестане местное население показало, что «самая распространенная форма пользования есть общинная, причем у киргизов она представляется самою чистою, у сартов, живущих в больших городах, наиболее видоизмененною

[75] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 584.
[76] Там же, д. 585 а.

интересами богачей, ограниченною и стесненною участковым видом»[77].

Поставив вопрос: «Как пользуется землей местное население?», комиссия пришла к выводу о наличии двух форм пользования пахотой: общинной и подворно-участковой. По индивидуальному праву использовались земли усадебные, дворы, сады, частично клеверные и рисовые поля. Все остальные земли находились в общем пользовании сельских обществ, махалля, родов и отделений.

Комиссия показала процесс образования земледельческих общин и переход киргизов к земледелию под влиянием и по примеру узбекского оседло-земледельческого населения.

Явившись на новое место, бывшие скотоводы, пожелавшие осесть киргизы первоначально проводили арыки. Затем земля делилась по жребию на участки в соответствии с приложенным к ней трудом. Право на орошаемые земли и участие в пашнях передавалось по наследству, могло продаваться, но продажа была стеснена правом соседа и согласием общины. «У киргизов,— отметила комиссия,— прием этот стеснен более чем у сартов, у сих последних продажа земель и садов не стеснена произволом обществ, но лицо, купившее сад или дом, не делается вследствие сего членом общества, которое на него не отделяет участка»[78]. Одной из распространенных форм пользования пахотными землями оседлого узбекского населения, заимствованной и киргизами, переходящими к земледелию, были *чеки*. В Кокандском ханстве чек (*чак*) — это феодальный надел для бедняка-земледельца, равный кошу, т. е. участку, обрабатываемому парой волов.

Термин чек употреблялся в значении меры земли, равной грязю, или площади $24 \times 18 = 432$ кв. локтя[79]. В бытовом значении чек обычно обозначал участок земли, «дающий пропитание одному семейству»[80]. «...Точкою отправления при разделах общественных земель служит кош, т. е. пара волов, запряженных в соху, с рабочим и ручными земледельческими орудиями,— заключала комиссия Ф. Гирса в 1863 г.— Общественная запашка ежегодно разделяется на несколько равных чеков или участков, сколько кошей принимало участие в поддержании и исправлении ирригационных работ»[81]. После выделения чеки

[77] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 22, д. 3, л. 93.
[78] Там же, л. 89—96.
[79] I. К вопросу о землевладении в Туркестанском крае.
[80] *С. Идаров.* Поземельное право, стр. 165.
[81] ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908 Аз. ч., 1868 г., св. 460, д. 6 а, л. 242—243.

распределялись по жребию между земледельцами в зависимости от числа выставленных ими на работы кошей.

Участки таких земель-чеков, согласно обычаю, переходили даже в потомственное владение того, кто заведет на своем чеке сад, обнесет его оградою или выстроит дом, или даже просто засеет клевером. Однако хозяин чека обязан был попрежнему за каждый участок выставлять на общественные работы по кошу.

Сохранились документы, раскрывающие процесс образования чеков в результате дробления феодального владения и передачи небольших участков для обработки дехканам, раздачи ханами и вакфными учреждениями неорошаемых ранее земель небольшими участками и т. д.[82]

Свидетельством того, что у киргизов чековая форма землепользования была не исключением, служат сохранившиеся наименования киргизских кишлаков с добавлением слова чек, а также прибавление к названиям отдельных южнокиргизских родов термина чек. Например, Тубан-чек, Темен-чек, Алымбек-чек и т. д.[83]

Специфика феодального землевладения у киргизов и в Кокандском ханстве, заключавшаяся в отсутствии феодального («барского») хозяйства, как бы компенсировалась своеобразной чековой формой землепользования. Чеки — мелкие дробные крестьянские хозяйства, основанные на землях государства и феодалов,— несли всю нагрузку феодальной и налоговой повинности. Земледельческого «барского» хозяйства, как такового, на территории Киргизии, равно и в Кокандском ханстве, не существовало. Его заменяли широко распространенные арендные отношения и чековая система землепользования. Кочевые же скотоводческие хозяйства в подавляющем большинстве были «барскими», использовавшими своеобразную отработочную систему зависимого дехканства и опиравшимися на патриархально-родовые традиции прошлого.

Таким образом, включение Киргизии в состав Кокандского ханства повлекло за собой изменения в традиционных формах аграрных отношений у киргизов. Хан юридически становился верховным собственником и распорядителем всех без исключения обрабатываемых и необрабатываемых, закрепленных за кем-либо и незакрепленных земель. Он — представитель государства, а стало быть все земли юридически считались государственной собственностью. Хан был вправе их дарить, продавать, жаловать кому-либо, отбирать и перепродавать.

В результате практики земельных отношений Кокандского ханства и в Киргизии сложилась система государственной, частной и общинной собственности на землю, система землевладения — феодального и крестьянского, система землепользования — индивидуальная и коллективная (общинная). По мере расширения сферы кокандского духовенства и на территории Киргизии возникают вакфные установления. Но влияние Коканда на земельные отношения киргизов в немалой степени зависело от прочности их власти в Киргизии и ослабевало по мере удаления от центров ханства. Более стабильно это влияние было в южных приферганских районах и часто фиктивным — в отдаленных северных районах Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Здесь киргизские феодалы фактически выступали в роли собственников земли и полных распорядителей пастбищ, здесь были более прочны общинное землевладение и коллективное использование пастбищ. Здесь не получила распространения практика купли-продажи земельных участков, полностью отсутствовали вакфы.

В целом система аграрных отношений Кокандского ханства, повлиявшая в определенной степени на практику земельных отношений среди киргизов, вполне соответствовала интересам господствующего класса и носила феодальный характер, сохраняя в то же время черты патриархально-родового уклада.

2. Взаимовлияние хозяйства узбекского, таджикского и киргизского населения

Порочная буржуазная концепция извечного антагонизма народов по образу хозяйствования — кочевников и оседлых, имеющая политический оттенок, обоснованно опровергнута советской исторической наукой. Кочевые скотоводческие народы не следует противопоставлять оседлым земледельческим. На всем протяжении исторического развития они находились в тесном хозяйственном контакте, взаимодействии, взаимодополнении. В периоды военных катаклизмов завоевательная политика отдельных государей, правителей и феодалов нарушала естественный ход эволюции. Но трудящийся земледелец

82 См.: *В. Плоских.* Очерки патриархально-феодальных отношений, стр. 95—98.

83 Правда, следует учитывать и значение слова *чек,* как «предел», «граница» (*К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 854), показывающее иногда и необязательную зависимость термина сугубо от землепользования.

не мог обходиться без скота, а кочевник — без продуктов земледелия.

Киргизы-скотоводы, являясь основным поставщиком мясомолочных продуктов и животноводческого сырья, тяглового скота для узбекских оседлых соседей, были в то же время потребителями продуктов земледельческого труда узбекского населения. Товарооборот удовлетворял эти взаимные потребности. Домашние ремесла и промыслы, играя подсобную роль, восполняли нужды быта.

Кокандское ханство, основу экономики которого составляло земледелие, подчинив киргизов, основное производство которых заключалось в скотоводстве, не способствовало прогрессу производительных сил киргизов, даже тормозило их. Изымая из оборота пастбища, конфискуя и перепродавая киргизские земли, нарушая традиционно сложившиеся пути кочевания преградами административного порядка, безмерным налоговым обложением и прямым грабежом, Кокандское ханство вносило дезорганизованность в хозяйственную жизнь киргизского общества. В этом проявлялась его отрицательная роль.

С другой стороны, оказавшись в рамках единого государства, узбекские, таджикские и киргизские труженики передавали друг другу производственные навыки, делились опытом ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, участвовали в торговом обмене, взаимно удовлетворяя потребности в недостающих продуктах и предметах. Установившиеся более тесные хозяйственные контакты узбекских и киргизских тружеников имели далеко идущие положительные последствия.

Сравнительно высокая степень развития орошаемого земледелия узбеков и таджиков, оседлый образ жизни влияли на обращение к земледелию и переход к оседлости части киргизского населения. В то же время скотоводческое киргизское хозяйство, пройдя определенную форму исторической эволюции, накладывало отпечаток на отгонное скотоводство узбекских земледельцев.

Хозяйство киргизских скотоводов отличалось своеобразием и спецификой производительных сил, характеризовалось разной степенью одомашнивания скота, специализацией и его продуктивностью. У них были неплохо развиты методы генетического улучшения породности и приспосабливаемости скота к данным природным условиям, методы управления стадом в зависимости от ориентации производства (на мясо, молоко, шерсть, трудовые процессы), методы целенаправленного и оптимального использования сезонных пастбищ.

Приспособленное к местным условиям и образу жизни орошаемое земледелие оседлого населения и кочевая система скотоводов в свое время поражали европейцев своей производительностью. Так, после завоевания Ташкента генерал Черняев, ознакомившийся с хозяйственной жизнью местного населения, в своем рапорте от 23 апреля 1865 г. отмечал: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуется с нашей стороны какого-либо вмешательства: земледелие и скотоводство находятся здесь на высшей стадии развития»[84].

Очень высокую оценку местного земледельческого хозяйства Ферганы по этнографическим материалам дает Р. Я. Рассудова. Она определяет Ферганскую долину с окружающими ее предгорьями как «единую экономическую область комплексного хозяйства», где существовала тесная взаимообусловленность между главными отраслями хозяйства—земледелием и скотоводством — а также внутри каждой из них[85]. Земледелие достигло здесь сравнительно высокой рентабельности за счет сложных и разнообразных приемов сохранения и повышения плодородия почвы, рациональной организации сочетания отраслей и культур земледелия и т. д.[86]

Это, однако, вовсе не означало расцвета сельскохозяйственного производства в Кокандском ханстве. В целом кочевое скотоводство являлось экстенсивным, земледелие малопроизводительным. Царское правительство, действительно, не могло коренным образом повлиять на дальнейшее развитие сельского хозяйства в крае. Для этого нужны были кардинальные политические, социальные, культурные и экономические преобразования. Но для своего времени и в сравнении с соседними странами хозяйство узбекского и киргизского населения не отличалось глухой рутинностью и абсолютной застойностью. Взаимное перенимание производственного опыта узбекского и киргизского народов выработало наиболее оптимальные хозяйственные типы для того времени, которые могли сосуществовать лишь во взаимодействии и многое бы потеряли от изоляции.

Перейдем к рассмотрению конкретных форм хозяйствования киргизов конца XVIII — середины XIX вв.

Скотоводство. Киргизы с глубокой древности занимались скотоводством. В XVIII—XIX вв. у них уже прочно сложилась система скотоводческого хозяйствования, которая, впитав

[84] Цит. по кн.: *М. К. Рожкова.* Экономические связи, стр. 32.
[85] *Р. Я. Рассудова.* Земледельческое хозяйство, стр. 69.
[86] Там же, стр. 70.

в себя многовековой опыт предшествующих поколений, в основных чертах была общей с процессом кочевого скотоводства других народов. Однако имелись и существенные отличия, заключавшиеся в том, что при стесненных горами пастбищах киргизы выработали свои строго определенные маршруты меридионально-вертикального кочевания, которые периодически повторялись. Киргизы всегда имели постоянные зимовки, на время которых «кочевание» в его прямом смысле приостанавливалось. Поэтому, в отличие от казахского, монгольского кочевого скотоводства, киргизское хозяйство скорее можно назвать полукочевым. Но поскольку большую часть года (примерно две трети) киргизы все же проводили «в движении», хотя и были привязаны к определенным территориям (сезонно-вертикальный цикл), в целом их и называли кочевым народом. В результате термин *кочевник,* который мы применяем в данном случае к киргизам, вероятно, дань традиции и утвердившегося употребления в литературе, чем отражение действительного содержания, он наполнен новым смыслом.

Поверхностное рассмотрение хозяйства киргизов XIX в. создавало впечатление полной застойности производительных сил повторявшегося веками одного и того же цикла воспроизводства в скотоводстве. Однако на самом деле было не так. При всей консервативности и отсталости восточно-феодальной деспотии Кокандского ханства, патриархально-феодальных отношений киргизов, определенное движение производительных сил происходило и здесь.

В то же время родо-племенная раздробленность, неустанные набеги чужеземцев и внутренние феодальные распри, выливавшиеся в родо-племенную борьбу, являлись серьезным тормозом в развитии производительных сил, консервировали установившийся быт и старые идеологические воззрения. Общественный строй не способствовал прогрессу, но трудовые навыки не деградировались, а накапливались и использовались для лучшего ведения хозяйства. Традиционные социальные институты кочевого и полукочевого киргизского общества эволюционизировали вместе и в определенной степени под влиянием социально-экономической структуры Кокандского ханства.

«Всякое кочевое общество, несмотря на свою застойность,— подчеркивает В. Ф. Шахматов,— имеет тенденцию к движению вперед — к более развитым формам хозяйства»[87].

87 *В. Ф. Шахматов.* Казахская пастбищно-кочевая община, стр. 26.

Естественно, речь идет не об идеализации «номадизма», и не о восхвалении патриархальщины, а лишь об объективном естественном процессе, присущем любому обществу. И кочевое общество состояло не из одних феодалов, враждовавших между собой, а из трудящихся масс, которые в трудовом процессе общались и взаимообогащались с соседней оседло-земледельческой культурой. Отрицая это, справедливо замечает Г. Ф. Дахшлейгер, можно скатиться к реакционной формуле патриарха буржуазной историографии А. Тойнби, согласно которой «номадизм сам по себе является обществом без истории», пока его существованию не положит конец «натиск со стороны соседних цивилизаций»[88].

Под влиянием узбекского и таджикского населения эволюционное развитие киргизского общества шло в направлении оседлого земледелия — более высокой ступени хозяйствования.

Источники XVIII в. в первую очередь подчеркивают кочевнический образ жизни киргизов, занятие их скотоводством. «Кочевое скотоводство — их занятие, мясо — их пища»,— отмечают китайские источники XVIII в.[89] Другой источник примерно того же времени подтверждает: «Настоящие буруты перекочевывают, смотря по траве и воде, занимаются скотоводством и почитаются кочевым народом»[90].

Кочевническое хозяйство полностью являлось натуральным и самовоспроизводящимся. Характеризуя натуральное хозяйство, которое в значительной степени было эквивалентно патриархальному[91], В. И. Ленин писал: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»[92]. А в одной из других работ В. И. Ленин уточнял: «Патриархальное хозяйство, это когда

88 *H. Toynbee.* A. Study of History, v. III, p. 453—454. См.: *Г. Ф. Дахшлейгер.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии, стр. 28.

89 Извлечение из «Описания виденного и слышанного о Западном крае». Уточн. перевод А. А. Кондратьева. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР. См. так же: *Е. Тимковский.* Путешествие в Китай, стр. 253—257; *И. Бичурин.* Описание Чжуньгарии; *А. Н. Бернштам.* Источники по истории киргизов, стр. 131.

90 *Н. Я. Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии, стр. 574—575.

91 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 206—207.

92 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 21—22.

крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»[93].

Налет патриархальщины, замаскированность кровнородственными связями не мешали проявлению феодальных отношений в их самой неприглядной классовой форме, особенно когда это связывалось с борьбой за лучшие пастбища и увеличение поголовья скота. Здесь на первое место уже выступало право сильного. Кокандские ханы, беки и их ставленники на местах иногда сознательно провоцировали столкновения киргизов между собой или с соседними казахскими, кыпчакскими или узбекскими кочевыми феодалами. Однако в отдельные периоды место усобиц занимали добрососедские отношения и тогда кокандской эксплуатации противостоял уже прочный дружественный союз кочевников. Именно в это время кокандские налогосборщики и ханские войска часто встречали организованный отпор.

Размер земли, которая считалась, таким образом, обособленной территорией определенного рода или общины — аила, не определялся непосредственной величиной или естественными условиями местности. Границы были обусловлены в свое время захватом земель различными родовыми и хозяйственными группами населения и находились в зависимости от силы и власти феодала-родоправителя. Н. Аристов в прошлом веке писал: «Основанием принадлежности земли является давность, но так как не только мелкие части родов, но и целые роды постоянно передвигались с места на место, то давность владения землями у киргизов вообще невелика: кочевника к земле никто не привязывает, была бы трава да клочок пашни... Тем не менее местность, на которой кочует известный род, хотя одно поколение, или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода»[94].

Пользование пастбищами регулировалось обычаем, но на практике нередко соизмерялось мощностью подразделений и являлось предметом постоянных споров. «Сильные роды без нужды, не пользуясь сами захваченными пространствами, вытесняли слабейших соперников, теснивших в свою очередь другие, еще более беззащитные роды»[95].

Полевые опросные материалы, собранные нами в Чон-Кемине о перекочевках киргизов в дореволюционные, в частности кокандские времена, показывают, что летние пастбища закреплялись по родам на совете аксакалов, представляемых

93 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.
94 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 14, д. 56, л. 28—29.
95 *К. П. Кауфман.* Проект всеподданнейшего отчета, стр. 225.

родо-племенными предводителями — манапами. Зимние же пастбища—*кыштоо* распределялись по семьям. Обычное время перекочевок сарыбагышских киргизов из Чон-Кеминской долины: на весенние пастбища с 15 марта до середины июня, на летние — июнь—август, осенние — с сентября.

Амплитуда перекочевок с зимних пастбищ на летние и обратно зависела от расположения родовых территорий, мощности хозяйств и длилась от одного дня до нескольких недель. Так, киргизы, зимовавшие в долине р. Чу и окрестностях Пишпека, по традиции обычно снимались в мае месяце и двигались через горные ущелья и далее в долину р. Сусамыр, возвращаясь на зимовки в течение июля — сентября[96]. У ферганских киргизов путь перекочевок был еще значительнее — кочевали на сотни километров в Кичи-Алай и Чон-Алай.

Наличие высокогорных пастбищ, таких как Алай и Сусамыр, привлекало в Киргизию скотоводов соседних районов: узбеков из Ферганы, казахов из Таласской долины. Летом нередко можно было встретить на киргизских джайлоо и узбекских, и казахских скотоводов. В июне — августе на Алае, например, могло сосредоточиться до 15 тыс. семей киргизов и узбеков, откармливающих на просторе рогатый скот и овец. Общее количество скота здесь в это время достигало полумиллиона голов[97]. Однако на большие расстояния имели возможность перекочевывать сравнительно мощные хозяйства, обычно обладатели одногорбых верблюдов. Без них даже с незначительным скарбом кочевнику пройти горы было довольно трудно. И бедняцкие хозяйства оставались на близлежащих от зимовок пастбищах, использовали по преимуществу высокогорные плоскогорья, плато, ущелья, ограничиваясь лишь видимостью кочевания.

Экстенсивное кочевое скотоводство требовало обширных пастбищ и определенного вида скота. Горно-пересеченный рельеф Киргизии, слабость торгового обмена между киргизами и другими народами вели к тому, что разводился главным образом скот, приспособленный к круглогодичному подножному корму.

Источники не сохранили данных даже для приблизительного определения численности скота в первой половине XIX в. в каком-либо одном районе или в целом по Киргизии. В то время не велось подобного учета. Однако отрывочные сведения, собранные в середине XIX — начале XX вв., и этнографи-

96 Кочевое движение киргизов Пишпекского уезда Семиреченской области. — ЦГИА СССР, ф. 791, оп. 5, д. 278, л. 1—2.
97 *А. Волконский.* От Нового Маргелана до границы Бухары, стр. 133.

ческие материалы позволяют в ретроспективе рассмотреть вопрос о преобладающем виде скота и условно о его численности у киргизов в период Кокандского ханства.

Утвердившееся в литературе мнение, что до середины XIX в. основное внимание киргизы уделяли разведению лошадей и меньшее значение придавали овцеводству, которое уступало коневодству даже по численности поголовья, видимо, нуждается в пересмотре или более убедительном обосновании. Авторы, обычно основываясь на опросных материалах, объясняют свое утверждение тем, что киргизам «приходилось все время кочевать, иногда вынужденно из-за больших неурядиц в степи. Зачастую приходилось стремительно срываться с места и поэтому держать малоподвижный скот (крупный рогатый скот, овец, верблюдов) было трудно»[98].

На этнографические материалы опирается в своих суждениях и С. М. Абрамзон, который считает такое положение сохранившимся до вхождения Киргизии в состав России[99]: К. У. Усенбаев изменения в видах скотоводства — от преобладания лошадей к увеличению роли и численности овец в киргизском хозяйстве — относит лишь к 40—50-м годам XIX в.[100] П. Погорельский и В. Батраков переломным моментом считают период зависимости киргизов от Коканда, когда «начинают приобретать все большее и большее значение овцы, как дающие все необходимое хозяйству (мясо, молоко, одежду, кошмы и т. д.), как разменная денежная единица, на которую постепенно возрастал спрос в Ферганской равнине с ее интенсивным земледельческим хозяйством». Это было связано, по мнению авторов, с «состоянием некоторого затишья в степи, определившегося еще до прихода узбеков, которые со своей стороны всячески старались внести в степь свой порядок и спокойствие, нужные им для упрочения своего экономического влияния среди кочевников»[101].

По нашему мнению, кратковременная зависимость киргизов от Кокандского ханства, вовсе не стремившегося к установлению «затишья», не могла привести к столь заметному изменению хозяйственной направленности местного населения, к резкому переходу в скотоводческом хозяйстве от коневодства к овцеводству. Во-первых, политическое господство Кокандского ханства над Киргизией не было столь прочным, чтобы оказать такое существенное влияние на мест-

98 *П. Погорельский* и *В. Батраков.* Экономика кочевого аула, стр. 18—19.
99 *С. М. Абрамзон.* Киргизы, стр. 72.
100 *К. Усенбаев.* Общественно-экономические отношения, стр. 55.
101 *П. Погорельский* и *В. Батраков.* Экономика кочевого аула, стр. 19.

ное хозяйство. Во-вторых, если учитывать политические запросы ханства, то ему выгодно было направлять усилия как раз на развитие коневодства (в основе ханского ополчения были конные отряды)[102]. В-третьих, сама экономика ханства, базировавшаяся на земледелии оседлого населения, не нуждалась в перестройке от коневодства к овцеводству. Скорее можно было ожидать обратного — на лошадей всегда был бóльший спрос, чем на овец. В-четвертых, внутренняя общественная жизнь киргизов с подчинением Коканду не претерпела серьезных изменений и вовсе не прекратились феодальные усобицы.

В животноводстве Киргизии на протяжении XVIII и XIX вв. по значению и количеству скота на первом месте стояли овцы, по численности во много раз превышавшие поголовье лошадей. Если обратиться к материалам середины и второй половины XIX в. (а материалы едва ли существенно отличались по сведениям о пропорциональном отношении численности видов скота от данных первой половины XIX в.), то преобладание овцеводства бесспорно и очевидно. Ч. Ч. Валиханов, в частности, сообщал, что разводили киргизы в основном баранов, лошадей, верблюдов, рогатый скот. Бугинцы имели до 100 тыс. голов лошадей, 100 тыс. верблюдов, 50 тыс. коров и до полумиллиона баранов[103]. В. В. Вельяминов-Зернов в своей рукописи 50-х годов прямо подчеркивает, что кочевники Кокандского ханства из всех видов скота имеют «больше всего баранов»[104]. И. Бардашев, прекрасно осведомленный о быте киргизов середины XIX в., также писал о преимущественном разведении киргизами овец[105].

102 По документам мы видим, как специальными указами киргизы обязывались являться для воинской службы не просто на лошадях, а на отборных лошадях определенной масти. См.: *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 296—298.
В ханстве имелся особый Алайский отряд. Рядовые конники, которые назывались *джаван,* должны были являться на своих лошадях. Один из кокандских документов о записи конников в войско гласит наказом ответственному за набор: «Перепиши достоверно в каждом кишлаке людей состоятельных и сильных, юношей (искусных наездников) в козлодрании (бузкаши), подданных (фукара), буде (у них) лошади хорошие, быстрые». В списках будущих воинов должна была отмечаться даже масть лошадей, на которых они должны были являться. — *А. Л. Троицкая.* Несколько документов по военному делу, стр. 139—142.
103 *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 326; т. 2, стр. 191.
104 *В. В. Вельяминов-Зернов.* Торговое значение Кокандского ханства. (Рукоп.), стр. 26.
105 *И. Бардашев.* Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 151.

Отчетные материалы уездных начальников за 1869 год представляют следующие данные численности скота по его видам в хозяйствах северных районов Киргизии[106].

Уезд	Овцы	Лошади	Верблюды	Крупный рогатый скот
Токмакский	576685	97147	14889	14370
Иссык-Кульский	359046	84805	5387	12001

И, наконец, чтобы было больше оснований для ретроспективного рассмотрения численности скота по его видам, сопоставим эти цифры с данными начала XX в. В 1915 г. в Киргизии в целом насчитывалось овец и коз 2 544 тыс., лошадей —708 тыс., крупного рогатого скота —519 тыс.[107] Таким образом, в течение более полувека примерно стабильно сохраняется соотношение поголовья овец к поголовью лошадей, как пять — четыре к одному. На третьем месте стоял крупный рогатый скот, на четвертом — верблюды. И едва ли имеются серьезные основания для того, чтобы не считать аналогичным положение и в первой половине XIX в.

Отличительной особенностью киргизского скотоводства, обусловленного специфическими высокогорными урочищами и плато, являлось яководство. Значение яководства заключалось в его рентабельности: животные не нуждались в заготовке кормов, сами добывали их себе; не нуждались в досмотре — сами паслись; им не страшны были хищники — волки яков обходили стороной. Однако яководство было незначительным, носило локальный характер, практиковалось только в высокогорных ущельях Таласа, Джумгала, Алая. Даже крупные саякские и сарыбагышские манапы имели лишь до 100 голов яков. Массовая эпидемия 1868 г. привела к почти окончательному исчезновению яков в Северной Киргизии[108].

Феодальные отношения у киргизов особенно наглядно проявились через отношения собственности на скот. Скот у киргизов находился в частном владении, и каждый хозяин метил его особым знаком — *тамгой*. По замечанию исследователя быта таласских киргизов М. Н. Дивногорского, «тамги, которыми киргизы отмечают лошадей и крупный рогатый скот,

106 *Г. Загряжский.* Очерки Токмакского уезда; *П. Чайковский.* Ведомость о податях и недоимках в Иссык-Кульском уезде за 1869 год. — ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 9, д. 56, л. 46.

107 Киргизия в цифрах. Стат. сб., стр. 90.

108 Из годового отчета о состоянии Токмакского уезда за 1869 год. — ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 12, д. 2, л. 112.

древнего происхождения; они играют большую роль в скотоводческом хозяйстве при использовании весенних, летних, осенних и зимних пастбищ»[109]. К сожалению, сведения о тамгах очень отрывочны. И сегодня остаются в силе слова Н. Аристова, высказанные им в конце прошлого столетия, что «отсутствие сведений ... лишает возможности основательного и всестороннего изучения родовых тамг киргизов»[110]. Тщательное исследование их способствовало бы выявлению процесса развития форм собственности на скот, а заодно и на пастбища — от коллективной родовой или общинной собственности к частной собственности отдельных хозяйств.

Экономическое благосостояние при кочевом экстенсивном скотоводстве зависело не только от производительных сил, консервативных в своей основе, но и от стихии. Экономическая неуравновешенность, периодические спады в развитии хозяйства отражались в первую очередь и особенно остро на беднейших слоях населения, разоряли середняцкие хозяйства, низводили до пауперизации трудящиеся массы.

Экстенсивность кочевого скотоводства вела к тому, что хозяйство оставалось в целом на сравнительно низком уровне развития. Нужен был революционизирующий производительные силы толчок, чтобы существенно повысить уровень скотоводства, увеличить поголовье стада, улучшить породность, интенсифицировать использование пастбищных угодий. Кокандское ханство не могло служить подобным стимулятором.

Советские этнографы С. М. Абрамзон, А. С. Бежкович, историки Б. Д. Джамгерчинов, К. У. Усенбаев и др. дали обстоятельное толкование вопросов кочевания у киргизов, поэтому нет оснований здесь детально останавливаться на этом. Подчеркнем лишь, что, являясь коллективным (кочевали общинами, родами), процесс кочевания не нивелировал классо-

109 *М. Н. Дивногорский.* Материалы к изучению родового деления киргиз. рек Таласа, Куркусу и Бакаир. Их расселение и численность. — Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 70, л. 5.

110 *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава, стр. 456. За прошедшее время исследования в этом направлении подвинулись ненамного. За исключением упоминаний в рукописи М. Н. Дивногорского из архива ГО СССР, рукописи И. Бардашева из ЦГВИА, карты с тамгами Н. Ф. Петровского да кратких замечаний в работах В. Радлова, Н. И. Гродекова, Н. Аристова и Н. Г. Маллицкого, тамги были сведены в таблицу (и только по Северной Киргизии) С. М. Абрамзоном в приложении к статье об этническом составе дореволюционных киргизских племен.—*W. Radloff.* Aus Sibirien, t. 1 s. 534; *Н. И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы, прилож., стр. 7—8; *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава, стр. 456; *Н. Г. Маллицкий.* О связи тюркских тамг, стр. 46—47; *С. М. Абрамзон.* Этнический состав, стр. 99—104.

вые отношения и не затушевывал их. И право перекочевки первым, и право выбора лучшего пастбища принадлежало феодалу — родоправителю и манапу. В то же время внешне создавалась иллюзия, что этот процесс перекочевок регулировался *обычаем,* и феодалы выступали лишь в роли *знатоков.* По обычаю никто не должен был перекочевывать на пастбища, прежде используемые другим аилом. Для предотвращения споров на места перекочевок заблаговременно посылались нарочные от аила, которые по прибытии на пастбище обязаны были поставить «знамя или оставить какой знак (шапку, халат и проч.) для предупреждения других, что место это занято»[111]. Чужаки, являвшиеся со скотом из других местностей для пастьбы скота, выставляли ранее пришедшему аилу барана в виде угощения — *союш*[112]. Самовольное занятие чужого пастбища вызывало ожесточенные споры, нередко перераставшие в вооруженные столкновения.

В целом влияние Кокандского ханства на скотоводческое хозяйство киргизов нужно рассматривать в двух аспектах: во-первых, влияние на те хозяйства, которые были непосредственно в общей орбите экономики ханства и находились вблизи городов; во-вторых, на те хозяйства, которые были далеки от центра ханства, соприкасались лишь с кокандскими крепостями, жили в своей родо-племенной системе под началом бай-манапов.

Если в первом случае Кокандское ханство *могло* более активно вмешиваться в хозяйственную жизнь киргизов, могло, но часто не имело практической возможности, то во втором — все ханское влияние сказывалось лишь через налоговую систему — увеличение сбора того или иного вида скота.

Между киргизскими кочевыми феодалами и оседло-земледельческой узбекской знатью Ферганы нередко происходили столкновения и споры за землю. Но не исключением была и такая картина, когда узбеки, таджики, казахи пасли летом скот на киргизских пастбищах, а киргизские скотоводы осенью, после снятия урожая, использовали стерню для кормления скота. Так, земельных споров между кочевниками и оседлыми городскими жителями, по сообщению Мединского, в Таласской долине, например, не возникало. Население Аулие-Ата владело незначительным количеством скота, и летом киргизы ничего не имели против его выпаса на киргизских землях. Зимой же этот скот держался на стойловом корме. Летом киргизы близко к селениям оседлых жителей не прикочевывали,

111 *Г. Загряжский.* Юридический обычай, стр. 183—184.
112 ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 258, л. 68.

чтобы случайно не произвести потрав пашен, клевера или огородов[113].

В целом киргизские скотоводы не заготавливали сена на зиму. Но под влиянием узбекского и таджикского земледельческого населения некоторые стали заниматься сенокосом. Во время своего пути в Йэттишар по дороге из Оша на Алай в 1876 г. А. Н. Куропаткин видел на крышах киргизских зимовок небольшие запасы клевера[114].

Земледелие. Одним из примеров влияния узбекского населения на хозяйственную жизнь киргизов являлся переход части их к земледелию и в определенной мере к оседлости.

Между очагами оседлости в Фергане, между городами, селами, кыштаками уже встречались киргизские аилы, которые к чисто кочевым отнести было нельзя. «Они ведут полуоседлую жизнь, которая в недалеком будущем совершенно обратит их в оседлость»,— писал в 1875 г. А. Кун[115].

Роль земледелия в киргизском хозяйстве XVIII — первой половины XIX в. была более существенной, чем это представляется некоторым исследователям. Еще недавно бытовало мнение вообще об отсутствии земледелия у киргизов и чисто кочевом скотоводческом хозяйстве. Основная причина этого крылась в неизученности источников и некритическом подходе к этнографическим материалам, в которых обычно принижалась роль земледелия. Даже одни и те же авторы прошлого столетия не всегда были последовательны в своих оценках. Так, в одном случае М. И. Венюков, побывавший в северных районах Киргизии в 1859—1860 гг., писал, что хлебопашество здесь составляло общее занятие киргизов[116]. Однако в другой работе, написанной несколько позже — в 70-х годах, он же отмечал, что земледелием занимаются очень немногие из киргизов: «К хлебу народ привык еще очень мало, заменяя его сполна мясом, куртом[117] и другими продуктами скотоводства»[118].

Более ранний путешественник конца XVIII — начала XIX в. Р. Данибегашвили писал, например, что не заметил у киргизов, казахов, калмыков вообще земледелия, и сделал вывод, что они «не упражняются совсем в земледелии... Скотоводство есть единственное их занятие»[119].

113 ЦГВИА. ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892 а, л. 776.
114 *А. Н. Куропаткин.* Кашгария, стр. 222.
115 *А. Кун.* Очерк Кокандского ханства, стр. 62.
116 *М. Венюков.* Путешествия по окраинам Русской Азии, стр. 160—164.
117 *Курт* — засушенный шариками соленый творог.
118 *М. Венюков.* Материалы для военного обозрения русских границ в Азии. — Архив ГО СССР, ф. 87, оп. 1, д. 5, стр. 105.
119 *Р. Данибегашвили.* Путешествия, стр. 36—37.

В то же время восточные источники XVIII в. неоднократно свидетельствовали о занятиях киргизов земледелием. Так, «Высочайше утвержденное географическое описание Западного края», составленное правительственным цинским комитетом во второй половине XVIII в., отмечало, что киргизы «предпочитают скотоводство, но занимаются и обработкой земли»[120].

В последнее время трудами советских историков несколько пересмотрена скептическая оценка киргизского земледелия в прошлом. Это отмечает, в частности, К. У Усенбаев[121], подчеркивает и убедительно обосновывает этнографическими материалами С. М. Абрамзон[122].

Действительно, внимательное рассмотрение источников позволяет прийти к выводу о более важном, чем принято было считать ранее, значении земледелия в экономической жизни Киргизии XVIII—XIX столетий.

Превосходный знаток Ферганы В. Наливкин совершенно справедливо объяснил вовлечение киргизских скотоводов в земледелие экономическими потребностями: «Со временем невозможность удовлетворения даже самых основных потребностей жизни за счет одного скотоводства заставила всех почти киргиз[ов] завести у себя запашки, частью в среднем поясе долины, а главным образом в окружающих ее горах...

В настоящее время между киргизами Ферганской области,— заключал В. Наливкин в 80-х годах XIX в.,— не имеют посевов те только бедняки, которые не успели своевременно приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и искусственно орошенных полей». В результате среди киргизов Ферганы кочевников в строгом смысле этого слова ко второй половине XIX века уже не было[123].

Обращению к земледелию в немалой степени способствовали тесные контакты киргизских скотоводов с узбекскими земледельцами в период Кокандского ханства. Традиционно соседствуя в Фергане, киргизские трудящиеся перенимали у узбеков и таджиков навыки земледелия и ирригации, приобретали семена, заимствовали орудия труда, опыт хранения зерна и другие необходимые земледельцу знания.

Одно из первых упоминаний о хозяйственных контактах узбеков Коканда и киргизов Оша относится еще к 60-м годам XVIII в. С захватом Оша в 1762 г. кокандский правитель Ирдана направил специально в город 50 семей колонистов для организации здесь рисовых плантаций. Когда через три года Ирдана вынужден был оставить город и Ош вновь перешел под власть киргизского правителя Хаджи-бия, рисовые поля продолжали использовать уже местные жители. Таким образом, можно считать определенным, что с 60-х годов XVIII в. под воздействием узбекского населения началось возделывание риса на территории Киргизии.

120 Перев. Е. И. Кычанова. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 3088.
121 *К. Усенбаев.* Общественно-экономические отношения, стр. 67—68.
122 *С. М. Абрамзон.* Киргизы, стр. 86.
123 *В. П. Наливкин.* Краткая история, стр. 39.

Обращение к земледелию было иногда связано с частичным или полным переходом от кочевания к оседлости. Интересен в этом смысле документ из материалов комиссии К. К. Палена, представленный ферганскими киргизами в 1903 г.

«Мы, жители общества Буджун-Бадкан и Карабулак, все родом киргизы, с незапамятных времен, т. е. наши деды и отцы, поселились в указанных местностях еще в ханские времена, и так как в этих местностях земли оказались пригодными для обработки, то поселившись на них и начали обрабатывать таковые, эти же земли оказались пригодными для искусственного орошения из вод, идущих с гор, родников и озер, и вот на этих землях поселились наши деды и отцы и понастроили себе на указанных землях дома, развели сады и заделались оседлыми жителями, так что на кочевку куда-либо не выезжают, а занимаются специально землепашеством и садоводством. Землями этими владеем мы в данное время так же, как и в ханское время, сами их обрабатываем...»[124].

Интенсивное оседание киргизов рода багыш в северо-восточной Фергане началось с конца XVIII в., когда они «уже сильно нуждавшиеся в зерновом хлебе, по собственному своему почину приступили к сооружению громадной арычной системы, орошающей теперь ту равнину, которая лежит в границах: Нанай, Ахтам, Сафит-Булян»[125]. Столетие спустя сюда пришли переселенцы из Туркестана и Чимкента и основали свои селения на территории уже в значительной степени орошенной.

Сохранилось прошение киргизов Пишпекского уезда от 1897 г., в котором они пишут, что еще в 1852 г. их предки — «деды и прадеды» — провели арык на восточном участке от р. Чу около горы Кантау — наиболее удобном для земледелия. На орошаемой площади были устроены пашни, засевался клевер, разведены сады, были возведены даже постройки[126].

124 ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 262, л. 195.
125 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 25. Правда, автор ошибочно считает *багиш* не киргизским, а узбекским родоподразделением.
126 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 1—3, д. 65, л. 6—7.

Курганчи киргизов в Фергане, где они зимовали, обычно группировались вокруг кишлаков оседло-земледельческого узбекского населения. В Восточной Фергане основным центром, вокруг которого зимовали киргизские роды, был Сузак[127]. Процесс обращения скотоводов-кочевников к земледелию можно проиллюстрировать следующими примерами, основанными на показаниях киргизских жителей окрестностей Джалал-Абада (конец XIX в.).

В 1273 (1846—47) г. Худояр-хан отобрал у жителей кишлака Сузак полузаброшенные земли, на которых лишь изредка высевались неполивные культуры. Для углубления и расширения старых арыков было мобилизовано население левобережья Кара-Дарьи. Орошенную землю роздали в пользование чеками киргизам и узбекам. Так, близ Джалал-Абада возникло новое узбекско-киргизское селение — Хан-Абад. Рядом с этим районом, еще до образования кишлака, было несколько киргизских курганчей (рода *кара-багыш*), связанных между собой незначительными участками обрабатываемой земли. Затем несколько семей киргизов другого рода (теит) приобрели землю у кара-багышей, поселились рядом с ними и также начали наряду со скотоводством заниматься земледелием. По соседству находился кишлак Джигда-Могол. Его земли некогда принадлежали узбекам и киргизам Сузака. Примерно в 50-х годах они были перекуплены киргизами родов *могол* и *найман*. Осевшие здесь бедняки не имели достаточно скота для откочевок на лето, поэтому и вынуждены были обратиться к земледелию. Было расширено три старых арыка — Ямындыр, Бадальбай и Джигда, прорыто два новых канала под названием Кыпчак-Арык, и киргизы занялись земледелием. Однако к полной оседлости так и не пришли[128].

После снятия урожая пахотная территория и узбекских кишлаков и киргизских аилов становилась общинным пастбищем. А это влекло за собой единый и обязательный для всех общинников севооборот и единовременный хозяйственный процесс, по крайней мере, в рамках района.

В большинстве своем земледелие соседствовало со скотоводством, являясь дополнением к нему. И поэтому киргизов-земледельцев можно было встретить не только в долинной части Ферганы, но и на высокогорьях. Первые русские исследователи даже в высокогорном Атбаши у киргизов встречали «немногие пашни и много следов орошения»[129]. Орошаемым

127 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 93, л. 41.
128 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 71—79.
129 ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1869, д. 37, л. 43.

земледелием занимались и на высокогорном Алае, хотя и в очень ограниченных размерах. А. П. Федченко сообщал, что алайские киргизы после отгона скота на летние пастбища возвращались к зимовкам и жили «возле своих пашен... до тех пор, пока хлеба созреют, и они уберут их»[130].

Земледелие служило не только важным подспорьем, но и необходимым элементом хозяйствования киргизов, без которого была немыслима нормальная жизнь. В одном из писем к русским властям в конце 1856 г. бугинские манапы, жалуясь на феодальные усобицы с сарыбагышами, просили о защите: «Сарыбагыши,— писали они,— забрали наш Иссык-Куль, и *если мы лишимся своих пахотных мест,* то мы не знаем, где жить нам»[131]. В другом письме сарыбагышский манап Ормон так объяснял обращение к земледелию: «...мы теперь бедные люди; а если не займемся пашнею, то нам невозможно будет существовать». И далее: «Народ наш без пашни существовать не может»[132].

Создание на территории Киргизии системы кокандских крепостей насильственно стимулировало в определенной степени местное население к производству зерновых для прокормления гарнизонов. Так, в 50-х годах окрестные киргизы были обязаны доставлять в Аулие-Ата, Мерке, а также Пишпек и Токмак до 20 тыс. батманов зерна, в 60-х годах это количество снизилось до 7 тыс. батманов, но зато приходилось доставлять еще 14 тыс. снопов соломы[133]. В начале 60-х годов Проценко писал, что каждый киргизский род обязан был доставить в соседнее укрепление определенное количество пшеницы и проса для гарнизона. Зерно преимущественно собирали отряды, выходившие из Пишпека, Мерке и Аулие-Ата[134].

Знаток истории Средней Азии П. П. Иванов, собиравший в 20-х годах XX в. в северных районах Киргизии археологические и этнографические материалы, пришел к заключению, что «лишь с начала XIX в. мы видим некоторые признаки возрождения здесь оседло-земледельческой культуры, проникавшей сюда с развитием кокандской колонизации»[135]. Не заводя своей оседлости, кокандцы не препятствовали, а поощряли занятие киргизов земледелием: пашни привязывали кочевников к определенным местам, что облегчало обложение их налогами.

130 Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1.
131 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 18, л. 171.
132 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 884, д. 51, л. 6—9.
133 *Ю. Южаков.* Наши приобретения в Средней Азии, стр. 765.
134 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, д. 18, л. 171.
135 Архив ЛО ИВ АН СССР, р. П, оп. 6, д. 31, л. 97, 6.

«Кокандцы это ясно сознавали,— подчеркивал в 60-х годах Н. Северцов,— и дорожили киргизскими пашнями у своих укреплений..., а потому и не заводили своей, сартовской оседлости. Кроме гарнизона в крепостях были немногие торговцы, ремесленники, огородники и то отчасти из гарнизонных сарбазов, и вся эта небольшая сартовская колония занимала (под садики и огороды) ничтожные клочки земли, менее 10 десятин, как, например, у Пишпека»[136].

А. П. Федченко во время путешествия по Кокандскому ханству оставил такую характеристику киргизского земледелия в Фергане: «Не говоря о пастбищах, все поля и вообще плантации, виденные нами, принадлежат уже киргизам, и, прибавлю, носят киргизский характер: это все одиночно стоящие курганчи с несколькими деревьями, разбросанными кругом полями, между которыми оставлено много залежи для пастьбы скота зимой»[137].

Вообще орошаемое земледелие в Киргизии преобладало, являясь основным. Но не исключалось полностью и богарное земледелие, хотя его роль была сравнительно незначительной. Сохранились только отдельные упоминания в документах о кайрачных землях, богаре, на которой засевали яровые хлеба[138].

Занятие земледелием иногда начиналось на целине, на кайраках, со временем орошаемых. Так, на кайрачный участок земли киргизов рода басыз близ Яссы в Андижанском вилайете, площадью около 350 танапов, феодалом Чичкан-бай-бием был проведен арык; углублял и расчищал арык и внук Чичкан-бая, сын Исмаила — Алиджан-бий. Орошенной землей пользовались представители рода более 75 лет[139].

136 *Н. А. Северцов.* О русских поселениях, стр. 105.
137 *А. П. Федченко.* Путешествие, стр. 349.
138 Поскольку некоторые исследователи прошлого, в частности даже такой наблюдательный ученый, как А. П. Федченко, отрицали кайрачное земледелие у киргизов и говорили только об орошаемом, укажем несколько документальных свидетельств. Так, по васике 1268 (1851—52) г. одна киргизская община продала феодалу Алимбек-бию Саидбиеву общий кайрачный участок в районе Узгена. Упоминания об обработке неполивных земель встречаются и среди описания границ вакфных участков. В вакф-наме от 1279 (1862—63) г. указывается: «Общая земля, засеваемая под дождь (ляльми, кайрак) общества букара, Даукат-бий, Аруин, Юкти и Сары-баба». По вакфному документу 1287 (1870—71) г. среди границ пожертвованного участка в местности Кутарма, близ Науката, значились с севера «поля ляльми, засеваемые отделениями атека». — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 36763, л. 10; д. 34965, л. 3 (1); д. 34961, л. 5.
139 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 25, оп. 1, д. 65, л. 295—296.

Археологическое обследование территории республики показывает, что орошаемое земледелие было многовековой отраслью народного хозяйства в Киргизии. Сохранились многочисленные остатки древних арыков, связанные хронологически с древними и средневековыми поселениями, а также более поздними кокандскими укреплениями.

Даже в высокогорном Алае к началу XX в. сохранились остатки старой ирригационной сети. Арыки были выведены из родников и горных речек и спускались в долины по склонам гор и холмов. Некоторые из них представляли хитроумное сооружение, вызывавшее восхищение туркестанских ирригаторов. Наиболее известные арыки зафиксированы в статистических материалах, это — Джал, Арам-Кунгей, Кырчин, Чат, Чурунды, Джарты-баш и многие другие[140].

Первые сведения, собранные туркестанскими чиновниками говорят об идентичной практике проведения арыков у узбекского и киргизского населения. «Для устройства арыка рабочие из киргиз нанимаются, а каждая юрта того отделения, которое проводит ярык, высылает рабочего, а для прокормления их делается раскладка между кибитками на потребное количество баранов, равно как раздают и деньги, следующие на приобретение кетменей». В отличие от кочевников, у оседлого населения хозяйство могло (что было нередко) сдать деньги вместо того, чтобы выставить рабочего. На собранные деньги нанимались рабочие[141]. То есть, в кочевом обществе преобладали натуральные формы труда и оплаты, в оседло-земледельческом уже практиковался наем работников для сельскохозяйственного производства.

Орошение полей на юге Киргизии регулировалось «по очередям, установившимся или ханскими грамотами, или обычаем, или же, наконец, правами известного общества, вытекающими из затрат, употребленных на устройство арыков»[142].

Занятие земледелием отражало более резко, чем скотоводство, классовую структуру общества. Непосредственно земледельческий процесс был уделом бедняков, в то время как результаты этого труда присваивались феодалами. Н. Северцов писал, что «киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам, вообще старшинам и самым бо-

140 Стат. обзор Ферганской области за 1911 год. Приложение, стр. 116.
141 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892а, л. 775—776.
142 Из объяснительной записки 1882 г. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 23, оп. 1, д. 262, л. 62.

гатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почтенные доходы,— между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях, безоружны и пеши»[143].

В условиях натуральной замкнутости хозяйства и ограниченности торговли, носящей потребительский характер, сельскохозяйственные орудия были довольно архаичными.

По налоговым спискам-дефтерам из архива кокандских ханов, в которых перечисляются натуральные сборы с оседло-земледельческого населения, с достаточной уверенностью можно определить сельскохозяйственные культуры, получившие распространение в Кокандском ханстве и земледельческих районах Киргизии. Это в первую очередь зерновые — джугара, ячмень, канжут, лен, пшеница, рис, а также хлопок, опийный мак (кукнар), морковь и другие полевые культуры.

Культуры и семена не отличались особым разнообразием. Наиболее ранней из появившихся в высокогорных районах Киргизии культурой, самой неприхотливой и урожайной, являлось просо. Причем его распространение в горах киргизы связывают с Ферганой и относят к очень давним временам[144]. Второй распространенной культурой была пшеница — буудай. Появление ее в Чуйской долине киргизские предания связывают с Таласом. Семена для посева алайские киргизы получали в основном из Каратегина. Во время пребывания А. П. Федченко на Алае отношения Коканда с Каратегином ухудшились, и киргизы остались без посевного зерна. Поэтому взору путешественника предстало очень много незасеянных полей[145].

К перечисленным культурам можно добавить табак, кукурузу, тутовые деревья, лен-зыгыр, правда, разводившийся только из-за семян.

Хлопок в Кокандском ханстве начали разводить до присоединения к России, и занимались им в основном оседлые узбеки. На территории Киргизии хлопок высевали лишь в окрестностях Ош. В 1877 г. здесь сняли урожай хлопчатника в

143 *Н. Северцов.* О русских поселениях, стр. 105.

144 По преданиям, записанным в 1928 г. этнографом А. Бежковичем в Чуйской долине, раскрывается следующая картина: «Когда-то очень давно, когда еще киргизы ничего не сеяли, один киргиз (рассказчик имени его не называет) ходил пешком через горы в г. Андижан и там у узбеков учился сеять, поливать, жать, молотить просо. Учился он несколько лет, а выучившись, вернулся на родину и принес с собой семена проса. С тех пор киргизы сеют просо...». — *А. Бежкович.* Киргизское бытовое земледелие. Рукоп. 1928. — Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, д. 36, л. 7.

145 Архив ЛО АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 113; «Туркестанские ведомости», 1871, № 35; *А. П. Федченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 372.

6,2 тыс. пудов[146]. Но в целом культивирование хлопчатника было довольно скромным.

Домашние промыслы и торговля. Натуральный характер экономических отношений киргизского общества предполагал развитие наряду со скотоводством и земледелием также необходимых в быту и хозяйстве каждой дехканской семьи домашних промыслов и ремесел. Производя для своего потребления помимо хлеба, продуктов скотоводства, также пряжу, холсты, предметы одежды, крестьянское патриархальное хозяйство, говоря словами К. Маркса, выполняло «общественные функции в своей натуральной форме»[147]. В общинах докапиталистических способов производства К. Маркс видел характерное соединение мелкого земледелия с домашней промышленностью.

Процесс домашнего производства был ограничен рамками семейного коллектива: одни ухаживали за скотом, другие готовили сырье, третьи делали из него войлок или выделывали кожи, шили одежду и т. д. Здесь еще не произошло общественного разделения труда, из домашних производств не выделилось самостоятельное ремесло.

Необходимые элементы домашнего промысла, ремесленного производства, товарообмена и торговли не вели в таком обществе к возникновению капитализма. Зачатки товарного производства, рыночные связи выступали здесь как феодальные.

Киргизия — горный край. Природа щедро одарила его травой, водой, лесом и минералами. И то, что лежало на поверхности и не требовало особых затрат, находило применение в хозяйстве кочевника-скотовода и земледельца-хлебопашца, добывалось промыслами, использовалось в домашнем производстве. С экологической точки зрения интересно бережное отношение киргизского населения к богатствам окружающей природы. В то время леса, покрывавшие склоны гор, рассматривались как драгоценное достояние. Хорунжий Н. Потанин, сопровождая возвращавшихся из России в Коканд ханских посланников, в 1830 г. сообщал, что горы Ала-Тоо изобилуют «разного рода лесом», но киргизы никому, в том числе и кокандцам, не разрешали им пользоваться «даже за плату»[148].

Сами жители не только довольствовались дарами «открытой» природы, но и занимались в некоторой степени разработкой отдельных видов естественных и минеральных богатств. Охота выступала как бы подсобным промыслом. Бедняки-охотники добывали шкуры и маральи рога для баев, биев и

146 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 23344, л. 48.

147 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 88.

148 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24766, л. 19—20.

манапов. Сарыбагышский манап Ормон содержал несколько охотников специально для отстрела маралов из-за лечебного свойства их рогов[149]. Радлов отмечает распространение у киргизов охоты с ловчими птицами[150].

С середины XIX в., по словам Ч. Валиханова, из-за возросшего спроса на звериные шкуры со стороны приезжих купцов, киргизы стали промышлять зверя ловушками и капканами. Одна рысья шкура оценивалась в 5 баранов[151]. Северцов со ссылкой на Загряжского упоминает даже один из киргизских родов — *сатыке,* который бежал от междоусобиц в глухие горы и промышлял охотою[152].

Охота рассматривалась как удел самых обездоленных людей. Однако среди киргизов были и признанные искусные охотники, память о них сохранилась даже в фольклоре. Для феодалов охота являлась развлечением и своеобразным видом спорта[153]. Согласно нашим опросным сведениям, не гнушались охотой крупные сарыбагышские манапы Джантаевы, выезжавшие для этого весною из Чон-Кемина в Чуйскую долину и на Иссык-Куль. Трофеи охоты в виде пушнины и маральих рогов через кокандских купцов попадали в города Ферганы и Восточного Туркестана.

Кокандские предприниматели сами занимались на территории Киргизии разработкой отдельных видов полезных иско-

149 *М. Венюков.* Очерки Заилийского края, стр. 109—110.
150 *W. Radloff.* Aus Sibirien, s. 528.
151 *Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 327.
152 «Известия РГО», т. V, 1869, стр. 233. Несколько более поздние данные показывают следующую картину промыслового отлова киргизами пушного зверя.

Район	Добыто					
	лисиц			куниц		
	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Иссык-Куль	2200	1200	700	—	80	80
Нарын	1700	1700	1500	50	150	150
Токмак и Верный	1300	1500	2000	—	20	70

См.: *П. Зенков.* Звериный промысел.
153 См.: *С. М. Абрамзон.* Краткий предварительный отчет о работе этнографического отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР. 1954 г., — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1645; *Ф. А. Фиельструп.* Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов. 1925 год. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 2, л. 7.

паемых, привлекая при этом как подсобную рабочую силу окрестное киргизское население, что, однако, не исключало самостоятельных киргизских промыслов. Свинцовую руду «в значительном количестве» добывали в горах Кара-Тау и «вообще в горах Ала-Тау»,— сообщал в середине XIX в. анонимный автор «Обозрения Кокандского ханства»[154].

В горах Чаткала, к северу от Сыр-Дарьи, на расстоянии двух дней пути от Намангана в первой половине XIX в. имелись серебряные рудники. Там и сейчас видны внушительные стены крепости. Руда добывалась кокандцами высоко в горах лишь в продолжении трех относительно теплых летних месяцев. Имелся «прииск серебряной руды» и в четырех днях пути от Намангана по дороге к укреплению Кетмень-Тюбе. В 1839 г. на руднике было добыто 1000 чарьяков (*чарьяк* ок. 4,5 пуда) руды, из которой можно было получить 100 чарьяков свинца, а также 1 чарьяк чистого серебра[155]. В разработке, естественно, принимали участие в качестве рабочей силы и коренные жители, но металл шел в основном в Кокандское ханство. Как сказано в приводившейся записке, свинцовых руд в горах Ала-Тоо добывалось вполне достаточное количество для обеспечения потребностей кокандского войска.

В республике целенаправленно не занимались изучением горнорудных памятников позднего средневековья и XVIII—XIX веков, но имеющаяся небольшая литература (П. П. Иванов, М. Е. Массон, В. Т. Сургай, М. А. Бубнова) наводит на мысль о необходимости специальных исследований в этой области.

В 1976 г. во время рекогносцировочной поездки (в рамках темы по археологической карте Киргизии) мы посетили довольно известный в старину рудник Кан-и Гут («Рудник погибели»). Одно из названий местности также Шадимир.

По случайным археологическим находкам М. Е. Массон заключает, что прилегающая к пещере территория была обжита с рабовладельческого периода. Интенсивные разработки свинца и железа здесь велись в VI—XI вв. Находка в одном из пещерных ответвлений 23 ферганских монет квадратной формы с надписью *ройдж* (т. е. «ходячая» монета) свидетельствует, что в конце XVIII—начале XIX вв. здесь продолжали добывать руду. В кокандский период были сведения, что в районе Кан-и Гут местные киргизы добывали свинец для своих охотничьих нужд. М. Е. Массон сообщает без ука-

154 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 12, 14.
155 Там же.

зания источника, что в 1850 г. пещеру посетил кокандский курбаши с несколькими рабочими. У входа в пещеру они видели надпись на неизвестном языке, отметили большое число подземных ходов и в разных местах деревянные крепи [156].

Свое название рудник получил от преданий, связанных с кокандским ханом Худояром. При нем осужденных на казнь спускали в пещеру на поиски сказочных сокровищ. Там они либо гибли, либо убивались стражей по возвращении с пустыми руками.

Нашим проводником был житель соседнего села Ак-Татыр Мурзакулов Пиридид, в 1950—1953 гг. работавший на руднике проходчиком.

Основной вход в пещеру на юго-восточном склоне средней горы. Он прикрыт холмами, издали не виден и открывается только после подъезда по урочищу. Внушительный, нависающий горными глыбами грот продолжался некогда узким лазом, который вел к рудным жилам и там уже расширялся в рабочие камеры. Мурзакулов еще помнит этот узкий ход, в который только-только мог пролезть человек. С началом промышленных разработок в 1949 г. грот расширили, срубили опасные навесы камней, а узкий лаз превратили в широкий проход, переходящий в штольни. Поэтому никаких старинных надписей уже нет.

Слева, метрах в 40, была пробита новая штольня, а справа, примерно в километре, еще один старый пещерный вход. У его основания — развалины жилых каменных строений, по крайней мере, полуторастолетней давности. По всей вероятности, они служили жильем рудокопов в период кокандского ханства — последний в предреволюционное время этап функционирования рудника. Внутри рудник представляет собой лабиринт узких, опасных вертикальными колодцами проходов. По словам Мурзакулова, ходы тянутся на километры, внутри имеются целые галереи, залы, даже водоем. По основному створу пещеры встречаются ответвления, уводящие в сторону, нередко такие, что человек с трудом может протиснуться ползком. Но через некоторое время они вдруг превращаются в просторные камеры — значит здесь была еще в древности выработана руда. При проходе штолен вдруг совершенно неожиданно глубоко внутри горы можно наткнуться на новый узкий лаз, оканчивающийся пустой камерой, размерами с юрту. И нигде никакого выхода наружу. Видимо, впоследствии обвалы его перекрыли. Нужно было обладать каким-то чутьем, во всяком случае, немалыми горнорудными познаниями, чтобы точно выходить

156 *М. Е. Массон.* Рудник погибели, стр. 34—35.

на рудоносные жилы и в полупотемках (при свете чадящих факелов), глубоко в скалах чисто их выбирать и снова находить жилы. Даже при беглом предварительном осмотре рудника видно, что здесь приложено неимоверное количество труда в нечеловеческих условиях для добычи столь необходимой руды.

Все это свидетельствует, во-первых, о том, что рудник являлся одним из основных по добыче свинцово-серебряных руд Ферганской долины издревле. Во-вторых, чистый металл выплавлялся, по крайней мере, в отдельные периоды прямо здесь же у основания гор. Встречается немало старых отвалов уже отработанных шлаков и породы. В-третьих, добыча металла была рентабельной. Именно поэтому в столь диких условиях столетиями продолжались разработки.

После осмотра рудника мы полностью присоединяемся к мнению М. Е. Массона, что «при всем том изучение Кан-и Гута далеко не завершено. «Рудник погибели» не только являет собой заманчивый объект в историко-археологическом отношении, но представляет интерес в смысле его практического промышленного использования с применением современной техники горного дела» [157].

Другой аналогичный рудник, заслуживающий внимания, — Хайдаркан (букв.: «Рудник Хайдара»). Здесь также встречаются следы старых выработок, сопровождаемые фрагментами керамики. По рассказам местных жителей, велись разработки и в ханские времена.

Имеются указания, что не только кокандские рабочие-мардикеры, но и киргизы сами добывали руду в Тянь-Шаньских горах. Так, описывая путь из Кашгара через Алай в Коканд в 1812 г., Мир Иззет-Улла называет киргизский поселок Шор-Булак, где «нашли свинец; копи разрабатываются киргизами, которые выплавляют металлический свинец (и торгуют этим металлом)» [158]. О добыче киргизами свинца в Андижанском вилайете сообщал и В. В. Вельяминов-Зернов: «Киргизы достаточно приобретают его (свинца), впрочем без примеси серебра около Ляк-хана и Ура-Тюбы. 16 пудов его ценятся в г. Кокане 10 тенег. Те же киргизы добывают свинец тоже чистый без серебра из северных отрогов Тянь-Шаня, в горах Каратау,

157 *М. Е. Массон.* Рудник погибели, стр. 39. Хочется отметить, что после рекогносцировочной поездки Президиум АН Киргизской ССР принял решение о проведении комплексного исследования силами трех институтов: истории, геологии, физики и механики горных пород—по теме «История горнорудного промысла в Киргизии». (Исполнители: И. Т. Айтматов, Д. Д. Дженчураев, В. М. Плоских и др.).

158 *Мир Иззет-Улла.* Путешествие, стр. 44.

близ Туркестана, цена ему в этом городе за 16 пуд. тилла»[159].

Одним из крупнейших в Кокандском ханстве считались наукатские разработки меди, протянувшиеся на 20 км по Сыр-Дарье[160]. Необходимое для бронзового сплава олово рудокопы могли добывать на высокогорном Сары-Джазе. Со старыми завалами мы ознакомились во время экспедиции 1977 г. Для производства оружия, предметов быта и орудий труда нужно было железо и киргизы часто добывали его сами, правда, «в малых частях и весьма грубыми способами»[161]. Один из обычных способов заключался в добыче железа из шлихового песка прииссыккульских речек. Первые сведения о получении железной руды на Иссык-Куле относятся еще к началу XVIII в., когда русский пленник И. Сорокин наблюдал за его производством у ойратов[162]. Но подробно процесс был описан гораздо позже[163]. М. А. Бубнова, не без основания осторожно подходит к этим сведениям[164], ведь известна тугоплавкость магнетита, но нельзя не считаться и с показаниями очевидцев. Тем более, что эти сведения вполне подтверждаются и этнографическими материалами — воспоминаниями старожилов, с которыми нам приходилось беседовать на берегах Иссык-Куля.

В мизерных количествах в Киргизии в первой половине XIX в. занимались разработкой каменного угля, который находил спрос в городах ханства и на горнорудных приисках. По распоряжению Худояр-хана каменный уголь доставлялся в Коканд с Нарына из районов ныне действующего рудника Таш-Кумыр. Угольные копи Сулюкты были открыты с помощью киргизов. О продаже угля киргизами рода багыш на базарах упоминается в фольклорных записях о состязаниях двух южнокиргизских певцов — Нурмолдо и Мусы. Киргизы Ура-Тюбинского вилайета заготовляли в горах лес и выжигали угли, доставляемые для продажи в город[165].

159 *В. В. Вельяминов-Зернов.* Торговое значение Кокандского ханства, стр. 31—33.
160 *М. А. Бубнова.* Добыча полезных ископаемых, стр. 34.
161 *И. Бардашев.* Заметки о дикокаменных киргизах, стр. 388.
162 См.: *И. Я. Златкин.* Очерк истории Джунгарского ханства, стр. 363—364.
163 *И. Бардашев.* Заметки о дикокаменных киргизах, стр. 388; *М. Венюков.* Опыт военного обозрения, стр. 302; *П. И. Шрейдер.* По окраине, стр. 185; *А. Ф. Бурковский.* Из истории техники металлического производства, стр. 87.
164 *М. А. Бубнова.* Добыча полезных ископаемых, стр. 65.
165 «Туркестанские ведомости», 1876, № 35; *Л. Ф. Костенко.* Туркестанский край, т. III, стр. 177; *К. Мамбеталиева.* Быт и культура шахтеров-киргизов, стр. 6—7; *Д. Айтмамбетов.* Культура киргизского народа, стр. 209; *А. Мухтаров.* Очерк истории, стр. 93.

В окрестностях Исфары, в горах, занятых киргизами, встречались бирюза, яхонт, рубин[166]. В источниках приводится случай, когда киргизами в реке Тон был обнаружен драгоценный камень, который впоследствии достался одному кокандскому чиновнику за очень крупную сумму — 1000 тилла[167]. Имеются неконкретные упоминания о случайных находках самородного золота в киргизских горах, о золотоносных джергаланских песках, о добыче золота в верховьях Нарына[168]. Кокандские ханы пытались привлечь для разработки золота в киргизских горах беженцев из России, но затея не удалась[169].

Если драгоценные и цветные металлы, добываемые на территории Киргизии пришлыми и местными работниками, направлялись в основном в ханскую казну, то железо, соль, гипс главным образом использовались во внутреннем производстве. Гипсовый мергель киргизы применяли для выделки овчин.

Свои натуральные потребности в добыче соли киргизы полностью удовлетворяли и даже вывозили ее на продажу оседлым жителям. Соль добывали в горах Алая и Ферганы, у Оша и в долине р. Чу, в Кетмень-Тюбинской котловине, на Джумгале и в других местах. Особенно много ее было обнаружено у деревни Камыш-Коргон (по дороге из Ташкента в Ходжент): соленые ключи, стекающие с окрестных гор, высыхали в долине в виде пластов соли, для добычи которой съезжалось «большое число жителей Кокандского ханства»[170]. Издавна добывали каменную соль вблизи Токмака. 27 мая 1864 г. начальник Зачуйского отряда доносил командиру Сибирского корпуса о разработках: «Киргизы, кочующие по долине р. Чу, с древнего времени добывают эту соль для домашнего употребления»[171]. Чтобы добыть столь необходимую для скота соль, писал Загряжский, киргизы «целыми караванами ходят в горы» и привозят ее в кусках[172].

166 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254, л. 12—14.
167 Обозрение Кокандского ханства, стр. 148—149.
168 *Н. И. Потанин.* Записки о Кокандском ханстве, стр. 224. Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 148—149; *П. П. Иванов.* К истории развития горного промысла, стр. 50.
169 В одной из статей 40-х годов сообщается о каких-то татарах-беженцах из России, которые явились к кокандскому хану с предложением «открыть в горах Ала-Тау золотые россыпи и научить способам промывки, употребляемым в России». Хан одобрил намерения и дал охрану. Однако эти начинания закончились трагично: стражники, которым надоело скитаться за непоседливыми татарами, убили искателей, а хану донесли, что те не выдержали тягот пути и умерли естественной смертью.—ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254. «Обозрение Кокандского ханства».
170 Обозрение Кокандского ханства. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19254.
171 *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край, т. XX, стр. 123—134.
172 *Г. С. Загряжский.* Очерки Токмакского уезда.

Своеобразие быта и кочевого образа жизни киргизов определяло характер их промыслов и ремесел. Домашнее производство служило, в первую очередь, удовлетворению натурального хозяйства и базировалось на использовании внешних богатств окружающей природы и скотоводческих продуктов. Орудия труда были очень примитивны, техника малопроизводительна, что требовало больших затрат физического труда и времени.

Уходя корнями в древность, домашние промыслы, тем не менее, в силу консервативного способа производства, продолжали бытовать вплоть до начала XX столетия. Лишь со второй половины XIX в. некоторые промыслы постепенно отделяются от сельского хозяйства, изделия производятся по заказу потребителя за денежное или натуральное вознаграждение, тем самым приобретая черты мелкотоварности.

Ряд ремесел, специализированных на производстве предметов национального обихода и быта, даже получил сравнительно широкое распространение. Но цеховой организации здесь не выработалось. Мастера — *уста* — работали в одиночку, трудясь и на заказ и по своему почину, не теряя в то же время связи с кочевым патриархально-натуральным хозяйством[173]. Лишь в одном из городов Киргизии — Оше ремесло оседлого населения было близко к средневековой цеховщине[174].

В аилах имелись свои специалисты-промысловики, ремесленники, сапожники, кузнецы, мельники. Иногда на аил и даже на целую волость был всего один мастер определенной специальности. Он работал в основном на заказ на своем сырье или материале заказчика. Мастер свободно передвигался с несложным инвентарем и работал в любом месте, при любых условиях. Трудился в одиночку, и лишь в тех видах производства, где необходима была подсобная рабочая сила (кузнечное, токарное), привлекал членов семьи или пользовался трудовой помощью заказчика.

Киргизское население, как рабочая сила, использовалось в коллективных работах на ханских объектах, занималось постройкой собственных домов (которые точнее назвать мазанками) на зимовках-*кыштоо,* т. е. обладало и определенными строительными навыками. Широко распространенный обычай возведения усопшим монументальных надгробий определил появление даже специальных мастеров — строителей мазаров и гумбезов. До сих пор в горах Тянь-Шаня можно встретить эти своеобразные памятники намогильной архитектуры, некоторые из них преданиями связаны с XVIII и XIX веками. Это — целый комплекс Кырк-чороо, атбашинский мазар Тюрегельды, мавзолей народному герою Тайлаку — предводителю киргизских повстанцев против кокандского гнета и др.

Киргизский войлок славился у окружающих народов своей прочностью. Женщины изготовляли из козьего пуха белые колпаки и бурки *(кебенек)*[175]. Кошмы киргизского производства, видимо, особенно ценились в Кокандском ханстве, так как сохранились специальные распоряжения о распределении таких кошм. В 1288 (1871—72) г. Мулла Абд-Джалил мирзабаши пишет Бахти Мухаммеду курбаши о необходимости выдать для школы детей гуламов «два хороших киргизских войлока»[176]. Другим распоряжением Султан Мурад-бек приказал доставить для нового строения в ставке *(урде)* 50 киргизских войлоков. Приписка к документу гласила: «За услуги *(хизмат)* выдайте 2 тилла»[177]. Войлочные изделия из шерсти *(ширдак. кийиз* и др.) были самым распространенным украшением киргизского жилища, они служили прекрасным материалом для покрытия юрт, обшивки седел, изготовления одежды, обуви и т. п.[178] Довольно широкое распространение в XIX в. приобрели ворсовые и шерстяные ковры южнокиргизского производства[179].

Один из исследователей дореволюционных ковров А. Фелькерзам выделяет в ковровом производстве Ферганы Андижанский и Ошский уезды, где оно «находится исключительно в руках киргизов, преимущественно племен ичкилик, кыдырша и шир (?)». Автор называет их мастеров «в полном смысле художниками в ковровом производстве», чьи изделия принадлежат к числу лучших в Средней Азии[180]. Высокие художественные достоинства киргизских ковров были связаны, главным образом, с традиционными приемами киргизского декоративного искусства[181]. Это определяло их спрос на кокандском рынке.

Господство натурального хозяйства и ограниченность в связи с этим потребностей местного населения в ремесленных

173 *М. Рыскулбеков.* Из истории ремесленно-кустарной промышленности, стр. 44—45.
174 *А. Г. Зима.* Киргизия, стр. 22.
175 *Ч. Валиханов.* Соч., т. 1, стр. 327. В. Радлов также упоминал о войлочной обуви из козьего пуха и пальто-кебенек, которыми славились киргизы. — *W. Radloff.* Aus Sibirien, s. 528.
176 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 2893.
177 Там же, д. 2929; *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 395.
178 См.: *К. И. Антипина.* Особенности материальной культуры, стр. 22—41.
179 В северных районах Киргизии тканых ковровых изделий не производилось. См.: *А. Ромм.* Очерк истории изобразительного искусства, стр. 30; *К. И. Антипина.* Особенности материальной культуры, стр. 67.
180 *А. Фелькерзам.* Старинные ковры Средней Азии, стр. 57.
181 *А. Уметалиева.* Киргизский ворсовый ковер, стр. 29; *К. И. Антипина.* Особенности материальной культуры, стр. 81.

изделиях тормозили развитие ремесла. Основная цель домашних киргизских промыслов и ремесел заключалась не в получении меновой стоимости, а в создании лишь потребительской, что и являлось серьезной причиной отставания экономики. С середины XIX в. наметившееся развитие товарного производства в Южной Киргизии шло не по пути перерастания домашних промыслов и ремесел в капиталистическое производство, а через превращение его в мелкотоварное. Этому в определенной степени способствовали наличие товарообмена и торговли внутри киргизского общества, а также киргизов с их соседями, особенно с узбекским и таджикским населением, посредством кокандских купцов.

Развитие скотоводства, когда воспроизводство стада превышало спрос, стимулировало его обмен между кочевниками и оседлым населением. Торговля, с другой стороны, способствовала ускорению процесса скотоводческого производства. Характер взаимоотношений кочевого киргизского населения и оседлого узбекско-таджикского в немалой степени определялся конъюнктурой на меновых рынках ханства.

Рынки были сосредоточены в основном в долинных центрах, в различных водных бассейнах. Предметами внутреннего оборота в Фергане служили хлопок, рис, пшеница, сушеные фрукты, мануфактура, шелковая грена, волокно, топливо, продукты животноводства. Причем каждый базар славился в округе своими специфическими продуктами и товарами.

Основными базарными днями были воскресенье, понедельник, вторник, реже — пятница. На крупных базарах совершались оптовые сделки, принимавшие нередко форму натурального обмена[182].

Непосредственно в среде киргизов, особенно феодальной знати, существовало некое традиционное предубеждение против занятия торговлей. «Для белой кости считается обидой предков заниматься торговлей»,— гласил «обычай»[183]. Торговля в кочевьях была сосредоточена в руках кокандских и кашгарских купцов и их посредников. Узбекские ремесленники производили специальные изделия, пользовавшиеся спросом у киргизского населения, в основном ткани, обувь и пр. Из Кашгара обычно поступали бумажные материалы, халаты, бязь, сушеные ягоды. Взамен киргизы отдавали или даже сами поставляли в кокандские города скот. Филипп Ефремов упоминает, что киргизы часто приезжают в Коканд и «пригоняют для

182 *Р. Я. Рассудова.* Земледельческое хозяйство, стр. 70—71.
183 *Г. Загряжский.* Юридический обычай киргиз, стр. 185.

мены овец, быков и верблюдов»[184]. Обращает на себя внимание, что путешественник говорит именно о «мене» скота, меновом характере торговли. И эти свидетельства находят полное подтверждение в показаниях российских купцов, торговавших в киргизских кочевьях.

Анонимный автор в середине прошлого столетия писал: «Почти все торговые обороты черных киргизов ограничиваются меною своего скота торговцам, приходящим из Кашкарии, России, Кокании и Китая»[185].

Наезжавшие в киргизские кочевья торговцы обычно начинали с того, что обращались к влиятельным манапам за покровительством. Манапы за особое вознаграждение давали своих провожатых и брали под опеку купцов. Это, естественно, влекло завышение цен на товары. Феодалы, бравшие товар в долг, для расплаты или обирали своих подданных — букару, или организовывали барымту — набеги на соседей. Угнанный таким образом скот передавался торговцам и под охраной специально выделенных манапом джигитов препровождался как можно дальше от потерпевшего рода. Бывали и крайние случаи, когда манап, не имея возможности расплатиться, просто-напросто прогонял торговцев, предварительно ограбив их[186].

Значительный тормоз торговле представляли феодально-родовая раздробленность и постоянные междоусобицы. В первой половине XIX в. то и дело можно было слышать жалобы торговцев на опасность пути через Киргизию, поборы и произвол мелких феодально-родовых правителей, каждый из которых, по словам российских купцов, брал столько, сколько сам «рассудит взять»[187]. Письменные торговые сделки не оформлялись. «Все обязательства и договоры происходят между киргизами словесно»,— гласило «обычное» право. Подобные же взаимоотношения наблюдались и между купцами и киргизскими проводниками, возчиками[188]. В районах, где чаще приходилось иметь дело с оседлыми жителями, внутренние юридические взаимоотношения киргизов и узбеков регулировались не только «обычаем», но и шариатом. Каноны мусульманского права через кокандцев проникали в сферу ряда правоотношений кочевников. В частности, это касалось, как было показано выше, земельных взаимоотношений.

184 *Ф. Ефремов.* Странствование. Казань, 1811, стр. 103.
185 Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 152—153.
186 *А. Талызин.* Пишпекский уезд, стр. 30—31.
187 Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1 (1827), д. 8, л. 112. Донесение семипалатинского купца 1 гильдии Степана Попова.
188 *Г. Загряжский.* Юридический обычай киргиз, стр. 187.

В практике городской жизни встречался не только натуральный обмен, но и употребление денег, а также такие формы торговой эксплуатации, как сдача на откуп, ростовщичество и пр.

Киргизстан стоял на важных транзитных трактах и был связан торговыми нитями с Кокандом, Россией, Бухарой, Восточным Туркестаном и Индией.

Местное население нанималось работниками в проходящие караваны, продавало купцам продовольствие, покупало предметы домашнего обихода. В одном из писем 9 апреля 1827 г. генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу киргизские бии Качибек, Аджибай, Муса-Ходжи и Юнус, выпрашивая награды, писали: «Мы же проходящие из России, Кашгарии и Аксу караваны... сопровождаем на все нужные для них стороны»[189].

Киргизские жители нередко сами способствовали прохождению застрявших караванов, как было, например, с Мир Иззет Уллой. «Нами была нанята сотня киргизов для того, чтобы протоптать по снегу дорогу, по которой мог бы пройти наш караван,— писал Мир Иззет Улла.— Киргизские стоянки находятся здесь в течение летнего сезона»[190].

По отчетам сибирских купцов, торговавших в начале XIX в. с киргизами, можно сделать вывод, что киргизы занимались именно меновой торговлей, а единицей торгового эквивалента служила шкура лисицы[191]. Р. Данибегашвили, грузинский путешественник, неоднократно посещавший Тянь-Шань, писал: «В торгу у них деньги не употребляются, но место их заступает мена вещами»[192]. Купцы, встреченные Лещевым по дороге на Иссык-Куль (1821 г.), говорили о «промене», «вымене» у киргизов баранов, о том, что направляются «для мены товаров к закаменным киргизам»[193]. П. П. Семенов в качестве единицы торгового эквивалента у киргизов называет барана. Счет шел в переводе на поголовье баранов, а «расценки» определялись «по обычаю»[194].

Меновой характер торговли определялся степенью развитости общественных отношений. Уместно вспомнить высказывание К. Маркса, что «только общественное действие может

189 ГАОмО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 374.
190 *Мир Иззет Улла.* Путешествие, стр. 46.
191 ГАОмО, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 13—24.
192 *Р. Данибегашвили.* Путешествия, стр. 37.
193 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648, л. 32—34.
194 *П. П. Семенов-Тян-Шанский.* Путешествия, стр. 311.

превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами»[195].

Деньги полностью не были исключены из торгового оборота в Киргизии. Правда, своего денежного знака киргизы не знали, но пользовались деньгами среднеазиатских ханств — бухарскими монетами, серебряными слитками — *джамбы,* но преимущественно кокандскими деньгами.

В Кокандском ханстве монеты стали чеканить с XVIII века[196]. В Оше кокандский хан имел монетный двор, где чеканилась медная монета — *пул*[197].

Из сравнения монет коллекций Ю. Скайлера и Британского музея, проводимого Ч. Тереем, видно, что чеканка валюты — прерогатива каждого хана. Даже правившие по нескольку месяцев, такие, как Шах-Мурад (1278/1862), успевали отчеканить собственную монету, образец которой намного пережил правителя[198]. Для этих целей могли перечеканиваться монеты предшественников, на которых выбивалось имя нового правителя. Так произошло с первой монетой малолетнего Худояр-хана, вступившего на престол в 1260 (1844) г. Его опекуном Мусульманкулом на имя Худояр-бия был переделан (по терминологии Ч. Торрея) золотой динар, датированный 1260 г.,—т. е. первым годом провозглашения мальчика ханом[199].

Исключительный случай представляет упоминаемая Ч. Торреем золотая монета из коллекции Британского музея, датированная 1288 (1871) г. и принадлежащая «Мухаммед Фуладу» (Пулат-хану) — предводителю восстания киргизов и других народов против Кокандского ханства. Если это не ошибка, то чрезвычайно интересный факт. Предводитель восстания против ханского деспотизма киргиз Пулат начал борьбу с выпуска собственной монеты, которая имела хожде-

195 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 96.
196 См.: Каталог монет Коканда, стр. 6. М. Холсворт неверно отмечает, что первым начал чеканить свою монету Омар-хан, а последний раз она была чеканена Худояр-ханом в 1871 г.—См.: *M. Holdsworth.* Turkestan in the Nineteenth Century, p. 5, 10.
197 *Е. Ф. Тимковский.* Путешествие в Китай, стр. 91.
198 *Ch. C. Torrey.* Gold coins of Khokand, p. 26—27; Каталог монет, стр. 14—15.
199 *Ch. C. Torrey.* Gold coins of Khokand, p. 22; Каталог монет, стр. 11.

ние, так как определялась золотым номиналом. Тип серебряной монеты Пулат-хана, чеканенной в Коканде в 1292 (1875) г., приводит и С. Х. Ишанханов в своем «Каталоге монет Коканда».

В целом оборот денег в Кокандском ханстве был очень незначителен и, соответственно, еще меньшим среди киргизов. В одной из своих статей В. П. Наливкин писал, что в ханстве преимущественный счет шел на чеки (1/2 коп. серебром) — наиболее распространенный среди простых людей; счет на танга (20 коп. серебром) — у остальных сословий. Хождение тилла (золотой монеты, равной 3 руб. 80 коп. серебром) встречалось лишь как редкое исключение[200]. Примерную стоимость товаров дает В. В. Вельяминов-Зернов: 20 чариков (80 пуд.) пшеницы — 6 тилла, 60 чариков (240 пуд.) джугары — 10 тилла, пара сапог — 10 танга, шуба — 2 тилла, баран — 8 танга, корова — 2,5 тилла, лошадь — 2,5—6 тилла, бык — 4—6 тилла[201]. В неурожайный год плата за пуд пшеницы доходила до 5—6 танга[202].

Хождение среди киргизов денег Кокандского ханства означало их вовлечение (пусть в определенной степени пассивное) в общеазиатский товарооборот. По словам К. Маркса, «если мы остановим свое внимание на деньгах, то увидим, что они предполагают известный уровень товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения...»[203].

Таким образом, несмотря на замкнутый, натуральный характер, киргизское хозяйство находилось во взаимодействии и взаимовлиянии с узбекским, таджикским хозяйствами, постоянно развивалось в направлении от скотоводства к земледелию, имели место домашние промыслы, функционировал товарообмен. Тем не менее в целом оно оставалось патриархально-феодальным, экстенсивным.

3. Социальная структура киргизского общества

Социальная структура, классовое деление и положение трудящихся в Кокандском феодальном ханстве и киргизском патриархально-феодальном обществе имели много общих черт с любым другим восточно-деспотическим государством и обще-

200 *В. П. Наливкин.* Очерк благотворительности, стр. 141.
201 *В. В. Вельяминов-Зернов.* Сведения о Кокандском ханстве, стр. 11, 16.
202 *В. В. Вельяминов-Зернов.* Торговое значение Кокандского ханства (рукоп.), стр. 46—47.
203 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 180.

ством, производительные силы которого покоились на натуральном хозяйстве — кочевом или полукочевом скотоводстве и земледелии.

Рассмотрение социально-классовой структуры этого патриархально-феодального общества позволяет и здесь, как в любом другом классовом обществе, выделить эксплуататоров — тех, кто владел средствами производства, но не трудился, и эксплуатируемых — тех, кто владел средствами производства и трудился (подвергался налоговому гнету и частичной феодальной эксплуатации), а также тех, кто не владел средствами производства и трудился (наиболее обнаженная форма эксплуатации). Социальная полярность киргизского общества приводила к тому, что манапы составляли белую кость, а свободные простолюдины и рабы — черную кость. Конкретные фактические материалы выявляют всю беспомощность попыток идеализации отдельными представителями националистических тенденций в прошлом (О. Сыдыков и др.) киргизского общества как бесклассового общества равных, основанного на отношениях кровно-семейного родства.

Феодальные отношения здесь были опутаны сетью патриархальных и патриархально-родовых связей, которые накладывали отпечаток на систему социальных взаимоотношений, условия господства и подчинения, маскировали эксплуатацию.

Феодалы: манапы, беки, баи и бии всячески стремились затемнить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им ложную мысль об общности интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь заглушить недовольство, возмущение и негодование трудящихся масс киргизов и узбеков феодальным гнетом, они разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» чести и интересов «своих» сородичей.

Наличие патриархально-феодальных отношений, как господствующих, замедляло и тормозило превращение сельского хозяйства в товарное производство. Здесь не получило своего оформления крепостничество, лежавшее в основе феодализма на Западе. Но зависимость крестьян-скотоводов и земледельцев от феодалов имела разносторонние формы. Еще В. И. Ленин подчеркивал, что формы и степени внеэкономического принуждения могут быть самые различные: «...начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»[204].

На верхней ступени иерархической социальной структуры

204 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

Кокандского ханства находились хан и его бекское окружение, в киргизских родо-племенных отделениях до зависимости от ханства — манапы и бии-родоправители. После подчинения киргизов Кокандом ханы и беки, не имея возможности существенно вмешиваться во внутреннее управление киргизского общества, возлагали эту обязанность на высших представителей киргизского класса феодалов — на юге на датху, на севере — на манапа.

Основная часть киргизской феодальной знати нашла общий язык с кокандскими властителями, став их пособниками в политике угнетения и эксплуатации местных трудящихся. Представителям феодальной верхушки, особенно на юге Киргизии, кокандский хан предоставил значительные привилегии, раздавал им различные чины и должности как в гражданском управлении, так и в войсках. Народные массы были бесправны, и вся тяжесть феодально-ханского гнета разорительным бременем ложилась в первую очередь на плечи трудящихся киргизов, узбеков и таджиков.

В ханстве сложилась господствующая группа феодалов главным образом из представителей военных чинов, духовенства и придворных. Отличительная особенность удаленных от Коканда и непосредственно не исполнявших административные обязанности киргизских титулованных феодалов заключалась в том, что они не имели постоянного жалования от казны, а удовлетворялись единовременными подарками да определенной долей при сборе налогов. Те же киргизские феодалы, которые служили непосредственно при дворе, имели единоразовые жалования, либо получали в правление («на кормление») округа, районы, крепости и даже отдельные селения. Не исключением было и пожалование киргизских селений, даже отдельных семей узбекским феодалам. Характерен в этом плане ханский приказ (фирман-и али) от 1255 (1839—1840) г., направленный парваначи Гадай-бию с определением выделить в пожалование 11 киргизских семейств в местности Туби (?) в Ура-Тюбинском вилайете для некоего Турахан-накиба[205].

Киргизские феодалы—манапы, бии, баи—ревностно следили за своими подданными — киргизскими семьями и не допускали их откочевок к другим феодалам. В этом проявлялось своеобразие социальных отношений в киргизском обществе. Если в центре Кокандского ханства имелись случаи даже письменного оформления зависимости дехкан, то в отдаленных киргизских родо-племенных отделениях фактическая зависимость никак не фиксировалась. Она покоилась на экономической неравноправности, маскировалась патриархально-родовыми «родственными» отношениями, «освящалась» идеологическими воззрениями. Тем не менее, под влиянием феодальных отношений Кокандского ханства углубляются социальные противоречия и в киргизском обществе. Иллюстративным примером этого может служить факт усиления социальных контрастов в киргизской земледельческой общине и тенденция выделения из ее состава обогатившихся дехкан, приближающихся к классу феодалов. И хотя хозяйственный процесс в условиях орошаемого земледелия требовал коллективности, чему, казалось бы, соответствовала община, используемая для создания и поддержания ирригационной сети, мы встречаем факты сознательного обособления отдельных зажиточных и богатых хозяйств в киргизской общине и документального оформления этого акта.

Ранее мы приводили этот документ полностью[206]. Суть его сводится к тому, что некий Муллабай Ахун Нарботобаев в 1254 (1838) г. из общего владения 45 киргизских хозяйств обособляет свою долю (судя по документу, половину всего участка, принадлежащего 11 общинникам) в местности Мады, близ Ош а. Документ скреплен печатями казиев[207]. Из него явствуют, во-первых, факты социального неравенства; во-вторых, углубление феодализации общества; и, наконец,—кокандское влияние. Усилению социальной поляризации киргизского общества способствовало и право отчуждения владений, позволявшее феодалам сосредоточивать в своих руках земли разоряющихся дехкан.

Манапы-родоправители, распоряжаясь фактически подданным населением всего рода или племени, имели в непосредственной зависимости и подчинении сотни хозяйств. В середине XIX в., например, старший манап рода солто Джангарач имел 600 юрт, старший манап сарыбагышей Джантай — 700 юрт, старший манап саяков — до 500 юрт. Те манапы, число личных подданных которых определялось менее чем в 100 юрт, считались мелкими, «захудалыми»[208]. К. К. Юдахин приводит следующие категории манапов: 1) чоң манап или ага манап — старший манап, которому подчинялись более мелкие манапы его рода, племени; 2) жынжурлуу манап — наследственный манап; 3) чала манап — второстепенный манап, зависимый от

205 Материалы по истории Ура-Тюбе, стр. 67.

206 *В. Плоских.* Очерки патриархально-феодальных отношений, стр. 66.
207 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22534, л. 78—79.
208 Архив Киргиз. филиала ИМЛ, ф. 20, оп. 7, д. 315, л. 17—18.

старшего манапа; 4) чолок манап — самый мелкий манап; из их представителей позже, в царское время, выбирали обычно пятидесятников[209]. Была и такая категория, как букара манап — родственники манапа, стоявшие на социальной лестнице выше простолюдинов, хотя были среди них и совершенно разорившиеся.

Манапство — этот своеобразный социальный институт киргизских феодалов, окончательно оформившийся и достигший своего апогея в период Кокандского ханства, — давно привлекало внимание как дореволюционных исследователей, так и советских ученых. Однако вопрос о времени происхождения манапства до сих пор остается еще окончательно невыясненным. Одни исследователи связывают появление манапства с термином *манап* и происхождение его относят к 40-м годам XIX в. Другие пишут о более ранней его истории и относят появление манапства к XVIII или даже XVII вв. По нашему мнению, институт манапства имеет более глубокую историю, чем сам термин *манап* и связывать сущность института только с термином неправомерно — его истоки следует искать в бийстве. Манапство выросло из института бийства, но не механически, а в результате соединения функций прежнего бия-родоправителя и батыра — предводителя дружины, героя. Но уже вскоре понятие батыра стало чисто символическим и институт манапства явился, по существу, лишь трансформированным феодальным институтом бийства. От появления нового термина сущность института как аппарата крупного феодального класса не изменилась.

Первые же известия о термине *манап* относятся к 1844 г. Известный киргизский феодал Боромбай, ранее везде в официальных документах называвшийся бием[210], в письме к западносибирским властям от 30 июня 1844 г. именует себя уже не бием, а манапом[211]. В ответном письме от 23 декабря 1844 г. Горчаков обращается к Боромбаю как к «почтеннейшему старшине и судье дикокаменных киргизов рода бугинского манапу»[212].

Среди некоторых дореволюционных чиновников и исследователей бытовало мнение о патриархальности манапства, выросшего и опиравшегося, якобы, на патриархальные обычаи

209 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 515.
210 См. копийные материалы ЦГА Узб. ССР (ф. 105, оп. 1, д. 5, л. 43—46) в рукоп. фондах ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1899, л. 90.
211 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 1—2. На это, как нам кажется, впервые указал А. Х. Хасанов. — Из истории Киргизии, стр. 9.
212 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 1—2.

кочевников. Боромбай, например, так писал о своем положении: «Сам я, хотя не великий человек, но пользуюсь общим уважением и доверием, известен ташкентским хану и бекам, а равно имя мое известно хану китайскому...»[213].

Идеализируя прошлое, восхваляя манапство, представители киргизской феодальной знати приписывали манапам силу, щедрость, умение, знание[214]. Один из аулие-атинских купцов, сам манап Мулла-Асан, считал, например, что «манапами стали те, которые выделились из народа (юртан озыб), отличались храбростью и щедростью, предводительствовали народом во время безначалия. Во время неприятельских нашествий собирали весь народ и предводительствовали им (эл башлаган) те, которые сами выделялись между манапами (узи озыб чыккан). Их не выбирали, но если бы стали выбирать, то выбрали бы их»[215].

В то же время сами манапы пытались иногда доказать свое происхождение от аристократов, например от Тогая, и с пренебрежением относились к простолюдинам, считая их рабами[216].

Если манап по каким-либо причинам утрачивал свое богатство, могущество, опускался, то терял и свое звание манап. Именно поэтому манапство, сделал вывод из расспросных материалов А. Н. Вышнегорский, было «не вполне потомственное звание»: если сын хуже отца, злобен или стал бедным, он переставал быть манапом. (По материалам К. К. Юдахина, такой феодал становился уже букара-манапом, подданным простолюдином из манапов). Даже достойный или выдвинувшийся из простолюдинов представитель не мог стать манапом[217].

Одну из первых наиболее полных характеристик манапства оставил Ч. Ч. Валиханов. По его словам, «неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, *бия, как назывались манапы прежде* (выделено нами. — *В. П.*). Первые манапы (по объяснению туземцев, сильные, недоступные деспоты) явились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство понравилось биям других родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поко-

213 Там же.
214 *О. Сыдыков.* Тарихи Киргизия, стр. 37.
215 *Н. И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы, стр. 6.
216 *E. Schuler.* Turkistan, v. 2, p. 137.
217 *Н. И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы, стр. 6.

ления орды. При всем том, в роде бугу народ имеет больше значения, и сам Буранбай говорил мне, что у них в строгом смысле нет манапов»[218].

Несмотря на наивное толкование истоков социального института манапства, Ч. Валиханов верно подмечает, что оно исходит из бийства, хотя и считает, что власть манапа «по генеалогическим воспоминаниям народа, основана на патриархальном праве старейшины, представителя старшей линии в роде»[219].

Интересно, что в конце XIX в. хорошо знакомая с местными обычаями, правами и возможностями манапов местная администрация обрисовывала манапа как «правителя с правами на жизнь и имущество подданных». Так, в частности, характеризовался с 1892 по 1899 г. генерал-майором Путятиным (по докладной записке Главного штаба) киргизский манап Шабдан Джантаев[220]. В формулярном списке «войскового старшины» Ш. Джантаева в графе о его происхождении значится: «Из манапов (титул, соответствующий султанскому или княжескому)»[221].

Эксплуататорская сущность, беспредельная власть, деспотизм во всем его неприглядном проявлении отличали киргизское манапство, которое достигло своего апогея именно в период господства Кокандского ханства. Опираясь на ханскую поддержку, киргизские феодалы в основании своей власти тем не менее имели экономическое и политическое могущество. «Кан болмоктон бек болгун, кадырың болбойт малдан соң»— «Будь хоть ханом, хоть беком, но без скота ты не сохранишь своего влияния»,— гласила старая киргизская поговорка[222].

Экономическое могущество и политическая власть феодалов охранялись дружинами. Бии, манапы имели вооруженные отряды, служившие для разрешения конфликтов, утверждения господства над «своими» подданными. Сила и боеспособность этих отрядов определяли влияние каждого феодала, отражаясь и на его положении на иерархической лестнице ханской администрации, участие в феодальных усобицах и барымте.

Родо-племенные войны, феодальная барымта разоряли хозяйство кочевников, уносили десятки и сотни человеческих жизней, тормозили объединение киргизского народа, подрывали его силы, ослабляли борьбу против гнета кокандских

218 *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 1, стр. 333.
219 Там же, стр. 335.
220 ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., оп. 1898 г., д. 149, л. 18.
221 Там же, л. 10.
222 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 125.

ханов. Барымта и военные усобицы, в которых участвовали большие подразделения, велись в интересах феодально-родовой верхушки, для которой война являлась источником обогащения и средством расширения власти. По существу барымта стала своеобразным промыслом для батыров, манапов и некоторых других представителей феодально-родовых старшин. Не случайно организаторами и инициаторами барымты являлись крупные манапы, ставившие перед собой цель — угон скота, грабеж населения, захват пастбищ и подчинение других родов и племен.

Помимо того, что крупный феодал имел свою вооруженную дружину, в случае необходимости род и племя выставляли под его начало вооруженное ополчение. Фактически каждый взрослый и здоровый мужчина в любой момент готов был сесть на коня и предстать в качестве воина. Именно поэтому китайские источники второй половины XVIII в. (в частности, «Сиюй вэньцзянь лу, цз. 4, стр. 7) сообщали, что у киргизов «количество стрелков—100 тысяч человек»[223]. Документальных свидетельств о военной организации киргизов прошлого не сохранилось, но ее можно реконструировать по материалам народного эпоса, например, трилогии «Манас», «Курманбек» и других произведений героического эпоса малых форм. Первая попытка в этом отношении была предпринята С. М. Абрамзоном еще в 40-х годах[224].

Войско было организовано по принципу ополчения и делилось на десятки, сотни, тысячи. Отряды состояли из воинов-лучников *(жаатарткыч)*, копьеносцев *(найзачы)*, сабельщиков *(кылычкер)*, воинов с боевым топориком *(балта-чабар)* и т. д. Некоторые манапы и бии могли выставлять тысячи воинов, как правило, всадников. Бий племени адыгине Ертебай, один из рядовых биев второй половины XVIII в., мог свободно поднять свыше трех тысяч вооруженных всадников. Бугинский манап Шабдан выставил отряд в сотни всадников, помогая царизму в борьбе против Кокандского ханства.

В военное время и времена феодальных усобиц рядовые скотоводы отрывались от хозяйства, должны были иметь свое полное вооружение и снаряжение, коня, припасы продовольствия на весь период похода и вынуждены были проливать кровь и отдавать жизнь за чуждые им интересы феодалов. Набор перед большими государственными походами организовывался ханами, проводился по специальному указу, рассы-

223 *Г. П. Супруненко.* Материалы (рукоп.).
224 См.: *С. М. Абрамзон.* Черты военной организации, стр. 271.

лаемому во все города. Беки собирали солдат и вели к сборному пункту. Наиболее подвижными были отряды киргизов, имевших запас своих лошадей. И каждый хан старался привлечь киргизов в свое войско, поскольку, по утвердившемуся мнению, они отличались «запальчивою храбростью»[225].

Киргизские роды должны были по требованию ханов и беков поставлять определенное количество воинов. Так, пограничные с Кашгарией киргизы кроме обычного зякета были обязаны давать до 5 тыс. всадников. Для передовых разъездов и разведок всегда в своих отрядах имел киргизов и ташкентский наместник[226].

Основную массу трудящегося киргизского населения составляли рядовые скотоводы — букара[227]. Положение класса непосредственных производителей в киргизском обществе сравнительно полно описано в книге К. У. Усенбаева[228], поэтому затронем лишь те моменты, на которые оказало непосредственное влияние Кокандское ханство.

Перекочевывая со своим немногочисленным скотом с зимовок на весенние, затем летние и опять осенне-зимние пастбища не обособленно, а в единой системе передвижения своего аила и рода или отделения, рядовой кочевник во многом зависел от феодала и как распорядителя пастбищ, регулирующего процесс и порядок кочевания, и как хранителя традиций, народных обычаев, и как чиновника, наделенного определенной административной властью, и как сборщика налогов и просто более мощного экономического соседа, к помощи которого можно при случае обратиться в голодные годы или во время стихийных бедствий. Все это обусловливало зависимость рядового скотовода от феодала. При этом зависимость нередко была не прямой, а опосредствованной через аксакала, главу аила.

Трудящиеся скотоводы также делились на сословия в зависимости от экономического положения и выполняемых функций в хозяйстве феодала. Основную массу составляли скотоводы, которые самостоятельно вели свое хозяйство, но зависели от феодалов в силу их экономического могущества и обладания политической властью. Они сами ухаживали за своим скотом, сопровождали его по сменным пастбищам, несли в полной мере налоговую и другие феодальные повинности. Бедные, маломощные хозяйства, личное поголовье скота которых не обеспечивало прожиточного минимума семьи, обращались к родовым богачам и феодалам за помощью и получали на кабальных основах во временное пользование скот при условии возврата его с приплодом *(саан)*, нанимались пастухами, слугами, выполняли поденную работу или переходили к земледелию на байских участках, получая определенную долю урожая.

Зажиточные байские хозяйства перегоняли отары самостоятельно, но, как правило, с нанятым пастухом (иногда под видом члена семьи). Середняцкие хозяйства, напротив, выпасали отары по очереди сами или сами были пастухами и принимали участие в присмотре за скотом. Бедняки нанимались в пастухи к баям или к середнякам, организовавшимся в группы.

Пребывание на зимних пастбищах — трудное время в жизни и работе пастухов. Целыми днями они находились под открытым небом, почти всегда верхом на лошади и лишь ночью могли согреться у огня в старой юрте. Образ жизни пастухов на отдаленных пастбищах отличался своей первозданной простотой и был очень тяжел[229].

Наемный пастух юридически и фактически был в бесправном положении. Обычаи киргизов и казахов классифицировали обязанности наемного рабочего следующим образом: «Работник обязан выполнять все требования хозяина, вытекающие из существа заключенного с ним договора, относиться к нему почтительно, без его разрешения никуда не отлучаться и беречь хозяйское имущество, как свое собственное»[230].

Киргизская лексика имеет довольно богатую терминологию по определению понятий зависимых и выполняющих разную работу крестьян — скотоводов и земледельцев. Во-первых, бедняки *кедеи* и разорившиеся крестьяне — *джакыр* или *топор*[231]. Во-вторых, среди зависимых, но обладающих своим хозяйством бедняков выделялись *коншу* (букв. «сосед»). Они кочевали вместе с феодалом, оказывали «содействие» своей работой в хозяйстве бая и получали от него за это питание — *саан атмай* и т. д. Коншу большей частью были выходцами из

225 *М. И. Венюков.* Военно-статистические очерки земель соседних России в Азии. ГПБ им. В. И. Ленина. Отдел рукоп., ф. 363, к. 3, д. 14, стр. 11.
226 Генеральная карта киргизских степей Западной Сибири с показанием путей от пограничных станций и укреплений к Пишпеку и Ташкенту. 1859 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19268, л. 3—22.
227 Букара — подданный, простолюдин. — *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 156.
228 *К. Усенбаев.* Общественно-экономические отношения киргизов, стр. 135—141.
229 *A. S. Beschkowitsch.* Winterlicher. Weidgang, s. 231—232.
230 Сборник киргизского обычного права. — ЦГИА СССР, ф. 408, оп. 1, д. 430, л. 12.
231 *С. Ильясов.* Пережитки, стр. 135.

другого рода, отколовшимися от своего аила, или бывшими рабами[232].

Б. Солтоноев, перечисляя сословное деление киргизов в прошлом, называет самого бедного, беспомощного и бесскотного, не имевшего «ни кола, ни двора», голью перекатною — *томаяк*. Обычно они были заняты на самых черновых работах: копали ямы для зерна, погреба и т. п.[233]

Наемный работник на подсобных работах назывался *малай*. Он был обычно из чужого рода. Батраки из своего рода малаями не считались, хотя фактически находились не в лучшем положении. Они обрабатывали землю якобы за «помощь» или добровольно помогали родственникам[234]. *Аштыкчи* — слуга феодала, который был занят в хозяйстве бая, манапа, — человек, обязанный следить за посевами бая и поливать их[235].

Крестьяне, перешедшие полностью от скотоводства к земледелию, назывались *джатаками* (жатак — букв. «лежачий», оседлый») и *кошчу* (букв. «пахарь»)[236]. Эти термины получили наибольшее распространение в северных районах Киргизии. На юге более употребляемым был равнозначный им термин *егенчи*.

Непосредственно статистических данных, раскрывающих социальную структуру киргизского общества кокандского времени, не имеется. Но, судя по первым годам после присоединения Киргизии к России, когда соотношение социальных групп еще не претерпело каких-либо существенных изменений, видно, что, например, в Токмакском уезде дехкане, занимавшиеся земледелием в 1869 г., составляли более трети всех хозяйств, точнее — 36,95%[237].

Один из авторов работ о земледелии в Средней Азии писал в начале 70-х годов прошлого столетия, что у киргизов искони существует земледельческий класс егенчей, он «всегда был жалкий и отверженный класс». Разоренные, неимущие байгуши для существования должны были заниматься земледелием, но «как только хоть немного обзаводились скотом, тотчас переставали сеять и начинали кочевать»[238].

232 *Б. Джамгерчинов.* Добровольное вхождение, стр. 52.
233 *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов (рукоп.), стр. 369—370; *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 85.
234 См.: Этнографические материалы Васильевой. С. Дархан, Чичкан. — Архив Института этнографии, д. 2/2.
235 *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов (рукоп.), стр. 369—370; *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 85.
236 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 239, 412.
237 *Г. С. Загряжский.* Очерки Токмакского уезда.
238 *Л. Костенко.* Земледельческая производительность.

Традиционно устойчивую категорию эксплуатируемого земледельческого населения в Фергане и Южной Киргизии составляли чайрикеры — издольщики. Первоначально в Средней Азии общее понятие издольщик обозначалось терминами *каранда, шерик, кошчи* и *уртак*, затем их заменил термин *чайрикер*[239]. В Кокандском ханстве и под его влиянием на южной территории Киргизии наиболее распространенным стал термин именно *чайрикер*, т. е. издольщик, работавший на чужой земле, чужими орудиями и получавший часть урожая. В северных районах издольщика обычно называли *орток*[240].

Чернорабочий, поденщик назывался *мардикер* — социальная категория беднейшего крестьянства Киргизстана, выходившая на временные заработки, нанимавшаяся к феодалам, байманапам на сезонную или поденную работу. В период Кокандского ханства мардикерами также называли людей, принудительно созванных на большие ирригационные работы, организуемые государством. Поскольку такие работы именовались ашаром, то мардикеров называли еще *ашарчы*[241].

Совсем незначительную прослойку трудящегося населения составляли представители промысловиков, охотников, ремесленников, солдаты, уходившие по найму в армию кокандцев или кашгарских правителей.

Родо-племенная организация, поддерживаемая феодалами, «освященная» традициями, накладывала отпечаток на социальную структуру киргизского общества. Каждый киргиз должен был знать своих предков по мужской линии — *жети ата*, если он их не знал, его презрительно называли *кул*—раб. Это были самые бесправные люди.

Зависимое сословие пополняли дети младших жен, что обычно было в состоятельных феодальных бай-манапских семьях. «По древнему обычаю,— писал Г. Загряжский,— в Черной орде только дети байбиче (старшей жены) получали права отца, дети младших жен законом не признавались и считались невольниками детей байбиче»[242]. Используя этот старый «обычай», бай-манапы увеличивали число зависимых от них людей, своих невольников через многоженство. Раба по происхождению — сына рабыни, равно как и детей младшей жены, презрительно называли *боору такыр кул*[243].

239 *П. П. Иванов.* Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, стр. 755—756.
240 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 580, 835.
241 См.: *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 552.
242 *Г. Загряжский.* Юридический обычай, стр. 159.
243 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр., 440.

Специфика социальной структуры киргизского общества, поддерживаемая и ханской администрацией, заключалась в наличии рабства. Истоки его были различны, но все они основывались на насильственных методах. История Киргизии времен кокандской зависимости хранит немало примеров таких усобиц, в ходе которых в рабство попадали сотни людей. Весной 1867 г. киргизские бии Арзамат Аширов и Атабек Сауруков жаловались в письме к военному губернатору Семиречья Колпаковскому на то, как в 1863 г. на них напали бии Амат и Ормон, захватили 40 тыс. баранов, 3 тыс. лошадей, 3 тыс. голов рогатого скота, 2 тыс. верблюдов и взяли в плен 100 человек[244]. Пленники пополняли сословие рабов.

В другом письме бугинский манап Чопоков сообщал Колпаковскому, как в 1865 г. манап Умбеталы напал на него в урочище Тарагай и угнал 1400 лошадей, 12 тыс. баранов, увез его дочь и взял в плен одну женщину[245]. Б. Солтоноев перечисляет следующие категории рабства: наследственное рабство; раб — подарок на байге, приложение к калыму; раб — пленник; раб из безродных и купленный раб[246]. Раб — кул, которому пожизненно не давалось освобождения, назывался *денекул*. Раб, составивший приданое или приставленный в услужение к дочери при выдаче ее замуж, назывался калынга келген кул и жумшатылып келген кул. Бедный родич феодала, находившийся в полной его зависимости, а также бедняк, не являвшийся родственником феодала, но попавший в полную зависимость от него, также приравнивались к рабам и назывались кирме кул и бакма кул[247]. И хотя рабство у киргизов в XIX в. считалось как бы семейным, патриархальным, тем не менее раб и по юридическим нормам и фактически являлся совершенно бесправным. «Раб — вещь; господин имеет над ним право жизни и смерти»,— вот основная формула киргизского обычного права по отношению к этой социальной категории населения. И из этой статьи вытекало все остальное — «бесправное право»: его имущество принадлежало господину, раб не имел семейного выбора, не мог жаловаться на жестокость. Дети раба и рабыни не освобождались от рабского сословия. Выкупиться на волю или быть отпущенным раб мог лишь по желанию господина и т. д.[248] Детализированные в «обычном» праве положения о рабах дают основание усматривать, что некогда рабство у киргизов было не очень уж редким и незначительным явлением. Были случаи, когда рабов десятками передавали друг другу, выставляли в качестве призов. Манап Джантай уплатил, например, в качестве калыма за жену своего сына Шабдана 45 рабов, манап Джангарач призом только на одной байге выставил 60 рабов[249].

Рабство, хотя и носившее патриархальный характер, было среди киргизов более распространено, чем в основных районах Кокандского ханства, хотя имело место и там.

В документах ханского архива имеется упоминание о школе для мальчиков — рабов *(гулам-баа)*[250]. В нескольких документах[251] говорится о женщинах — рабынях. Так, в 1287 (1870—71) г. некоему неизвестному лицу отдается распоряжение (патта) о выдаче Ахунду-баба 11 танга за привоз невольниц *(чури)* из города Ош[252]. Но меньшее значение рабства в оседло-земледельческих центрах ханства объясняется, видимо, более развитыми феодальными отношениями в самом ханстве по сравнению с киргизским обществом, в котором немалую роль продолжал играть патриархально-родовой уклад.

Кокандское ханство не пыталось ни пресечь междоусобицы и феодальные войны киргизских родов, ни уничтожить рабство у киргизов. Оно даже использовало и то и другое в своих интересах, видя в усобицах путь к разобщенности и ослаблению киргизских племен, а рабов ханы и сами применяли, правда, несколько своеобразно. Оторванные от своего народа, экономически совершенно беспомощные, политически бесправные, рабы при определенных условиях могли стать хорошими слугами. Ханы назначали бывших рабов налогосборщиками, телохранителями. предводителями воинских отрядов.

Оставаясь архаичным даже на фоне феодального общества, рабство не могло играть существенной социальной роли, а после добровольного вхождения Киргизии в состав России было ликвидировано.

В заключение следует отметить, что социальная структура киргизского общества в целом не претерпела существенных изменений под влиянием Кокандского ханства. Наибольший отпечаток ханство наложило на класс киргизских феодалов, перенимавших у кокандцев методы управления и эксплуатации трудящихся.

244 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 1, д. 5269, л. 1, 4.
245 Там же, л. 7.
246 *Б. Солтоноев.* История киргизов и казахов (рукоп.), стр. 359—370.
247 *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь, стр. 440.
248 *Г. Загряжский.* Юридический обычай, стр. 153—154.
249 *И. Талызин.* Пишпекский уезд, стр. 28.
250 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 2893; *А. Л. Троицкая.* Каталог. стр. 391.
251 См.: *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 391—392.
252 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 2899.

Под влиянием ханства усилилась внеэкономическая зависимость скотоводов и земледельцев дехкан от феодалов. Класс крестьянства также не являлся однородным. Начиная от самостоятельно ведущих свое хозяйство и кончая наемными работниками и рабами, они все находились в той или иной степени зависимости от «своих феодалов», это усугублялось зависимостью от кокандских наместников, нередко творивших самый неприкрытый произвол. В основе социальные отношения продолжали оставаться феодальными, будучи переплетены сетью патриархально-родовых пережитков, на которые само Кокандское ханство не повлияло.

Являясь самым многочисленным и самым бесправным, класс трудящихся нес в себе заряд той потенциальной энергии, которая временами проявляла себя стихийными выступлениями и восстаниями против хана и местных феодалов-эксплуататоров.

4. Налоговая система и другие формы эксплуатации

В период пребывания киргизов в составе Кокандского ханства основные государственные формы эксплуатации юридически опирались на нормы шариата. После присоединения к ханству киргизской территории земля объявлялась государственной собственностью, и с киргизов стали взыскиваться поземельный налог и налог со скота.

В ханстве была классифицирована и регламентирована (теоретически) налоговая система, базировавшаяся на шариате. Эту систему ханы положили в основу угнетения как собственно кокандского, главным образом узбекского и таджикского населения, так и завоеванных соседей, в том числе киргизов. Практика же налогообложения нередко представляла совсем иную картину — картину хаотической бесконтрольности. И чем беднее и беспомощнее было население, тем больше испытывало социальное, а киргизское — к тому же и национальное угнетение. В Кокандском ханстве, равно как и в любом восточнодеспотическом государстве, не существовало разграничения понятий политического верховенства власти и верховного собственника земель — оба эти понятия сосредоточивались в одном лице, у одного носителя — хана. Государственная власть была всемогуща и казалась в глазах подданных абсолютной и безграничной, тем более, что простой человек, рядовой труженик все время находился в чьей-то зависимости — общины, феодала, ханского наместника, хана.

Налог взимался со всего населения, которое привлекалось также к трудовой и воинской повинности. Освобождение от них являлось скорее исключением, чем правилом, и распространялось лишь на некоторых лиц высшего класса светских и духовных феодалов, отдельных мусульманских учреждений. Класс феодалов присваивал прибавочный продукт через государство путем взимания прямых налогов, в том числе используя и другие феодальные методы эксплуатации зависимых от них крестьян. Поскольку основной формой эксплуатации выступали государственные налоги, то, говоря словами К. Маркса, здесь действительно «рента и налог совпадали», непосредственным производителям противостояли не частные земельные собственники, а государство.

Сама система ханского налогообложения исключала четкость и контроль. Во-первых, в Кокандском ханстве (как и в Бухарском)[253], государственная казна не была отделена от лично ханской, доходы и расходы в государственных интересах и лично ханские не разделялись. Размер налога определялся не столько юридическими нормами, сколько потребностями хана. Во-вторых, этим же духом потребительства была проникнута по нисходящей линии вся система государственного налогообложения: беки исходили из своих потребностей, саркары—из своих и т. д. В делах наживы, в сборе налогов во всей неприглядности обнажались деспотизм и жестокость правителей.

Ирдана-бий, стоявший у истоков основания Кокандского ханства и положивший начало завоеванию Киргизии, оставил о себе память как о жесточайшем деспоте. Во время одного из походов на Ура-Тюбе во второй половине XVIII в. он истребил множество жителей из племени юз и сложил из их голов пирамиду, а сверху водрузил голову известного тогда музыканта, не терявшего бодрости и певшего песни и в плену. Даже кокандские хронисты не могли не отметить жестокости правителя. Мулла Аваз Мухаммед в рукописи «Тарихи джахан намои» с гневом замечает, что «в то время перед Ирданой были одинаковыми крик осла и мелодичный напев»[254].

Обличение ханов и деспотизма мы находим в стихах поэтов Коканда, в частности, талантливых поэтесс Надиры (псевдоним Камилы Макнун) и Дильшод (литературный псевдоним

253 Ср.: *А. А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства, стр. 4.

254 См.: *Р. Н. Набиев.* Народные восстания, стр. 41.

Барно)[255]. Кокандский автор Абу Убейдулла в своей «Краткой биографии» («Хуласат ал-ахвал») прямо писал: «Появились хакимы-угнетатели, которые в своем корыстолюбии и в стремлении накопить богатства переступали границы как божественных, так и светских законов. Какие только они не придумывали жестокости, хитрости и уловки: одного связывали, другого избивали, третьего убивали и, устрашив всех, старались (присвоить) их богатство и имущество сообразно своему корыстолюбию, желаниям и ненасытным желудкам, которые не наполнились и не насытились [бы] даже и тогда, когда в них сложили бы все богатства мира...»[256].

Кокандских чиновников, отряды, безнаказанно нападавшие на киргизские аилы, клеймит и автор киргизских санат XIX в. Молдо Нияз. «Под властью минбаши весь угнетенный народ мучается»,— с горечью пел поэт о кокандских ставленниках в киргизских кочевьях[257].

Зякет со скота в Кокандском ханстве взимался совершенно бесконтрольно и «носил обычно характер массового вымогательства, преследовавшего цель личного обогащения чиновников (зякетчи). Жестокости и насилия, чинившиеся ханскими агентами (иногда откупщиками), были настолько велики, что нередко вызывали за собой восстания кочевников против ханской власти, подавлявшиеся обычно вооруженной силой»[258]. Один из среднеазиатских хронистов мангытской династии Бухары Мирза Сами обрисовал Худояр-хана жестоким правителем, который «вынул руку насилия из рукава несправедливости и не обходился ни одной минуты без гнусного обычая гнета и насилия». Все основные черты деспотизма — алчность, жестокость, коварство — нашли отражение в правление последнего кокандского хана. «Страсть к наживе у него была беспредельна,— писал Диваев.— Поэтому он облагал население непомерными сборами и всевозможными налогами, а у некоторых даже отбирал, без всякой видимой причины, имущество»[259]. «Раз навсегда установленные доходы должны были поступать ежегодно без недоимок, а как это отражалось на экономической жизни населения,— трудно или легко,— об этом ни он

255 *М. Кадырова.* Надира; *А. Мухтаров.* Дильшод; *А. Каюмов.* Кокандская литературная среда, стр. 15, 30.
256 Цит. по ст.: *А. Урунбаев.* Неизвестная рукопись, стр. 34.
257 *Молдо Нияз.* Санаты. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1732, л. 11.
258 *П. П. Иванов.* Казахи и Кокандское ханство, стр. 120.
259 *А. Диваев.* Последние дни Худояр-хана.

(Худояр-хан), никто из его чиновников, не заботился»,— писал автор статьи о правлении Худояр-хана[260].

При вассальной административной системе ханства это значило, что в случае урожая все избытки присваивали беки и саркары, а при неурожаях или стихийных бедствиях — с населения в казну взыскивали и необходимый продукт.

Все это отнюдь не способствовало проявлению симпатий трудящегося населения к ханской власти, при которой по сравнению с положением в соседних районах, оказавшихся в составе России, жизнь выглядела беспросветно тяжелой.

Теряя под натиском царских войск северные районы ханства, а, следовательно, и источники налогов, Худояр-хан стремился сохранить доходы бо́льшим ограблением населения. Он облагал новыми пошлинами купцов, требовал новые подати с трудящихся. Особенно в тяжелом положении находились оседлые жители, которым негде было укрыться от ханской деспотии. Но даже «наиболее независимые от всех налогов» (по словам Скайлера)[261] киргизы-кочевники и те подвергались усиленному гнету. Поэтому выступления последних лет против кокандского хана, обычно начинаемые киргизами, находили отклик и поддержку в среде оседлого трудящегося узбекского населения.

Налоги взимались сборщиками, назначаемыми ханами и беками, или сдавались в аренду на откуп, что предпочиталось властями. Ханские чиновники специального денежного вознаграждения не получали, но в их пользу шла часть собранных податей в той мере, как это определялось ханскими ярлыками[262], чем они, естественно, не довольствовались. В октябре 1875 г. с наманганского бивуака ориенталист А. Кун представил генерал-губернатору Туркестана доклад о налогах и податях, существовавших в Кокандском ханстве. Из податей он выделял, во-первых, общие, характерные для среднеазиатских районов, и, во-вторых, введенные лишь Худояр-ханом в последние годы Кокандского ханства. К первым относились: харадж, танап с земледельческих культур, зякет со скота и товаров. Помимо этого имели место следующие сборы: *тегиджай* — за торговое место, т. е. базарный доход; *неках* и *тариканэ* — за свадебные договоры и раздел имущества между наследниками; *луката* — выморочное имущество; *терезы* — за весы; доходы с казенных недвижимых имуществ; *кеми-пули*—

260 *М. Алибеков.* Домашняя жизнь последнего кокандского хана, стр. 88.
261 *E. Schuler.* Turkistan, v. 1, p. 354.
262 *А. Л. Кун.* Некоторые сведения, стр. 439—440.

за переправу; *тамбаку-пули* — за табачные плантации; *намак-пули* — пошлина за вывоз соли с копей.

Худояр-хан дополнительно ввел новые сборы, такие как *харадж-ати* — с кочевников; *карагай-пули* — за вывоз леса на базар с гор; *отуп-пули* — пошлина за топливо (хворост, колючка, камыш и т. п.); *даллал-пули* — маклерские за сделки на базаре; *кок-пули* — дополнительные сборы за пользование лугами: *су-пули* — специальный налог за арычную воду, проведенную с гор[263].

Помимо основных государственных налогов, население вынуждено было затрачивать огромные средства на содержание ханских чиновников, общественные работы и пр. Определяя большое количество налогов и повинностей с местного населения в кокандский период — со скота и с продукта земли, с продаваемых товаров и фруктовых деревьев, выжигаемого на уголь леса и камыша, даже с колючек, хвороста и кизяка, собираемых для топлива, востоковед и туркестанский чиновник А. Л. Кун восклицал: «Оставался, кажется, один только воздух, за право дышать которым не бралось ничего»[264].

При завоевании Кокандского ханства А. Л. Куном и его помощниками были собраны налоговые дефтеры по некоторым бекствам. Несмотря на свою неполноту, они позволяют воссоздать общую картину налогового гнета в Коканде. Так, например, только в бывшем Чимионском бекстве были выявлены налоговые дефтеры о количестве танапов бекства за 1870 г.; дефтер земли под клевером за 1871 г.; дефтер зякета со скота киргизов и узбеков за 1872 г.; дефтер о количестве земли, занятой дынями и табаком в 1873 г.; дефтер хараджа с джугары за 1875 г.; дефтер хараджа с пшеницы за этот же год; дефтер хараджа с хлопка Вуадильского, Кептерханинского саркарства; дефтер земли, принадлежащей чиновникам с налоговым иммунитетом и т. п. Помимо налоговых дефтеров имелись специальные записи о количестве разного сбора, поступившего в казну в разное время и т. д.[265]

Подать с кочевого населения собиралась в определенные, установленные беками сроки, обычно в октябре, ноябре и декабре. И только в особых случаях при больших затруднениях по сбору допускались льготные сроки — с 1 января по 1 марта следующего за податным года[266].

263 ЦГА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 64, док. 398, л. 59—60.
264 *А. Кун.* Очерк Кокандского ханства, стр. 6—7; см. также: *А. Кун.* Некоторые сведения о Ферганской долине, стр. 439.
265 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 33—35 и др.
266 Там же, ф. и. 1, оп. 14, д. 307, л. 118.

Зякет с киргизов кокандцы собирали только с помощью войск, направляя в кочевья большие отряды. Бывало, что первый поход и сбор не удовлетворяли бека и он направлял отряд вторично. При этом считалось особой доблестью чиновников проявить жестокость во время сбора, пустить в ход оружие и т. д. В одном из писем иссык-кульские киргизы жаловались летом 1855 г., что после первого своего похода кокандцы собираются прийти вторично из Аулие-Аты. Кокандские феодалы обвиняли бека в мягкости: «Ты сходил с таким отрядом и воротился, не выпустивши ни единой пули, но сколько тиллей (золотых монет) стоило это?» И бек с отрядом решил выступить еще раз за зякетом[267].

Усиленные отряды кокандцев буквально грабили население. Как сообщал в письме манап Джантай Карабеков, за неповиновение и ограбление кокандского сборщика налогов Худайбергена в 1863 г. на киргизов рода башкая и соседей было наложено взыскание в 5 тыс. баранов и 1 тыс. лошадей; с части киргизов племени солто 10 тыс. баранов и 3 тыс. лошадей[268].

И. Бардашев в 50-х годах XIX в. небезосновательно писал, что «в сборе зякета кокандцы на народ действуют страхом, а на родоначальников лестию, подарками... и званиями парваначи, датхи и др.»[269]

В отдаленных киргизских кочевьях функции сборщиков налогов ханы перекладывали на местных феодалов[270]. При этом устанавливался определенный объем зякета — *ульпан*[271].

На кочевников Маргеланского бекства помимо прочих сборов налагался ежегодный зякет в 8—10 тыс. руб. (по курсу российской валюты 70-х годов)[272]. С каждой юрты букары, писал И. Талызин, манапы в Чуйской долине в кокандское время взимали кап (мешок) проса и со ста баранов — двух[273]. При сборе налогов верховные манапы перекладывали нагрузку на более мелких феодалов, в свою очередь те — на нижестоящих и так до предводителя общины — аксакала аила. Примечательно содержание письма начальника Алатавского округа одному из сары-багышских манапов рода тогай Кудояру (от 1 декабря 1860 г.): «Я недавно узнал, что родович твой Джан-

267 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 348, св. 19, л. 6.
268 Там же, д. 167, св. 8, л. 100.
269 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 15.
270 *Н. Северцов.* Этнографические заметки, стр. 148—149.
271 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22516, л. 63.
272 Там же.
273 *И. Талызин.* Пишпекский уезд, стр. 30.

тай начал тебя притеснять и именно за то, что ты не разделяешь его желаний давать сартам зякет. Ты совершенно прав в этом деле, и я благодарю тебя за это. Джантай, может быть, богаче тебя, так и пусть им платит зякет, а ты соединись с Мендэ и ничего никому не давай... Соединись с Мендэ и кочуй с ним вместе, а если у вас там мало зимовок, приходите сюда, я дам вам земли»[274].

При таком положении кокандские власти уже не могли контролировать сбор налогов и, определяя норму налога с родов, вынуждены были полностью полагаться на сведения манапов. А когда обложение налогом зависело от управителей родов — биев, манапов, это давало возможность им немалую толику собранного оставлять в собственном хозяйстве. Феодал становился фактическим сборщиком налога и распределителем податей, и не только этим сам уклонялся от налогообложения, но даже наживался за счет излишков собранного.

В письме к военному губернатору Сыр-Дарьинской области жители местечка Ичкан в 1868 г. жаловались на бывшего своего выборного бия, которому они доверяли сбор и отправку податей в Коканд. «До покорения русскими местечка Ичкан,— писали просители,— нами избран был бий Ниамин Супмулла, который производил сбор податей и повинностей, отсылая их по назначению в Коканд». Населению он выдавал расписки о получении с них налогов. Позже, воспользовавшись тем, что ханство терпит крах, он стал полностью присваивать эти сборы себе[275].

Основной налоговой единицей в кокандское время выступало как отдельное хозяйство, так и община. То есть налогообложение кокандцами скотоводов было индивидуальным, но прибегали и к круговой поруке. Так, если частные скотовладельцы, например, не могли выплатить положенный с них налог, то невыплаченные деньги, зафиксированные в налоговых дефтерах, хаким перекладывал на всю общину, к которой относился недоимщик,— писал кокандский хронист Абу Убейдулла о ташкентском наместнике Мирза Ахмеде[276].

В налоговых же списках — дефтерах — обозначался не каждый индивидуальный налогоплательщик, а староста кишлака, аксакал аила, бай или манап. Это касалось не только частных землевладельцев, но и арендаторов, издольщиков. Как видно из материалов архива кокандских ханов, имена издольщиков обычно даже на ханских землях не вносились в хараджные списки. В дефтерах перечислялись только старосты селений, которым издольщики были подведомственны[277].

274 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 402, св. 21, л. 6.
275 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 17, оп. 1, д. 12791, л. 121.
276 См.: *А. Урунбаев.* Неизвестная рукопись, стр. 36.

Во времена ханских междоусобиц, дворцовых беспорядков кочевники, особенно находившиеся далеко от кокандских центров, прекращали выплату податей. Но стоило несколько стабилизироваться положению в ханстве, как в «мятежные» районы направлялись войска для сбора всех податей и недоимок, выискивались причины для нового дополнительного обложения, в том числе и на содержание тех же карающих население войск. В один из таких периодов в 1860 г. западносибирский генерал-губернатор писал: «Под страхом смертной казни требуется с каждой юрты дикокаменных киргизов и зачуйских дулатов по одной лошади, хорошо откормленной и надежной к совершению походов... На продовольствие войска требуется с зачуйских племен по тысяче баранов от каждого бия не в счет зякета»[278]. Помимо этого, в годы войн делали дополнительно и денежные раскладки. Известный тюрколог — путешественник В. Радлов, указывал на повышение время от времени военного налога с киргизов, когда сверх нормы с каждой юрты брали одну золотую монету — тилла, равную цене трех баранов: «Все эти пошлины,— заключает автор свои строки о налогах с киргизов, — брались силой»[279].

Для более эффективного взимания податей и транспортировки собранного в натуре налога в ханстве кокандцы использовали в полную меру свои крепости. Ханские джигиты забирали бараньи шкуры, арканы и другие предметы обихода, уводили красивых девушек и мальчиков, могли остановить любого верхового киргиза и отобрать его лошадь. Черным временем осталось в памяти киргизских стариков и их потомков кокандское время — время грабежей и насилия[280].

Натуральные налоги усугублялись тяжестью трудовых повинностей. Ханы, беки, да и манапы, бии не прочь были использовать даровую рабочую силу для создания ирригационной сети на своих землях, при постройке зданий и т. п.

В архивной записке со сведениями о Кокандском ханстве (1874 г.) можно прочитать следующие строки о применении трудовой повинности: «Для проведения дорог, постройки хан-

277 *А. Л. Троицкая.* Сагира, стр. 277.
278 ЦГВИА, ф. 1433, оп. 1, д. 7, л. 37.
279 *W. Radloff.* Aus Sibirien, p. 533.
280 Полевые записи К. Усенбаева (1953 г.). — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1544.

ских домов, для работы на его пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов рабочие сгоняются со всех концов ханства, причем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки их на работу люди эти наказываются палками, причем случается, что их забивают до смерти (таких примеров было четыре — пять). Иногда бывает и то, что несчастных ослушников ханской воли живыми зарывают в землю»[281].

В широких масштабах трудовая повинность осуществлялась при ирригационном строительстве. Во время проведения Янги-Арыка в Наманганском вилайете в 1819 г. (мастер-ирригатор Илян-бай) каждый дом вилайета обязан был выставлять на 15 дней по одному рабочему с собственным пропитанием и кетменем. Ханским распоряжением привлекались и рабочие из других вилайетов. После Омар-хана, при Мадали и особенно Худояр-хане, трудовая повинность переводилась в денежную компенсацию, взимаемую с каждого двора вилайета. На собранные деньги нанимались поденщики[282]. С одной стороны, таким образом, в ханстве без усилий пополнялся фонд орошаемых земель, с другой — часть собранных денег непременно оседала в руках ханских чиновников.

Итак, в целом в Киргизии XIX в. преобладала натуральная рента, взимаемая Кокандским ханством, но имели место отработочная и денежная формы. Причем денежная рента обычно выступала в качестве видоизмененной формы натуральной ренты, ренты продуктовой, лишь выраженной через валютное исчисление.

К. Маркс и В. И. Ленин относили денежную ренту к последнему виду докапиталистической ренты. Давая исчерпывающее определение оброка, В. И. Ленин подчеркивал, что «надо строго отличать денежную ренту от капиталистической поземельной ренты: последняя предполагает в земледелии капиталистов и наемных рабочих; первая — зависимых крестьян. Капиталистическая рента есть часть сверхстоимости, остающаяся за вычетом предпринимательской прибыли, а денежная рента есть цена всего прибавочного продукта, уплачиваемая крестьянином землевладельцу. Пример денежной ренты в России — крестьянский оброк помещику»[283].

В качестве денежной ренты Кокандскому ханству в Киргизии служили зякет и харадж деньгами за владение скотом и

281 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 111.
282 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 29.
283 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, примеч. к стр. 167—168.

пользование землями. Денежная рента не являлась преобладающей, но свидетельствовала уже об определенных социально-экономических сдвигах. Постепенный переход от натуральной ренты к денежной наметился в среднеазиатских ханствах уже с начала XIX в.[284]

К налогу деньгами с кочевников перешли, вероятно, раньше, чем с оседлого населения. Во всяком случае, к 70-м годам он получил гораздо большее распространение. Это видно хотя бы из документов архива кокандских ханов, в которых перечисление налогов, например по Маргеланскому бекству, включая Ош, Араван и другие киргизские районы, с земледельческих культур названы в натуральном выражении (в чарьяках пшеницы, риса, хлопчатника, льна, опийного мака), а со скотоводческого населения — в денежном (в танга и тилла)[285].

Денежный зякет представлял немалую статью ханского дохода. Достаточно сказать, что в последние годы зякет со скота кочевников (илатие) Оша и Аравана, племен найман, тейит, ургу, бига, уйгур, чучук ежегодно составлял один лак шестьдесят две тысячи девятьсот сорок танга[286].

При этом в записях-дефтерах назывался то район, то род или племя, то предводитель кочевников.

Одну из статей денежного дохода ханской казны составляла и плата населения за топливо — собираемый на коруках хворост. Жители кишлака Киргиз-Курган в Наманганском вилайете ежегодно выплачивали за сбор хвороста в тугае ханскому налогосборщику Садык-саркару по 59 тилла — довольно внушительная сумма[287].

Процесс превращения ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства и денежного обращения. Когда переход к денежной ренте происходит до этого, писал К. Маркс, то со временем произойдет неизменный возврат к натуральной ренте[288].

В Кокандском ханстве и Киргизии всех данных компонентов не было, натуральная рента оставалась преобладающей, а денежная выступала лишь ее видоизмененной формой. Если торговля только-только преодолевала путы многовековой замкнутости — кокандские, русские и кашгарские караваны стали

284 *П. П. Иванов.* Казахи и Кокандское ханство, стр. 93—94.
285 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 656.
286 Там же, д. 1993.
287 Там же, д. 600.
288 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 361.

проникать в край, то о городской промышленности, даже о специализированном, профессионально-цеховом ремесле не могло быть и речи. О товарном производстве можно говорить лишь в том случае, когда скот — основной прибавочный продукт кочевого и полукочевого населения — продавался на рынке за деньги. Киргизия в XIX в. до этого не дошла. Денежное обращение здесь было минимальным, в зачаточном состоянии. Преобладал натуральный обмен. Тем не менее, под воздействием все более проникавшей в Туркестанский край российской экономики, уже чувствовалась и проявлялась потребность в товарном обращении. Постепенную силу стали приобретать налоги, взимаемые в денежной форме, медленно, но неуклонно начал повышаться их удельный вес.

Натуральная и трудовая рента, являясь продуктом феодальных производственных отношений, сами способствовали застою производства, консервации общественных отношений. «С другой стороны, если натуральная форма земельной ренты — в Азии она составляет к тому же основной элемент государственных налогов — покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся с неизменностью естественных отношений, то путем обратного воздействия такая форма платежей сохраняет старые производственные формы»[289]. В этом основной корень объяснения косности и тормозящего фактора развития общества и в Кокандском ханстве.

Остановимся более подробно на откупной системе и вопросе о соотношении ренты и налога в Кокандском ханстве, недостаточно еще освещенных в литературе. Отсутствие четкого учета показателей налоговых возможностей населения привело к развитию в широких масштабах откупной системы в среднеазиатских ханствах. А. Л. Троицкая, проанализировав хозяйственный архив кокандских ханов, приходит к заключению, что для последних трех десятилетий Кокандского ханства была характерна откупная система податей и правительственных обложений[290]. Практика откупов по нисходящей ступени шла от хана к бекам, от бека — ниже. Иногда ханы в обход беков сами сдавали на откуп сбор налогов с определенных районов бекства или кварталов городов.

Даже управление целыми округами и бекствами сдавалось на откуп. Осмоловский в 1857 г. писал, что «прежде Ташкентское владение с зависящими от него крепостями отдавалось на

289 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 152.
290 *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 5.

откуп, кто больше давал денег в год, того назначали хакимом-правителем»[291].

Ташкентский хаким в середине XIX в. ежегодно выплачивал кокандскому хану зякет на сумму 80 тыс. тилла и сверх этого обязательно преподносил подарок — тартуу. Все это хаким отвозил сам или через ближайших сановников[292]. Подобным образом и нижестоящие беки сдавали целые районы на откуп. Отдельные виды налогов брали на откуп купцы и ростовщики. По мере занятия Ферганы начальник г. Коканда рапортом от июня 1876 г. доносил военному губернатору области: «...весь финансовый строй в Фергане при ханах велся по откупной системе, что одно уже дает серьезный повод сомневаться в справедливости заключающихся в дефтерах сведений; всем известно, что сборщики податей всегда обманывали ханов»[293]. Все это вело к тому, что при взимании налогов по откупной системе «не соблюдалось ни время, ни срок и нередко даже и количество самой подати»[294]. Для того, чтобы внести требуемую сумму в казну, откупщики-налогосборщики брали деньги в процент у ближайших купцов до взыскания налога[295]. Купцы, таким образом, постепенно втягивались в орбиту эксплуатации населения. Сохранились расписки откупщиков трафаретного содержания: «Подписка о том, что вместо отданных ими кокандскому начальнику за общество денег ...— ныне они с согласия общества (собирают) следующий харадж с жителей»[296].

Для получения в аренду или на откуп сбора хараджа обычно подавали прошение хану или беку (образец такой челобитной приводит А. Л. Троицкая из материалов архива кокандских ханов) и получали соответствующее удостоверение или грамоту, а население данного района оповещалось особым указом или извещением, где перечислялось количество зерновых, сданных в аренду или на откуп. «По-видимому,— с полным основанием замечает А. Л. Троицкая,— аренда или откуп в ряде случаев перепродавались несколько раз. Первым откупщиком или арендатором хараджа был саркар или другое доверенное лицо хана или бека, которое в свою очередь сдава-

291 ЦГВИА, ф. 67, д. 52, л. 8.
292 *А. Макшеев.* Показание сибирских казаков, стр. 26.
293 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 300, оп. 1, д. 1, л. 9.
294 Из донесения управляющего туземным населением центра Туркестанской области 1 ноября 1865 г. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 113.
295 Там же.
296 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 14, л. 141, 142, 143, 144 и сл.

ло харадж в аренду амлакдару, находившемуся под его контролем»[297].

Откупная система была тесно переплетена и взаимосвязана с ростовщичеством. В архивных материалах имеются документы, говорящие о ростовщических операциях в среднеазиатских ханствах, несмотря на формальный запрет мусульманской религией всяких сделок, приносящих проценты. Но на практике ростовщичеством занимались даже духовные учреждения мусульманства — вакфные заведения. И если ростовщичество в целом, по словам К. Маркса, только «эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом»[298], то при деспотических формах ростовщичество не вызывало ничего, «кроме экономического упадка и политической коррупции»[299]. Даже вакфные учреждения, вопреки официальному запрету шариата, не устояли против соблазна наживаться посредством ростовщичества. В 1291 (1874—1875) г. некий житель кишлака Сузак Мухаммед Юсуф-бай-Амин Суфи-Баккалов (он же Уста Надиров) пожертвовал в вакф сузакской мечети 15 тилла денег и поставил условие, что «мутавали должен их давать надежным лицам на проценты»[300]. Подобные явления не были единичными.

Налоговый гнет и повинности тяжелым бременем ложились в первую очередь на плечи трудящегося населения, непосредственных производителей — крестьян. Феодалы, как кокандские, так и местные, киргизские, сами принимали участие в эксплуатации и к тому же пользовались всевозможными налоговыми льготами. На обельные частные земельные владения феодалов выдавались специальные ханские грамоты, а их владельцы вносились в особые списки — дефтери-тархани. Полностью или частично обельным выступало большинство вакфов. Один из крупнейших вакфов Кокандского ханства — Ошское медресе киргизского феодала Алымбека-датхи — был освобожден от всех видов налогов. Не только вакфные лавки и земли, пожертвованные Абдулла-беком, но и частновладельческие его земли были освобождены от налогов ханами и его правомочными наместниками. В частности, в архиве кокандских ханов сохранилось распоряжение (патта) от 1287 (1870—71) г., адресованное некоему Мулле Барат-Махраму от Султан Мурад-бека об освобождении восьми бахчей (участков под

297 *А. Л. Троицкая.* Архив кокандских ханов, стр. 195—196.
298 *К. Маркс.* Капитал. Соч., т. 25, ч. II, стр. 159.
299 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 146.
300 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34391, л. 2—3.

дынями) Абдуллы от танапного налога[301]. Мало того, одновременно подобным же распоряжением освобождались от танапного налога и собственные владения (участки с дынями) зависимых от Абдуллы-бека воинских чинов (батыров)[302]. Через три года Султан Мурад-бек новым документом подкрепляет свое прежнее распоряжение об освобождении в Ошском вилайете собственных земель (сенокосов и виноградников) как самого Абдуллы-бека, так и его воинов[303].

Освобождая представителей феодалов от налогов, хан тем самым передавал им право на ренту, которой распоряжался как правитель государства и верховный собственник земли. Нередко ханом рента уступалась не целиком, а частично, либо в качестве компенсации за услуги, военную службу или в результате «неполной» продажи земли. В таком случае часть ренты продолжала поступать государству в виде налога, а часть присваивалась феодалами.

Ренту-налог феодалы присваивали с особого разрешения на то властей, непосредственно кокандского хана. Капитан Медынский писал в 1866 г., что при кокандском правительстве от взысканий зякета были избавлены из числа таласских кочевников феодалы датха Байзак и датха Сарымсак[304].

Правом налогового иммунитета пользовались лишь крупные светские и духовные феодалы и мусульманские учреждения. В архиве кокандских ханов сохранился (без начала и конца) тарханный список лиц, освобожденных от денежного поземельного налога — танапа. В списке отмечены ходжи, бии, высшие сановники, ханские и бекские конники и т. д.[305]

Приведем образец обельной грамоты, выданной Худоярханом в 1875 г. Абдулле-беку на вакфное владение медресе Алымбека-датхи в г. Оше.

«В настоящее время да знают и ведают все хакимы и амили, и казии, и благородные улемы, и шейхи ислама, и (все лица), причастные к султанским делам и принявшие на себя ответственность в ханских занятиях, и прочие саркары, и амины, и аксакалы, и все кедхудаи высокой державы, то в дни ежедневно возраставшего и вечно (нам) сопутствующего могущества нашего августейшего величества чубаризат-пансат Абдулла-бек-датха купил на берегу сая вилайета Оша многочисленные лавки с пригодной для застройки землей, превратил в вакф

301 Там же, ф. и. 1043, оп. 1, д. 1293.
302 Там же, д. 1448.
303 Там же, д. 1710.
304 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, св. 892а, л. 780.
305 *А. Л. Троицкая.* Сагира, стр. 276.

медресе, построенного его отцом, покойным Алымбеком-парваначи (и) изготовил вакфную грамоту, украшенную печатями казиев и улемов, (которая) удостоилась рассмотрения светлым взором нашего величества. Из (нашего к этому лицу) благорасположения и благоволения (мы) повелели, чтобы все хакимы, и амили, и саркары, и амины, и прочие имеющие отношение лица, считали вакфы, границы которых определены в вакфной грамоте, абсолютным вакфом упомянутого медресе, не требовали и не стремились получить с него дирхемов и фулусов (и) не посягали на что-либо подобное из относящегося к упомянутым вакфам, и, считая по этой причине решенным, не преступали (нашего) высочайшего, обязательного для исполнения фирмана. В месяце раджабе почитаемом года 1292»[306].

В литературе было высказано мнение, что все вакфы обладали налоговым иммунитетом[307]. Анализ вакфных документов кокандского времени не подтверждает этого положения. Правда, бытовало мнение, что духовенство и военные освобождались от хараджа и танапа: «Никто из них не давал ни одного фелса, ни одного дирхема султанским чиновникам и административным лицам»,— писал анонимный автор кокандской хроники «Мираат-ал-футух»[308]. Но при более пристальном внимании к кокандской налоговой системе видно, что только часть вакфов была обельной, а часть не освобождалась от налогов. Доход вакфов, не освобожденных от налогов, состоял из дополнительного сбора (ренты) с населения, обрабатывавшего вакфные земли, или жителей, организовавших вакф в пользу вакфного учреждения.

Подтверждением этому служит история взаимоотношений жителей и вакфных учреждений киргизских кишлаков. Так, четыре вакфных участка, находящихся в кишлаке Кара-Багыш, были освобождены от уплаты податей. Налоги, причитающиеся с земель мечетей Мусабия и Бай Мухаммед-бая, выплачивала община, не внося их в свою общеподатную раскладку, а за земли мечети Тюря-хан Тюря-Ишана платили обрабатывавшие ее жители[309]. За вакфный участок Махтабхана и Мухаммед Исхак-бая в сел. Джигда-Могол платил организатор вакфа житель сел. Хан-Абад Мухаммед Исхак-бай[310]. Но даже вакфы, пользовавшиеся налоговым иммунитетом, правитель

306 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 34947, л. 4.
307 *К. Ф. Чикаев.* К аграрному вопросу, стр. 7; *А. Х. Валиев.* Положение дехканства Ферганы, стр. 5.
308 *В. В. Бартольд.* Отчет, стр. 273; *Л. Зимин.* Зерцало побед, стр. 36.
309 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33355, л. 76.
310 Там же.

мог обложить налогом или потребовать единовременный взнос.

В обоснование прав феодала на налоговые льготы каждый новый хан давал специальные грамоты, утверждающие тарханные привилегии.

Видимо, какую-то налоговую привилегию имело служилое сословие киргизов — *сипах*. В архиве Кокандских ханов имеется жалоба учащихся кокандского медресе Хаким Аим на неуплату жителями селения Ханабад хараджа в вакф: «А большинство крестьян этого селения — киргизы; говоря: «Мы — войско», харадж не платят»[311]. Ссылка на принадлежность к воинскому сословию, вероятно, являлась серьезной причиной для отказа от выплаты податей.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство и наличие пережитков патриархально-родового быта у кочевников придавали специфическую окраску формам феодальной эксплуатации внутри кочевого киргизского общества. Местная феодально-родовая знать не нуждалась в юридическом закреплении привилегий, хотя нередко и обращалась к ханам за подтверждением своих прав. Она пользовалась ими в силу своего экономического господства и на основе некодифицированной традиции. «... При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства,— писал К. Маркс о феодализме,— традиция должна играть решающую роль»[312]. Особенно большое значение она имела при родо-племенной структуре киргизского феодального общества, когда даже явные методы эксплуатации маскировались взаимоотношениями соседства, взаимопомощи, покровительством бедных родственников и т. п.

Нормы обычного права регулировали внутреннюю жизнь общины, этой основной формы социальной организации кочевников и полукочевников. Они носили классовый характер, освящая идею подчинения бедных и незнатных богатым и знатным. Г. Ф. Дахшлейгер на примере казахского народа высказывает мысль — эти формы были настолько сильны, что «по сути заменяли институт внеэкономического принуждения»[313]. Для истории Киргизии рассматриваемого периода точнее бу-

311 Там же, ф. и. 1043, оп. 1, д. 7.
312 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 356.
313 *Г. Ф. Дахшлейгер.* Оседание и традиционные социальные институты, стр. 3.

дет сказать, что они подкрепляли институт внеэкономического принуждения.

При кочевом ведении хозяйства, основу которого составляло скотоводство, скот в руках баев и манапов служил одним из основных средств эксплуатации. Через скот киргизские феодалы получали ренту с лиц, наделяемых ими скотом, и прибавочную стоимость труда батраков.

Подати и повинности, которые несла киргизская беднота перед своими феодалами, внешне выступали как добровольный акт, но фактически были обязательными. «Вообще, манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях,— отмечал в 1859 г. М. Венюков.— Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию или манапу открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»[314].

Подати и повинности в пользу киргизских феодалов выражались в самой разнообразной форме и обычно не ограничивались ни сроком, ни количеством, а обусловливались желаниями и прихотью феодалов. В Киргизии в период господства кокандских ханов имели место следующие сборы и повинности в пользу киргизских феодалов: союш, чыгым и салык, журтчулук, кошумчи, конок алуу, саан и куч, туякат и коро башы (чөп ооз или отмай), жол чыгымы и др.[315] Они распространялись как на прямо не зависевшие от феодала группы населения — рядовых скотоводов, так и на явно зависимых должников, родственников, бедняков и т. п. Скот предоставлялся во временное пользование нуждающимся, которые обязаны были сохранить приплод, довольствуясь за это молоком и шерстью животных. В результате бедняк становился в непосредственную экономическую зависимость от феодалов и вынужден был помогать баю в скотоводческом или земледельческом хозяйстве. «Живущий с баем бедняк,— писали экономисты П. Погорельский и В. Батраков,— получающий право доить для себя несколько овец, ровно столько, чтобы не умереть с голода, вместе со всей своей семьей выполняет под руководством бая все работы по уходу за скотом. Сам он или его подростки пасут скот, собирают хворост, жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду, кипятит чай или помогает (в лучшем случае) во всех домашних работах женам бая»[316]. Мы не можем согласиться с авторами лишь в том, что саан уже является

314 *М. Венюков.* Очерки Заилийского края, стр. 108.
315 *К. Усенбаев.* Общественно-экономические отношения, стр. 142—149.
316 *П. Погорельский* и *В. Батраков.* Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 78.

проявлением капиталистических отношений в кочевом хозяйстве киргизов[317]. Наделенные скотом бедняцкие хозяйства рассчитывались с собственником либо натуральной платой, либо своим трудом, т. е. саан выступал как феодальная натуральная и трудовая (типа барщины) рента, замаскированная патриархально-родовыми пережитками. Невыполнение бедняком обязанностей лишало его права на дальнейшее получение помощи. В отдельных случаях бедняк мог даже привлекаться к своего рода ответственности— моральному гонению, пренебрежению, изгнанию из общества— аила, общины и т. д.

У киргизов существовали особые нормы «обычного» права, устное юридическое руководство — *нарх,* согласно которому, облагались штрафом все отказывавшиеся от уплаты податей, связанных с обязательным угощением гостей, например, манапов, приехавших на *той* или *аш.* Был даже обусловлен штраф, который доходил до 9 голов скота[318]. То есть, если патриархально-родовой «обычай» не помогал и кто-то все же осмеливался отказаться от «добровольного» приношения в пользу манапа, он подвергался не только моральному «остракизму», но и обязан был, по феодальному же праву, уплатить вполне реальный штраф.

В кочевых и полукочевых скотоводческих районах на землепахотных участках манапов, баев бедняки работали почти даром, за одно только питание. Бедняки-джатаки, не имея ни скота, ни сельскохозяйственных орудий, вынуждены были идти в услужение к баям, возделывая их поля. А. Миддендорф писал, что «богатые властители из числа киргизов (манап) обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей (игенчи), которые работают почти только за один хлеб»[319].

Своеобразной категорией зависимой формы землепользования была широко практиковавшаяся в Средней Азии издольщина в виде чайрикерства, орточества и т. п. По аналогии с оседло-земледельческим узбекско-таджикским населением она получила распространение и среди киргизов, занимавшихся земледелием. В своем большинстве чайрикеры-издольщики были из среды своих одноаильцев, из одного кишлака с землевладельцем. Причем чайрикерами были не обязательно полностью безземельные дехкане, но и из владельцев средних участков, имевших большие семьи и обладавших избытком рабочей силы.

317 Там же, стр 75.
318 *С. И. Ильясов.* Пережитки, стр. 136—137.
319 *А. Миддендорф.* Очерки, стр. 350.

Среди киргизских хозяйств издольная аренда наблюдалась преимущественно и то больше на юге, ближе к развитым земледельческим районам Ферганы. Там, где она имела место, она выступала в натуральной форме. При этом большое распространение в хозяйстве киргизских феодалов имел наемный труд. За лето работы на байских пашнях сезонный рабочий в середине XIX в. получал от 4 до 6 мешков зернового хлеба[320].

Еще одну форму эксплуатации, замаскированную патриархально-родовыми отношениями, составляло использование в хозяйстве родственников и сирот богатых «сородичей», которые с детского возраста помогали в семьях баев и были фактически на положении бесправных работников. Патриархально-феодальные отношения, затушевывающие классовые противоречия, заставляли считаться с подобного рода покровителями, которые внешне называли «пригретых» своими родственниками, выставляли напоказ свое «благодеяние», а моральный кодекс народного обычая требовал, чтобы батрак «не забывал съеденную им соль».

Таким образом, и в формах эксплуатации проявлялся общественно-экономический строй — феодальный с остатками старых патриархально-родовых черт. Эксплуатация феодально-родовой знатью трудящихся скотоводов шла, главным образом, путем выколачивания докапиталистической отработочной ренты (своего рода барщины), с одной стороны, и взимания продуктов ренты — с другой, но была замаскирована патриархально-родовыми нормами быта, «родовой взаимопомощью», «освящена» обычаями и обычным правом.

Поскольку основу общественно-политических и классовых взаимоотношений как в оседло-земледельческих, так и в кочевых скотоводческих районах составляли отношения поземельной собственности, землевладения и землепользования, постольку и экономической формой выражения права собственности являлось взыскание с трудящихся налогов и обложение их всевозможными повинностями, земельная рента. Владение землей и скотом было главным средством эксплуатации, а земельная рента — основной формой присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя.

Как было показано выше, в Кокандском ханстве и, в частности, в Киргизии этого времени существовали земли амляк (государственные), хасс (ханский удел), мильк (частновладельческие), замини джамоат (общинные), вакф (духовных учреждений и лиц). Налог с них совпадал с рентой, когда собственником выступало государство или его представитель — феодал, которому хан переуступал право на налог-ренту, обеляя владение. Там же, где феодал-землевладелец помимо налога выжимал в результате арендной эксплуатации, откупной системы дополнительные прибыли, там рента превышала налог и разница шла лично феодалу. Категория частновладельческих обельных земель — мильков, вакфов — уже приближалась к категории земель феодальной собственности. Отличительной особенностью таких земель являлось, во-первых, то, что правом налогового иммунитета наделял только верховный собственник земли, он же мог и лишить этого права; во-вторых, таким правом наделялась не только земля, но и сам владелец (хотя юридическим объектом выступала именно земля) и при смене владельца (например, в результате отчуждения участка) хан мог лишить нового землевладельца привилегий, которыми пользовался его предшественник. Приближало такую категорию земель к частной собственности то, что хозяин, как собственник, присваивал земельную ренту полностью сам, ничего не выделяя государству, а земельная рента «есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется...»[321].

Поскольку верховным собственником земли в Кокандском ханстве являлось государство, то рента целиком и должна была бы присваиваться государством, вноситься в казну. Но государство выступало как орган феодалов во главе с ханом, и рента соответственным образом распределялась между представителями правящего класса. В таком случае часть налога-ренты продолжало получать государство, часть же присваивалась феодалами. Это, в свою очередь, влекло усиление гнета непосредственного производителя и еще большее увеличение ренты в пользу феодала за счет кабальных условий аренды.

В результате наряду с основной централизованной формой налога-ренты возникает и децентрализованная — переуступление государством (продажей, дарением, жалованием) феодалу права на часть или на всю ренту.

Из сравнения среднеазиатских документальных источников можно вывести средний размер полной ренты (с включением и налога), определившийся примерно в 1/3 валового урожая. Полное освобождение от налогов достигалось передачей государству суммы от 2/3 до 3/4 стоимости земли. Обратимся к фактам. Из донесения одного должностного лица в канцеля-

320 *И. Бардашев.* Заметки о дикокаменных киргизах, стр. 389.

321 *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 167.

рию Худояр-хана следовало, что в районе Гург-Тепа, по словам аминов и аксакалов, лет 120 до этого на государственных землях образовалось селение. Жители, обрабатывая землю исполу, выплачивали государству 1/3 урожая (налог-ренту). Затем, 90 лет спустя, они откупили за 58 тилла землю у государства в частное владение — мильк и стали вносить в казну уже 1/5 часть урожая (налог)[322], то есть государство за определенную плату переуступало часть ренты (около 1/7 урожая) жителям кишлака Гург-Тепа, которые стали мильковладельцами и продолжали вносить государству лишь часть прибавочного продукта (1/5 урожая), выступавшую в виде налога.

Общее количество прибавочного продукта, определявшего размер ренты, наглядно прослеживается по актам обеления частных владений феодалов. О. Д. Чехович приводит ряд подобных документов, относящихся к соседнему Бухарскому ханству[323], где земельные отношения были аналогичны отношениям в Кокандском ханстве.

Если феодал приобретал, например, участок государственной земли во владение (мильк), он тем самым как бы откупал у государства долю ренты (обычно десятую часть валового продукта). Когда феодал желал откупить у государства всю ренту, т. е. присвоить налог, фактически обелить владение, он должен был возвратить в казну 2/3 или даже 3/4 земельного владения, т. е. отказаться от своей части ренты (1/10 урожая с возвращаемой земли). В некоторых грамотах по оформлению земельных владений в вакф особо подчеркивалась необходимость прежде всего уплатить долю государства.

Самая большая рента взималась с краткосрочных арендаторов-издольщиков (нимкора, чайрикер, орток). Если производитель имел свой скот, семена и арендовал только земельный участок, он выплачивал до половины урожая. Если бедняк помимо земли вынужден был пользоваться чужими семенами, тягловым скотом и орудиями труда (т. е. практически выступал наемным работником), он отдавал до 4/5 урожая. Налог государству выделялся до распределения доходов. В отдельных районах только за право пользования землей издольщик вынужден был платить от 1/4 до половины урожая.

Наиболее кабальные условия издольщины наблюдались в кочевых районах. Многие члены аильных общин, доносил начальник Наманганского уезда военному губернатору Ферганской области, «не имеют ни скота, не пользуются землей

322 См.: *А. Л. Троицкая.* Архив кокандских ханов, стр. 205.
323 Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. 1, док. 2, 10, 11, 12, 18, 19, 21, 25, 40.

самостоятельно, а обрабатывают ее из доли у своих одноаульцев», обычно отдавая от половины до 2/3 урожая[324].

Специфическая черта частного феодального землевладения в Средней Азии — отсутствие барского хозяйства — объясняет факт преобладания эксплуатации в виде различных форм издольщины.

В последние годы Кокандского ханства Худояр-хан, чтобы сделать пастбища дополнительным источником дохода, объявил наиболее ценные из них «заповедными» — корук. С кочевников, пригонявших зимовать скот на земли, ставшие «заповедными», взималась дополнительная арендная плата, в качестве ренты поступавшая в ханскую казну.

С. И. Ильясов считает, что рента с завоеванием кокандцами киргизских племен, поступала в казну в форме налогов, ежегодных сборов, трудовых и натуральных повинностей. К ренте относились и самовольные взыскания киргизскими феодалами в свою пользу различных налогов, что сопровождалось повсеместным произволом и бесчинствами. В то же время юридически «отдельные феодалы, состоящие на службе у хана, не имели права собственности и не могли самостоятельно взыскивать налоги с населения, а получали вознаграждения лично от хана»[325]. Однако нельзя полностью согласиться с автором, что хашар не мог быть отработочной рентой, поскольку его устраивали не только баи, но и середняки; что он проводился на добровольных началах и нежелающие могли не принимать в нем участия; что хашар не носил систематического характера. Автор не принимает во внимание форму принудительного хашара (в физическом и моральном смысле), от которого рядовой дехканин просто не мог уклониться; это работы по сооружению крепостных стен, проведению ирригационных систем, строительству домов, ограждений, коруков и т. п. С чем нельзя не согласиться, так это с тем, что не были рентой взятки и отдельные непериодические приношения, которые делались за всевозможные услуги и не были постоянными. Не являлась натуральной рентой и различная трудовая и материальная взаимопомощь в случае устройства пиршества (тоя), поминок (аша), уплаты калыма, куна и т. д., когда они производились не в пользу эксплуататорских классов, а между одинаковыми категориями эксплуатируемых.

Нерегулярные сборы, взимаемые произвольно киргизскими феодалами, практически оказывались своего рода нерегламен-

324 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 33517, л. 1.
325 *С. И. Ильясов.* Земельные отношения, стр. 420.

тированной феодальной рентой и довольно обременительной для хозяйства рядового кочевника. Положение трудящихся масс усугублялось тем, что киргизские феодалы, будучи административными чиновниками хана, взыскивая различные государственные сборы, использовали обмен и произвольно увеличивали размеры налогов. В Кокандском ханстве, как и в других восточнодеспотических странах, отношения между государством и феодалами сводились к тому, что феодалы в качестве агентов государства эксплуатировали массы через государство. Феодалы являлись в первую очередь государственными чиновниками. Основной формой ренты не только на государственных, но и на частновладельческих, общинных и вакфных землях была рента-налог, наряду с которой существовали и другие формы ренты, произвольные или обусловленные основной формой, или выступавшие наряду с ней. «Такое сочетание формы ренты,— пишет проф. Л. И. Дембо,— означало, что восточное государство совмещало землевладельцев с функцией орудия непосредственной эксплуатации масс средствами внеэкономического принуждения»[326].

Говоря о налогах и земельной ренте в Кокандском ханстве и киргизском обществе до присоединения к России, можно заключить, что именно они являлись основным стержнем, определяющим экономические отношения и классовую борьбу. Рентные отношения имели всеобщий характер, выражали суть феодального способа производства. Именно земельная рента явилась господствующей формой присвоения прибавочного, а иногда и необходимого продукта в сельском хозяйстве.

Отсутствие отработочной ренты типа барщины, но с наличием трудовой повинности — одна из специфических особенностей Кокандского ханства и киргизского общества. Господство натуральной, продуктовой ренты и появление элементов денежной ренты, как превращенной формы натуральной, отнюдь не способствовали прогрессу производственного процесса. Система налогов, разветвленная и беспорядочная, являлась в этих условиях не чем иным, как централизованной формой феодальной ренты.

Такой характер ренты, присущий в целом феодальному обществу, нашел свое выражение и в системе земельных отношений, в налоговой системе киргизского общества, Кокандского ханства. Переплетение их с остаточными формами дофеодальных отношений, патриархально-родового быта накладывало архаичный отпечаток на общественные отношения.

326 *Л. И. Дембо.* Земельные правоотношения, стр. 120.

5 БОРЬБА КИРГИЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ

Период феодализма характеризуется непрестанными, в большинстве стихийными вооруженными выступлениями трудящихся как против «своих» угнетателей, так и против всевозможных завоевателей. Восстания также неотъемлемы от феодального общества, как и формы эксплуатации, порождавшие отпор.

Из истории Кокандского ханства явствует, что киргизы выступали самыми активными участниками восстаний, происходивших в ханстве, а киргизское трудящееся население — одной из главных движущих сил. Формы и методы борьбы были довольно просты: преобладали стихийный момент и неорганизованность, как, впрочем, и в большинстве других выступлений периода феодализма.

В. И. Ленин, характеризуя причины общей слабости крестьянских восстаний против крепостничества и царизма, писал: «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[1].

Эти положения в полной мере можно отнести и к восстаниям трудящихся киргизов, узбеков, таджиков и других народностей Кокандского ханства, являвшихся в подавляющей массе дехканским сельским населением. Общей чертой, слабостью всех восстаний эпохи феодализма являлись «стихийность, неорганизованность, разрозненность, отсутствие единой, проникнутой политическим сознанием программы, по выражению Ленина, монархические иллюзии крестьянства»[2]. Тем не менее, они имели прогрессивный характер. Как бы стихийны и неорганизованны ни были народные восстания, в них таилась в потенции огромная революционная энергия. Именно поэтому В. И. Ленин говорил «о революционных элементах» в крестьянстве.

Характеризуя общее состояние Кокандского ханства, туркестанский генерал-губернатор, обладавший довольно широкой информацией о его внутреннем положении, 3 декабря 1875 г. доносил в военное министерство России: «История Кокандского ханства представляет собой ряд беспрестанных вос-

1 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.
2 См.: *Л. Черепнин.* Крестьянские войны, стр. 77.

станий кипчаков и киргиз»[3]. Все они заслуживают самого тщательного изучения, так как сыграли немалую роль в политическом развитии киргизского народа, способствовали в определенной степени развитию общественного самосознания народа, учили борьбе с угнетателями.

•

1. Восстания первой половины XIX в. и добровольное вхождение Северной Киргизии в состав России

В среднеазиатских источниках, в большинстве придворных летописей и хроник, задачей которых было прославление правителей, реже чем в любой другой литературе, можно встретить зафиксированные моменты выражения недовольства ханами, еще менее упоминаний о восстаниях трудящихся, совершенно отсутствуют подробные их описания. Следует учесть еще и то обстоятельство, что почти все кокандские исторические работы были написаны не ранее середины XIX в., когда многие события предшествующего времени забылись. Отсюда необычайная скудость фактического материала конца XVIII — начала XIX вв.

В первый период усиления ханства внутри государства, видимо, крупных восстаний и особых потрясений не было. Источники сообщают о спокойствии и трудолюбии простого люда — фукары[4]. Это не значит, однако, что наступил социально-классовый мир. Угнетение населения приобретает все более ухищренные формы, налоговый пресс уплотняется, оказывают сопротивление подчиняемые по окраинам киргизские племена. Но внутри государства организованный аппарат подавления и сильная армия пресекают все серьезные попытки открытого проявления недовольства. И источники молчат о восстаниях на раннем этапе истории Кокандского ханства. Мулла Нияз-Мухаммед апологетически характеризует время правления Нарбуты: «Жить при нем всем факирам было хорошо... И такая необычайная была дешевизна и безопасность, что не существовало разницы между богатым и бедным»[5]. Естественно, по понятиям автора, молва о такой жизни распространилась вокруг, вилайет процветал, сюда съезжались путешественники.

3 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6886, л. 2.
4 Тарихи Шахрохи, стр. 31.
5 Там же, стр. 34.

Народная память также сохранила мало конкретных фактов об активной борьбе с кокандцами в первой половине XIX в., что позволило отдельным исследователям 20-х годов уже нашего столетия прийти к ошибочным выводам об отсутствии в этот период «каких-либо попыток освобождения от гегемонии узбеков (узбекских ханов.—*В. П.*), по крайней мере рассказать о них население не может, это говорит о политической слабости киргиз(ов) в этот период времени»[6].

Хотя о внутренних волнениях в Кокандском ханстве первой четверти XIX в. сведений почти не сохранилось, и придворные хронисты с восторгом описывали былое «благополучие», по отдельным замечаниям можно судить, что мира внутри страны не было. Автор кокандского источника «Тухфат ат-таварих-и хани» одну из глав своего сочинения о раннем периоде ханства даже назвал «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд», вслед за которой шла «Глава о покушении на жизнь эмира Алим-хана»[7]. И это не были придворные смуты, вызванные интригами двора и борьбой за престол. Перед нами волнения простого народа, возглавленные мясником Уста Сеидом из кокандской махалля Куш-Арык. «Сейчас, в 1287 (1870—71) году много развелось такого рода людей...»,—комментирует автор, как бы перекидывая мостик между событиями времени Алим-хана и восстаниями в горах последнего периода правления Худояр-хана. Правда, источник связывает выступления народа против Алим-хана с его гонениями «святых» и «дивана»[8]. Но это было лишь формой открытого выражения протеста ханскому гнету, приведшего к покушению на хана. Во время одного из радений, воспользовавшись неприкосновенностью и почитанием, некий «молодой дивана» нанес эмиру 18 ножевых ранений, но не смертельных. Это не случайный факт, выделенный автором в специальную главу, а серьезный кульминационный момент протеста народа ханскому правлению, приведший к покушению, причем не со стороны придворных кругов, боровшихся за власть, а со стороны безвестного «молодого дивана» как представителя всех, бесстрашно пропагандировавших антиханские лозунги. Даже В. Наливкин, в целом склонный объяснить покушение гонениями Алим-ханом бродячих дервишей, и то сомневался — не результат ли это заговора: «Так и осталось неизвестным, — пишет он, — поку-

6 Архив Киргиз. филиала ИМЛ, ф. 10, оп. 2, д. 234, л. 87.
7 Тухфат ат-таварих-и хани, л. 20—22.
8 Так, сообщается, что мясник Уста Сеид подвергался репрессиям за распространение слухов, что в его дворе появился святой.

шался ли дивана на жизнь Алим-хана по своей инициативе, или по наущению других»[9].

Слабость источниковедческой базы создает серьезные трудности в воссоздании картины восстаний, причин и движущих сил, в определении их участников. Отсутствие сведений о вооруженных формах протеста против ханской политики и действий представителей ханской власти на местах заставляет буквально по крупицам собирать материал, «выуживать» его из косвенных источников, выводить из сопоставлений и т. д., то есть проводить большую предварительную критико-аналитическую работу. Отсюда фрагментарность, неполнота освещения многих восстаний и связанных с ними событий, гипотетичность и нерешенность отдельных положений.

Тем не менее, совокупность источников — русских архивных документов, кокандских и бухарских хроник, киргизских писем и санат, фольклорного и этнографического материала — дает возможность нарисовать общую картину освободительной борьбы киргизского народа, в конечном итоге явившейся одним из факторов, способствовавших добровольному вхождению Киргизии в состав России и падению Кокандского ханства.

Как было показано выше, в период подъема ханства представители киргизской знати участвовали в феодальных усобицах, в борьбе за низложение правящих ханов и возведение на престол новых. Простой народ, киргизские трудящиеся в той или иной мере откликались на эту борьбу, надеясь участием в ней выразить свой протест ханскому налоговому гнету, изгоняли налогосборщиков и сопровождавших их ханские войска, при первой возможности с оружием в руках поднимались на восстания.

Борьба за ханский престол в центре и малейшее ослабление власти кокандцев на местах использовались киргизами для попыток сбросить ханский гнет. Все это и создавало ту напряженную атмосферу на окраинах Кокандского ханства, при которой киргизские кочевые племена считались самым беспокойным и опасным элементом, которого боялись, с которым заигрывали и который пытались беспощадно подавить при первой возможности.

П. Ф. Резник, оставивший краткую рукопись по истории Кетмень-Тюбе,—одного из центральных районов Тянь-Шаня,—подчеркивал, что местные жители «не особенно подчинялись хану и среди них всегда были волнения, когда все роды киргиз

9 *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 95.

соединялись для противодействия ханской власти»[10]. Командующий войсками Ферганской области генерал Скобелев имел все основания сказать об алайских киргизах, что они никогда, даже при сильных ханах, не выражали свое подчинение «обычною подданным покорностью». Отличаясь воинственностью и пользуясь труднодоступностью своих кочевий, они легко, «периодически летом возмущались против ханов». Их подданство обусловливалось лишь зависимостью от базаров и расположением многих зимовок в Ферганской долине и доступных ханским войскам предгорьях[11].

Восстания, как следствие «жестокого и дурного правления» (по оценке русских посланников в Коканд)[12], часто вспыхивали в ханстве, охватывая временами огромные территории. Этим нередко пользовались и соперники ханов — претенденты на престол. А. Вамбери, в частности, писал в 1863 г. о непокорности киргизов, которые «по своему воинственному характеру употребляются той или другой политической партией для низвержения противников»[13].

Восстания киргизского народа против гнета кокандских феодалов, за национальную независимость нередко несли и элементы социального протеста гнету местных эксплуататоров. В своей борьбе против ханско-феодальной тирании киргизы выступали вместе с соседними трудящимися казахами, страдавшими от насилий кокандских властей не меньше киргизов, а также с оседлым узбекско-таджикским населением.

Источники сохранили следующий факт. После завоевания Алим-ханом Ташкента и его окрестностей (1809 г.) некоторые жители, поддерживаемые окрестным кочевым населением, преимущественно казахами, не покорились и продолжали борьбу. Возглавлял движение один из представителей бывшей правящей династии в Ташкенте некто Кабил из рода каракалмаков. Он сделал своей ставкой крепость Багистан в горах, откуда угрожал ханским войскам, торговым караванам. Но в конце концов, поверив обманным посулам Омар-хана, сдался кокандцам и был казнен ташкентскими старшинами[14].

Одно из крупных совместных выступлений казахов и киргизов против Коканда произошло в 1821 г. в Таласской долине. Огнем восстания была охвачена огромная территория, в нем приняли участие тысячи рядовых тружеников. Но руко-

10 *П. Ф. Резник.* Кетмень-Тюбе (рукоп.), стр. 65.
11 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 137.
12 Там же, д. 6844, л. 21.
13 *А. Вамбери.* Путешествие, стр. 318.
14 Тухфат ат-таварих-и хани, л. 45—48.

водство восстанием захватил некий Тентек-Тюря — представитель феодальной знати. В этом проявилась одна из закономерных особенностей народных восстаний в условиях патриархально-феодальных отношений. Господствовавшие в сознании трудящихся понятия о «родовой солидарности» позволяли феодальной знати перехватывать руководство движением масс. Это обычно вело к тому, что в конечном счете либо сглаживались социальные аспекты восстания и его плоды пожинали лишь представители феодальной знати, либо руководители предавали восставших.

Повстанцы заняли города Чимкент, Сайрам и ряд других населенных пунктов, что говорит о мощи и размахе восстания. Но когда наступил кульминационный момент и кокандские войска осадили повстанческие города, Тентек-Тюря изменил. Восстание было жестоко подавлено[15].

В конце XIX в. 84-летний аулие-атинский житель Қасымбек Атабаев рассказывал В. Каллауру о событиях времен своей юности — 20-х годах, когда таласские киргизы, восстав против кокандского ставленника, находившегося в Яны-Кургане, захватили крепость. Но подошедшие войска ташкентского хакима вновь подчинили Талас. Тогда-то и была построена крепость Аулие-Ата как центр управления таласскими киргизами и казахами, ставка кокандского наместника на Таласе[16].

Среди киргизского населения имела хождение овеянная легендой быль о Тайлак-батыре, в которой он характеризуется как организатор и предводитель борьбы киргизов против кокандцев, как человек, выражавший интересы своего народа. Согласно поэме, записанной А. Чоробаевым, в 30-х годах новое крупное восстание против кокандцев вспыхнуло на Нарыне. Его возглавил Тайлак-батыр. Тысячи повстанцев напали на крепость Куртку. Военный гарнизон не выдержал осады. Крепость пала. В плену у восставших оказался ряд кокандских сановников, отдыхавших на Нарыне. Карательный отряд, посланный ханом против повстанцев, потерпел поражение. Народное движение приняло такой широкий размах, что хан уже не надеялся справиться с ним силой. И в ход было пущено коварство. Под видом лекаря послали агента, который отравил народного героя Тайлака. Только после этого восстание было подавлено[17]. Однако недолго длилось спокойствие. Еще неоднократно вспыхивали то здесь, то там очаги восстаний, неоднократно Куртка подвергалась новым нападениям.

15 История Киргизской ССР, т. 1, стр. 294.
16 См.: *В. Каллаур.* Из истории города Аулие-Ата, стр. 14.
17 *А. Чоробаев.* Тайлак-батыр. — Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 225.

В конце 30-х годов на борьбу за свою независимость поднялись киргизы, кочевавшие недалеко от крепости Пишпек. К ним присоединилась часть казахов Старшего жуза. Непосредственным толчком к восстанию послужили произвол и насилие ханских сборщиков налогов — зякетчи, которых сопровождал военный отряд в 300 сарбазов. Плательщики зякета уничтожили весь отряд и убили начальника сборщиков подати. Против повстанцев выступил хаким г. Ташкента с карательным отрядом, но безуспешно. Лишь во время вторичного похода, внезапно появившись с большим войском под крепостью Пишпек, он сумел одолеть повстанцев. Напуганный размахом восстаний на северо-востоке страны, кокандский хан дал своим наместникам неограниченное право управления и власти «над местным населением с одной задачей — держать его в повиновении»[18].

Продвижение бухарских войск и поражение Коканда в 1842 г. первоначально использовалось киргизами, начавшими изгонять на местах ханских ставленников. С этого времени подчинение и подданство отдаленных северокиргизских племен Коканду становится эпизодическим, нередко чисто формальным. Это дало повод даже Е. Скайлеру написать, что с 1842 г. киргизы освободились от кокандской зависимости[19]. События в Кокандском ханстве привлекали внимание и русского министерства иностранных дел. В архиве откладывается информация, что в 1842 г. иссык-кульские племена восстали против хана, «свергнули с себя его иго и, разорив устроенные на границах кокандцев с кочевьями дикокаменных киргизов крепостцы, начали с тех пор действовать самостоятельно»[20].

Отпали племена Центрального Тянь-Шаня, освободились чуйские киргизы, стали независимыми киргизы Прииссык-кулья. И. Бардашев, областной переводчик Семиречья, подтверждает этот факт: «Вследствие возникших в Кокане беспорядков, главные рода черных киргиз, кочующие в окрестностях Иссык-Куля, признали себя независимыми и выгнали кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Караколе, Барскауне и Конур-Улене»[21].

18 Военно-статистический сборник, вып. III, стр. 130, 134—135.
19 *E. Schuler.* Turkistan, v. I.
20 ЦГВИА, ф. 1440, оп. 1, д. 2, л. 59—73; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. д. 14, л. 515.
21 *И. Бардашев.* Сведения о дикокаменных киргизах.

Это еще не была окончательная победа, не полное освобождение от кокандского гнета. Но это была победа, после которой ханство больше уже никогда не смогло прочно утвердиться на берегах Иссык-Куля. К сожалению, неизвестны ни ход восстаний, ни имена их предводителей. Ясна лишь причина — стремление к независимости, увенчавшееся успехом. Движущими силами и инициатором этой борьбы выступал простой народ.

Южнокиргизские племена, более тесно соприкоснувшиеся с бухарским нашествием и пострадавшие от него, не остались безучастными к пришельцам. Они вместе с кокандскими тружениками-узбеками поднялись на борьбу против оставленного эмиром в Коканде своего наместника. Основной силой повстанцев явились отряды киргизов и узбеков. Бухарские войска и наместник были изгнаны, но престол занял новый хан. Формы и методы эксплуатации остались прежними.

В 1845 г. началось крупное восстание среди алайских киргизов, которое перекинулось и на окрестности Оша. О восстании сохранились сведения в нарративных источниках, в частности, оно описано Мулла Нияз-Мухаммедом в «Тарихи Шахрохи»[22]. В это время кокандский временщик — представитель мощной кыпчакской группировки Мусульманкул — был с войсками в Ташкенте, жители которого перед этим выступили против хана. Киргизы, воспользовавшись отсутствием на юге основных войск и главнокомандующего, подняли восстание. Вскоре оно охватило район от Алая и Уч-Кургана до Оша. Источники не сообщают конкретных причин восстания, но его основной удар был направлен против налоговой политики Шералы-хана, который был возведен на престол не без участия самих киргизов.

Восставшие, основную массу которых составляли алайские и ошские киргизы, совместными силами с поддержавшим их узбекским населением осадили город Ош. Когда весть о восстании дошла до хакима Шахриханского вилайета кыпчака Мухаммеда Назара Кур-Оглы, тот собрал войско (кошун) и пошел на восставших. Одновременно было послано сообщение Мусульманкулу, который спешно вернулся в Коканд и с войсками направился на соединение с кошуном Мухаммед Назара Кур-Оглы. Повстанцы были разбиты[23]. Мусульманкул-минбаши свободно вошел в Ош и «захватил в плен много киргизов»[24]. В. Наливкин пишет, что восстание было жестоко по-

[22] Тарихи Шахрохи, стр. 170; МИКК, стр. 233—234.
[23] МИКК, стр. 233.
[24] *И. П. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 964.

давлено, много пленных отправлено в Коканд, а Мусульманкул на некоторое время задержался в Оше, «дабы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»[25]. Однако кыпчакским феодалам не удалось стабилизировать положение в ханстве. Пока они были заняты подавлением восстания, некий Рахматулла датха-мирза и исфаринский хаким Сатыбалды-датха из киргизов договорились с алайскими феодалами о низложении Шералы. Претендентом на престол выбрали Мурадбека (одного из сыновей Алим-хана), находившегося тогда в Ура-Тюбе.

Когда Кур-Оглы еще сражался с восставшими киргизами под г. Ош, пришло известие, что заговорщики доставили в Коканд Мурада и возвели его на престол. Шералы-хана «заставили испить напиток мученичества»[26]. В этих событиях впервые на политической арене в качестве активного участника выдвинулся крупный феодал Алымбек.

В несколько иной интерпретации описанные события освещаются В. Наливкиным, который роль киргизов в восстании не подчеркивает и не упоминает о действиях Алымбека[27], хотя об этом имеются сведения, полученные от жены Алымбека — известной позднее Курбанджан-датхи[28].

Несомненно, в восстании движущей силой являлись трудящиеся массы кочевого и земледельческого населения. Но выступление народа лишь использовалось феодалами для достижения своих целей. Отряды повстанцев под Ошем были разбиты, восстание потерпело поражение. Однако группа заговорщиков, в том числе алайских феодалов, выиграла. На престол был возведен послушный им Мурад-хан. Так, используя народное недовольство, а также сложившуюся ситуацию, киргизские феодалы накапливали политический опыт, активно участвовали в ханских междоусобицах, преследуя свои личные интересы. Рядовым же участникам восстания приходилось расплачиваться и за карьеристские авантюры феодалов. Повстанцы разошлись по кочевьям, но оказалось, что налог выплачивать нужно, да еще и в больших размерах. Все это привело к тому, что рядовые киргизы, почувствовав себя обманутыми, начали равнодушно взирать на продолжавшиеся придворные распри. Когда кыпчаки Мусульманкула выступили против Мурад-хана, то оказалось, что последнего поддерживает лишь небольшой киргизский отряд в 100—200 человек, находившийся

[25] *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 161.
[26] МИКК, стр. 233—234.
[27] *В. Наливкин.* Краткая история, стр. 161—162.
[28] *И. П. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 964.

в столице. Кыпчаки ворвались в город, часть киргизов погибла, часть попала в плен и лишь немногим удалось спастись[29].

На престол был возведен Худояр-хан. При нем первую роль продолжал играть властный предводитель кыпчаков Мусульманкул. Надо полагать, что часть киргизских феодалов в союзе с Мусульманкулом поддержала выступление против Мурад-хана, надеясь приблизиться к престолу нового хана. Некоторым наблюдателям, в частности бывшему одно время в Коканде официальному русскому посланнику — купцу И. Я. Крымову, этот новый переворот представился мощным восстанием, так как в движении принимали участие массы рядовых скотоводов. Правда, Крымов ошибочно датирует события 1846 г., но подобная неточность в сведениях того времени — довольно распространенное явление. «Киргизы-кыпчаки,— писал он,— Кокандским ханством овладели в 1846 г. общими силами, т. е. всеми отделениями своих родов», но «изо всех отделений рода ихнева главные и уважаемые ими старшины и бии», исходя из того, что народ «с давних пор привык быть управляемый ханами», возвели своего хана[30].

Итак, и это движение закончилось возведением на престол нового хана. Управление и налоговая политика каждого хана ничем не отличались от предшествующих. Уроки восстаний их ничему не научили, да и не могли научить. Феодальное окружение, принцип феодального угнетения оставались прежними. Сохранялись и социально-экономические причины народных движений.

В 1847 г. произошло мощное Ташкентское восстание против деспотического ханского наместника Азиза-парваначи. Есть основание утверждать, что в нем приняли участие кроме городских жителей окрестные племена казахов и киргизов. Восстание было вызвано введением чрезмерного налога. Автор рукописи «Мирват-ал-футух» следующим образом характеризует обстановку накануне восстания. Азиз-парваначи установил такой жестокий деспотический контроль над жителями города и окрестных кишлаков, а также «подданными казахами и киргизами, что ни один из малых или великих, живущих на окраинах людей, или низкий человек без его повеления не имел силы и права перешагнуть на расстояние даже кончика пальца от большой дороги правдивости и справедливости... Он настолько завладел казахскими и киргизскими племенами и горожанами, а также отрядами войск, что они не могли дать

29 Тарихи Шахрохи, стр. 170—178.
30 ЦГВИА, ф. 67, оп. 1, д. 48, л. 19.

даже тайно ни одного дирхема, ни одного фельса местным правителям, начальникам, способным людям и государственным чиновникам ни из хераджа и зякета, ни из яргу и алагата. Указанные племена, получив от населения и полностью (налоги и поборы), не давали и не могли дать ничего из них даже в уменьшенном размере, представителям султанского дивана и казны»[31].

Автор сетует на Азиза и порицает его за злоупотребление властью, особенно за то, что парваначи не делился своими доходами с ханским двором и не выделял доли налогов в казну. Придворный летописец был сыном времени, но и через такую искаженную призму своего мировоззрения все же отразил характер злоупотреблений и эксплуататорскую сущность кокандских наместников.

Очевидец событий Мулла Аваз-Мухаммед сообщал, что толчком к восстанию послужило решение Азиза-парваначи и его эмиров и визиров «обложить деньгами население города и его окрестных сел сверх их годичного обязательства»[32]. Другой среднеазиатский автор Мулла Мирза Алим, описывая предшествующие события, указывал, что население всегда было готово к восстанию и ждало только удобного момента[33]. Глубокие социально-экономические причины уже созрели и достаточно было одного лишь повода, чтобы разгорелась борьба.

В это же время на юге Киргизии новая волна протеста вылилась в выступление части киргизских племен во главе с Алымбеком-датхой, поддержавших Ходжа-Тюрю в борьбе за кашгарский престол. Выступление было организовано вопреки воле кокандского хана, даже в противовес его внешнеполитическим интересам (Коканд пытался избежать возможности вооруженного конфликта с цинским Китаем). П. И. Ювачев замечает, что эти события происходили тогда, когда киргизы еще хорошо помнили свое прежнее независимое положение и при первой же возможности спешили «стряхнуть с себя вассальное подчинение кокандскому деспоту-хану»[34].

Повстанцы захватили Кашгар, но вскоре местные цинские власти получили подкрепление, и тогда восставшие вместе с Алымбеком, да и сам Ходжа-Тюря вынуждены были возвратиться в кочевья на Алай. Это событие показывает, как киргизские феодалы в своих авантюристических планах и действиях, опираясь на накопившийся гнев против притеснителей, на-

31 Цит. по кн.: *Р. Набиев.* Ташкентское восстание, стр. 29—30.
32 Там же, стр. 64—65.
33 Там же, стр. 64.
34 *П. И. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 964.

правляли в нужное им русло всколыхнувшиеся силы повстанцев. Данный поход, не освободив алайских киргизов от кокандского гнета, имел трагические последствия для кашгарских жителей—уйгуров и киргизов. Спасаясь от мести цинских властей, кашгарцы потянулись в Фергану. Возвращение из Кашгара зимой было связано со смертью многих его участников. Снежная буря, застигшая киргизов на перевале Терек-Даван, привела к гибели многих детей и женщин, голод усугубил трагедию. Имущество кашгарцев было брошено или разграблено. Уцелевшие и вырвавшиеся в Ош вынуждены были продавать здесь своих детей, чтобы только добыть пищу и не умереть с голоду [35].

Источники, в частности «Тарихи Шахрохи», вскользь упоминают еще об одной вспышке восстания киргизов против ханских войск. Это произошло в 1847—1848 гг. Мулла Нийаз-Мухаммед кратко сообщает о том, что восстали киргизы Наманганского округа. Спустившись с гор, они сразились с кыпчаками между двумя реками в одной из местностей Балыкчи, но потерпели поражение[36].

Кыпчакские феодалы, захватив власть и прибрав к рукам Худояр-хана, жестоко угнетали не только узбекское оседло-земледельческое население, но и трудящихся скотоводов, в том числе киргизов. Автор кокандской хроники «Мираат алфутух», например, описание этих событий озаглавил так: «Изложение событий захвата власти и господства племени кыпчаков над городским сословием и киргизскими племенами»[37].

В ответ на усиление политического и экономического гнета Худояр-хана и Мусульманкула то тут, то там вспыхивают отдельные очаги восстания.

В 1848 г., после борьбы казахского султана Кенесары с киргизскими манапами, кокандские ханы, решив воспользоваться их усобицами, направили в Северную Киргизию войско. В информационном письме манапа Джантая Карабекова западносибирскому генерал-губернатору можно прочитать о соединении отрядов Джантая и Ормона для отражения войск кокандцев. Киргизы, «восстав против врагов, отразили их оружием, и они без всякого завоевания удалились». Осенью, пишет Джантай, кокандцы напали вторично «для отмщения за убитых у них в первой битве людей». Однако в это время

35 *П. И. Ювачев.* Курбан-Джан-Датха, стр. 964—965.
36 Тарихи Шахрохи, стр. 182; МИКК, стр. 234.
37 *Р. Н. Набиев.* Ташкентское восстание, стр. 19.

из Бухары «на сторону Коканда» двинулись эмирские войска, и кокандцы удалились из Киргизии.

Но в целом соотношение сил оказалось неравным, и киргизы вынуждены были вновь признать кокандское подданство. Джантай объяснял это лишь необходимостью уборки урожая: «Между тем я с находящимися в здешнем укреплении кыпчаками притворно обхожусь дружелюбно, обманываю их под разным предлогом лишь только до уборки хлеба, снабжая их иногда малым количеством баранами. Кочевья же и пашни Урман Батыря (Ормона) находятся от того укрепления в дальнем расстоянии, но пашни, как-то мои и султавского (солто) рода манапа Джанкарача аулы и пашни находятся поблизости»[38].

Действительно, зависимость киргизов от Коканда была весьма слабой и неустойчивой. Летом 1850 г., воспользовавшись тем, что кокандский отряд в несколько сот человек из Пишпека выступил в Тойчубеково укрепление, киргизы напали на ослабленную крепость. Но хотя взять Пишпек им не удалось, кокандцы, однако, вынуждены были возвратиться[39].

В начале 50-х годов XIX в. племена киргизов, управляемые манапом Ормон-ханом, вновь вышли из повиновения Коканду. Ханский военный гарнизон в Котмалды был разбит восставшими, а укрепление разрушено. Однако и здесь повстанцам не удалось окончательно освободиться из-под власти Кокандского ханства. Разгорелась междоусобная многолетняя борьба между сарыбагышскими и бугинскими феодалами, чем умело воспользовались кокандские власти[40]. Ослабленные в междоусобной борьбе киргизы могли легко стать добычей кокандских феодалов. В скором времени они вновь попадают в подданство Коканда. Ханам не хотелось терять такой богатый объект поборов и податей, каким являлась Киргизия. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы сохранить здесь свое господство. В Чуйскую долину и на Тянь-Шань посылаются военные отряды, которые силой вынуждают киргизские племена признать власть кокандского хана, безжалостно грабят и разоряют местное население. Весною 1851 г. в Пишпек прибыл кокандский отряд из 7 тыс. человек для утверждения подданства «неустойчивых» чуйских киргизов. Солтинцев поддержали сарыбагыши, и кокандский хан вынужден был отправить еще несколько карательных отрядов.

38 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 19—21.
39 *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край, 1848—1849 и 1850 гг., док. 54, стр. 100.
40 Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 278.

Усиленное войско грабит «отпавших» киргизов: у скотоводов отнимают лошадей и овец, разоряют зимовки, аилы.

В подавлении восстаний и приведении в подданство северных соплеменников кокандцам помогали и киргизские феодалы — ханские сановники. Алымбек, когда стал влиятельным придворным, сам в 1853 г. потребовал от северокиргизских племен подчинения Коканду. Киргизские манапы жаловались в письме российским властям в сентябре: «...хокандский Алымбек прислал к нам письмо с угрозою, что если мы не будем иметь с ним свойства, то он придет к нам и накажет нас оружием»[41]. Киргизы вынуждены были снова временно подчиниться кокандцам и направить зякет в ханскую казну.

Стремясь использовать в своих корыстных целях освободительное движение народа, у киргизов нередко искали пристанища и опальные чиновники ханства. Известный кыпчакский феодал Мусульманкул одно время — после неудачного соперничества с ташкентским правителем Нормухаммедом (которого он же в свое время поддержал в борьбе против Азизапарваначи), вынужден был бежать в кочевья киргизов, «где надеялся найти не только безопасное на время убежище, но и возможность при помощи их восстановить значение свое в ханстве»[42]. Что вскоре и исполнил.

Несколько позже в этих же киргизских кочевьях ищет убежища и алайский феодал Алымбек. Выступив против кыпчакской группировки и ханского временщика Мусульманкула, Алымбек-датха ушел за Нарын, воспользовавшись восстанием киргизов против кокандского хана. Восставшие осадили укрепление Куртку. Комендант — кыпчак, ставленник Мусульманкула, был вызван на переговоры и убит[43].

Вообще во время придворных смут в Кокандском ханстве тянь-шаньские киргизы довольно часто выходили из повиновения коменданта Куртки. Когда Алымбек-датха в середине 50-х годов, воспользовавшись недовольством народа против правящего хана, на гребне восстания возвысился до визиря, нарынские киргизы на первых порах почти совершенно перестали считаться с комендантом Куртки и даже отправляли (в 1858—1859 гг.) в Коканд посольство (правда, безуспешно) «с просьбой дать им отдельного начальника»[44].

Видя тщетность борьбы своими силами против деспотизма Кокандского ханства, киргизский народ в лице дальновидных своих представителей стал искать помощи и опоры извне. В первую очередь они надеялись на более могущественного северного соседа — придвинувшуюся к самым кокандским границам Россию. Налаженные с конца XVIII в. и успешно развивавшиеся в первой трети XIX в. контакты чуйских и иссык-кульских киргизов с Россией с завоеванием Киргизии Кокандским ханством были временно прерваны. Вновь они возобновляются во второй половине 40-х годов XIX в. и особенно активизируются в первой половине 50-х годов. В своих письмах западносибирским властям киргизы неоднократно обращаются с просьбой о принятии их в российское подданство, надеясь таким способом избавиться от ханского гнета. Но на первых порах встречают воздержанность царских властей, считавших преждевременным такой акт. Положительный ответ поступил только в 1853 г. Осенью следующего года в Омск с берегов Иссык-Куля отправляется представительная депутация во главе с известным манапом Качыбеком Шералиным для принесения присяги от бугинцев на подданство России[45]. 17 января 1855 г. в торжественной обстановке присяга была принята. Произведен юридический акт добровольного вхождения Киргизии в состав России. Иссык-Кульские киргизы получили юридическое обоснование независимости от Кокандского ханства. Но этот акт во многом еще оставался формальным, так как русские власти ограничились лишь присылкой в качестве своего агента купца Файзуллу Ногаева, не подкрепив его даже вооруженным отрядом. В связи с этим ханские отряды еще некоторое время продолжали наезжать на Иссык-Куль за сбором податей, и местное население вынуждено было своими силами оказывать им посильное сопротивление. Но этот район уже прочно попал в поле зрения российских властей, державших курс на постепенное продвижение к Центральному Тянь-Шаню и твердое закрепление на берегах Иссык-Куля. Все события, происходившие в Киргизии, теперь получают отражение в донесениях пограничных властей западносибирскому генерал-губернатору, от которого они поступали непосредственно в Санкт-Петербург.

По мере возрастания роли и значения России в киргизских кочевьях все более ослабевало влияние Кокандского ханства, все шире разворачивалась борьба киргизского народа против ханских наместников. В июне 1855 г. командир Сибирского

41 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 45.
42 ГАОрО, ф. 6, д. 13254/16, л. 66.
43 *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 2, стр. 256.
44 Там же, стр. 255.

45 Вопрос добровольного вхождения Киргизии в состав России подробно разработан в трудах Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова, К. У. Усенбаева, в связи с чем ограничимся его краткой оценкой в свете киргизско-кокандских взаимоотношений в этот период.

корпуса (он же западносибирский генерал-губернатор) доносил в столицу военному министру, что власть хана в верховьях р. Чу, отдаленных на значительное расстояние от центра кокандских властей снеговыми горными хребтами, «весьма шатка»[46]. Для поддержания здесь своего господства ханы чаще использовали испытанную практику всех завоевателей и колонизаторов — поощряли усобицы, поддерживали то одну, то другую группу враждовавших киргизских феодалов.

Как видно из другого донесения Гасфорда военному министру, в 1855 г. кокандцы активно поддерживали выступление сарыбагышей против бугинцев, только что принявших российское подданство и тем самым вышедших из под влияния Коканда. Они стали на сторону сарыбагышского манапа Ормона, выступившего против бугинцев. Произошла вооруженная схватка. В ходе сражения сарыбагышский предводитель Ормон был убит[47]. Этот случай послужил поводом для многолетней борьбы сарыбагышей с бугинцами, принесшей неисчислимые бедствия простым труженикам — скотоводам. Но и сарыбагышские феодалы, используя поддержку кокандцев, не намерены были слепо повиноваться хану. Опираясь на недовольство народных масс ханским угнетением, они и сами были непрочь временами уклониться от ханских налогов, что и произошло уже в следующем году.

Летом 1856 г. для наказания сарыбагышей, «вышедших из повиновения Коканду» и отказавшихся от уплаты зякета, был отправлен большой карательный отряд. Сбор зякета с местного населения превратился в настоящий грабеж. Господство Кокандского ханства над племенами сарыбагыш и солто было восстановлено силой с большой жестокостью[48].

Подобная система сборов налогов носила характер обыкновенных грабительских налетов и вызывала при малейшей возможности вооруженный отпор киргизов. Кокандский историк Абу Убейдулла Мухаммед[49], будучи сборщиком зякета, сам не раз оказывался свидетелем подобных выступлений. Наиболее крупным из них явилось восстание 1857 г. казахов и киргизов Семиречья. Первыми против ханского гнета поднялись казахи Старшего жуза. К ним присоединились киргизы, кочующие на Таласе и в Чуйской долине. Причиной этого выступления послужили факты произвола и насилия ташкентского хакима Мирзы Ахмета.

Кокандцы сначала определили с подведомственных Ташкенту киргизов и казахов зякет по 3 барана с сотни. Киргизы объявили, что этого зякета не дадут. Хаким стал настаивать. Тогда-то и «последовало общее возмущение киргизов, окончившееся тем, что ханское правительство ограничилось двумя баранами со ста»[50]. Но трудящиеся массы, доведенные до отчаяния, решили вступить в открытую борьбу. Когда отряд кокандцев во главе с Худайберды Диванбеги вышел из Ташкента для сбора зякета с киргизов Пишпекского района, «старшины илатие (племени. — *В. П.*) и плательщики зякета подняли восстание, уничтожили весь отряд и убили самого Худайберды Диванбеги»,— писал кокандский хронист Абу Убейдулла. Однажды он сам явился свидетелем, как уже после сбора налога закати-гусфанд явилось еще четыре посланца ташкентского наместника Мирзы Ахмеда с требованием увеличения сборов. Они «стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество. Тогда отряд кочевников численностью 200 всадников со своим старшиной Худайбергеном во главе напал на сборщиков зякета. Сборщиков схватили, раздели догола и по одному развезли по аулам»[51].

Вслед за этим разрозненные выступления, вызванные протестом против налогов, сливаются в общее русло восстания. Другой кокандский автор Абди Саттархан Казий свидетельствует: «...киргизы не согласились на уплату зякета и в разных местах перебили зякетчи, посланных беком для взимания означенного зякета». Восстание быстро расширялось. Оно охватило большую часть территории казахов Старшего жуза и северо-западные районы Киргизстана[52]. Это уже явилось серьезной угрозой для всех северных территорий ханства. Встревоженный Худояр-хан решил сам во главе своей гвардии в 500 человек выступить «для усмирения восставших киргиз-кыпчаков в местности Джеты-Су»,— доносил царский чиновник Осмоловский в 1857 г. Но угроза дворцового переворота в пользу брата Малля-бека вынудила его задержаться в Коканде[53].

Несколько позже А. Л. Кун запишет об этих событиях и ташкентском правителе Мирзе Ахмеде: «Притеснениями и не-

46 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 16, л. 106.
47 Там же, л. 112.
48 История Киргизской ССР, т. 1, стр. 296.
49 «Хуласат ал-ахвал». Рукоп. ИВ АН Узб. ССР, инв. № 2884. См.: *А. Урунбаев.* Неизвестная рукопись...
50 ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 6, т. 5, 1865, г. св. 892а, л. 780.
51 Цит. по ст.: *А. Урунбаев.* Неизвестная рукопись, стр. 36.
52 История Киргизской ССР, т. 1, стр. 296.
53 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 18, л. 330.

померными налогами он вооружил против себя народ до того, что восстание приняло грозные размеры»[54].

Утихнув на зиму, восстание с новой силой разгорелось в 1858 г. Его свидетелем стал известный путешественник Н. А. Северцов, оказавшийся в мае «кокандским пленником». Причиной восстания, писал Северцов, «были поборы ташкентского бека»[55]. Мирза Ахмед направил в кочевья кокандские вооруженные отряды численностью от 50 до 250 человек[56]. Без вооруженного сопровождения зякетчи уже не рисковали выезжать в горы. Но и войска не всегда выручали. Отряд кокандского юзбаши (сотника) Абселяма из поездки к кочевникам за зякетом «вернулся ограбленным»[57].

Первыми, по словам Северцова, возмутились «горцы, кочующие в хребтах между Ташкентом и р. Чу», т. е. Чаткала и Таласа. Отряды, высылавшиеся на подавление восстания, со своей задачей справиться были не в состоянии, и вскоре «все кокандские укрепления между хребтом Кара-Тау и р. Чу были обложены киргизами». Такую картину наблюдал Н. А. Северцов в течение всего апреля. Но неорганизованность восставших мешала им достичь более заметных успехов. Повстанцы, осадив крепости, решили взять ханские гарнизоны измором. В то же время некоторые наиболее предприимчивые из примкнувших к повстанцам, продолжали выменивать у осажденных на скот всевозможные товары, наивно полагая, отмечал Н. А. Северцов, «что доставляемое таким образом продовольствие недостаточно для города и что цель их все-таки достигается»[58].

Основными участниками восстания, его движущей силой были казахские трудящиеся; причина крылась в социальном угнетении. Военный губернатор «сибирских киргизов» (казахов) генерал-майор Фридрихс в рапорте генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорду подтверждал, что восстание против «ташкентцев» «произошло от непомерных сборов податей»[59]. Но руководство народным движением перехватили феодалы. Во главе восставших встал казахский «старшина» Худайберген. Повстанцы плотно окружили Аулие-Ата, где находился в то время Мирза Ахмед. Его положение серьезно осложнилось, и кокандский наместник униженно обратился к своему хану с просьбой о помощи. В Аулие-Ата были направ-

54 *А. Л. Кун.* Некоторые сведения, стр. 422.
55 *Н. Северцов.* Месяц плена, стр. 71—72.
56 ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 180, л. 8—10.
57 *Н. Северцов.* Месяц плена, стр. 70.
58 Там же, стр. 71—72.
59 ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 7, д. 180, л. 8—10.

лены войска, состоявшие из нескольких тысяч человек. Но прибывшие ханские отряды не осмелились сражаться с многочисленными повстанцами и ограничились лишь выводом Мирзы Ахмеда из окружения[60]. Осада была снята, хотя напряженность осталась.

После восстания парваначи Мирза Ахмед, как видно из письма пишпекского датхи Атабека, был смещен ханом. В дальнейшем, с падением Ташкента, он бежал в Кашгар к Якуб-беку, где играл немаловажную роль в государстве бадаулета[61].

Восстание, вспыхнувшее первоначально в знак протеста против действий ташкентского наместника Мирзы Ахмеда, уже в 1858 г. обратилось непосредственно против Худояр-хана, против Кокандского ханства в целом. Не утихнув в северных районах, оно получило широкое распространение на юге. Здесь первыми на борьбу выступили алайские киргизы племени адыгене. Высланному на подавление восстания карательному отряду противостояла целая армия повстанцев в 40 тыс. человек. Вооруженные палками, саблями, боевыми топориками и лишь отчасти огнестрельным оружием — фитильными ружьями и четырьмя легкими орудиями, восставшие встретили ханские войска недалеко от Маргелана. В местности Самгар произошло сражение. Карательный отряд был разбит. Несмотря на то, что восставшие не имели единого руководства, что во главе фактически разрозненных отрядов каждого рода и племени стояли самостоятельные руководители, народное движение представлялось как нечто цельное, направленное против правления Худояр-хана. Восставших киргизов поддержали кыпчакские и узбекские трудящиеся. Победа стала склоняться на сторону восставших. Феодалы решили воспользоваться этим, низложить Худояр-хана и возвести на престол его старшего брата Малля-бека, надеясь приобрести при новом хане большее влияние.

Возглавил восстание Хасан-бий , «бывший в то время в большой силе среди всех ближайших киргиз»[62]. Активную роль играл и принимал самое непосредственное участие в восстании Алымбек и другие киргизские и кыпчакские феодалы. Мулла Хали-бай Мамбетов — информатор Н. Веселовского— рассказывал ему в 80-х годах прошлого столетия: «Бек Мадамин сын Гура, Чакан дадха, Пулад дадха, Куйчи дадха, Алымбек, Сеид-бек, посоветовавшись, избрали ханом Малля-хана, а Худояр-хана изгнали из Коканда»[63].

60 *А. Нурекин.* Очерк истории Кокана с 1841 по 1864 г.
61 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 28.
62 *В. Н. Наливкин.* Краткая история, стр. 188.
63 *Н. Веселовский.* Киргизский рассказ, стр. 5.

Родной брат Худояра Малля-бек был первоначально (в 1852 г.) правителем г. Ташкента, но вскоре бежал к бухарскому эмиру и был назначен беком в г. Самарканд. Не довольствуясь этим, он возвращается в Коканд. Худояр-хан назначил его правителем Андижанского вилайета, одного из крупнейших в ханстве. В его ведении оказались окрестные киргизы. А поскольку мать Малля-бека была киргизкой, то феодалы и решили сыграть на этом, представив дело таким образом, будто интересы восставших киргизов и Малля-бека совпадают. Даже многие обозреватели в России поверхностно объясняли «общность целей» повстанцев и претендента на престол родственными отношениями. Воспользовавшись недовольством населения войной Худояр-хана с бухарским эмиром, широко разгоревшимся восстанием трудящихся на севере, Малля-бек «с помощью каменных вообще киргиз напал на Коканд и овладел этим городом»,— отмечалось в одном из информационных сообщений, направленных в это время в Россию[64].

Так, использовав социальный протест трудящихся, борьбу киргизов и казахов за национальную независимость, Малля-бек занял кокандский престол, чтобы сохранить и продолжить ту же политику угнетения трудящихся.

В целях сдерживания напора народно-освободительной борьбы кокандские ханы в 60-х годах назначают в районы кочевания северокиргизских племен комендантами крепостей киргизских манапов. Кокандские феодалы заменяются кое-где местными родоправителями. Шабдан Джантаев в своей автобиографии, написанной по просьбе Н. А. Аристова, вспоминал, что ташкентский правитель Катаат-ша хотел поставить его в 1860 г. беком в крепости Пишпек, но Шабдан не согласился. Несколько позже за какие-то услуги, оказанные Худояр-хану в Ташкенте, Шабдан был назначен беком г. Азрет-Султан (Туркестан). Но к исполнению обязанностей так и не успел приступить: успешное продвижение русских войск в этом районе сделало должность непривлекательной и опасной, и Шабдан так и не стал фактически беком крепости[65].

До начала 60-х годов северные киргизы еще продолжали признавать свою общую зависимость от Коканда, несмотря на принятие частью из них российского подданства. Так, современник 60-х годов писал о чуйских киргизах: «Все они платят зякет ташкентцам и редко некоторые избавляются от платежа и уходят далее на юго-восток, но на другой год они возвращаются и платят снова в гораздо больших размерах»,—

64 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 383, оп. 1, д. 81, св. 8, л. 67.
65 Архив ГО СССР, р. 65, оп. 1, д. 11, л. 582—583.

поскольку открыто сопротивляться не было сил, а гор, в которых прочно и надолго можно было бы закрепиться, — нет»[66].

Положение усугублялось междоусобицами как внутри киргизских племен, так и с соседними племенами казахов. Бугинский манап Боромбай в одном из своих писем жаловался, что «киргизы рода нашего с таковыми же других родов поимели междоусобные распри и раздоры, причиняют одни другим обиды и насильства, так что лишились всякого спокойствия»[67]. Все это ослабляло силы трудящихся, позволяло ханской администрации использовать раздоры в своих целях, поочередно присоединять отпавшие племена.

В 1860 г. (в который уже раз!) Канаат-ша вновь «подчиняет» чуйских и таласских киргизов. В одном из кокандских сочинений — «Тухфат ат-таварих-и хани» — сказано, что в 1277 (1860) г. Канаат-ша собрал по приказанию эмира Малля-хана большой зякет с кочевников в областях Аулие-Ата и Пишпек. «Усмирив и подчинив все аймаки», он возвратился в Ташкент[68].

Новое мощное восстание охватило Кокандское ханство в 1862 г.

Причиной выступления весной 1862 г. явилось убийство заговорщиками Малля-хана. Среди активных участников выступления были алайский родоправитель Алымбек, кыпчакский бий Утембий. Сарыбагышский манап Умбет-Алы, например, прямо считал, что Малля-хана «убил один из придворных чинов хана Алымбек из рода адыге»[69]. Феодалы возвели на престол Шах-Мурада (Самрат-бека). Известный русский путешественник А. П. Федченко, возвращаясь к этим событиям, писал, что как только киргизы заметили, что их ставленник Малля-хан склоняется на сторону оседлой кокандской знати, они убили Малля-хана и провозгласили ханом Шах-Мурада, сына Сарымсака, который был старшим сыном Шералы[70]. По ханству прокатилась волна вооруженных выступлений, началось избиение кокандских наместников.

Дворцовые интриги и переворот в пользу Шах-Мурада дали толчок всеобщему выступлению против кокандских чиновников на местах, вылившемуся в восстание против Кокандского ханства. Ташкентский купец жаловался на Сибирской линии, что в Коканде «настало время Самрата, а управление наро-

66 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 1, л. 22.
67 АВПР, СПб., Главный архив, 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 1—2.
68 Рукоп. перев. В. А. Ромодина.
69 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 5.
70 *А. П. Федченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 243.

дом — Алымбека». Киргизы, говорил он, пользуются «всеобщим смятением», не пропускают правительственные караваны купцов, «что называется у них хан-талау (разграбление хана)»[71].

Вскоре на престол возвратился с помощью бухарского эмира Худояр-хан. Заговорщики, в том числе и предводитель киргизских феодалов Алымбек, были казнены. 25 июля 1862 г. Колпаковский в письме к корпусному командиру уже сообщал, что Худояр-хан при поддержке бухарского эмира победил, «многие из лиц, умертвивших хана Малля, были казнены, в том числе убит чернью и знаменитый Алымбек»[72].

Воспользовавшись дворцовыми смутами в ханстве и общей его ослабленностью, восстают киргизы Чуйской долины. Они убили ханского наместника и осадили кокандскую крепость Пишпек. Одновременно повстанцы обращаются к русским властям с просьбой о принятии их в состав России. На этот раз просьба киргизов была сразу уважена. На помощь повстанцам направляются войска начальника Алатавского округа Г. А. Колпаковского. Совместными силами Пишпек был взят и разрушен. Господству кокандцев и в Чуйской долине пришел конец.

Таким образом, народные восстания против ханского гнета привели при поддержке России к полному освобождению Прииссыккулья и Чуйской долины от кокандского господства. Северная Киргизия добровольно вошла в состав России.

В других районах Киргизии борьба против ханского господства продолжалась, временами возгораясь до крупных масштабов. В ноябре 1862 г. Колпаковский в одном из своих донесений сообщал центральным властям: «Беспорядки в Кокандском ханстве продолжаются ...успех на стороне кыпчаков, действующих соединенно с дикокаменными киргизами»[73].

Весной следующего 1863 года повстанцы овладели почти всеми городами ханства, кроме Коканда и Ташкента. Осенью киргиз-кыпчакский феодал Алымкул совершил новый переворот, возвел на престол 12-летнего сына свергнутого кокандского хана Султан-Сеида, а сам стал управлять ханством в качестве регента[74].

71 ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 6.
72 Там же, л. 14.
73 Там же, л. 14, 22.
74 В декабре 1863 г. манап Байтык доносил Колпаковскому в Верный: «Кокандский хан — Султан-Сеид, 12 лет. Вместо него народом управляет Мулла Алымкул, дикокаменный киргиз». — ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 91.

К сценкам восстаний в Кокандском ханстве следует подходить осторожно, чтобы не создалось впечатления огульного отнесения их всех без исключения к народно-освободительным движениям и социальным протестам. Дело в том, что источники оставили о них весьма скудные известия, а феодалы нередко сами провоцировали выступления в лично корыстных целях. И благородный взрыв народного негодования нередко ловко направлялся феодалами лишь против правящего хана, за нового претендента на тот же престол. Социальный бунт совмещался в конечном итоге с династическими распрями, от выступления трудящихся выигрывали лишь феодалы, а основная движущая сила — повстанцы незаметно для себя вновь оказались в прежнем угнетенном положении. В то же время нельзя отрицать, что и дворцовые перевороты, смена ханов могли послужить поводом и создать условия для выступления трудящихся.

Восстания против кокандцев носили не только народно-освободительный характер, они содержали элементы и социальной окраски, борьбы против всех видов угнетения, в том числе и против «своих» родоправителей-манапов. Иногда, не имея сил справиться со своими подданными и желая их надежнее «привязать», манапы обращались даже к русским властям с просьбой о помощи. Сарыбагышский манап Тюрегельды в феврале 1865 г. в письме к начальнику передовой Ново-Кокандской линии просил «о присылке ему сотни казаков для удержания киргиз за собой»[75].

Усиленная эксплуатация вызывала всевозможные социальные конфликты, что было подмечено еще представителями царской администрации. Командующий войсками Западно-Сибирского военного округа писал, что «между манапами и народом существовали постоянный разлад и несогласие»[76]. Протест непосредственного производителя против феодалов родоправителей обычно проявлялся в неуплате податей, уклонении от несения феодальных повинностей, в откочевке на другие места и редко вырастал до вооруженного конфликта.

Довольно распространенной формой стихийного протеста являлась откочевка бедноты от жестоких баев и манапов. Но попадали они под власть не более мягких. А. Соколов, автор (начало XX в.) ряда статей о киргизах, со слов солтинцев Кальчы Кенебаева и Сулайманкула Тукена, характеризуя подобные откочевки, писал: «Такие переходы целыми группами совершались довольно часто, так как букара, стремясь

75 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 336, оп. 1, д. 8, л. 96.
76 ЦГВИА, ф. 400, оп. 908, д. 12, л. 2.

найти более надежную защиту, переходила к более сильному и справедливому манапу или заставляла своего манапа присоединиться к нему»[77]. Наивные представления о «справедливых» и «несправедливых» манапах вскоре рассеивались, но поиски лучшей доли продолжались. Во время своего путешествия по Туркестану Н. А. Северцов встретил «беглых бугинцев», которые «настаивали на том, что они не бунтовщики, а откочевали..., чтобы избавиться от сарыбагышских набегов». После перемирия верховного манапа бугинцев Боромбая с манапом сарыбагышей Умбеталы «тамошние беглые бугинцы покорились беспрекословно» и вынуждены были «вернуться на прежние кочевья» к своему манапу[78]. Даже когда бедняки откочевывали под «защиту» других влиятельных манапов, то их положение мало чем отличалось от прежнего.

Подвижное скотоводческое хозяйство и патриархально-феодальные отношения порождали соответствующие специфические формы классовой борьбы трудящихся Киргизии. Антифеодальные волнения и выступления вспыхивали то тут, то там и носили открытый, глухой и локальный характер. Они проходили стихийно, неорганизованно и без единого руководства. Классовая борьба киргизских трудовых масс не проявлялась так ярко и четко, как у народов, прошедших классическую форму феодальной формации. Это объясняется слабым ростом производительных сил, разобщенностью трудящихся и характером раздробленного скотоводческого хозяйства, политической разрозненностью киргизского народа, изолированностью киргизских племен и родов друг от друга. Она также определялась живучестью дофеодальных пережитков, забитостью и темнотой народных масс, наличием шаманизма и проникновением ислама, затемнявших и одурманивавших сознание трудящихся.

Манапы, беки, баи и бии, стремясь притупить классовое самосознание трудящихся, старались внушить им мысль о том, что якобы существует общность интересов всех членов родовых и племенных объединений. Пытаясь заглушить недовольство и негодование местных трудовых масс против феодального гнета, они разжигали межродовую и межплеменную вражду, выдавая себя за «защитников» чести и интересов всех «своих» сородичей.

Обращаясь к истории социальных протестов, которые нередко переплетались с народно-освободительной борьбой, можно выделить следующие их формы: индивидуальные жало-

[77] *А. Соколов.* О кара-киргизах.
[78] *Н. А. Северцов.* Путешествие в Туркестан, стр. 231.

бы крупным манапам и кокандским высшим сановникам; коллективная борьба между родами за своего претендента в главные манапы или комендантs крепостей, назначаемых ханами и их сановниками; барымта — насильственный угон скота у ненавистных феодалов (как составная часть межфеодальной барымты); откочевка от «плохих» манапов к «хорошим» в иллюзорной надежде на лучшую долю; оседание и переход к земледелию как средство освобождения от ненавистного родоправителя и, наконец, восстание против кокандских наместников и ханов, которое носило всегда и социальный заряд против «своих» киргизских феодалов.

Следует сказать, что классовые противоречия были достаточно напряженными. Но слабое классовое самосознание, патриархально-родовые пережитки, отсутствие ясных целей и задач низводили все до неорганизованного протеста. Другое дело — восстания, направленные против ханского гнета, которые в определенных условиях превращались в общенародные, их основной движущей силой выступали мелкие и средние скотоводы, рядовые земледельцы, обнищавшие и разоренные в результате грабительской политики кокандских властителей и местной знати. В этих выступлениях принимали участие и представители местной феодальной знати. Конечно, их цели и задачи в корне расходились с целями и задачами трудящихся, участвовавших в восстаниях. Трудовые массы хотели избавиться от господства Кокандского ханства. Представители феодальной верхушки пытались воспользоваться массовым стихийным народным восстанием для укрепления своих классовых позиций.

Под ханским гнетом народ в стране представлял потенциальную силу, способную в любое время подняться на борьбу против ханской деспотии. Достаточно было малейшего повода и вся угнетенная масса приходила в движение, восстание охватывало все уголки ханства. Поводом могли служить как безмерное увеличение налогов, невыносимый произвол чиновников, так и вспыхивавшие где-либо междоусобицы, даже дворцовый переворот.

В целом 60-е годы XIX в. характеризуются все более активным сопротивлением киргизского населения Кокандскому ханству, усилением ориентации на Россию и постепенным принятием российского подданства. Чисто формальный акт добровольного вхождения бугинцев в состав России в 1855 г. с занятием царскими войсками Пишпека, Токмака, Аулие-Ата, Чимкента и Ташкента становится в середине 60-х годов реальностью, получает фактическое подкрепление. С этого времени киргизские повстанцы Центрального Тянь-Шаня и Ферганы

все более связывают свою борьбу против Кокандского ханства со стремлением присоединиться к России. Но ханство пока оставалось достаточно сильным, чтобы справляться с разрозненными выступлениями киргизских, кыпчакских и узбекских тружеников. Тем не менее уже все явственнее проявляются симптомы политического и экономического упадка, заката ханства.

Усиление влияния России в Средней Азии не проходило незамеченным для ее политического противника в Азии — Англии. Обеспокоенные сужением сферы своего политического и экономического воздействия в перспективе, англичане повышают активность в Афганистане, Иране и в Средней Азии[79].

Британские и царские дипломаты и военные ревниво следили друг за другом, пытаясь помешать сопернику активизировать свои действия. Но Россия все увереннее продвигалась в глубь Средней Азии: Кокандское ханство становится ее вассалом, киргизы и казахи принимают добровольное подданство.

2. Народная война 70-х годов и присоединение Южной Киргизии к России

С добровольным вхождением Северной Киргизии в состав России, отторжением от Кокандского ханства Ташкентского наместничества и присоединением его к России положение внутри ханства существенно осложняется. Двор нуждался в прежних доходах, которые теперь можно было восполнить только увеличением налогового пресса, усилением эксплуатации трудящихся. Все это не способствовало, естественно, установлению классового спокойствия в ханстве. Волнения продолжались и локальные восстания то тут, то там разгорались с новой силой. Их поддержка со стороны России могла бы ускорить падение ханства. Но царизм, заключив с Худоярханом мирный договор, отказал в поддержке повстанцам, не вмешиваясь до времени во внутренние дела ханства, которое продолжало представлять бурлящий котел. Основную противодействующую властям силу в нем составляло киргизское население, ободренное освобождением своих северных соплеменников.

В 60-х годах продолжительная борьба за независимость охватила весь Центральный Тянь-Шань. Но кандцы упорно

[79] Подробнее см.: *Н. А. Халфин.* Присоединение Средней Азии к России, гл. V; *Г. А. Хидоятов.* Из истории англо-русских отношений, гл. I—II.

боролись за сохранение здесь своего господства. Начато восстание было в 1859 г. чериками, которых поддержало племя тынымсеит. Во главе чериков стоял Турдуке, тынымсеитов возглавлял Табалды. Во время своего путешествия в 1858—1859 гг. Чокан Валиханов останавливался в аиле Табалды, который произвел на него приятное впечатление: тридцатилетний воинственный мужчина, имевший свой отряд джигитов, постоянно готовый к набегам и отражению внешних врагов. Табалды высказал Валиханову свое желание принять подданство России[80]. Но вопрос долгое время оставался нерешенным. И хотя восставшие киргизы изгнали ханский гарнизон, взяли и разрушили основное кокандское укрепление Куртку, царские власти все медлили с принятием их в подданство. В 1863 г. в донесении государственному вице-канцлеру в Санкт-Петербург западносибирский генерал-губернатор сообщал о повстанцах: «Черики были прежде кокандскими данниками и платимый ими зякет доставляли в курган Куртка, находящийся на правом берегу Нарына. Однако уже года два как черики перестали платить зякет и вообще порвали с кокандцами всякие отношения, пользуясь внутренними усобицами и смутами в ханстве»[81]. В 1863 г. к ним прибыл ханский отряд, состоявший из 1500 сарбазов. Только тогда восстание было подавлено. Часть чериков вынуждена была временно бежать в Восточный Туркестан. Взятое и разрушенное повстанцами укрепление Куртка было восстановлено, здесь оставлен усиленный гарнизон.

В одном из писем Колпаковскому Шабдан Джантаев в 1863 г. сообщал, что кокандцы оставили в укреплении Куртка около 100 человек. Но остальные при возвращении в Фергану на перевале Кугарт были застигнуты неожиданной бурей и многие замерзли[82].

Потерпев поражение в столкновениях с ханскими войсками, повстанцы нередко вынуждены были спасаться бегством, укрываясь за неприступными горными хребтами, например, в Кетмень-Тюбинской котловине и даже на Памире[83]. Но бегство — не выход из положения, и рано или поздно бежавшие роды постепенно возвращались в свои кочевья. Приходилось временно мириться с преобладающей ханской силой. Но достаточно было малейшего повода, чтобы пламя восстания возгорелось с новой силой. Именно поэтому каждый дворцо-

[80] *Ч. Ч. Валиханов.* Собр. соч., т. 2, стр. 258.
[81] ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 70, л. 8—9.
[82] ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 383, л. 98—99.
[83] *О. Сыдыков.* Тарихи Шадмания, стр. 36.

вый переворот и феодальные смуты использовались для проявления протеста ханскому гнету.

Каждый новый хан, заняв престол, стремился склонить на свою сторону кыпчакских и киргизских феодалов, чтобы с их помощью установить свое управление даже в самых отдаленных кочевьях. Став регентом, Алымкул от своего имени и от имени нового хана разослал киргизским родоправителям Центрального Тянь-Шаня письма, предлагая забыть прошлое, установить мир, приехать за подарками и чинами. Феодальная верхушка киргизов была подкуплена, и восстание пошло на убыль. Манапы потянулись в Коканд на представление новому двору. В начале 1864 г. Мулла Алымкул упрекал сарыбагышского манапа Джантая, что от него нет посланцев, в то время как «все кочевые народы единодушно смирились перед кокандским правительством, соединились узами родства...»[84].

Джантай уже принял решение ориентироваться на Россию и не собирался его менять. Тем не менее и ханские власти не намерены были терять свой контроль над целым киргизским родом. Из Коканда в кочевья идут письма. Характерно в этом отношении послание от имени хана, направленное Алымкулом манапам Джантаю и Кудояру в 1864 г.: «...за то, что вы до сих пор не поспешили прибыть к Хазрет-хану с поздравлением и для узрения его благополучия и получения его щедрот, мы по родственному к вам чувству весьма тем огорчены, но все-таки по чувству того же родства мы надеемся на вас и думаем, что вы не приезжали из опасения по делу Пардыбека и Рахматуллы, и если это действительно так, то вы нисколько не опасайтесь, потому что после воцарения на ханство в пятый день сафара великого нашего хана объявлена амнистия. На случай же врагов внешних и наказания, в пример перед народом, негодяев и ослушников внутренних, мы формируем войска и приводим в порядок оружие...»[85]. Иными словами, не прислушаетесь к доброму призыву возвратиться в подданство — будете рассматриваться как непокорные повстанцы.

В другом письме Джантаю, также от имени хана, сообщалось о прекращении восстания и установлении спокойствия в ханстве, что «все 92 кочевых племени облекались в одежду согласия и вошли в один круг единства»[86]. В одном из таких писем сарыбагышским манапам Алымкул сообщал: «92 кочевых племени..., соединясь единым духом согласия, поработили

[84] ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 167, св. 8, л. 139.
[85] *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край, 1864, ч. 1, док. 32, стр. 61—63; ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 27, л. 10.
[86] Там же.

своего внутреннего врага и положили к подножию престола в Кокане, после чего по всем отраслям правление совершенно приобрело спокойствие»[87]. В ответ на подарки и почетные титулы киргизские феодалы и на этот раз предали интересы трудящихся.

В 1867 г. опять восстали киргизы Алая. Ханский наместник в Кызыл-Кургане Кул-датха своим произволом и самоуправством довел население до отчаяния. Киргизы под руководством некоего Садыка Саркера осадили и взяли укрепление Кызыл-Курган. Бек Кул-датха был убит. Но прибывший карательный отряд подавил восстание. Многие активные участники выступления были казнены. Через три года (в 1870 г.) на Алае вновь вспыхнуло восстание настолько мощное, что Худояр-хан вынужден был обратиться к бухарскому эмиру за помощью[88]. С этого времени южные районы Киргизии представляют собой постоянный неутихающий очаг волнений, переросших во всенародную войну с ханским деспотизмом, произволом и налоговым гнетом.

Весной 1871 г. начались выступления сохских киргизов Ферганы. И в данном случае поводом послужили неумеренные поборы местного правителя. Против повстанцев Худояр-хан послал около 2 тыс. сарбазов и своего нового главнокомандующего Наиба Атабека. Киргизы отступили в горы. Отряд кокандцев проник глубоко в кочевья, но до повстанцев не добрался. В горах лежали снега, а по узким тропинкам войску было не пройти. Атабек захватил 12 первых попавшихся киргизов, которые и были демонстративно казнены в Коканде как участники восстания[89].

В связи с восстаниями в горных киргизских районах укреплялись и пополнялись там ханские гарнизоны в крепостях. В архиве кокандских ханов сохранился документ 1290 (1873—1874 г.) о направлении Исмаилом-токсобой в полк некоего дадхи-саркара на Алай тридцати шести[90] воинских чинов (юзбаши, панджабаши, караулбеги, мирган) в полном воинском снаряжении, с ружьями и на конях[91]. Перечислены только предводители подразделений (сотники, полусотники и др.), судя по чему можно заключить, что в горы направлялся большой воинский отряд — целый полк. Неутихающие волне-

[87] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 27, л. 103.
[88] История Киргизской ССР, т. 1, стр. 297.
[89] *А. П. Фгдченко.* Путешествие в Туркестан, стр. 303—304.
[90] А. Л. Троицкая указывает 26 воинских чинов (см.: *А. Л. Троицкая.* Каталог, стр. 298). Пофамильно же перечислено 36 человек.
[91] ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 2026.

ния требовали серьезных усилий хана. Другим документом из того же архива перечисляются воинские чины, направленные на Алай тем же Исмаилом, названным пансадбашой, и количество выданного им с воинами зерна—около 600 чарьяков[92].

Время правления последнего кокандского хана Худояра вошло в историю как период жесточайшего угнетения народа и его непрекращавшейся борьбы за свободу. В краткой официальной записке «По поводу волнений в Кокандском ханстве» Н. Петровский констатирует, что причина восстания сводилась к «жестокому, крайне деспотическому управлению ханством бывшего его правителя Худояр-хана»[93].

Деспотизм хана опирался на самые жестокие методы правления, на коварство в междоусобной борьбе за власть. «Насильственные захваты, отравления, умерщвление целых династических родов ближайших родственников, ночные нападения, утопления, сажание прежних властителей на кол живьем, похищение юных принцев для придания законности восстаниям, претенденству, регентству и т. д., следовали одно за другим беспрерывною чередою»,— отмечал акад. А. Ф. Миддендорф[94]. Американец Е. Скайлер, посетивший Коканд как раз перед падением ханства, приводил пример, когда после одного из восстаний было захвачено 500 его участников и самым жестоким образом казнено на базаре при собрании народа[95].

Профессоры Е. Росс и Ф. Скрайн, побывавшие в Туркестане в конце XIX в., небезосновательно характеризовали Худояр-хана как всеми ненавистного жестокого правителя, из-за которого «часто разгорались мятежи»[96].

Несмотря на большой размах и даже частичный успех, восстания 70-х годов против кокандских ханов не могли привести к каким-либо социально-экономическим изменениям ни в киргизском, ни в узбекском обществе. Локальность восстаний и неорганизованность повстанцев, отсутствие ясных политических целей, выступления, направленные не против строя, за изменение его основ, а лишь против одного хана за другого, более «доброго и справедливого», не могли привести к коренным социально-экономическим и политическим изменениям. При всем этом, если в 1871 и 1872 гг. восстания были эпизодическими и локальными, то с 1873 г. они переросли в настоящее

92 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1043, оп. 1, д. 804.
93 ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 21, д. 335, л. 2.
94 *А. Ф. Миддендорф.* Фергана, стр. 384.
95 *E. Schuler.* Turkistan, p. 16.
96 *F. H. Skrine* and *E. D. Ross.* The Heat of Asia, p. 259.

пламя, бушевавшее почти беспрерывно четыре года — до бегства Худояр-хана под защиту царских штыков и падения ханства. Ход восстания 1873—1876 гг. и активное участие в нем киргизов детально прослежены К. У. Усенбаевым и А. Х. Хасановым[97]. Поэтому, не задерживаясь на уже известных моментах, дадим ему лишь общую краткую характеристику как заключительному этапу всех предшествовавших восстаний.

Это была настоящая народная война, руководителем и одним из организаторов которой явился выходец из киргизского рода бостон племени ичкилик Исхак Мулла Хасан-оглы.

В отношении оценки восстания и его предводителя Исхака в литературе до сих пор нет устоявшегося твердого мнения. Одни исследователи (С. Павлов, М. Рабинович и др.) представляют движение как народно-освободительное и характеризуют его предводителя как национального героя, выразителя народных масс.

Другие (А. В. Пясковский, частично К. Усенбаев) — последний этап восстания (1875—1876 гг.) считают реакционным, а его предводителя авантюристом, реакционером, стремившимся к возврату феодально-ханских порядков.

Все это свидетельствует о настоятельной необходимости специального исследования этого крупнейшего в истории Кокандского ханства движения. По нашему мнению, наиболее верная оценка (хотя и недостаточно аргументированная) характера восстаний 70-х годов XIX в. и их лидера дана в «Истории Узбекской ССР»[98]. Представляя Исхака как руководителя стихийного народного движения, «сознание которого не выходило за рамки наивного монархизма, присущего крестьянству феодальной эпохи», авторы справедливо считают, что «основной движущей силой восстания до конца оставались народные массы, выступавшие как против ханского гнета, так и утверждавшегося владычества царской России, усиливавшего и без того бедственное положение народа»[99].

Как нередко было в эпоху крестьянских войн периода феодализма на отдельных этапах к восстанию примыкали и представители духовенства и феодальной знати, выступавшие за расширение своих привилегий. Но не они определяли общий характер движения. К тому же их роль была непоследовательной, а изменнические действия разоблачали их и отталкивали народ.

97 *К. Усенбаев.* Присоединение Южной Киргизии, гл. II—III; *А. Х. Хасанов.* Взаимоотношения киргизов, стр. 88—140.
98 История Узбекской ССР, т. II, 1968, стр. 29—38.
99 Там же, стр. 29—38.

Итак, обратимся непосредственно к восстанию. Толчком к выступлению трудящихся послужило дополнительное налогообложение предгорных киргизов Ферганы. Русский обозреватель Ю. Россель писал: «Туда явились ханские офицеры налагать добавочные подати по три овцы с каждой кибитки и еще новый поземельный налог на обработанную землю в горах»[100]. Киргизы выразили протест и отказались вносить такие налоги. Позже произошло сражение с высланным ханским отрядом. Киргизы были вынуждены откочевать в отдаленные урочища под защиту гор. В целом в 1873 г. 20 тыс. киргизских и 10 тыс. кыпчакских хозяйств (т. е. примерно 150 тыс. человек) снялись и откочевали с постоянных мест обитания под защиту неприступных гор, спасаясь от ханских войск[101]. С этого момента и началось самое мощное народное движение в Кокандском ханстве. Оно сразу стало объектом пристального внимания царских властей.

17 августа 1873 г. туркестанский чиновник Н. Стремоухов в докладной записке в канцелярию туркестанского генерал-губернатора доносил о положении в Кокандском ханстве. Правда, причины восстания автор в силу своего мировоззрения выводил лишь из различия религий. Кокандские ханы, писал он, «силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату. Хотя киргизы считаются мусульманами, их нравы и обычаи совершенно различны с мусульманскими... Управляются же они по адату (обычное право), которое очень резко отличается от шариата». В настоящее время, доносил Стремоухов, киргизы «утомленные постоянными несправедливостями, не видя им конца, поднялись против Худояр-хана и дали своей ненависти к нему вырваться наружу»[102].

Основным предводителем повстанцев стал, как уже писали, киргиз Исхак, бывший работником у некоего мелкого торговца Абду-Мумина.

Исхак родился в семье маргеланского мударис примерно в 1844 г. Окончив сельскую школу (мектеп), он одно время учился в кокандском, затем в маргеланском медресе. В 1867 г. бросил учебу и против воли отца поселился среди одноплеменников рода бостон. Кочевал с киргизами, наблюдая народную жизнь. Затем нанялся работником к старому сподвижнику Алымкула, ставшему мелким торговцем, Абду-Мумину. Видя беспощадное угнетение простых тружеников, сочувствуя их

100 *Ю. А. Россель.* Среднеазиатская культура, стр. 606.
101 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 58, л. 177—178.
102 Там же, ф. и. 1, оп. 1, д. 278, л. 1—8; Копийные материалы в рукоп. фондах ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 81, стр. 101—109.

борьбе против ханского деспотизма, Исхак решил использовать наивные монархические настроения дехканства и возглавить движение, приняв имя Пулат-хана — отказавшегося поддержать повстанцев действительного внука Алим-хана.

Когда депутация киргизов возвращалась из Самарканда от настоящего Пулат-хана, не захотевшего принять участие в восстании, Исхак присоединяется к ней, выдает себя за внука Алим-хана и в сопровождении 200 вооруженных сподвижников появляется на Чаткале в качестве предводителя движения. Так, простой киргизский работник, Исхак, став самозванным Пулат-ханом, начал борьбу против Коканда.

Но он был не один руководителем движения, которое особенно на первых порах носило локальный характер. Отдельные разрозненные отряды повстанцев имели своих предводителей. Наиболее известными в 1873—1874 гг. среди андижанских киргизов был Мамыр Мергенов, а среди чаткальских — Момун Шамурзаков[103].

В рапорте токмакского уездного начальника военному губернатору Семиреченской области от 19 сентября 1873 г. читаем: «Командированный мною на Кокандскую границу для расследования слухов о волнении пограничных киргиз(ов) капитан Безсонов между прочим сообщил мне, что волнения между кочевниками киргизских родов происходили с весны нынешнего года и разрешились два месяца тому назад нападением Мамыра с родами Кушки, Мундуз, Багыша, Басыз (они же Каманы) и Карабагыш на город Хановат... Мамыр потерпел поражение, так что считают потери около 300 человек, кроме убитых в драке, в числе этих есть захваченные с пашен. Захваченных в бою и с пашен в плен кокандские власти распорядились послать по кишлакам человек по 5—7 и посадить на кол. На пашнях убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы... (в результате) киргизы прикочевали в наши пределы и разбились по разным местам, большая же часть в Кетмень-Тюбинскую волость, а Мамыр отправился со 100 джигитами к киргизам рода адыгене, от которого Абдурахман требовал биев и почетных людей, но они ему отказали под тем предлогом, что не хотят видеть своих людей на кольях»[104].

Алайские и ферганские киргизы, восставшие против Худояр-хана, искали поддержку и находили сочувствие у своих соплеменников, давно уже ставших российскими подданными,—

103 *А. Хасанов.* Взаимоотношения киргизов, стр. 88—101.
104 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 1, д. 278, л. 43—46. Копийные материалы рукоп. фондов ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 81, стр. 89—91.

таласских, чуйских и центрально-тянь-шаньских киргизов. Имеются данные, что ходжентские киргизы, восставшие в 1873 г., поддерживали связь с токмакскими киргизами и переписывались с Шабданом Джантаевым[105]. Повстанцы обращаются к официальным русским властям с просьбой о принятии их в подданство и оказании помощи.

На первом этапе силы были неравны, и повстанцы терпели поражение. В это время они неоднократно обращались к туркестанским властям с просьбой о принятии их в российское подданство. Так, в начале ноября 1873 г. явились депутаты от кокандских киргизов к ходжентскому уездному начальнику и представили списки недовольных 42 родов всего в «132500 кибиток»[106], которые выражали желание принять российское подданство. Делегаты повстанцев пытались выяснить, каково будет отношение царских властей к новому восстанию.

В списке перечислены не только киргизы, но и узбеки. Если принять по средней оценке на одну юрту (или хозяйство) семью в 4—5 человек, то общая численность населения, имевшего отношения к восстанию, превысит полмиллиона человек (560—600 тыс.). Это — самое яркое свидетельство того, что подавляющее большинство населения ханства выступило на борьбу против ханского гнета. Восстание переросло в общенародную борьбу. Приведем извлечение из письма восставших киргизов начальнику Ходжентского уезда в 1873 г. «Хан начал выступать против шариата (т. е. закона. — *В. П.*), за это мы, не вынося несправедливости, ограбили его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убежали в горы, оставив наши кочевья. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих людей в г. Асаке, и по приказанию хана велел их всех посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана»[107].

Массовое движение в Кокандском ханстве, по донесениям бывшего в это время там царского агента, коллежского советника Вейнберга, явилось следствием «жестокого и дурного правления», а возникло из-за подстрекательства окружающих хана и его противников[108]. Мнение чиновника было чисто субъективным и не отражало существа дела. Но даже он, неоднократно подчеркивая жестокость и ханский деспотизм, свидетельствовал, что хан держится единственно благодаря царской поддержке, имея за своей спиной союзником царизм в лице его местного правителя — туркестанского генерал-губернатора.

105 Из Ташкента в Верное. Телеграмма Колпаковскому. — ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 196, телеграмма № 87.
106 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 1, д. 320, л. 10—11. Копийные материалы рукоп. фондов ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 81, л. 110—111.
107 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 58, л. 362.
108 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6874, л. 21.

Восставших первыми кочевников-киргизов поддержали оседлые слои населения, трудящиеся узбеки и таджики. В своем письме из Кокандского ханства (куда был послан в 1874 г. с особым поручением) Вейнберг доносил в канцелярию туркестанского генерал-губернатора: «Оседлое население наравне с кочевниками тяготится настоящим положением дел в ханстве и если доныне между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобы они относились враждебно один к другому; подобные отношения существуют между главными представителями этих народностей, простолюдин же хлебопашец или работник вполне сочувствуют кочевнику, живущему своими стадами»[109].

Это-то особенно и настораживало царских колонизаторов, заставляло поддерживать шаткую власть кокандского хана.

«Волнения между кочевниками,— сообщал осенью 1874 г. туркестанский генерал-губернатор военному министру, — нашло себе отголосок и в среде оседлого народонаселения, недовольного жестокостями и чрезмерными поборами хана»[110]. Объединение сил воинственных скотоводов-кочевников с трудящимся оседло-земледельческим населением обусловило неизбежность падения ханского режима. Поскольку кокандский хан был связан договором с царизмом и в качестве вассала вполне устраивал колонизаторов, восставшие, хотя и обращались за помощью к туркестанским властям, не получали ее; им отказывали и в подданстве. Но народное движение приняло такие размеры, при которых ханская власть была уже обречена. На первых порах отдельные роды самовольно, еще до получения официального согласия, переходили в русские пределы. Только в течение лета 1873 г. 1700 киргизских хозяйств перекочевали из окрестностей Андижана в Токмакский уезд. Однако туркестанский генерал-губернатор распорядился выпроводить их обратно, сообщив об этом военному министру и уведомив Худояр-хана[111].

Хорошо вооруженные ханские войска, поддержка царского правительства препятствовали на первом этапе победе повстанцев, несмотря на всю массовость движения. Ход восстания развивался как бы волнами, разгораясь весной и летом,

109 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, л. 326.
110 Там же, л. 154.
111 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6874, л. 24.

затухая осенью и зимой. Так было в 1873 г. и в 1874 г. 23 ноября 1874 г. военный губернатор Сыр-Дарьинской области доносил туркестанскому генерал-губернатору: «... восстание в Коканде прекратилось... После окончания беспорядков хан обложил особым сбором тех, кто принимал участие в восстании, вследствие чего некоторые киргизы, обложенные излишним налогом, откочевали в разные стороны...»[112].

Но трудящееся население не смирилось с сохранением власти Худояра. Шла подготовка к следующему этапу борьбы с ханской деспотией.

В 1875 г. движение вспыхнуло с новой силой. Спустившись с гор, киргизы при поддержке дехкан Ферганы, занимая один кишлак за другим, осадили города. Худояр-хан попал в безнадежное положение и бежал под защитой вооруженного русского отряда в пределы Туркестанского генерал-губернаторства. Ханом был провозглашен сын Худояра Насреддин, но это не остановило восстания. Под руководством Исхака движение продолжало шириться. По древнему обычаю и под впечатлением монархических тенденций повстанцы в противовес Насреддину провозглашают своего предводителя ханом. Исхак был поднят на белом войлоке и превратился «законно» в Пулат-хана.

9 октября 1875 г. повстанцы взяли Коканд. Насреддин-хан в панике бежал в Ходжент под защиту царских войск[113].

В ноябре 1875 г. царские власти вынуждены были признать широту и мощь народного движения против кокандского хана, восстания кыпчаков и киргизов, поддержанного оседло-земледельческим населением[114]. Туркестанские власти стали всерьез побаиваться, как бы пламя восстания не перекинулось в пределы владений России в Средней Азии. Слишком явно проявлялось сочувствие чуйских и тянь-шаньских киргизов своим южным собратьям. В этих условиях к концу 1875 г. была дана санкция царского правительства на введение в Кокандское ханство русских войск. Царизм еще не представлял себе точно, что из этого выйдет. Пока еще не стояла и прямая задача ликвидации ханства, присоединения его к России. Войска направлялись для сдерживания волны восстания, для «утихомиривания» повстанцев.

Киргизское население, еще недавно обращавшееся к русским властям с просьбой о принятии их в подданство, видя

112 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 61, л. 270.
113 Там же, д. 64, л. 93.
114 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 93, л. 36.

поддержку со стороны царизма старых ханских порядков и действия отрядов, направленные против повстанцев, сдержанно смотрело на их продвижение, а местами и оказывало им вооруженное сопротивление.

В подробных донесениях о военных событиях в Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 г.[115] командующий отрядами М. Д. Скобелев признавал, что главным контингентом кокандских повстанческих войск являлись киргизы и кыпчаки. Экспедиция против них в Еки-су Арасы (междуречье Нарына и Кара-Дарьи) приурочивалась ко времени, когда кочевники оказывались прикованными к своим зимовкам и не в состоянии были укрыться в горах. Зимняя экспедиция, по словам Скобелева, должна была нанести им такой «погром», который бы сделал невозможным «это главное орудие против нашей позиции на Нарыне»[116].

Бороться с хорошо вооруженными царскими войсками разрозненные отряды киргизских повстанцев не могли.

Они терпят поражение под Андижаном и Ассаке. Пулат-хан с 5 тыс. воинов отходит к Уч-Кургану, но в конце января 1876 г. их настигает отряд Закомельского и неожиданно нападает на лагерь. Пулат-хану удается бежать на Алай[117]. Повстанцы скрываются в горах. Каратели вымещали злобу на отдельных встречных, сжигали покинутые аилы. По следам беженцев-киргизов шел отряд подполковника Закомельского. Попадалось брошенное имущество, отставшие женщины и дети. Войска между кишлаками Караянтаком и Капрабатом настигли обоз повстанцев. «Прикрытие его изрублено... Все названные кишлаки были сожжены»,— цинично заявляли в рапорте царские каратели[118]. Вся Фергана, ее столица Коканд оказались в руках Скобелева. Царские войска заняли Кокандское ханство. Надо было что-то предпринимать: либо поддержать скомпрометировавшего себя борьбой с повстанцами Насреддина, либо возвести на престол одного из новых претендентов, либо... присоединить ханство к России. Александр II, еще недавно выступавший «против» территориальных приобретений в Коканде, с занятием его русскими войсками в начале 1876 г. дал свое согласие на присоединение ханства к России.

7 февраля 1876 г. и. д. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в прокламации к местным жителям объявил: «... весь кокандский народ, как оседлый, так и кочевой,

115 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, л. 67—152.
116 Там же, л. 69.
117 Там же, ф. и. 1, оп. 34, д. 272, л. 209—210.
118 Там же, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, л. 85—88.

принят в российское подданство, и земли, ими занимаемые, составлявшие прежде Кокандское ханство, присоединены к Российской империи»[119].

19 февраля 1876 г. Александр II подписывает указ, узаконивающий присоединение к России новой территории[120]. Первым военным губернатором образованной из Кокандского ханства Ферганской области был назначен «свиты его величества генерал-майор Скобелев»[121].

Несколько позже уже царскими войсками подавляются последние очаги восстания — на Алае. Бежавшие сюда Пулат-хан и киргизский феодал, его сторонник Абдулла-бек пытались было еще организовать отпор. Исхак намеревался на Алае и в Каратегине собрать новые силы для борьбы. Но в ночь с 18 на 19 февраля он был захвачен в плен и привезен в Маргелан. 1 марта 1876 г. при большом стечении народа по приговору царского военного суда Исхак был объявлен преступником и как самозванец казнен[122].

С гибелью основного предводителя и занятием царскими войсками стратегических пунктов в горах восстание постепенно идет на убыль. Последний этап восстания показал, во-первых, что в сравнении с регулярными войсками силы повстанцев оказались слишком неравными, а, во-вторых, исчезла основная причина, вызывавшая столь длительную, многолетнюю борьбу — гнет Кокандского ханства. Ханство как государство было ликвидировано. Но ему на смену шел новый, колониальный гнет царизма. И трудящиеся пока неосознанно проявляют сопротивление царским войскам, явившимся с первоначальной целью поддержки ханской власти.

Оценивая итоги кокандского похода, туркестанские чиновники сами вынуждены были признать, что пришлось воевать не с ханом, а с народными массами.

В возражениях газете «Голос», напечатавшей в 105-м номере (за 1876 г.) информацию, представлявшую кокандские события в розовом свете, генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман 27 апреля 1876 г. писал: «Война в Кокане вывела из строя нашего гораздо более офицеров и нижних чинов, чем хивинская экспедиция 1873 г.. Война в 1875 г. происходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Казалось, дела кокандские были покончены, столица в

119 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 6.
120 *К. Усенбаев.* Присоединение Южной Киргизии, стр. 123.
121 ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 82, д. 3, л. 5.
122 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, оп. 34, д. 272, л. 209—210; *К. Усенбаев.* Присоединение Южной Киргизии, стр. 116; История Узбекской ССР, с. II, стр. 36—37.

наших руках, хан в нашем лагере, Исса-Аулие лишен возможности пропагандировать газат, Абдурахман Афтобачи бежал из-под Махрама и спрятался близ гор; если бы борьба происходила с ханом, имевшим значение в глазах народа, то, по всей вероятности, Махрамскою победою и занятием Коканда экспедиция достигла бы своих целей. Но дела имели иной характер на сцене появились иные причины. Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так-то легко подавить и т. д... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытать такой длинной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств...»[123].

Действительно, наиболее упорное сопротивление русские войска встретили в Фергане, когда царизм объявил о своей поддержке свергнутых ханов. Туркестанские власти, не откликнувшись на просьбы восставших о помощи, отозвались на призыв свергнутых Худояр-хана и Насреддина. Киргизские трудящиеся увидели в царизме преемника ханской власти и попытались организовать войскам отпор, но... безуспешно.

Надо признать, что в ходе восстания к нему примыкали и представители феодально-байской знати, такие как Абдурахман Афтобачи, сын Мусульманкула, Абдулла-бек, сын Алымбека и Курбанджан-датхи, представители мусульманского духовенства, стремившиеся разжечь религиозный фанатизм под знаменем газавата, и некоторые другие. Они преследовали свои корыстные интересы и нередко предавали повстанческое движение. Но характер народного выступления, его движущие силы определялись не этими реакционными элементами.

Следует также учесть, что повстанческое движение нашло отражение главным образом в официальных отчетах и обзорах туркестанских властей и военных чиновников, подававших его тенденциозно[124]. Иначе и не могло быть. Только критический отсев наносной шелухи позволяет приблизиться к выяснению истины.

Массовость повстанческого движения, охватившего буквально все уголки ханства, его движущие силы—народ—опре-

123 ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 67, л. 319—329.
124 Для примера достаточно привести выдержку из одной докладной записки с кокандской границы осенью 1875 г., в которой, в частности, говорилось: Пулат-хан «для упрочения своей власти в ханстве прибегает к кровавым мерам, вырезая ежедневно много, преимущественно старших людей и представителей народных» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6878, л. 32). Известно, что народные герои всегда в глазах официальных властей представали в качестве неких кровожадных «чудовищ».

деляли характер восстания, ставшего народной войной против ханского гнета, войной, приведшей к падению ханства.

В 1876 г. волнения утихают. Россия окончательно утверждается в пределах всего бывшего Кокандского ханства, присоединяя южные районы Киргизии[125]. В целом вся Киргизия в современных территориальных рамках входит в состав Российской империи, хотя продолжает оставаться в административном отношении расчлененной между различными областями.

Суммируем результаты исследования вопросов народно-освободительной и социальной борьбы киргизского народа.

1. Первые восстания были направлены на свержение кокандского гнета, за былую независимость, как отпор завоевательной ханской политике — события 70—80-х годов XVIII в. для южных районов и 20—30-х годов для северных районов Киргизии.

2. Восстания носили разрозненный, локальный характер, присущий социальным движениям при феодализме, выражались в стихийных выступлениях трудящихся против налогового гнета и злоупотреблений ханских налогосборщиков.

3. Восстаниям была присуща «монархическая» оболочка, связанная с участием киргизских феодалов в дворцовых интригах и переворотах, вытекающая из неразвитости классового самосознания трудящихся масс.

4. В 40—50-е годы в северных и 70-е годы в южных районах Киргизии борьба за освобождение от кокандского гнета совмещается с ориентацией и надеждами на Россию. Народные движения киргизских и узбекских трудящихся против кокандского хана закончились свержением правящей династии. На этом заключительном этапе истории Кокандского ханства Россия включается в борьбу с целью поддержки существовавшего прежде режима, участвует в подавлении последних очагов восстания киргизов (1875—1876 гг.).

5. Основными участниками, движущей силой восстаний были трудящиеся массы узбеков, таджиков и киргизов как скотоводов, так и оседло-земледельческой бедноты. Однако направленность восстаний против отдельных ханов и феодалов, те непосредственные задачи и цели, которые ставили перед собой повстанцы, свидетельствуют об ограниченности кругозора дехкан, затуманенного патриархально-родовыми пережитками. Участие в восстаниях различных социальных групп и прослоек: кочевников-бедняков, крестьян-земледельцев, горожан, предводителей киргизских и кыпчакских родов и племен, отдельных кокандских феодалов и сановников, представителей ханской династии — претендентов на кокандский престол — осложняли ход борьбы и весь характер движущих сил восстаний.

[125] *К. Усенбаев.* Присоединение Южной Киргизии, стр. 86—128.

6. Восставшие не ставили целью смену общественной формации, смену политического управления, а уповали на замену хана новым, на которого возлагали большие надежды. Все это в целом отражало присущие периоду феодализма идеи наивного крестьянского монархизма, характеризовало консервативную черту мировоззрения крестьян. Но через эту субъективную форму восставшие выражали требование объективного содержания — уничтожение национального и социального угнетения.

7. История почти не сохранила в источниках имен героев и вождей народного движения против ханского гнета и социальной эксплуатации. Но нередко в кульминационные моменты руководство восстанием перехватывали представители феодальной родо-племенной знати. С одной стороны, это направляло движение в другое русло — приглушались социальные моменты, на первый план поднимались вопросы, связанные с интересами феодалов,— смена сановника при дворе и т. д. С другой — в критические моменты феодалы предавали восставших, и народные движения подавлялись.

8. В ходе многочисленных восстаний проявлялось и укреплялось интернациональное единство рядовых повстанцев. Среди восставших Кокандского ханства представители многих народностей, здесь киргизы и казахи, узбеки и таджики, кыпчаки и другие, совместно боровшиеся с ханским деспотизмом.

9. Народно-освободительная борьба сливалась с социальной, классовой. Выступления киргизов и казахов против господства узбекских ханов Коканда на почве народно-освободительной борьбы перерастали в классовую, когда против хана поднимались наряду с киргизами и казахами узбекские трудящиеся. В результате наблюдается переплетение элементов социальной борьбы с народно-освободительным движением. Патриархально-феодальные отношения способствовали тому, что феодалы затушевывали формы социальной борьбы, глушили ее и направляли в русло общей борьбы против кокандского хана, его наместников и налоговых чиновников. Однако отдельные формы социального протеста можно все же выделить: это — участие в барымте против ненавистного феодала и угон у него личного скота; наивные жалобы манапам-родоправителям и кокандским наместникам на гнет и злоупотребления родовых баев, биев, аильной знати; откочевка от «плохого»

феодала в другой род или племя; участие в межфеодальной борьбе против жестокостей одного родоправителя за другого, «хорошего»; участие в борьбе «своих» феодалов за низвержение правящего хана с иллюзорной надеждой на «лучшего» нового хана.

10. Следует подчеркнуть, что все восстания не были направлены на осознанное изменение социального положения и не принесли ослабления ханского гнета трудящихся. В этом плане они были обречены на провал—еще не созрели объективные условия для такой победы, слабо было развито самосознание масс, отсутствовала партия и организованный класс, способные возглавить и привести к победе восставших.

Временные победы, заключавшиеся в том, что восставшие ниспровергали кокандских наместников и самих ханов, не приносили ожидаемых результатов освобождения от национального гнета и социальной эксплуатации, так как место низвергнутого хана занимал другой хан, место изгнанного чиновника занимал новый, и... положение сохранялось неизменным.

11. Переориентация с 50-х годов восставших киргизов в сторону от Коканда, обращение к России с просьбой о принятии в подданство открыли перспективы освобождения от ханского гнета. Но это лишь привело к зависимости от царских властей и замене грубых феодально-деспотических форм эксплуатации не менее легкими, но более изощренными формами феодально-колониального угнетения русским царизмом.

В то же время Россия, стоявшая на более высокой ступени социально-экономического развития, чем Кокандское ханство, объективно играла положительную роль в дальнейшем политическом развитии киргизского народа, равно как и других народов Средней Азии и Казахстана. В этом и заключались прогрессивные последствия добровольного вхождения Киргизии в состав России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непрямолинеен и труден был исторический путь киргизского народа. Столетия темноты и забитости, унижения и горя, борьбы с внешними врагами и внутренними эксплуататорами нужно было пережить, прежде чем появились объективные условия для объединения в общероссийском едином потоке революционного движения, приведшего к освобождению от всех видов социального и национального угнетения.

Одну из страниц этого многовекового пути составляла почти столетняя история политических и социально-экономических взаимоотношений Киргизии и Кокандского ханства, история совместной борьбы киргизских, узбекских и таджикских трудящихся с феодально-деспотическим гнетом, история дружественных хозяйственно-культурных контактов киргизов с соседним узбекским и таджикским населением.

В первой половине XVIII столетия в Ферганской долине обособляется новое государственно-феодальное объединение с центром в Коканде. В этот период киргизские феодалы — активные участники консолидации Кокандского ханства. К концу столетия государство значительно расширяется за счет соседних районов, включает в свой состав города Ош и Узген с округами, приферганские южные горы и Алай, занятые киргизским населением. В начале XIX в. кокандские правители уже официально называются ханами, а владение выступает как централизованное феодальное, восточнодеспотического типа государство. С его усилением возрастает агрессивная политика ханов, которые ведут непрерывную войну с Бухарой за смежные области Ура-Тюбе и Ходжент, за влияние в Бадахшане. Постепенно в состав ханства включается Ташкентское владение, силой присоединяется киргизское население районов Кетмень-Тюбе, Центрального Тянь-Шаня, Чаткала и Таласа, казахи Старшего жуза, киргизы Чуйской долины и Прииссык-кулья.

Завоевательные походы Кокандского ханства встречали упорное вооруженное сопротивление местных народов. Борьба за овладение Киргизией длилась около полувека. Но родо-племенная раздробленность киргизского народа и межфеодальные усобицы бай-манапов облегчали осуществление завоевательной политики Кокандского ханства. Одновременно попытку проникновения на Тянь-Шань предпринимают и маньчжурцинские отряды. Движение Китая, захватившего Восточный Туркестан и основавшего имперское наместничество Синьцзян,

было приостановлено героическим отпором киргизских отрядов и узбекских войск.

С завоеванием Кокандским ханством Киргизии, которая являлась важным объектом не только в экономическом плане — ограблении подчиненного населения, но и в стратегическом — как форпост, препятствующий распространению на Среднюю Азию цинской агрессии — по всей территории Киргизии и в южных приграничных пунктах возводится серия кокандских крепостей. Они выполняют функции военно-административных центров управления киргизскими племенами, закрепляют политическое господство ханства, одновременно служат пограничными опорными пунктами.

Будучи разнородным в этническом отношении, ханство подразделялось на метрополию (Фергана) и колониальные окраины, основанные на принципах военно-политического управления. Реальные шаги, предпринятые при организации централизованного государства, не привели к формированию стабильного национального государства, которое положительно отразилось бы на политическом и экономическом развитии узбекского, таджикского и киргизского народов. Киргизия в составе Кокандского ханства не имела своего отличительного территориально-административного деления. Но особенностью являлось подразделение по родо-племенному признаку. В целом территориальное подчинение Киргизии строилось по военно-административным принципам и соответствовало восточно-деспотическим функциям. Ханские ставленники в Киргизии обладали всей полнотой административной, судебной и финансовой власти. Но сохранение местного «самоуправления» родо-племенных биев и манапов ставило нередко власть ханских представителей в зависимость от воли крупных киргизских феодалов и сводило ее часто лишь к выполнению функций налогового аппарата. При всем при этом неизменно активной в жизни Кокандского ханства была роль киргизской феодальной знати. Киргизские феодалы участвовали в дворцовых переворотах, низлагали ханов и возводили на престол угодных им претендентов, провоцировали восстания, невзирая на ханскую политику, участвовали в междоусобицах, в антицинском движении ходжей и т. д.

В рассматриваемое время ведущей отраслью киргизской экономики являлось скотоводческое хозяйство, а Кокандского ханства в целом — орошаемое земледелие. Вообще кочевому скотоводству киргизов была присуща традиционная устойчивость, формы ведения скотоводческого хозяйства складывались на протяжении многих столетий. Однако уже в период существования Кокандского ханства можно, скорее, говорить о полу-

кочевом скотоводческом хозяйстве, когда маршрут кочевок киргизов был строго определен, а зимовки постоянны.

Земледелие — также древнее занятие киргизов, которое, однако, по удельному весу в хозяйстве всегда было меньшим, чем скотоводство. Под влиянием оседлого узбекско-таджикского населения Ферганы земледелие все более проникает в среду киргизского населения и из долинных районов все выше поднимается к кочевым. Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была в определенной степени связана с повышением удельного веса земледелия в экономике. Киргизы восприняли от узбекского народа приемы и способы орошаемого земледелия, обработки почвы и агрикультуры, узбеки вместе с киргизами осваивали предгорные и высокогорные пастбища — джайлоо.

В целом хозяйство киргизов представляло собой сочетание скотоводства с земледелием, промыслами, охотой и составляло важную статью общей экономики Кокандского ханства. Во взаимоотношениях трудящегося киргизского скотоводческого и узбекского земледельческого населения проявлялась тенденция сотрудничества и добрососедских контактов. Поэтому сводить всю историю их взаимоотношений, как это представляется в некоторых изданиях, только к войне и грабительским набегам кочевников на оседло-земледельческие оазисы, подходить односторонне к оценке роли Кокандского ханства в истории киргизского народа, как самому мрачному периоду, приведшему к хозяйственному регрессу, игнорировать положительные моменты киргизско-узбекских взаимоотношений, в частности, осознания хозяйственных и классовых интересов киргизских и узбекских трудящихся, которые начали проявляться уже в XIX в., будет неправомерно, однобоко, антиисторично.

Глубоко справедливое общеметодологическое заключение К. Маркса о соотношении и взаимозависимости кочевничества и оседлости находит прекрасное подтверждение в истории взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства.

История взаимоотношений киргизов (с преобладающим кочевым скотоводческим хозяйством) узбеков и таджиков (в основе хозяйствования которых лежал оседло-земледельческий принцип) Кокандского ханства, во-первых, показывает несостоятельность контрастного разделения кочевого скотоводческого и оседло-земледельческого способов ведения хозяйства. Резких граней не было. Скотоводы в той или иной мере были связаны с земледелием, а оседлое население направляло свой скот на отдаленные кочевья на выпас.

Во-вторых, оседлое узбекское и кочевое киргизское населе-

ние было тесно связано торговыми узами: одни нуждались в мясе и животноводческих продуктах скотоводов, другие испытывали явную потребность в хлебе, зерновых и других земледельческих культурах.

В-третьих, столкновения и усобицы происходили, но они имели феодальную сущность: организовывались и проводились феодалами, преследовали цели удовлетворения их интересов, тогда как в случае необходимости кочевые киргизские феодалы легко находили общий язык с представителями узбекско-таджикской оседло-земледельческой знати и духовенством.

В-четвертых, изучение этих усобиц и восстаний киргизов против Кокандского ханства показывает, что уже в это время начали проявляться элементы классовой солидарности киргизских и узбекских тружеников вне зависимости от их способа хозяйствования, совместно выступавших на определенных этапах против ханской деспотии.

Непосредственным результатом подчинения Кокандским ханством Киргизии было расширение здесь феодальных институтов, господствующее утверждение феодального социально-экономического строя, хотя большую роль продолжал играть патриархально-родовой уклад. В Киргизии развивается мильковое — частно-феодальное землевладение, появляются феодальные огороженные «заповедные» земли — корук, а также вакф—феодальное владение мусульманских духовных учреждений и лиц. Появились первые признаки разложения общин. Права общин на земли узурпируются феодальной знатью — манапами, биями, власть которых в основе являлась наследственной.

Под воздействием социальных отношений и экономики Кокандского ханства шел более углубленный процесс феодализации киргизского общества. Но характер общественных отношений у киргизов продолжал оставаться в основе патриархально-феодальным, важную роль все еще играли старые родо-племенные традиции в экономике и быту. Киргизские домашние промыслы развивались слабо и не достигали уровня самостоятельного ремесленного производства. Преобладающей формой торговли оставался простой эквивалентный товарообмен.

Продолжала сохраняться родо-племенная структура киргизского общества, но кровнородственные связи уступили место территориально-хозяйственным, общество было классово-антагонистическим. Родо-племенная структура, осложненная феодальными взаимоотношениями, порождала феодальные междоусобицы, облекаемые в форму родо-племенной борьбы. Кокандские ханы не только не стремились их прекратить, но

временами осознанно разжигали и провоцировали, что облегчало им господство над окраинами и возможность подавлять выступления народных масс. В то же время ханы и администрация привлекали киргизских феодалов на службу, раздавали придворные чины, подарки, распространяли не только на ферганских, но и на некоторых киргизских феодалов институт тарханства — налоговых привилегий. Именно в кокандское время появляется специфический, чисто киргизский институт высшей социальной прослойки феодалов — манапство. Манапы как высшие представители киргизской феодальной знати всецело руководили внутренней жизнью подчиненных им родо-племенных объединений, сосредоточили в своих руках все управленческие и судебные функции. От имени подданных участвовали во внутриполитической жизни ханства.

Южнокиргизские феодалы играли самую активную политическую роль в ханстве, принимали участие в расширении его границ, являлись крупными сановниками при ханском дворе. Более же отдаленные от Коканда центрально-тяньшаньские и северокиргизские феодалы, опираясь на мощь народного сопротивления, долгое время не подчинялись, были более открытыми противниками ханства и после подчинения Коканду. Киргизское население к северу от Ферганской долины, завоеванное в ходе упорной борьбы, и все последующее время считалось как бы чуждым национальным элементом в государстве. Оно с особой остротой, большей чем ферганские киргизы, испытывало не только усиление социального гнета, но и национального угнетения. Если киргизские и узбекские трудящиеся Ферганы, испытывая одинаковый ханский налоговый пресс, в то же время чувствовали локоть классовой солидарности между собой, то феодалы — будь то киргизские, кыпчакские, узбекские, таджикские — представляли собой единый социальный класс эксплуататоров, были солидарны с ханом в угнетении простого народа, хотя и соперничали за влияние и власть при дворе. Принцип национальных противоречий среди феодалов Южной Киргизии не выступал открыто и явно, как в некоторых северных районах, где киргизские феодалы были почти полностью оттеснены от управленческих функций в масштабе Кокандского ханства и должны были довольствоваться властью лишь в рамках своих родо-племенных объединений. Трудящееся население северных и центральных районов Киргизии помимо социального гнета испытывало еще и этническо-бытовую дискриминацию, которую подчеркивали высокомерные ханские ставленники на местах и налогосборщики.

В целом Кокандское ханство по отношению к Киргизии проводило политику не хозяйственной, а военной колонизации,

направленной на утверждение и сохранение деспотии хана и господства феодалов. Кокандские коменданты крепостей на территории Киргизии выполняли лишь налоговые и военно-полицейские функции, минимально вмешиваясь в местное самоуправление киргизских феодалов.

Киргизское трудящееся население, попав в колониальную зависимость от Коканда, испытывало жесточайший ханско-феодальный гнет. Налоговая система при всей ее внешней простоте была изощренно развита. Обложению подлежали все основные хозяйственные процессы и продукты общественного производства, гражданско-правовые иски, движимое и недвижимое имущество.

Эксплуатация выражалась в трех явных формах: натуральной, денежной и трудовой. Узаконенные налоги и некодифицированные традиционные сборы и повинности тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся, в то время как киргизские феодалы, находясь у кормила власти, пользовались налоговым иммунитетом и прочими льготами.

Таким образом, подчинение Кокандским ханством Киргизии выразилось, в первую очередь, в присвоении ханской властью налога-ренты с киргизских земель, которые находились в фактическом и реальном владении киргизских феодалов и пользовании общин. В то же время установление господства кокандских ханов над Киргизией привело к изменению положения местных народов и не только трудящихся, подвергшихся дополнительному налоговому прессу, но и феодалов. Верховное право собственности от киргизских феодалов перешло к хану, и хотя феодалы сохранили реальное право владения землями, рента и налоговый иммунитет стали фактической прерогативой лишь ханской власти. Но, опираясь в своей политике именно на класс феодалов, являвшийся господствующим, ханы вынуждены были делить с ними и доходы — переуступать ренту или ее часть феодалам. Киргизские феодалы, рассредоточившиеся по периферии ханства, занимали в целом более низкое положение по сравнению с внутриферганскими феодалами. Их борьба в Кокандском ханстве, порою небезуспешная, была направлена не на изменение социально-экономического строя и улучшение положения трудящихся, велась она лишь за право более полного и активного участия в политике ханства, за большую долю в ограблении собственного населения.

В результате, с завоеванием Кокандским ханством, киргизский народ попал под двойной гнет — деспотического государства и своих собственных феодалов, положение трудящихся масс еще более ухудшилось. В то же время, говоря о влиянии Кокандского ханства на политическое, хозяйственное и соци-

альное развитие киргизов во второй половине XVIII — 70-х годах XIX в., не следует его переоценивать. Само развитие киргизского общества шло по феодальному пути, только ханство кое в чем ускоряло этот процесс, с одной стороны, и тормозило—с другой. Если хозяйственные контакты узбекских и киргизских тружеников способствовали сближению этих двух соседних братских народов, что вело к совместным выступлениям против деспотии ханства, то налоговый гнет, безмерное ограбление киргизского населения тормозило его дальнейшее хозяйственное развитие.

Классовая дифференциация киргизского общества прослеживается довольно четко, но в быту общины или аила она маскировалась патриархально-родовыми пережитками. Все это накладывало серьезный отпечаток на формы выражения социального протеста трудящихся.

Основной гнев народа был направлен против ханско-феодальной деспотии и налогового угнетения. Киргизские и узбекские феодалы нередко использовали в своих интересах открытое народное негодование. И хотя движущей силой большинства восстаний был простой народ, его успехами стремились воспользоваться в первую очередь феодалы. Стихийные, неорганизованные выступления трудящихся, слабость классового самосознания в то время не могли привести к победе народа, уничтожению налогового гнета и деспотизма. Даже одерживая победы над ханскими войсками, трудящиеся в общем итоге терпели поражение, выигрывали феодалы, перехватывавшие руководство выступлениями. Не созрели еще объективные условия, не сложились субъективные факторы для полной победы трудящихся масс, хотя они и составляли главную движущую силу восстаний.

Движения народных масс того времени не могли коренным образом изменить социальные условия, привести к серьезным политическим и экономическим преобразованиям. Но в ходе боев накапливался опыт выражения социального протеста, зарождались истоки классовой солидарности угнетенных киргизских и узбекских трудящихся. В то же время киргизские народные массы и отдельные дальновидные представители феодалов стали искать выход из положения угнетенных Кокандским ханством в сближении с более развитым и более сильным соседом, осознавали необходимость присоединения к России.

С середины XIX в. процесс добровольного вхождения киргизов в состав России стал одним из серьезнейших внешнеполитических актов Кокандского ханства. Оно пыталось было приостановить переход киргизов в российское подданст-

во силой, действовало репрессиями, направляло в пограничные кочевья войска, но уже ничто не могло помешать этому поступательному движению. Интересы киргизского народа совпали на данном этапе с интересами России, все интенсивнее продвигавшейся в глубь Средней Азии. Кокандские ханы вынуждены были отступить, и стали в дальнейшем вассалами царизма, потеряв все права на внешнеполитическую самостоятельность и довольствуясь лишь сохранением внутренней власти. Народная война 1873—1876 гг., начатая киргизами и поддержанная всеми трудящимися узбеками и таджиками Кокандского ханства, показала всю мощь и глубину народного возмущения деспотическим гнетом и ханской политикой. Движение, возглавленное выходцем из киргизского народа Исхаком, имело стихийно-монархическое направление, чему в немалой степени способствовало принятие самозванно Исхаком титула Пулат-хана (внука Алим-хана). Определенную отрицательную роль сыграло присоединение к повстанцам представителей некоторых феодальных кругов, а также отдельных представителей мусульманского клерикального духовенства. Но не они определяли общий характер повстанческого движения, превратившегося в настоящую народную войну против кокандских ханов. Массовость движения трудящихся, цели повстанцев: борьба против ханского деспотизма и социального угнетения—определяют и его характер. В общем итоге восстание можно назвать победоносным: Кокандское ханство пало. Его падение было вызвано внутренними причинами социально-экономического и политического характера, массовым народно-освободительным движением киргизских тружеников, поддержанных узбекскими трудящимися Ферганы. Кокандское ханство пожинало плоды собственной внутренней политики угнетения народов. Но определенную роль в этом сыграл и внешнеполитический фактор — ориентация киргизов на принятие российского подданства, продвижение России на юг Средней Азии.

В связи с этим уместно привести оценку Ф. Энгельсом прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Востока, данную им почти столетие назад. В свое время Ф. Энгельс писал: «Господство России играет прогрессивную роль по отношению к Востоку». И далее: «Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[126].

История подтвердила это определение Ф. Энгельса[127].

[126] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 241.

[127] Прогрессивные последствия соединения Киргизии с Россией нашли достаточно полное освещение в трудах Т. У. Усубалиева, Б. Джамгерчинова, А. А. Алтмышбаева, К. У. Усенбаева и др.

Соединение народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, с Россией имело огромное прогрессивное значение, которое следует оценивать в двух аспектах: а) по состоянию в момент присоединения или добровольного вхождения; б) в перспективе и итогах последующего развития. Россия стояла на более высокой общественной и социально-экономической стадии развития и этим способствовала более ускоренному процессу развития присоединенных районов (естественно, однобокому, в первую очередь в интересах метрополии). «Вхождение Киргизии в состав России,— подчеркивает в монографии первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. У. Усубалиев,— привело к ликвидации племенных междоусобиц и межродовой розни, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы киргизов. Этот исторический акт означал серьезный шаг на пути к преодолению обособленности племен, к национальному объединению киргизского народа. Именно с этого момента начался решительный переход от отсталого патриархально-феодального строя к более прогрессивному общественно-экономическому развитию в составе Российского государства»[128].

Присоединение к России положило начало новой странице в истории Киргизии и других среднеазиатских народов. Вопреки воле и стремлениям царизма и местных туркестанских властей, трудящиеся народы Средней Азии приобщаются к революционной борьбе российского пролетариата, вместе с ним выступают на борьбу с эксплуататорским строем против всех видов социального и национального угнетения. В этой борьбе кристаллизуется самосознание общности классовых интересов всех трудящихся России различных национальностей. Создаются объективные предпосылки для победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти как в центре, так и на далеких окраинах бывшей царской империи.

С победой Великого Октября начался социальный переход в дружной семье братских народов СССР от патриархально-феодальных отношений, минуя капиталистическую стадию развития, непосредственно к социализму.

Более чем шестидесятилетняя история совместной борьбы и побед народов Советского Востока в братской семье народов СССР в строительстве социализма — убедительное свидетельство правильности выбранного киргизским народом пути.

[128] *Т. У. Усубалиев.* Ленинизм — великий источник дружбы и братства, стр. 100.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Произведения классиков марксизма-ленинизма, труды партийных и государственных деятелей, документы КПСС[1]

Маркс К. Британское владычество в Индии, т. 9.

Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.), т. 12.

Маркс К. Капитал, т. I—IV; т. 23—26.

Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского. — «Советское востоковедение», 1958, № 2—5.

Маркс К. Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне». — «Народы Азии и Африки», 1964, № 1.

Маркс К. О Прудоне (письмо И. В. Швейцеру), т. 16.

Маркс К. Письма из «Deutsche-Französiche Jahrbäher», т. 1.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг., т. 46, ч. 1.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии, т. 4.

Маркс К.—Ф. А. Зорге. 17.IX. 1877, т. 34.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг, т. 20.

Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии, т. 12.

Энгельс Ф. Франкский период, т. 19.

Энгельс—Марксу. 23.IV. 1851. т. 27.

Энгельс—Марксу. 66.VI. 1853, т. 28.

Энгельс — Августу Бебелю. 13—14.IX. 1886, т. 36.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону. 10.VI. 1890, т. 37.

Из неопубликованных рукописей К. Маркса. — «Советское востоковедение», 1958, № 4—5.

Маркс К. Из неопубликованных рукописей. — «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, т. 16.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля, т. 41.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г., т. 43.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан», т. 25.

Ленин В. И. К деревенской бедноте, т. 7.

Ленин В. И. Конспект «переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.», М., 1968.

Ленин В. И. О продовольственном налоге, т. 43.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России, т. 3.

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1972 года. М., 1973.

Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г., М., 1976.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970), 8-е изд. М., 1970—1972.

[1] Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по второму изданию сочинений; произведения В. И. Ленина приводятся по полному собранию сочинений.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абрамзон С. М. Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран. Автореф. док. дисс. Л., 1968.

Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

Абрамзон С. М. У истоков манапства. — «Советская Киргизия», 1931, 1 апреля.

Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии.—Труды Ин-та этнографии им. Н. М. Миклухо-Маклая, т. XIV, 1951.

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас»). — Труды ИЯЛИ, вып. 1, Фрунзе, 1945.

Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. — Труды КАЭЭ, т. IV. М., 1960.

Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников). — СЭ, 1975, № 6.

Айтбаев М. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962.

Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX вв. Фрунзе, 1967.

Алексеев А. Курбан Джан Датха.—«Ферганские областные ведомости», 1907, № 123. «Туркестанский сборник», т. 422.

Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана. — Ежегодник Ферганской области, т. II, Н.-Маргелан, 1903.

Алтмышбаев А. А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии. Фрунзе 1967.

Амитин-Шапиро З. Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1850—1917 гг.). Фрунзе, 1958.

Амитин-Шапиро З. Л. Библиография Киргизии. Аннотированный указатель, т. I (1918—1924). Фрунзе, 1963.

Амитин-Шапиро З. Л. Библиография Киргизии. Аннотированный указатель, т. 2, вып. I (1925—1936). Фрунзе, 1965.

Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргис-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. — «Новые ежемесячные сочинения», т. CX—CXVIII. СПб., 1795—1796.

Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-кайсаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследованиях. — «Живая старина», вып. III—IV. 1894.

Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах. — «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

Бардашев И. Заметки о дикокаменных киргизах. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874.

Бартольд В. В. Извлечение из Тарих-и Шахрухи. — Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Соч., т. II, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Туземец о русском завоевании. — Соч., т. II, ч. 2. М., 1964.

Бернштам А. Н. Источники по истории киргизов XVIII в. — «Вопросы истории», 1946, № 11—12.

Бернштам А. Н. Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас». В кн.: «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.

Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

Библиография по истории Казахстана. (Аннотированный указатель). Вып. 1. Дореволюционный период. Алма-Ата, 1964.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского. СПб., 1829.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.

Бошарин О. О патриархально-феодальных отношениях в Якутии XVIII—XIX вв. — «Вопросы истории», 1955, № 8.

Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975.

Бурковский А. Ф. Из истории техники металлического производства у киргизов. — Учен. зап. истфака КирГУ, вып. V, 1958.

Вайнштейн О. Л. Иностранные путешественники о Киргизии 60—70-х гг. XIX в. — Учен. зап. истфака КирГУ, вып. V. Фрунзе, 1958.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1961—1965.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. Перевод с английского. СПб., 1865.

Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов. — «Вопросы истории», 1974, № 4.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда Али до Худояр-хана. — ТВОРАО, ч. II, вып. 1. СПб., 1856.

Вельяминов-Зернов В. В. Кокандское ханство по новейшим известиям — «Военный сборник», 1865.

Вельяминов-Зернов В. В. Сведения о Кокандском ханстве. — Вестник РГО, ч. XVIII, кн. 5, 1856. Отд. оттиск.

Венюков М. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — Зап. РГО, 1861, кн. 4.

Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868.

Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. СПб., 1894.

Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — Труды КАЭЭ, т. 1. М., 1956.

Виткин М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

Военно-статистический сборник. Вып. III, под ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1863.

Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. — «Вестник Европы», 1894, № 7, «Туркестанский сборник», № 429.

Всеподданнейший доклад Особого комитета по устройству среднеазиатских областей по проекту положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Ташкент, 1880.

Г... К вопросу о земледелии в Туркестанском крае. — Ж. «Туркестанское сельское хозяйство», 1918, № 1—3.

Гейнс А. К. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве. — Собрание литературных трудов, т. II. СПб., 1898.

Гордон. Путешествие на Памир. (Несколько глав из книги «The Roof of the World»). Перев. М. И. Венюкова. Приложение к журналу «Изв. РГО», т. 12, вып. 6, 1877.

Горячева В., Плоских В. Киргизская крепость XVIII—XIX вв. —АО 1973 г. М., 1974.

Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову. Перев. А. Ломакина. — ПЗСТКЛА, год 8-й, Ташкент, 1893.

Григорьев В. В. Еще о кокандских монетах и событиях. Изв. РГО, т. IV, 1863.

Григорьев В. В. Современные монеты Кокандского ханства. — ТВОРАО, ч. II. СПб., 1856.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Ташкент, 1889.

Гуревич Б. П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России. — «История СССР», 1973, № 2.

Гуревич Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. — «Вопросы истории», 1974, № 9.

Дахшлейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973.

Дахшлейгер Г. Ф. Оседание и традиционные социальные институты бывших кочевников (на примере казахского народа). — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973.

Дахшлейгер Г. Ф. Проблемы развития исторической науки в Казахстане и Средней Азии на современном этапе. — Изв. АН Казахской ССР, серия обществ. наук, 1975, № 6.

Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.

Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.

Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана. (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.). — Труды ИЯЛИ КиргизФАН, вып. 1, 1944.

Джамгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века. (Первая половина). Фрунзе, 1966.

Джуванмардиев А. Ценный документ по истории Кокандского ханства. (Указ Шир-Мухаммед-Али-хана, находившегося на престоле в 1842—1845 гг.). — Изв АН Узб. ССР, сер. обществ. наук. 1958, № 3.

Диваев А. Последние дни Худояр-хана, [б. м.], 1916. Перепечатано из № 20 «Туркестанских ведомостей» за 1916 г.

Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. (Ред. О. Д. Чехович). Ташкент, 1954.

Думан Л. И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.

Думан Л. И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. — В сб.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.

Ефремов Ф. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786, 2-е изд. 1794.

Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии, и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811.

Жирмунский В. М. Введение в

изучение эпоса «Манас». — В кн.: Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.

Загряжский Г. Заметки о народном самоуправлении у каракиргизов. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II. СПб., 1873.

Загряжский Г. С. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан). — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV, 1876.

Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

Загряжский Г. С. Юридический обычай киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву. — Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. IV, 1876.

Зенков П. Звериный промысел в Семиреченской области. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 43.

Зибберштейн Ф. К. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив, 1. М.—Л., 1936.

Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1959.

Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958.

Зимин Л. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства. — ПЗСТКЛА, год 17-й, 1913.

Зияев Х. Урта Осиё ва Сибирь (XVI-XIX асрлар). Тошкент, 1962.

Златкин И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. — «Вопросы истории», 1971, № 2.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758 гг.). М., 1964.

Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая деятельность. — В кн.: Современная историография зарубежного Востока. М., 1971.

Златкин И. Я. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. — «Вопросы истории», 1955, № 4.

Ибрагимова Г. М. Краткая характеристика некоторых источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна. — Уч. зап. Ин-та востоковедения, т. XVI, М.—Л., 1958.

Иванов П. П. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии. — Изв. АН СССР, № 8, сер. VII, отд. обществ. наук. Л., 1935.

Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк. М.—Л., 1932.

Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство. (К истории их взаимоотношений в нач. XIX в.).— Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1939, т. VII.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — сер. XIX в.). М., 1958.

Идаров С. Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству. — «Туркестанские ведомости», 1872, № 40—41.

Извлечения из «Рияз-уд-довле», сочинения Мухаммед Риза Мираба Агехи. Перев. А. К. Боровкова. — В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II. М.—Л., 1938.

Ильясов С. И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. — Труды ИЯЛИ КиргизФАН, вып. 1. Фрунзе, 1944.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX вв. Фрунзе, 1963.

Искандаров Б. И. Из истории народов Памира. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1.

История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.

История Киргизской ССР, т. 1. Фрунзе, 1968.

История Узбекской ССР, т. II. Ташкент, 1968.

Кадырова М. Надира. Очерк жизни и творчества. Ташкент, 1967.

Каллаур В. В. Рассказ о четырех братьях Тюряалибековых (Д. Бакбасарова со слов А. Атансарова). — ПЗСТКЛА, год 8-й. Ташкент, 1903.

Каллаур В. В. Из истории города Аулие-Ата. — ПЗСТКЛА, год 8-й. Ташкент, 1903.

Каллаур В. А. Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову. — ПЗТКЛА. Ташкент, 1903, год 8-й.

Каракеев К. К. Киргизия. В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975.

Каракеев К., Джамгерчинов Б., Орузбаева Б. Язык науки, культуры и прогресса. — «Советская Киргизия», 1972, 15 июня.

Касымбеков Т. Сломанный меч. Фрунзе, 1974

Каталог монет Коканда XVIII—XIX вв. Сост. С. Х. Ишанханов. Ташкент, 1976

Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства 7 ноября 1867—25 марта 1881 г. СПб., 1885.

Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

Каюмов А. Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.). Автореф. док. дисс. Ташкент, 1961.

Каюмов А. Кукон адабий мухити. Ташкент, 1961. (Кокандская литературная среда XVIII—XIX вв.).

Киргизия в цифрах. Стат. сб. Фрунзе, 1963.

Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX вв. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIV. М.—Л., 1962.

Ковалевский М. М. Общинное землевладение, принципы, ход и последствия его разложения. М., 1879.

Корытов Н. П. Самозванец Пулат-хан. — «Ежегодник Ферганской области». Н.-Маргелан, 1902.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. — Материалы для географии и статистики России, т. I—III. СПб., 1880.

Костенко Л. Земледельческая производительность Средней Азии. — «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.

Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973.

Кумеков Б. Е., Настич В. Н., Шуховцов В. К. Письменные документы из южного Казахстана. — Вестник АН Каз. ССР, 1977, № 8.

Кун А. Л. Некоторые сведения о Ферганской долине. — «Военный сборник», 1876, № 4.

Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства. — Изв. РГО, т. 12, отд. 2. СПб., 1876. Отд. оттиск.

Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

Кушнер П. П. Горная Киргизия. (Социологическая разведка). М., 1929.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. II. Исторические известия. СПб., 1832.

Лукницкий. Всадники и пешеходы. М., 1935.

Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. СПб., 1899.

Маджи А. Е. Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары. — Изв. Отд. обществ. наук АН Таджик. ССР, 1958, вып. 1.

Макшеев А. И. Показание сибирских казаков Милюшина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 гг. — «Вестник РГО», 1856, ч. 17, отд. V.

Маллицкий Н. Г. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. — ПЗСТКЛА, год 3-й. Ташкент, 1897—1898.

Маллицкий Н. Ташкент. (Исторический очерк). Отд. оттиск. (Б. в. д.).

Мамбеталиева. К. Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963.

Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. — «Русский вестник», т. IX. СПб., 1893.

Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

Массон М. Е. Рудник погибели. (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). Фрунзе, 1971.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. М., 1973.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1—2. М.—Л., 1931—1939.

Материалы по истории Ура-Тюбе. Сборник актов XVII—XIX вв. Составление, перевод, предисловие А. Мухтарова. М., 1963.

Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913.

Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая и Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII веках. — «Вопросы истории», 1974, № 7.

Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. Исторические сочинения. М., 1975.

Мир Иззет-Улла. Путешествие Мир-Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по англ. и франц. переводам. Перев. и примеч. Ю. А. Соколова.— Труды САГУ, вып. 7—8. Историч. науки, 1956.

Мирза Абдулазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа. (История Мангытских государей). Изд. текста, предисл., перевод и примеч. Л. М. Епифановой. М., 1962.

Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемс Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым. Казань, 1861.

Мулла Нияз Мухаммед Бен-Ашур Мухаммед. Тарихи Шахрухи. История владетелей Ферганы. Изд. Н. Н. Пантусова. Казань, 1885.

Мухтаров А. Дильшод и ее место в истории общественной мысли таджикского народа в XIX — начале XX вв. Душанбе, 1969.

Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964.

Мухтаров А. О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в. — Изв. АН Таджик. ССР, отд. обществ. наук, вып. 8, 1956.

Н.... ъ В. Поездка в Кашгарию. — «Военный сборник», 1869, № 7.

Набиев Р. Народные восстания в Коканде в 1840—1842 годах.—«Обществ. науки в Узбекистане», 1961, № 7.

Набиев Р. Н. Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономические предпосылки. Ташкент, 1967.

Набиев Р. Уникальный источник по истории Кокандского ханства. — Изв. АН Узб. ССР, 1947, № 4.

Наливкин В. П. Киргизы Наманганского уезда. — «Туркестанские ведомости», 1881, № 20.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Наливкин В. П. Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. — Справочная книжка Самаркандской области, вып. V. Самарканд, 1887.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1875.

Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Щапов Я. Н. Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

Нураков И. К вопросу о пастбищно-кочевой аильной (аульной) общине у киргизов конца XIX — начала XX вв. Социальная история народов Азии. М., 1975.

Нурекин А. Очерк истории Кокана с 1841 по 1864 год. — «Туркестанские ведомости», 1871, № 35.

Нусов В. Е. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1963.

О некоторых актуальных вопросах марксистского китаеведения. — «Проблемы Дальнего Востока, 1975, № 4.

Об азиатском способе производства. «Зак. книга», 1930.

Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии.— Зап. РГО, кн. 3, 1849.

Орузбаев А. У. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Киргизии и некоторые экономические проблемы его дальнейшего развития. — Автореф. док. дисс. Фрунзе, 1974.

Остроумов Н. Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али, кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана», правившего Ферганой с 1822—1842 г. хр. эры. — ПЗСТКЛА. Ташкент, 1917, год 21-й.

Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн». Под ред. Шан-Юэ. М., 1959.

Павлов С., Рабинович М. Кокандское восстание 1875—1876 гг. — «Борьба классов», 1936, № 4.

Пантусов Н. Н. О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время Худояр-хана. «Туркестанские ведомости», 1876, № 16.

Пантусов Н. Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. — «Туркестанские ведомости», 1876, № 80.

Перевод двух ярлыков Сеид Мадали-хана. — ПЗСТКЛА. Ташкент, 1903, год 8-й.

Петров К. И. Влияние природного пастбища как средства труда на общественные отношения скотоводов-кочевников. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961.

Петров К. И. Роль природного пастбища как средства труда в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. — Доклад на конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974.

Плоских В. М. Вакф медресе Алымбека. — В сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Плоских В. М. Киргизский корук Туура-Суу. В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1974.

Плоских В. Кокандские крепости на территории Киргизии. АО 1974 г. М., 1975.

Плоских В. М. Община и пат-

риархально-родовой уклад у киргизов XIX в. — В кн.: К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе,1972.

Плоских В. М. Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России. Фрунзе, 1965.

Плоских В. М. Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968.

Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе. 1970.

Плоских В. М. Сведения о киргизах в русских источниках XVIII в. — Изв. АН Киргиз. ССР, 1967, № 3.

Плоских В. М. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. В кн.: Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. Юбилейная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Открытие древностей Иссык-Куля. В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975.

В. Плоских, В. Галицкий. Фортификационные сооружения на территории Киргизии первой половины XIX в. — «Памятники Киргизстана», вып. 2, Фрунзе, 1974.

Плоских В., Горячева В. Укрепление Улуг-Коргон. В кн.: Кетмень-Тюбе (археология и история). Фрунзе. 1977.

Плоских В., Кудайбергенов С. Ранние киргизские письменные документы. — Изв. АН Киргиз. ССР, 1968, № 4.

Плоских В., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана. — В сб. Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

Покровский Г. В., Стогов Н. И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. — Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский, Кокандский уезды). Ташкент, 1915.

Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853.

Посольство в Кокан. — «Туркестанские ведомости», 1870, № 16.

Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Док., изданные с предисл. и примеч. Н. И. Веселовского. — Зап. РГО от отд. этногр., т. X, вып. 2, СПб., 1887.

Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830). С предисловием П. Савельева. — Вестник РГО за 1856 год, кн. VI, ч. 18. СПб., 1857.

Потанин Г. Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1870, октябрь-декабрь, кн. IV. М., 1871.

Потанин Г. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1863, № 2.

Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. (Сокр. док. на Науч. сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. 30 января 1954 г.). — «Вопросы истории», 1954, № 6.

Пясковский А. В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв. — Труды ИЯЛИ КирФАНа СССР, вып. IV, Фрунзе, 1954.

Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 года. — Изв. РГО, т. IV, № 3, 1870.

Райт Х. Р. Г. Докапиталистические формы собственности в южной Азии в конце XVIII столетия. — Отд. оттиск доклада на V Международном конгрессе экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970.

Рассудова Р. Я. Земледельческое хозяйство и местные рынки Ферганы XIX в. — В кн.: Бартольдовские чтения. 1976, год третий. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.

Рассудова Р. Я. Значение термина *кош* в некоторых земледельческих районах Средней Азии в XIX—начале XX вв. — СЭ, 1974, № 6.

Савельев П. С. Список известных доселе монет Кокандского ханства.— Труды Восточного отд. императ. Археолог. об-ва, ч. II. СПб., 1856.

Садыков Х., Бабабеков Х. Курманжан-калк таламдашы, — «Кыргызстан маданияты», 1974, 11 декабря.

Салахетдинова М. А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и-хаджаган» как источник по истории киргизов. — Изв. АН Киргиз. ССР, т. 1, вып. 1 (история). Фрунзе, 1959.

Саттар-хан Абдул-Гафаров. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими. — «Туркестанские ведомости», 1892, № 26; 1893, № 61.

Сведения о дикокаменных киргизах, доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири. — Зап. РГО, кн. V, 1851.

Северцов Н. Месяц плена у кокандцев (с картой низовьев Сыр-Дарьи). СПб., 1860.

Северцов Н. А. О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля. — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV, 1876.

Северцов Н. А. Путешествие по Туркестанскому краю. М., 1947.

Северцов Н. А. Этнографические заметки о Зачуйском крае. — Изв. РГО, т. I, 1865, ч. 2.

Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. — Труды САГУ, сер. II, Oriental, вып. 1. Ташкент, 1929.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 г. М., 1947.

Серебренников А. Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края, т. I—IV. Ташкент, 1908—1913; т. V—VIII. Ташкент, 1914; т. XVII—XXII. Ташкент, 1914—1915.

Соколов А. О кара-киргизах.— «Семиреченские областные ведомости», 1910, № 53, 54—58.

Соколов Ю. А. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России. В кн.: Материалы по истории присоединения Средней Азии к России, ч. 1. — Науч. труды Ташкентского госунта им. В. И. Ленина, вып. 343. Ташкент, 1969.

Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.

Спасский Г. Изображение обитателей Сибири или новое и достоверное описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывание, образ жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч. — «Сибирский вестник». 1820, ч. IX—X.

Статистический обзор Ферганской области за 1911 год . Скобелев, 1914.

Сургай В. Т. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951.

Сыдыков О. Тарихи Киргизия. Уфа, 1913.

Сыдыков О. Тарихи Шадмания. Уфа, 1914.

Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.). — Памятная книжка Семиреченского обл. стат. комитета на 1898 год, т. II. Верный, 1898.

Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф, Энгель-

са на азиатский способ производства и земледельческую общину.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 2—3.

Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., ч. 1—2. СПб., 1824.

Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1977.

Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых обществах. В кн.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.—Л., 1934. — (Изв. ГАИМК, вып. 103).

Толыбеков С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959.

Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварит. обзор. — Труды Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, т. 2, 1957.

Троицкая А. Л. Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.). В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.

Троицкая А. Л. «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. (К истории Кокандского ханства в XIX в.). — Сборник Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, вып. 3, 1955.

Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.

Троицкая А. Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.

Троицкая А. Л. Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в. — «Восточный сборник», вып. 3. М., 1972.

Троицкая А. Л. Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели. М.—Л., 1960.

Уметалиева А. Д. Киргизский ворсовый ковер. Фрунзе, 1966.

Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства (XIX в.). — Изв. АН Узб. ССР, серия обществ. наук, 1957, № 3.

Усенбаев К. У. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. — Труды Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. 1, 1955.

Усенбаев К. У. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960.

Усенбаев К. У. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. — Труды ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. IV, 1954.

Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961.

Усубалиев Т. У. Интернациональное воспитание трудящихся. М., 1974.

Усубалиев Т. У. Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Киргизии XVI съезду Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1976.

Усубалиев Т. У. Торжество ленинской национальной политики в СССР и великодержавный шовинизм в современном Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4.

Усубалиев Т. У. Ленинизм — великий источник дружбы и братства народов. М., 1974.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1958.

Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. « Старые годы», 1914—1915.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

Хасанов А. Х. Из истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1959.

Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX в. Фрунзе, 1961.

Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.

Хафизова К. Ш. О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (на примере политики Китая в Центральной Азии). — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1975.

Хафизова К. Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. М., 1974.

Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е гг.). Ташкент, 1969.

Ходжаев А. Политика цинского правительства в отношении восставших народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 60—70-х гг. XIX в. — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. М., 1975.

Ходжаев А. Политика цинского правительства в Синьцзяне в 1875—1878 гг. в оценке современных китайских авторов. — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1976.

Хорошхин А. П. Заметки о Кокане. — «Русский инвалид», 1869, № 75 и 76. «Туркестанский сборник», № 23.

Черепнин Л. Крестьянские войны в России периода феодализма. — «Коммунист». М., 1973, № 13.

Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.

Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата, 1964.

Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1963.

Шрейдер П. И. По окраине. Путевые очерки. СПб., 1893.

Ювачев И. П. Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая. — Исторический вестник, 1907, № 12. «Туркестанский сборник», т. 471.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Южаков Ю. Д. Наши приобретения в Средней Азии. I. Ура-тюпе и его округ. II. Чимкентский округ. — «Отечественные записки», 1867, № 7—8.

Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза. — В кн.: Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе, 1970.

Юферев В. Хозяйство сартов в Ферганской области. Ташкент, 1911.

Beschkowitsch A. S. Winterlicher Weidgang und Stallfütterung bei den Kirgisen. — «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 18, (1—3) Budapest, 1969.

Bezkowic A. S. Nomadenwirtschaft und Lebensweise der Kirgisen. 19 bis Anfang des 20 Jahrhunderts. — «Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien». Academiai Kiado, Budapest, 1969.

Boulger D. C. England and Russia in Central Asia, v. 1. London, 1879.

Curtis W. E. Turkestan: «The Heart of Asia». New-York, 1911.

Gordon T. E. The Roof of the World, being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the russian frontier and the Oxus Sources on Pamir. Edinburg, 1876.

Holdsworth M. Turkestan in the Nineteenth Century. A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, 1959.

Meer Izzut-Oolah. Travels in Central Asia. Calcutta, 1872.

Montgomery T. G. Report of «The Mirzàs». Exploration from Caubul to Kasghar. By Major T. G. Montgomery. — «The Journal of the Royal Geographical Societty», v. 41, London, 1871.

Pierce R. A. Russian Central Asia, 1867—1917. A Study in colonial rule. University of California press, 1960.

Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

Rawlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.

«Report of a Journey to Kokan». Letter N 83, dated 19-th, Oktober 1861, from Comissioner and Superintendent Peshawur Division to Secretary to Covernment Punjab, — «Selections from the Records of the Covernment of India, Foreign Department», N XXXIX, Calcutta, 1863.

Schott W. Über die achten Kirgisen. Berlin, 1865.

Schuler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja, v. 1—2. London, 1876.

Skrine F. H. and *Ross E. D.* The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, 1899.

The Russians in Central Asia: their occupation of the Kirghiz steppe and the line of Syr-Daria... London, 1865.

Toynbee A. A Study of History, v. 1—12. London, 1935—1961.

Toynbee A. Between Oxus and Jumna. Oxford, 1961.

Torrey Ch. C. Gold coins of Khokand and Bukhara. New-York, 1950 (Numismatic Notes and Monographs, N 117).

Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.

АРХИВНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики России

Фонд Главный архив, 1—7, 1844—1863.

Фонд Главный архив, 1—7, 1863—1864.

Фонд Главный архив, 1—7, 1864—1865.

Фонд Главный архив, 1—7, 1866.

Архив АН СССР

Бежкович А. Киргизское бытовое земледелие. Рукоп.

Рычков П. И. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются... Рукоп., р. II, оп. 1, д. 126.

Архив Института этнографии АН СССР

д. 2/2. Этнографические материалы, собранные Г. П. Васильевой.

Институт востоковедения Архив Ленинградского отделения

ф. 33, А. Л. Кун.

Бунаков А. В. Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией. Рукоп. 1939, р. II, оп. 6, д. 14.

Мирза Каландар Исфараги. Умар-ханова царская книга. Рукоп. С—471.

Мухаммед Хаким-хан. Извлечение из историй. Рукоп., С—470.

Архив Географического общества СССР

Аристов Н. А. Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или кара-киргизы, ч. 1—2. СПб., 1893. Рукоп., инв. № 13—39 и р. 65.

Венюков М. И. Материалы для военного обозрения русских границ в Азии. Рукоп., р. 87, оп. 1, д. 5.

Дивногорский М. Н. Материалы к изучению родового деления киргиз долин р. р. Таласа, Куркусу и Бакаир. Их расселение и численность. Рукоп., 1921 (?), ф. 32, оп. 1, д. 70.

Архив Киргизского филиала ИМЛ

ф. 10. Киргизский областной комитет ВКП(б).

Государственный архив Омской области

ф. 3. Главное управление Западной Сибири.

ф. 6. Штаб Отдельного Сибирского корпуса.

ф. 336. Катанаев Г. Е.

Государственный архив Оренбургской области

ф. 5. Оренбургская экспедиция пограничных дел.

ф. 6. Канцелярия оренбургского военного губернатора.

ф. 166. Генс Г. Ф.

Центральный государственный архив древних актов

фонд 11.

Центральный государственный архив Казахской ССР

ф. и. 3. Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды.

ф. и. 44. Семиреченское областное правление.

ф. и. 383. Управление киргизами Сыр-Дарьинской линии.

ф. и. 825. Колпаковский Г. А.

Центральный государственный архив Киргизской ССР

ф. и. 38. Ошское уездное поземельно-податное присутствие.

Центральный государственный архив Узбекской ССР

ф. и. 1. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.

ф. и. 17. Сыр-Дарьинское областное правление.

ф. и. 19. Ферганское областное правление.

ф. и. 23. Управление начальника Скобелевского уезда Ферганской области.

ф. и. 25. Управление начальника Андижанского уезда Ферганской области.

ф. и. 300. Управление начальника Кокандского уезда Ферганской области.

ф. и. 336. Военный губернатор и командующий войсками Туркестанской области.

ф. и. 715. Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в разных архивах полковником Серебренниковым.

Центральный государственный военно-исторический архив

ф. ВУА. Военно-ученый архив.

ф. 67. Данзас А. Л., генерал от инфантерии, 1831—1880.

ф. 38. Азиатский департамент Генерального штаба.

ф. 400. Главный штаб, Азиатская часть.

ф. 438. Военные действия в Средней Азии.

ф. 1396. Штаб Туркестанского военного округа.

ф. 1441. Отдельный Оренбургский корпус. 1823—1865.

ф. 1449. Штаб войск Западной Сибири.

ф. 1450. Штаб Сибирского военного округа. 1862—1917.

Центральный государственный исторический архив СССР

ф. 560. Общая канцелярия министра финансов.

ф. 954. Фон-Кауфманы и Кауфманы-Туркестанские.

ф. 1101. Документы личного происхождения разных лиц. (Коллекция).

ф. 1263. Комитет министров. Фонд Комитета министров.

ф. 1264. Первый Сибирский Комитет.

ф. 1265. Второй Сибирский Комитет.

ф. 1396. Ревизия сенатора К. К. Палена Туркестанского края.

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ БИБЛИОТЕК И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Рукописный Отдел ГПБ им. В. И. Ленина (в Москве)

Венюков М. И. Военно-статистические очерки земель, соседних России в Азии, ф. 363, к. 3, д. 14.

Отдел редких книг ГПБ им. Навои (в Ташкенте)

Вельяминов-Зернов В. В. Торговое значение Кокандского ханства для русских. 1854.

Туркестанский сборник.

Центральная библиотека АН Киргизской ССР

Резник П. Ф. Кетмень-Тюбе в 1899 году. Андижан, 1904.

Отдел рукописей Института востоковедения АН Узбекской ССР

Абдулгафур. Зафарнамаи Худоерхон. (Книга о победах Худояр-хана). Рукоп. 1275/1858—59, инв. № 598.

Абу Убейдулла Мухаммед (Ишан Ходжа Кары Ташкади). Холосат ул-ахвал. (Краткая биография). Рукоп., инв. № 2084.

Мулла Мирза Алим. Генеалогия султанов и истории ханов. Рукоп., инв. № 1314/1.

Семенов А. А. Отношение Кокандского ханства к Кашгару в первой половине XIX в. Рукоп., инв. № 78.

Актовые документы и копии решений казий, инв. № 705, 757, 857.

Рукописные фонды Института истории АН Киргизской ССР

Горячева. В. Д. Городские центры и монументальная архитектура средневековой Киргизии (Бухара, Узген, Сафид-Булан). Канд. дисс. Фрунзе, 1976.

Материалы по истории киргизско-китайских отношений во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. — Перевод извлечений из китайских источников Г. П. Супруненко.

Палеоархеографические материалы экспедиции 1976—1977 гг. В. М. Плоских.

Трактат о городе Оше. Фотокопия из ЛОИВ АН СССР (инв. № 1-2033). Перев. В. К. Шуховцова и В. Н. Настича.

Тухфат ат-таварих-и хани. Фотокопия из ЛОИВ АН СССР (инв. № С-440). Перев. В. К. Шуховцова и В. Н. Настича.

Рукописные фонды научной библиотеки Омского областного музея

Копийные материалы из Архива Главного управления Западной Сибири. Копия А. Крахова. 1872.

Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР

Абрамзон С. М. Краткий предварительный отчет о работе этнографического отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР. 1954. Инв. № 1045.

Зиднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии. Инв. № 2072.

Извлечения из «Описания виденного и слышанного о Западном крае». Перев. с кит. А. А. Кондратьева. Инв. № 4051.

Извлечения из китайских источников. Перев. с кит. Е. И. Кычанова. Инв. № 3088.

Манас. Перев. с кирг. Е. Д. Поливанова. Инв. № 29.

Молдо Нияз. Героические песни. Инв. № 5072.

Молдо Нияз. Санаты. Инв. № 1732.

Поливанов Е. Д. Киргизская работа. Инв. № 22 и 23.

Провозглашение Ормона ханом. Инв. № 278.

Сейф ад-дин Ахсикенти. Маджму ат-таварих. Рукоп. перев. В. А. Ромодина. Инв. № 5154.

Солтоноев Б. История киргизов и казахов. Инв. № 1057.

Тоголок Молдо. Родо-племенное деление (киргизов). Инв. № 1016.

Фиельструп Ф. А. Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов. 1925. Инв. № 2.

Чоробаев А. Песнь об Абдулла-беке. Инв. № 1566.

Чоробаев А. Тайлак-батыр. Инв. № 225.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абд ал-Карим-бий — 69, 71, 73, 74.
Абд-ар-Рахим-бий — 69—71, 87.
Абдулла-бек — 21, 65, 66, 186, 268, 269, 316, 317, 347.
Абдул Маджит — 112, 114, 166.
Абдурраxман Афтобачи — 23, 311, 317.
Аблай-хан — 92, 101.
Абышкаев А. А. — 35.
Абрамзон С. М. — 30, 31, 63, 64, 115, 121, 128, 155, 216, 219, 222, 230, 249, 331, 347.
Абу Убейдулла Мухаммед — 61, 258, 262, 294, 295, 346.
Аджибай — 240.
Аджибеков Н. — 153.
Адыл — 92, 134, 167.
Азиз Парваначи — 126, 154, 288, 289, 292.
Айтбаев М. — 33.
Айтматов И. — 233.
Айтматов Ч. — 35.
Айтмамбетов Д. О. —18, 234, 331.
Акбута — 70, 71.
Александр II. — 167, 315, 316.
Алексеев А. — 168, 331.
Али-ал-Катиби Дабиран — 53.
Алибеков М. — 259, 331.
Алим-хан — 37, 60, 69, 94, 95, 97, 99, 100, 108, 111, 113, 158, 281, 282, 283, 311, 328.
Алтмышбаев А. А. — 25, 53, 329, 331.
Алымбек-датха — 21, 24, 48, 66, 129, 166, 167, 172, 173, 201, 268, 269, 287, 289, 292, 297, 299, 300, 317, 337.
Алымкул — 21, 48, 58, 132, 168, 169, 171, 192, 204, 205, 300, 306, 310.
Алыкулов Б. — 25.
Амитин-Шапиро З. Л. — 16, 19, 331.
Амр-мирза — 76, 77.
Амурсана — 80.
Андреев И. Г. — 17, 18, 85, 99, 331.
Антипина К. И. — 237, 331.
Аристов Н. А. — 21, 22, 72, 73, 84, 89, 92, 96, 101, 124, 139, 153, 154, 167, 168, 214, 219, 298, 331, 343.
Армстронг Д. — 39.
Арстанбек — 25.
Атабек — 127, 144, 297.
Атаке — 91, 93, 102.
Ашимбеков Б. — 193.

Б

Баба-бек — 73, 74.
Бабабеков Х. — 35, 173, 339.
Бабур — 8.
Бай-Мирза — 188.
Бай Мухаммедбай — 200, 270.
Байтык К. — 48, 131, 154, 169, 186, 300.
Бардашев И. — 19, 20, 24, 143, 154, 217, 219, 234, 261, 274, 285, 331.

Бартольд В. В. — 22, 26, 28, 59, 70, 158, 270, 331.
Батманов И. А. — 63—65.
Батраков В. — 28, 216, 272, 338.
Бек-Назар-бий — 97.
Бежкович А. С. — 64, 219, 228, 343.
Берды-Ходжа — 194, 195.
Бернштам А. Н. — 30, 37, 62, 65, 66, 89, 90, 141, 200, 213, 332.
Брежнев Л. И. — 5, 330.
Бичурин Н. Я. — 37, 62, 213, 332.
Боромбай — 48, 118, 154, 163, 246, 299, 302.
Боулджер Ч. — 23.
Бошарин О. — 176, 332.
Бубнова М. А. — 231, 234, 332.
Бузурук-ходжа — 171.
Бутаков А. В. — 154, 343.
Бурковский А. Ф. — 234, 332.
Бурнашев — 100.
Бурхан-ад-дин — 55, 76, 77, 81, 82.

В

Вайнштейн О. А. — 23, 332.
Валиханов Ч. — 19, 20, 24, 49, 93, 104—106, 116, 120, 127, 128, 151, 166, 217, 230, 237, 247, 248, 292, 305, 332.
Вамбери А. — 23, 24, 283, 332.
Валидов З. — 111.
Васильев В. П. — 85, 340.
Васильченко А. — 176, 332.
Вельяминов-Зернов В. В. — 16, 18, 20, 109, 111, 217, 233, 234, 242, 332, 346.
Веселовский Н. И. — 16, 21, 22, 297, 332.
Венюков М. И. —19, 24, 113, 121; 129—131, 141, 143, 144, 221, 230, 234, 250, 272, 332, 333, 345.
Винник Д. Ф. — 25, 66, 341.
Винников Я. Р. — 96, 332.
Волконский А. — 215, 332.
Вышнегорский А. — 51, 247.

Г

Галдан-Цэрен — 72, 80.
Галицкий В. Я. — 18, 35, 67, 338.
Гасфорд — 184, 294, 296.
Гейнс А. К. — 22, 130, 332.
Гирс Ф. — 50, 124, 130, 133.
Гомзин — 50, 182, 206.
Гордон Б. — 332.
Горячева В. Д.— 67, 97, 200, 333, 338, 346.
Григорьев В. В. — 22, 61, 99, 219, 333.
Гродеков Н. И. — 51, 183, 189, 190, 247, 333.
Гуревич Б. П. — 15, 32, 38, 81, 82, 85, 90—92, 333.

Д

Данибегашвили Д. — 50, 221, 240.
Дахшлейгер Г. Ф. — 3, 7, 40, 41, 213, 271, 333.
Дембо Л. И. — 278, 333.
Джахагир-ходжа — 65, 104, 140, 151.
Джамгерчинов Б. Д. — 22, 30, 32, 47, 104, 128, 141, 167, 219, 252, 293, 329, 333, 335.
Джантай — 48, 93, 118, 132, 163, 169, 245, 255.
Джапалак — 101.
Джаркинбай — 66, 173.
Дженчураев — 233.
Джуванмардиев А. (Жувонмардиев А.) — 45, 333.
Диваев А. А. — 16, 258, 333.
Дивногорский М. Н. — 218, 219, 343.
Дильшод — 61, 257, 258, 336.
Думан Л. И. — 37, 79, 81, 82, 333.

Е

Есенгул — 92, 93.
Ефремов Ф. Е. — 17, 49, 93, 99, 238, 333.

Ж

Жирмунский В. М. — 65, 333.

З

Загряжский Г. — 91, 115, 133, 218, 220, 230, 235, 238, 240, 252, 253, 254, 334.
Заднепровский Ю. А. — 66, 141, 145, 146, 347.
Зайнабитдинов Д. — 66, 166.
Зибберштейн Ф. К. — 18, 49, 102, 103, 334.
Зима Б. М. — 15, 141.
Зима А. Г. — 236, 334.
Зимин А. — 169, 192, 270, 334.
Зияев Х. З. — 15, 32, 36, 70, 139, 334.
Златкин И. Я. — 31, 40, 77, 176, 234, 334.

И

Ибраимова Г. М. — 86, 334.
Ибрагим-Хаял-парваначи — 158.
Иванов П. П. — 29, 69, 74—76, 93, 100, 108—110, 225, 231, 235, 253, 258, 265, 334.
Идаров С. — 207, 334.
Ильясов С. И. — 30, 32, 34, 64, 176, 251, 273, 277, 334.
Ирдана (-бий) — 69, 74, 75, 76, 87, 89, 90, 111, 223, 257.
Иса-Датха — 105, 140.
Исмаил-токсоба — 120, 147, 307, 308.
Ишанханов С. Х. — 70.

К

Кадырова М. — 61, 258, 335.
Каллаур В. А. — 45, 51, 126—127, 154, 284, 335.
Калыгул — 25.
Карабеков Д. — 261, 290.
Каракеев К. К. — 3, 47, 335.
Кармышева Б. Х. — 15.
Кауфман К. П. — 316, 335.
Качановский Ю. В. — 11, 335.
Качибек — 48, 101, 154, 240.
Каюмов А. — 61, 258, 335.
Кисляков Н. А. — 175, 335.
Ковад-бий (Ковад-мирза, Кубат-бий) — 59, 74—77.
Ковалевский М. М. — 12, 181, 335.
Колпаковский Г. А. — 123, 131, 135, 141, 167, 169, 254, 300, 305, 312, 315, 344.
Кондратьев А. А.— 36, 62, 70, 73, 213, 333, 347.
Костенко Л. Ф. — 22, 234, 252, 335.
Крахов А. — 346.
Кудайбергенов С. К. — 46, 47, 338.
Кузнецов В. С. — 38, 84, 87, 88, 335.
Кулдатха — 148, 307.
Кулыбековы Д. и Т. — 193, 194.
Кун А. А. — 16, 20, 43, 48, 49, 112, 221, 259, 260, 295, 296, 335, 343.
Курбанджан-датха (Курманжан) — 35, 48, 66, 129, 168, 172, 173, 286, 287, 289, 290, 317, 331, 341.
Куропаткин А. Н. — 78, 114, 138, 140, 142, 148, 171, 186, 221, 335.
Куртиз В. Е. — 23.
Кушнер — 28, 64, 335.
Кычанов Е. И. — 85, 222, 347.
Кычанов С. И. — 62.
Кюнер Н. — 62.

Л

Лама-Доржи — 73.
Левшин А. — 85, 92, 335.
Ленин В. И. — 9, 10, 12, 13, 14, 40, 53, 149, 213, 214, 243, 250, 264, 279, 330, 331, 333.
Лукницкий П. — 168, 335.
Лунин Б. В. — 16, 18, 20, 335.
Лэн-Пуль — 335.
Ляшкар-Кушбеги — 104—106.

М

Мад-Юсуф — 104.
Мадали-хан (Сейид Мухаммед Али) — 45, 70, 99, 102, 110, 125, 126, 135, 140, 158, 159, 168, 191, 192, 264, 337.
Мадеюев Н. — 62, 139.
Маджи А. Е. — 61, 335.
Макшеев А. — 267, 336.
Маллицкий — 118, 219, 336.
Малля-бек — 160, 161, 165, 166, 295, 297, 298.
Малля-хан — 70, 126, 134, 165, 184, 192, 299, 300.
Мамат-Кул — 89.
Манас — 65, 332, 334, 347.
Мамбеталиева К. — 234, 336.
Мамразык — 116, 119.
Марков — 129, 183, 336.
Маркс К. — 8—15, 108, 121, 123, 177—181, 229, 240—242, 257, 264—266, 268, 271, 275, 323, 328, 330, 339.
Массальский В. И. — 22.
Массон М. Е. — 231—233, 336.
Медынский — 269.
Мелихов Г. В. — 336.
Миддендорф А. Ф. — 100, 273, 308, 336.
Миклухо-Маклай Н. М.— 60, 336.
Мир Иззет-Улла — 98, 233, 240, 336.
Мирза Абдалазим Сами— 61, 336.
Мирза Ахмед — 262, 295—297.
Мирза Каландари Исфараги — 59, 60, 95, 343.
Мирза Сами — 258.
Мирза Шемс Бухари — 61, 336.
Митчел Р. — 24.
Молдо Кылыч — 25.
Молдо Нияз — 57, 58, 170, 171, 258, 341, 347.
Музаффар — 172.
Мулла Абдул Маджит — 61, 129, 157.
Мулла Аваз Мухаммед — 61, 257, 289.
Мулла-Нияз — 26, 59, 95, 97, 100, 110, 158, 166, 168, 280, 286, 290, 336.
Мулла Мирза Алим — 289, 346.
Мурадбек — 287.
Мурад-хан — 70, 160, 161, 288.
Мусабий — 199, 200, 270.
Мусульманкул — 160—165, 241, 286, 287, 288, 290, 292, 317.
Мухаммед Али-хан —94, 126, 127.
Мухаммед Риза — 158.
Мухаммед Садык Кашгари — 59, 76, 77, 339.
Мухаммед Хаким-хан — 59, 70, 94, 343.
Мухаммед Эмимбий (Мад-Амин) — 74.
Мухтаров А. — 61, 94, 234, 258, 336.

Н

Набиев Р. Н. — 32, 36, 61, 183, 257, 289, 290, 336.
Надира (Камил Макнун) — 61, 257, 258, 335.
Назаров Ф. — 49.
Назаралив Т. Н. — 46, 47, 57, 338.
Наливкин В. П. — 16, 20—22, 70, 72, 94—97, 100, 106, 159, 161, 165, 169, 170, 171, 187, 191, 222, 223, 242, 264, 281, 282, 286, 297, 337.
Нарбута-бий — 69, 89, 91, 95, 99, 108, 157, 280.
Насреддин-бек — 70, 314, 315, 317.
Насрулла — 158.
Настич В. Н. — 43, 46, 52, 53, 60, 341, 346.
Низам ад-Дин Мухаммад Баба-бий — 69.
Никифоров В. Н. — 8, 9, 11, 12, 179, 181, 337.
Николаев — 50, 183.
Новосельцев А. П. — 337.
Нор-Мухаммед — 163, 164, 292.
Нураков К. — 126, 186, 333, 335, 337.
Нурекин А. — 109, 297, 337.
Нюхалов Т. В. — 102, 103, 140.

О

Омар-хан — 60, 70, 95—99, 108, 110, 111, 183, 187, 188, 241, 264, 283.
Орозалиев К. К. — 25, 341.
Ормон-хан — 27, 64, 127, 128, 130, 132, 154, 225, 254, 290, 291, 294, 333.
Осмоловский — 295.
Остроумов Н. — 45, 337.

П

Пантусов Н. — 26, 48, 49, 59, 336, 337.
Пален К. К. — 57, 136, 184, 223, 245.
Пашуто В. Т. — 337.
Перемышльский — 132, 154, 164.
Петр I — 70, 72, 338.
Петров К. И. — 22, 35, 89, 176, 337.
Петровский Н. Ф. — 219, 308.
Пиотровский П. Б.— 53.
Плоских В. М. — 13, 17, 18, 20, 32, 34, 46, 54, 57, 66, 67, 93, 97, 101, 102, 186, 201, 208, 230, 245, 337, 338, 346.
Погорельский П. — 28, 63, 216, 272, 338.
Поливанов Е. Д.— 24, 64, 65, 157, 347.
Попов А. — 70.
Попов С. — 70, 239, 337.
Потанин Н. И. — 18, 19, 103, 108, 229, 235, 338.
Потанин Г. — 71, 99.
Потапов Л. П. — 31, 115, 121, 176, 331, 338.
Проценко А. — 130, 137, 143, 145, 225.
Пулат-хан (Исхак Мулла Хасан-оглы) — 241, 242, 311—316, 328.

Р

Радлов В. — 24, 145, 263, 338.
Райт Х. Р. — 12, 13, 338.
Рахматуллин К. А. — 65.
Рахматулла — 160, 287.
Резник П. Ф. — 118, 151, 282, 283, 346.
Риттер К. — 21.
Рожков М. К. — 211.
Ромодин В. А. — 15, 21, 32, 36, 59, 62, 70, 71, 73, 299.
Ромм А. — 237.
Росс Э. — 23, 308.
Россель Ю. — 310.
Рыскулбек — 155.
Рыскулбеков М. Р. — 236.
Рыскулов Т. — 28.
Рычков П. И. — 17, 70, 73, 343.

С

Савельев П. — 18, 61, 99, 339.
Садык-бек — 171.
Садык-бий — 75.
Садык Серкер — 265, 307.
Садыков Х. — 35, 128, 173, 339.
Салахетдинова М. А. — 59, 76, 77, 339.
Самрат — 299.
Саримсак-дадхоха — 195, 269.
Саттар-хан Абдул Гафаров — 61, 339.
Сатыбалды — 91, 287.
Сатыке — 95, 96.
Северцов Н. А. — 20, 49, 228, 261, 296, 302, 339.
Сеид Кул-бек — 96, 187.
Сейф-ад-дин Ахсикенти — 115, 347.
Семенов А. А. — 257, 339.
Семенов-Тян-Шанский П. П. — 19, 20, 49, 154, 240, 339.
Серебренников А. Г. — 117, 121, 163, 164, 235, 291, 306, 339, 345.
Скайлер Ю. — 23, 241, 285, 308.
Скрайн Ф. — 23, 308.
Скобелев — 35, 173, 283, 315, 316.
Сладковский М. И. — 37.
Соколов Ю. А. — 18, 36, 37, 138, 301, 302, 339.
Солтоноев Б. — 93, 128, 139, 252, 254, 347.
Стогов Н. И. — 338.
Стремоухов Н. — 310.
Суванкул — 58.
Султан-Сеид — 70, 168, 169, 170, 185, 300.
Супруненко Г. П. — 38, 62, 79, 82, 83, 249, 346.
Сушанло М. Я. — 15.
Суюк Аблай-хан — 101.
Сыдыков О. — 26, 27, 166, 170, 243, 247, 305, 339.

Т

Тайлак-батыр — 105, 116, 284.
Талызин А. — 56, 144, 239, 255, 261, 339.
Телятников — 18, 99.
Тер-Акопян Н. Б. — 8, 11, 339.
Терентьев М. А. — 22.
Тёрёгельды — 167.
Тимковский Е. Т. — 213, 241, 339.
Тимур — 95, 200.
Тихвинский С. Л. — 37.
Тоголок Молдо — 25, 347.
Тойнби А. — 39, 40, 213.
Токтогул С. — 25.
Толстов С. П. — 29, 340.
Толыбеков С. И. — 31, 176, 340.
Торрей Чарльз — 61, 241.
Троицкая А. Л. — 32, 36 , 41, 43, 45, 48, 113, 114, 138, 217, 237, 253, 255, 263, 266—269, 276, 307, 340.
Тынай — 27, 91.

У

Уиллер Д. — 39.
Улджебаев А. — 101.
Ульжебай (Олджебай) — 103.
Умбеталы— 48, 132, 254, 299, 302.
Уметалиева А. — 237, 340.
Унковский И. — 72, 338.
Урунбаев А. — 61, 258, 262, 340.
Усенбаев К. У. — 13, 32, 33, 63, 141, 216, 219, 222, 250, 263, 272, 293, 309, 316, 318, 329, 340.
Усубалиев Т. У. — 3, 4, 38, 329, 340.

Ф

Федченко А. П. — 20, 49, 120, 147, 148, 166, 173, 225, 228, 299, 307, 340.
Фелькерзам А. — 237, 340.
Фиельструп Ф. А. — 63, 230, 347.

Х

Хаджа-бий — 89, 90, 223.
Хаджи-бек — 125, 157, 158.
Хак-Кула — 104, 105, 106, 110.
Халидов А. Б. — 46, 54.
Халфин Н. А. — 15, 36, 86, 138, 304, 340.
Хан-Ходжа — 81, 82, 95.
Хасанов А. Х. — 32, 141, 293, 309, 311, 340.
Хафизова К. Ш.— 38, 83, 85, 340.
Хидоятов Г. А. — 304, 341.
Ходжаев А. — 341.
Хорошхин А. П. — 112, 341.
Худайберген — 296.
Худай-Кул-бек — 70, 171.
Худай-Назар — 166, 168.
Худояр-хан — 58, 60, 109, 112, 114, 126, 129, 135, 147, 161, 162, 164—166, 168, 171, 173, 189, 190, 192, 206, 224, 232, 234, 241, 258, 260, 264, 269, 276, 277, 281, 288, 290, 295, 297, 298, 300, 307—314, 317, 333, 337, 346.

Ч

Чайковский П. — 218.
Черепнин Л. — 279, 341.
Черняев — 211.
Чехович О. Д. — 276, 333.
Чикаев К. Ф. — 270.
Чихачев П. — 199, 341.
Чоробаев А. — 284, 347.

Ш

Ша-Мурад — 70, 168, 169, 241.
Шабдан Джантаев — 27, 48, 57, 168, 170, 230, 248, 249, 255, 262, 291, 298.
Шадман-ходжа — 168.
Шады-датха — 110, 156.
Шахматов В. Ф. — 31, 176, 212, 341.
Шах Мирза — 185, 186.
Шах Рахматулла-ишан — 202, 204.
Шахрух-бий — 26, 69, 70.
Шералин А. — 101, 293.
Шер-али-хан (Шералы-хан) —70, 110, 157—160, 189, 286, 287.
Шерстобитов В. П. — 25, 341.
Шуховцов В. К. — 43, 46, 52, 60, 341, 346.

Щ

Щапов Я. Н. — 337.

Э

Энгельс Ф. — 8—15, 108, 121, 123, 177—181, 229, 241, 265, 266, 268, 271, 275, 328. 330, 339.

Ю

Ювачев И. — 168, 172, 173, 186, 287, 289, 290, 341.
Юдахин К. К. — 25, 27, 47, 65, 112, 117, 138, 208, 245, 246, 248, 250, 252, 253, 254, 340, 341.
Южаков — 136, 225, 341.
Юдин В. П. — 46.
Юсуф — 110, 111, 159, 160, 194.
Юсуф-ходжа — 76, 77, 99.
Юнус-ходжа — 99.
Юнусалиев Б. М. — 57, 340.
Юферев В. Ю. — 190, 341.

Я

Якуб-бек — 48, 58, 170, 171, 297.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азия — 8, 11, 12, 13, 29, 180, 181, 266, 304, 330, 337, 339, 343, 345.
Ак-Мечеть — 138, 142.
Аксу — 104, 142, 153, 240.
Алай (-ские) — 35, 46, 48, 61, 66, 67, 89, 116, 120, 129, 138, 140, 142, 149, 152, 161, 166, 167, 172, 173, 186, 215, 218, 221, 225, 227, 228, 233, 286, 289, 307, 308, 315, 316, 321.
Алайлук — 189.
Алатавский округ (район) — 19, 24, 44, 131, 151, 154, 167, 261, 300, 344.
Ала-Тау (горы) — 140, 231, 235.
Ала-Тоо (горы) — 229, 231.
Алмуруд-били — 195, 196.
Англия — 23, 304, 333.
Андижан (-ский вилайет, бекство) — 71, 75, 89, 91, 94, 111, 116, 119, 165, 166, 169, 173, 189, 192, 194, 200, 204, 228, 233, 237, 298, 313, 315, 345, 346.
Араван — 265.
Араванское бекство — 43.
Арзу — 193.
Арпа — 119.
Арча-Мазар — 205.
Ассаке — 169, 315.
Ат-Баши — 53, 57, 66, 82, 83, 120, 128, 138, 142, 224.
Аулие-Ата — 51, 104, 120, 127, 128, 138, 142, 153, 154, 220, 225, 261, 284, 296, 299, 303, 335.
Афганистан — 35, 304.
Африка — 330, 339.

Б

Бадахшан — 70, 74, 81, 321.
Бакаир (р.) — 219, 343.
Балыкчи — 164, 290.
Барсхан (Барскаун) — 83, 106, 142, 153.
Бас-Бёльтёк — 186.
Баткен — 55, 197.
Баш-Булак — 186.
Беш-Кемпер — 142.
Биш-Батман — 188.
Биль-Ачик — 192, 193.
Большая Орда (Старший жуз) — 19, 37, 44, 70, 92, 101, 105, 124, 285, 294, 295, 321, 331, 344.
Бугучу — 142.
Буджун-Бадхан — 223.
Булакбаши — 194.
Бустан-Терек — 142.
Бухара — 55, 60, 70, 89, 94, 158, 159, 168, 180, 215, 240, 258, 321, 332, 334—336, 338, 346.
Бухарское ханство (эмират) — 8, 37, 41, 53, 74, 108, 110, 158, 172, 175, 257, 276, 291, 333, 335, 338.

В

Верный — 143, 230, 300, 312, 339.
Восточный Туркестан — 17, 22—24, 32, 38, 41, 47, 48, 62, 63, 65, 66, 72, 73, 76, 77, 78, 81, 82, 83 86, 87, 88—91, 98, 101—105, 107, 139, 140, 148, 154, 171, 183, 230, 240, 305, 321, 332, 333, 341.

Г

Ганьсу — 87.
Гульча — 129, 138, 165, 171, 172.
Гург-тепа — 206, 276.

Д

Дараут-Курган — 67, 106, 113, 120, 132, 138, 142, 145, 147, 148.
Дархан — 252.
Джалал-Абад — 199, 224.
Джеты-Су — 295.
Джизак — 60, 94, 95.
Джулбарслик — 194.
Джумгал — 80, 117, 120, 140, 142, 145, 218, 235.
Джунгария — 69, 73, 78—80, 341.
Джунгарское ханство — 71—73, 76—78, 81, 88, 234, 333, 334, 338.
Джуука — 154.
Долинка — 141.
Душанбе — 59, 336.

Е

Еки-Су-Арасы — 160, 315.

З

Заилийский край, долина — 19.
Западная Сибирь — 118, 124, 139, 240, 250, 296, 339, 344, 345.

И

Или — 69, 77, 80, 81, 83, 103, 118.
Илийский округ — 105.
Индия — 8—13, 40, 98, 129, 148, 181, 240, 330, 333.
Иран — 304.
Ирландия — 11.
Исан-Арча — 185.
Иссык-Куль (-ская) область — 47, 48, 53—55, 57, 66, 67, 72, 81, 83, 101—106, 128, 141, 142, 145, 154, 167, 225, 230, 234, 240, 285, 286, 293, 338, 339.
Исфана — 142.
Исфара — 197, 235.
Ит-Кичу — 142, 153.

Й

Йеттышар — 221.

К

Казань — 239, 336, 337.
Казахстан — 16, 31, 36, 37, 41, 42, 44, 53, 56, 102, 131, 133, 138, 169, 170, 176, 218, 254, 261, 262, 298, 300, 306, 320, 332, 333, 336, 338, 341, 344.
Кампыр-Рабат — 200.
Кан — 67, 142, 145, 147.

Кан-и Гут — 231, 233.
Кан-Дюбе — 66.
Кан-Тау — 223.
Кара-Багыш — 199, 200, 270.
Кара-Булак — 53, 223.
Кара-Бура (-инское ущелье) — 153.
Кара-Дарья — 224, 315.
Кара-Кол — 106, 142, 285.
Кара-Су — 159, 165, 202, 204.
Кара-Тау — 138, 231, 233, 296.
Кара-тегин — 228, 316.
Кара-Тепе — 203.
Кара-Тюбе — 185.
Карван-дала — 188.
Касан — 97.
Каспийское море — 328, 332.
Кастек — 139, 142.
Кашгар (-ия) — 17, 19, 35, 48, 59, 65, 69, 73, 76—78, 82, 83, 86, 87, 88, 97, 104, 105, 114, 138, 140, 148, 151, 154, 170—172, 186, 190, 221, 233, 238—240, 250, 289—290, 297, 335, 336, 346.
Кашмир — 101, 102.
Кетмень-Тюбе —66, 95—97, 116—118, 130, 138, 142, 145, 149, 151, 164, 231, 235, 282, 283, 305, 311, 321, 338, 346.
Киргизстан, Киргизия, Киргизская ССР — 3—7, 9, 13—17, 20—24, 26—28, 29—38, 41—43, 45, 46, 48, 49, 52—60, 62—67, 73, 79, 81, 85, 88, 92, 94, 97—99, 102, 104—108, 115, 120, 121, 124, 128, 129, 131, 134, 137—139, 141, 142, 145, 147, 152, 155—157, 164, 170, 177, 179—182, 190, 194, 199, 200, 205, 208, 209, 213, 215—218, 221—223, 225—231, 233—237, 239—241, 244, 246, 247, 252—258, 263—266, 271, 272, 274, 280, 282—284, 289—291, 293—295, 302, 307, 309, 310, 311, 316, 318, 320—322, 324, 326, 328, 329, 331—341, 344, 346, 347.
Китай — 7, 13, 47, 79—88, 148, 163, 171, 213, 239, 241, 289, 321, 337, 339, 340.
Кичи-Алай — 215.
Кичик-Джуука — 154.
Коканд — 7, 17, 19, 23, 36, 50, 58, 60, 61, 69, 71, 73—76, 84, 88, 90, 93, 96—98, 100, 110—112, 116, 118, 119, 125, 129, 132, 141, 143, 151, 156, 158, 159, 161, 162, 166—171, 173, 188, 197, 203, 217, 222, 228, 229, 233, 234, 238, 240, 241, 242, 244, 257, 260, 262, 267, 285—289, 291, 292, 294, 295, 297, 298, 300, 306—308, 314—317, 319—321, 325, 326, 335—337.
Конур-Улен — 142, 153, 285.
Котмолды — 128, 291.
Кочкор — 142.
Куганди — 185.
Кугарт, Кугартский перевал — 305.
Курган-тепа — 195, 196.
Куркурсу — 219, 343.
Куртка — 116, 119, 120, 132, 140, 142, 145, 151, 152, 284, 285, 292, 305.
Куршаб — 192, 202.
Кушанская империя — 40.
Кучаанды — 142.
Куштут — 147.
Кызыл-Курт — 141.
Кызыл-Курган — 106, 138, 140, 142, 148, 307.
Кызыл-Унгур — 142, 154.
Кыпчак-Курган — 205.

Л

Ленинград — 12, 42, 339.

М

Мады — 171, 173, 245.
Маргелан, Маргеланское бекство — 17, 70, 71, 75, 89, 110, 111, 159, 160, 169, 190, 194, 261, 265, 297, 316.
Мерке — 112, 113, 138, 142, 225.
Монголия — 339.
Москва — 4, 42, 345.
Мурдаш — 138.

Н

Найматан — 17.
Наманган — 19, 70, 128, 143, 169, 188, 231.
Наманганское бекство — 75, 89, 111.
Наманганский вилайет (округ, уезд) — 116, 159, 164, 182, 187, 264, 265, 290, 336, 337.
Нарын (-ская) область — 54, 57, 63, 66, 83, 105, 106, 117, 119, 128, 140, 142, 149, 230, 234, 235, 284, 292, 305, 315.
Наукат — 185.
Новый Маргелан — 215, 331, 332, 335.

О

Омск — 17, 47, 101, 293, 344.
Оренбург — 20.
Ош — 17, 37, 60, 66, 89, 90, 97, 111, 116, 140, 161, 165, 166, 169, 171, 173, 186, 201, 205, 221, 222, 223, 228, 235, 236, 241, 245, 255, 265, 269, 286, 287, 290, 321, 346.
Ошская область (уезд, вилайет) — 41, 49, 53, 54, 57, 142, 192, 201, 237, 269, 338.

П

Палван — 204.
Памир — 140, 149, 305, 332, 334.
Памиро-Алай — 69, 142.
Пекин (Бейджин) — 81, 105, 140.
Персия — 333.
Петропавловск — 17, 42.
Пишпек — 19, 57, 102, 112, 117, 118, 119, 132, 138—144, 154, 163, 215, 225, 250, 285, 291, 298, 299, 300, 303.
Пишпекский уезд — 56, 223, 239, 255, 261, 295, 339.

Р

Россия — 3, 7, 8, 14, 15, 22, 24, 26, 27, 30—32, 35, 36, 41, 45, 46, 47, 49, 50, 62, 70, 73, 79, 85, 86, 92, 101, 103, 106, 117, 123, 138, 139, 151, 152, 167, 168, 170, 173, 178, 182, 186, 201, 216, 226, 229, 235, 239, 240, 250, 252, 255, 259, 264, 278, 279—280, 282, 293, 298, 300, 303, 304—306, 309, 314, 315, 317, 320, 327, 329, 330, 333, 335, 338, 339, 340, 341, 345.

С

Сайрам — 284.
Санкт-Петербург — 17, 47, 93, 102, 293, 305.
Санташ — 156.
Самарканд — 298, 311, 332, 337.
Сары-Таш — 106.
Семипалатинск — 338.
Семиречье — 19, 46, 92, 101, 102, 123, 124, 139, 141, 209, 254, 285, 294.
Семиреченская область — 130, 215, 311, 332, 334, 338.
Сибирь — 92, 102.
Синьцзян — 7, 82, 86, 87, 88, 321, 333, 334, 335, 341.
Сокут — 193.
Сон-Куль — 140.
Сох — 145, 146.
Средняя Азия — 3, 7, 8, 13—16, 23, 24, 27, 29—32, 36—38, 40, 41, 55, 71, 79, 81, 86, 87, 98, 106, 108, 109, 110, 141, 142, 156, 168, 170, 176, 182, 189, 199, 225, 237, 252, 253, 273, 277, 304, 314, 317, 320, 322, 328—336, 338—341, 345, 347.

Средняя орда (жуз) — 17, 85, 92.
Старший жуз (см. Большая орда).
Сузак — 224, 268.
Сулюкта — 234.
Сусамыр — 57, 215.
Суфи-Курган — 140, 142, 148.
Сыр-Дарья (-инская область) — 130, 231, 234, 262, 314, 332.

Т

Таджикистан, Таджикская ССР — 37, 59, 336.
Тарагай — 254.
Талас — 69, 80, 92, 99, 116, 125—127, 138, 141, 153, 154, 158, 159, 218, 219, 228, 284, 294, 296, 321, 343.
Таласская долина — 57, 128, 153, 215, 220, 283.
Таш-Курган — 106, 140, 142.
Таш-Кумыр — 234.
Таш-Тепе — 185.
Ташкент — 16, 19, 29, 36, 42, 55, 57, 58, 60, 61, 99, 100, 101, 103, 116—118, 120, 132, 143, 160, 163, 165—169, 171, 184, 211, 235, 250, 283, 285, 286, 295, 296, 298, 299, 303, 312, 332, 333, 335—339, 341.
Тегеран — 332.
Темен-чек — 208.
Терек-Даван — 290.
Тибет — 333.
Токмак — 106, 138, 139, 142, 143, 145, 163, 225, 230, 235, 303.
Токмакский уезд — 91, 115, 218, 235, 252, 313, 334.
Тогуз-Тороо — 80, 140.
Томская губерния — 72.
Тонский район — 53.
Туркестан, Туркестанский край — 14, 20, 22, 38, 41, 45, 50—52, 56, 57, 85, 92, 117 120, 121, 124, 136, 148, 163—165, 168, 173, 182, 183, 206, 208, 223, 228, 230, 234, 235, 259, 265, 266, 267, 291, 299, 302, 306, 307, 308, 316, 332, 334, 335, 339, 340, 345.
Туркмения — 334, 336.
Турпак-бел — 188.
Туура-Су — 66, 67, 186.
Тюп — 93.
Тянь-Шань — 21, 40, 46, 53, 54, 66, 72. 73, 77, 78, 82, 92, 93, 95, 101, 137, 139, 142, 153, 167, 233, 236, 240, 282, 291, 293, 321, 339.

У

Узбекистан, Узбекская ССР — 27, 31, 36, 37, 41, 43, 44, 49, 50, 135, 141, 143; 144, 152, 153, 162, 167, 183, 185, 186, 190, 191—193, 196, 197, 200—202, 204, 206, 207, 214, 223—227, 229, 245, 246, 255, 261, 262, 265, 267, 268—271, 277, 294, 301, 306—313, 315, 316, 317, 335, 336, 344.
Узген (-ская волость) — 89, 192, 193, 321.
Узун-Агач — 167.
Уйлук — 189.
Улуг-Коргон (Узун-Ахмат) — 67, 96, 97, 117, 142, 149, 150, 338.
Ура-Тюбе — 44, 45, 60, 74, 94, 95, 160, 233, 234, 244, 257, 287, 321, 336, 341.
Уфа — 26, 27.
Уч-Курган — 142, 286, 315.

Ф

Фергана — 8, 26, 36, 57, 66, 69, 70, 71, 72, 77, 78, 79, 88—91, 93, 94, 96, 100, 103, 104, 116, 134, 142, 148, 157, 160, 183, 190, 211, 214, 220—224, 228, 230, 235, 237, 253, 267, 270, 274, 290, 305, 307, 308, 310, 314, 315, 322, 323, 325, 328, 331, 336, 337, 339.
Ферганская область — 43, 49, 222, 227, 238, 276, 283, 336, 338, 341, 344, 345.
Фрунзе — 4, 42, 140, 331—341, 346.

Х

Хайдаркан — 233.
Хан-Абад — 200, 224, 270, 271.
Хива — 74, 94, 332, 338.
Ходжа-Бакирган-сай — 94.
Ходжент — 17, 69—71, 90, 94, 201, 235, 314, 321.
Ходжентский вилайет (уезд) — 111, 312.
Хотан — 76, 104.

Ц

Цейлон — 330.
Центральная Азия — 71, 77, 328, 333, 336, 340.
Центральный Тянь-Шань — 66, 67, 104, 110, 116, 128, 140, 142.
151, 209, 285, 303, 304, 306, 321.
Цинская империя (Китай) — 3, 32, 38, 63, 78, 81, 83, 84, 88, 90, 92, 93, 98, 106, 333, 336.

Ч

Чакмак-Таша — 185.
Чалак-Уда — 185.
Чалдовар (укрепление) — 141, 142.
Чартак — 142.
Чаткал — 66, 142, 153, 164, 231, 296, 311, 321.
Чаткальские горы — 99, 103, 183.
Чаты (Шаты) — 93.
Чжунгария — 62, 94, 213, 332.
Чин-Абад — 201.
Чинаш — 153.
Чимкент — 58, 104, 223, 284, 303, 341.
Чимионское бекство — 260.
Чирчик — 93, 99.
Чичкан — 149, 252.
Чон-Алай (-ская долина) — 145, 147, 149, 215.
Чон-Коргон — 155.
Чу — 50, 69, 102, 103, 128, 138, 139, 141, 143, 169, 184, 215, 223, 296.
Чуйская долина — 47, 48, 57, 91, 104, 116, 118, 126, 128, 139, 140, 141, 145, 167, 228, 230, 235, 261, 291, 294, 300, 321.
Чулак-Курган — 138.

Ш

Шахрисябский вилайет — 53, 286.
Шиш-Тюбе — 142, 153.
Шор-Булак — 233.
Шэньси — 87.

Я

Якутия — 176, 332.
Янги-Курган — 142, 284.
Яркенд — 76, 77, 104.
Яссы — 192.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Адат — 135, 136, 175, 177, 310.
Адыгине (род) — 24, 43, 47, 89, 115, 249, 297, 299, 311.
Аил — 63, 64, 111, 133, 220, 236, 250, 252, 261, 262, 273, 292, 305, 311, 327, 331.
Аксакал — 63, 136, 192, 214, 250, 262, 269, 276.
Акын — 25.
Аманат — 92, 119, 120, 137, 152, 163.
Амин — 111, 191, 269, 270, 276.
Амлакдар — 268.
Арвин — 185.
Аталык — 110.
Афтобачи — 189.

Б

Баарин — 127.
Багыш — 21, 73, 223, 234, 311.
Бай — 33, 229, 243, 262, 272—274, 277, 301, 302, 320.
Бай-манапы (-ство) — 6, 25, 26, 220, 253, 321.
Барымта — 73, 91, 134, 239, 248, 249, 303.
Басыз — 115, 311.
Батман — 225.
Батыр — 201, 246, 249, 269.
Башкай — 261.
Бек — 74, 82, 91, 92, 95, 99, 109—111, 113, 116, 118, 119, 121, 125, 126, 127, 129, 135, 137, 184—186, 192, 214, 243, 244, 247, 248, 250, 259—261, 263, 266, 267, 298, 302, 307.
Беклербеги (беклярбек) — 110, 118.
Бекство — 69, 75, 110, 112, 173.
Бий — 33, 43, 51, 56, 57, 77, 81, 83, 88, 89, 92—95, 100—103, 115, 122, 125, 127, 129, 130, 132—134, 136, 137, 160, 162, 170, 186, 188, 201, 229, 243, 244, 246—249, 262, 263, 269, 272, 288, 302, 311, 320, 321, 324.
Богдыхан — 78, 85.
Бостон — 115, 202.
Бугу — 65, 104, 105, 119, 134, 163, 217, 248, 294, 302.
Букара — 115, 239, 250, 261, 301.
Букара-манап — 246, 247.
Бурукчи — 117.
Бурут (киргиз) — 72, 73, 80, 87, 94, 213.

В

Вакф (-вакып) — 44—46, 53, 199, 200, 201, 203, 205, 268, 270, 271, 274—276, 324.
Васика — 44, 45, 52, 187, 193, 195, 197.
Визирь — 48.
Вилайет — 72, 108—112, 122, 135, 173, 197, 264, 280.

Г

Ганчи, ганчибаши — 340.

Д

Дадха — 110, 112, 116, 117, 125, 129, 160, 168, 172, 244, 261, 269, 297, 307.
Дефтер (дафтар) — 44, 48, 228, 260, 262, 267, 268.
Дехкане — 33, 244, 245, 256, 314.
Джайлоо — 67, 323.
Джигит — 148, 263, 305.
Джугара — 72—74, 76, 80, 152, 242.
Джуфт — 188, 189, 193.
Дивана — 281.
Дирхем — 270, 289.
Доолос — 115.
Достарханчи — 165.
Дувана — 133, 134.
Дунгане — 82, 86.
Дулаты — 263.

Е

Ереже (эреже, иредже) — 56, 134.

З

Замини джамоат — 274.
Зиндан — 144.
Зякет — 102, 117, 118, 120, 121, 127, 129, 250, 259, 260—263, 267, 268, 289, 294—296, 305.
Зякетчи — 153, 258, 285, 312.

И

Игенчи — 273.
Илатие — 265.
Имам — 202.
Иноят-наме — 44.
Ислам — 182, 204, 269.
Ичкилик — 89, 237.
Ишан — 197, 201, 204.

К

Кабила — 77.
Казахи — 14, 29, 37, 38, 44, 51, 52, 64, 70, 78, 82, 84—86, 88, 92, 93, 97, 99—101, 103, 105, 107, 128, 139, 157, 160, 163, 175, 176, 215, 220, 221, 251, 252, 254, 265, 283, 284, 285, 288, 294—296, 298, 299, 304, 319, 321, 334, 340, 347.
Казий — 54, 133, 135, 136, 193, 204, 245, 269, 270, 346.
Калмак — 77, 78.
Калмык — 73, 221.
Калым — 255, 277.
Канглы — 115.
Кап (мешок) — 261.
Карабагыш — 115, 169, 200, 224, 311.
Каракалпак — 70, 118.
Кара-киргиз — 51, 56, 124, 131, 148, 154, 183, 190, 219, 247, 302, 331, 333, 339.
Караида — 253.
Кашгарцы — 47, 290.
Киргиз-кыпчак (-ские) — 88, 157, 168, 169, 204, 295.
Китайцы — 24, 62, 78, 85, 92, 99, 105, 107, 140, 148.

Кишлак — 63, 111, 191, 192, 204, 208, 224, 262, 268, 288, 311, 314.
Крепость (кала-коргон) — 92, 96, 97, 112, 113, 137, 138, 140—156, 298, 303, 337.
Кокандцы — 24, 37, 47, 53, 54, 74, 75, 93, 95, 97, 117, 120, 225, 229, 290, 295, 301, 305, 339.
Корук (курук) — 36, 66, 67, 97, 155, 186, 205, 277, 324, 326, 337, 340.
Кош — 72, 189, 207, 208, 339.
Кошун — 286.
Кошчи — 252, 253.
Кун — 277.
Курама — 160.
Курганчи — 224.
Курултай — 128.
Кутлук-сейит — 73, 97, 184.
Кушбеги — 105, 109—112, 118, 140, 162, 165.
Кушчи — 74, 75, 115.
Кыдык — 101.
Кыдырша — 237.
Кыпчак (-и) — 21, 26, 46, 49, 58, 76, 115, 156, 157, 160, 162, 163, 165, 166, 168—171, 192, 205, 280, 286, 288, 290—292, 314, 319.
Кырк-огул — 159.
Кыштак — 221.

Л

Лашкар — 97.

М

Малай — 252.
Манап (-ы) — 5, 27, 33, 34, 48, 64, 93, 102, 103, 115—119, 121, 122, 124, 125, 127, 130—134, 136, 137, 155, 163, 169, 186, 190, 215, 218, 225, 230, 239, 243—249, 253—255, 261—263, 272, 273, 290—294, 298, 299, 301—303, 306, 319, 322, 324, 325.
Манапство — 129, 130, 246, 325, 331.
Маньчжуры — 82.
Мауза — 195, 198.
Махалля — 205.
Махр — 204.
Мильк — 34, 44, 45, 52, 185, 189, 190, 193, 196—198, 204, 274, 275, 276.
Минбаши — 104, 105, 109, 110, 132, 159, 160, 165, 171.
Минг — 69, 157, 171.
Мирза — 61, 168.
Моголы — 224.
Молдо — 55.
Монголдор — 89.
Монгуш — 115, 172.
Муаззин — 197, 202.
Мубарак-наме — 44.
Мундуз — 194—196, 311.
Мункуш — 43.
Мутавалий — 4, 268.
Муфтий — 136, 201.

Н

Найман — 76, 224, 265.
Нарх — 273.

П

Пансадбаши — 114, 194, 195, 307, 308.
Пансад — 116, 117.
Парваначи — 127, 244, 261, 289.
Патта — 44, 152.
Пул — 241.

Р

Рисоль (трактат) — 55.
Рысалчий — 165.

С

Саан — 251, 272.
Сагира — 43.
Санат — 25.
Санад (записка) — 152.
Санжыра — 63.
Сарбазы — 114, 285, 307.
Саркар — 152, 192, 201, 259, 269, 270.
Сарыбагыш — 65, 91, 93, 97, 101—104, 115, 118, 134, 154, 163, 225, 247, 284, 291.
Сарт — 141, 206, 262, 341.
Сарт-калмак — 79.
Саруу — 115.
Сахибкаран — 71.
Саяк — 101, 104, 105, 115, 118, 131, 154, 163, 245.
Серкерство — 111.
Сипаи — 114.
Сипах-Сандар — 76, 271.
Солто — 115, 118, 121, 163, 245, 261, 291, 294, 301.
Союш — 220.
Султан — 124, 195.
Султы — 163.

Т

Таджики — 14, 34, 37, 136, 210, 220, 244, 279, 313, 318, 319, 323.
Танап — 259, 270.
Танга — 135, 195, 206, 242.
Танхо — 191.
Тамга — 218, 331.
Тартук, тартуу — 112, 267.
Татарин, татары — 17, 343.
Тейит — 115, 224, 265.
Теленгуты — 124.
Тилла — 171, 193—196, 198, 242, 263, 267, 268, 276.
Тогай — 115, 261.
Той — 128, 273.
Токсоба — 113.
Топ (съезд) — 132.
Туркмены — 334, 336.
Туура-су (корук) — 337.
Тынымсеиты — 305.
Тюрок — 206.

У

Узбеки — 5, 14, 21, 34, 37, 43, 57, 71, 72, 86, 88, 97, 105, 124, 136, 144, 157, 158, 165, 177, 210, 216, 220, 221, 224, 239, 244, 260, 279, 286, 312, 313, 318, 319, 323, 328, 329.
Уйгуры — 81, 82, 85, 86, 88, 104, 107, 171, 265, 290.
Улемы — 269, 270.
Улуг-хатын — 192.
Уртак — 253.
Уста — 236.
Усуни — 22, 343.

Ф

Фирман (ханский приказ) — 44, 244.
Фукара — 185, 280.

Х

Хакан — 195.
Хаким-бек — 140, 267.
Хаким — 97, 104, 110, 112, 116, 154, 159, 173, 187, 269, 270, 285, 295, 333, 335.
Ханака — 204.
Херадж — 114, 259, 260, 270, 271, 289.
Хасс — 274.
Хашар — 277.
Ходжа — 59, 76, 77, 89, 269, 322.
Хукм-наме — 44.

Ц

Цин (-ы) (династия) — 72, 80—82, 84, 86, 89, 105.

Ч

Чайрикер — 253.
Чарьяк (пуд) — 152, 231, 242, 308.
Чек (чак) — 208, 242.
Черик — 105, 119, 120, 131.
Чон-багыш (пл.) — 76, 115.

Ш

Шерик — 253.
Ширдак — 237.

Э

Эмир — 75, 94, 95, 158, 168, 173, 298.
Эшик-агаси — 112, 113, 185, 186.

Ю

Юваш — 172.
Юз — 69, 105, 257 .
Юзбаши (юзбеги) — 112, 296, 307.

Я

Ярлык (грамота) — 44, 110, 112, 113, 121, 126, 127, 160, 183, 184, 333, 335, 337.
Ярлу — 289.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России.
АИЭ АН СССР — Архив Института этнографии АН СССР.
АО — Археологические открытия.
[Б. м.] — Без места (издания).
ВУА — Военно-ученый архив.
ГАОмО — Государственный архив Омской области.
ГАОрО — Государственный архив Оренбургской области.
ГАОшО — Государственный архив Ошской области.
ГО СССР — Географическое общество СССР.
ЗВГО — «Записки Всесоюзного географического общества».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества».
ЗИВ АН — «Записки Института востоковедения».
ЗЗСОРГО — «Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества».
ИВ — Институт востоковедения.
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
К — Коробка (хранения архивного дела).
ЛО ИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения.
МИКК — «Материалы по истории киргизов и Киргизии».
НБООМ — Научная библиотека Омского областного музея.
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане».
ООН — Отделение общественных наук.
ПВ — «Проблемы востоковедения».
ПЗСТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии».
РГО — Русское географическое общество.
РОГПБ — Рукописный отдел государственной публичной библиотеки.
Св.— Связка.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского Археологического общества.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ф. и.— фонд исторический.
ЦГА — Центральный государственный архив.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ . 16
   1. Историография 16
   2. Источники 41

2. КИРГИЗИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА 69
   1. Взаимоотношения киргизов с соседями в середине XVIII в. 69
   2. Борьба против цинской агрессии 78
   3. Подчинение Кокандским ханством южных районов Киргизии 88
   4. Завоевание северной Киргизии 98

3. КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА . 108
   1. Территориально-административное подчинение . . . 108
   2. Местное управление 122
   3. Кокандские крепости — оплот ханско-феодального гнета 137
   4. Роль киргизской знати в политической жизни ханства . . 156

4. ЭКСПЛУАТАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИРГИЗОВ 175
   1. Аграрные отношения 175
   2. Взаимовлияние хозяйства узбекского, таджикского и киргизского населения 209
   3. Социальная структура киргизского общества 242
   4. Налоговая система и другие формы эксплуатации . . . 256

5. БОРЬБА КИРГИЗСКОГО НАРОДА ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ . 279
   1. Восстания первой половины XIX в. и добровольное вхождение северной Киргизии в состав России 280
   2. Народная война 70-х годов и присоединение южной Киргизии к России 304

Заключение 321

Использованная литература и источники 330
Указатель имен 348
Географический указатель 356
Терминологический и этнический указатель 362
Список принятых сокращений 367

Владимир Михайлович Плоских

КИРГИЗЫ И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Редактор издательства *В. Л. Винник*
Технический редактор *Э. К. Гаврина*
Обложка художника *В. Ф. Роека*

Сдано в набор 6/I 1977 г. Подписано в печать 10/XI 1977 г. Формат бумаги 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Объем 23,0 п. л.+вкл. 1,5 п. л., 22,8 уч.-изд. л.+вкл. 0,9 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Цена 3 руб. 90 коп. Заказ 23. Д — 01341.

Издательство Академии наук Киргизской ССР
г. Фрунзе, Ленинский проспект, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144